

The background of the cover is a dynamic illustration of a battle scene. In the foreground, a large, heavily armored Chaos Space Marine, likely a Terminator, is shown in a powerful, forward-leaning pose. He is equipped with a large, multi-barreled weapon. To his right, another Chaos Marine is visible, also in armor, holding a weapon. The background is a fiery, apocalyptic landscape with a city or fortress under attack, with bright orange and yellow flames and smoke. The overall tone is dark and intense, characteristic of the Warhammer 40,000 universe.

WARHAMMER

40,000

STORM OF IRON

The must read Chaos novel from Ultramarines author:

GRAHAM MCNEILL

Annotation

Любое воспроизведение или онлайн-публикация отдельных статей или всего содержимого без указания авторства перевода, ссылки на [Games Workshop](#) запрещено. Права [Games Workshop](#) должны рассматриваться и быть упомянуты как действительного автора содержимого.

© 2009-2010

Any reproduction or on-line publication of individual articles or entire document without the indication of the authorship of translation and reference to the [Games Workshop](#) is forbidden. The rights of [Games Workshop](#) must be considered and referred to as the original authors of the information.

© Copyright Games Workshop Limited 2009. [Games Workshop](#), BL Publishing, [Black Library](#), Warhammer, Warhammer 40,000, Warhammer Historical, the foregoing marks' respective logos and all associated marks, logos, places, names, creatures, races

and race insignia/devices/logos/symbols, vehicles, locations, weapons, units, characters, products, illustrations and images from the Warhammer world and Warhammer 40,000 universe are either ®, TM and/or © Games Workshop Ltd 2000-2010, variably registered in the UK and other countries around the world. Used without permission. No challenge to status is intended.

- [ЖЕЛЕЗНЫЙ ШТОРМ](#)
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ПЛАЦДАРТ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [ПЕРВАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [ТОР КРИСТО](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
- [ВТОРАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
- [ТРЕТЬЯ ПАРАЛЛЕЛЬ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
- [ЖЕЛЕЗНЫЙ ШТОРТ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
- [ЭПИЛОГ](#)

- notes

- 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
-

ЖЕЛЕЗНЫЙ ШТОРТ

Грэм Макнилл

Русская версия:

Перевод: Hades Wench,

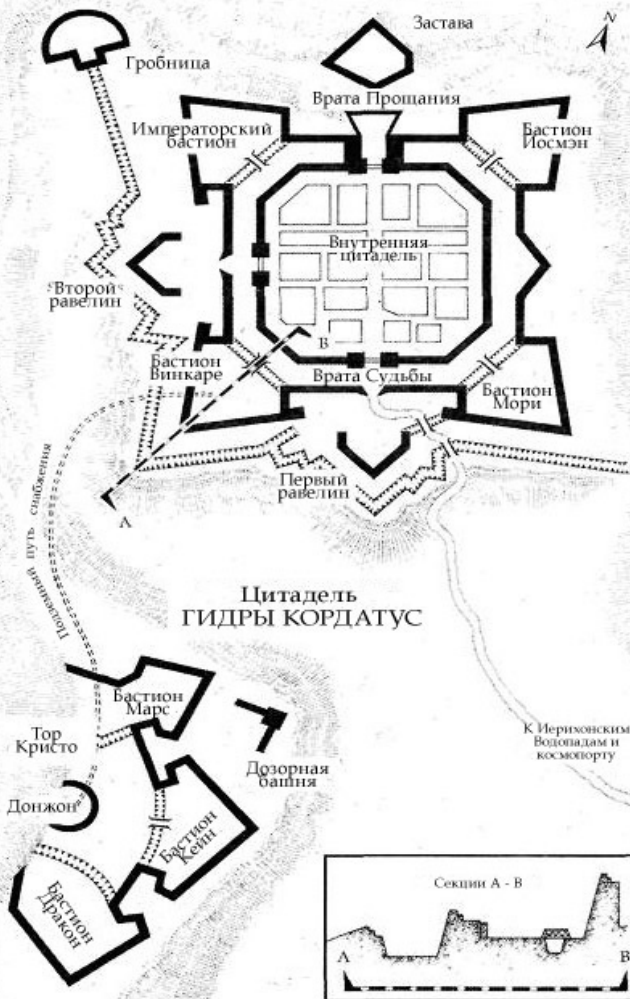
кроме:

Главы 2 и 4 --- перевод:

Радослав

Автор FB2: Trevena

ПРОЛОГ

Посвящается всем
зваргейцам Хоукам этого
мира: если вам дается второй
шанс, не упустите его.

Электросвечи в помещении
астронастов светились тускло, но
выжженные глазницы находившихся в зале
людей позволяли им не замечать внешних
неудобств. Аромат священных благовоний
наполнял воздух, а единственными звуками
были тихий гул машин и скрип стульев в
руках множества сервиторов-писцов.

Сервиторы, расположенные напротив
друг друга в два ряда, склонились над
сучковатыми аналогами, их испачканные
чернилами, покрытые мозолями пальцы
скользили по пергаменту, фиксируя
информацию, поступающую в остатки
мозга. Позади каждого из них стояла
блестящая медная капсула, похожая на
металлический гроб. Золотые провода
тянулись от покрытой инеем поверхности

каждой из капсул, с боков же свисали
ребристые кабели, паутиной
протянувшиеся по краям комнаты.

Сгорбленная фигура, закутанная в
красные с золотым шитьем одеяния
Agentus Механикус, медленно двигалась
по вытощенному камню нефу вглубь
комнаты, время от времени
останавливаясь, чтобы просмотреть
аккуратные записи каждого сервитора.
Лицо агента было погружено в тень, и под
капюшоном из плотной ткани угадывалось
лишь мерцание бронзы. Он остановился у
самого дальнего сервитора и взгляделся в
лишенное выражения лицо хирургически
созданного раба, рука-перо которого
заполняла страницу потоком четких,
угловатых знаков.

Он обошел сервитора и встал у
золотого похожего на гроб прибора у того
за спиной. Скрученный пучок тонких
проводов спускался с вершины гроба к ряду
входящих разъемов, просверленных в
затылке сервитора.

Agent провёл затянутой в черную
перчатку рукой по блестящей поверхности

золотого гроба и взгляделся в то, что находилось за мутной стеклянной панелью. Внутри лежала молодая женщина-астронавт, ее истощенное тело было подключено к прозрачным шлангам, снабжавшим ее питательными веществами и химическими стимуляторами и выводившим отходы жизнедеятельности. Как и сервиторы-писцы, она была лишена глаз, а ее губы беззвучно шевелились. Полученное ею с другого конца галактики теленатическое послание через психически изолированные кабели передавалось записывающему сервитору, чтобы его механические пальцы пригнали сообщению материальную форму, записывая его на освященном пергаменте.

Agent извлек из глубин своего одеяния фиал с янтарной жидкостью, протиснулся мимо устройства, державшего девушку в плену, и встал на колени рядом с переплетением пульсирующих кабелей, выходящих из задней панели. Он перебрал несколько трубок, пока не нашел нужную, затем отсоединил шланг питания от капсулы и

вскрыл флакон, постаравшись, чтобы ни капли жидкости, содержащейся внутри, не попало на него.

Подняв конец отсоединенной трубки, Механикус позволил части наплавившегося густого вещества вытечь на пол, после чего аккуратно влил содержимое флакона в шланг и, подождав, пока субстанция впитается в бесцветное желе внутри, присоединил трубку обратно к капсуле. Довольный сделанным, он поднялся и вернулся в неф, в то время как янтарная жидкость начала свой путь по залу, перемещаясь по питающим трубкам от одной капсулы к другой.

Agent быстрым шагом направился к выходу но, уже открыв дверь, остановился и прислушался. Один за другим стилисты писцов останавливались, и лицо под капюшоном улыбнулось наступающей тишине.

Глава 1

«Пусть Император отправит душу майора Тедески в варн», — с горечью подумал гвардеец Хоук, придвигаясь к плазменно-волновому генератору — единственному источнику тепла в тесном помещении следящей станции. Он испытывал немалое удовольствие, представляя, как выпускает лазерный заряд прямо в затылок командиру своего батальона, пока тот бродит по засыпанным перлом эспланадам Тор Кристо.

Один проступок! Всего один мелкий проступок, и майор, выгнав их с теплого насиженного местечка в Тор Кристо, где не беспокоили придирчивые офицеры, перевел их в эту дыру.

Хоук без всякого интереса взглянул на сенсорный экран, со скукой отметив, что снаружи — вот чудеса! — ничего не происходило.

Как будто кому-то в здравом уме могло прийти в голову попытаться

атаковать Гигру Коргатус. Все, что здесь было, это единственная осыпающаяся цитадель, торчащая на проклятой пыльной скале, безрадостная, как сердце убийцы, и не представлявшая ценности для кого бы то ни было — и в первую очередь для гвардейца Хоука.

Люди не приезжали на Гигру Коргатус добровольно: их закидывала сюда жестокая судьба.

Он сидел в холодном тесном помещении одной из шестнадцати горных станций слежения, расположенных вокруг Церихонских Водонагов, костического порта, служившего единственной связью этого захолустья с внешним миром. Приборы на станциях постоянно прочесывали местность в поисках гипотетических врагов, хотя вряд ли они когда-нибудь появятся, даже прознай они о цитадели.

Как было известно каждому, назначение на такую станцию было сущим кошмаром. Отопление едва работало, оглушительный вой пронизывающего ветра, что метался между высокими

вершинами, сводил с ума, заниматься было решительно нечем, и одна только скука могла ввергнуть в отчаяние даже самого волевого человека. Единственной обязанностью наблюдателя было следить за приборами и отмечать случайный зубец на монотонных показаниях дисплея.

Хоук еще раз потянул нехорошим словом свое невезение и вернулся к оригинальным и изобретательным фантазиям насчет того, как наилучшим образом снести голову Тедески.

Само собой, что на дежурство они явились с изрядного похмелья. Ну, на самолете они были, скорее всего, все время пьяны, но чем еще прикажете заняться на этой забытой Императором скале? Что-то им в последнее время не поручали никаких важных сверхсекретных миссий. Им просто выпало раннее дежурство перед стеной караула. Во имя Трона, они и раньше являлись на дежурство в подпитии, и никаких проблем не было!

Им просто не повезло, что в то утро Тедески объявил учебную тревогу и их застывали спящими сном младенца на

стенах Кристо. Да уж, невезение, но хорошо еще, что их не поймал кастелян Вобан.

Они получили взбучку от майора Тедески и в результате оказались здесь, в этой затерянной в горах бочке из рокрита, чтобы высматривать врагов, которые никогда не появятся.

Сейчас внутри он остался один, а два его собрата по несчастью были снаружи, среди засыпанных пылью скал, в нескольких сотнях метров от станции. Разочаровавшись в обогревателе, Хоук встал, потопал ногами и похлопал себя руками, безнадежно пытаясь согреться, затем подошел к рокритовой стене небольшого бункера. Он выглянул в одну из смотровых амбразур — стихотворное название — частично перекрытую похожей на обрубок рукоятью штурмовой пушки, и попытался определить, где находятся эти жертвы гнева Тедески.

Спустя несколько минут он с отвращением бросил это занятие. Все равно ни черта не видно в этих пылевых вихрях. Ум очень повезет, если они хоть

что-нибудь найдут в этом сером суге. Все началось с одного крошечного зубца на дисплее, после чего им пришлось тянуть соломинку, чтобы выяснить, кто будут те двое везунчиков, которым предстоит выйти наружу на разведку.

С помощью Императора Хоук удалось стухлевать, и он остался сидеть в скудном тепле бункера. Двое других отсутствовали уже около получаса, и он подумал, что пора бы проверить, как там у них дела. Хоук покрутил настройки на вокс-панели.

--- Хитч, Чаредо? Нашли что-нибудь?

Он передвинул переключатель в положение «прием» и стал ждать ответа.

Белый шум статики вырвался из потрепанных динамиков вокса и наполнил станцию призрачным, бессмысленным звуком. Пристально глядя сквозь амбразуры и поглаживая предохранитель штурмовой пушки, Хоук опять передвинул переключатель.

--- Эй, вы, двое! Если все в порядке, то ответьте. Прием!

Опять послышался шум статики, и

Хоук торопливо снял пушку с предохранителя. Он уже был готов вновь повторить свой вызов, когда вокс с хрипотой ожил, заставив гвардейца расстяться с облегчением.

— Издеваешься, Хоук? Здесь ни хрена нет, кроме нас! — сказал голос, который, несмотря на завывание ветра, явно принадлежал гвардейцу Хитчу. Помехи усилились, и Хоук подкрутил настройки, довольный тем, что услышал, наконец, знакомый голос.

— Да, я так и понял, — ответил он и расстлся. — Спорю, погано там, снаружи!

— Чтоб тебя разорвало, старик! — ругнулся Хитч. — Мы тут задницы отморозили, так что кончай ёрничать.

Хоук хихикнул, услышав, как Хитч продолжает ругаться.

— Здесь ничего нет. Должно быть, ошибка оборудования или что-то вроде. Мы прямо на том самом месте, и вокруг на многие километры нет ничего живого.

— Ты уверен, что место точно то самое? — поинтересовался Хоук.

— Конечно, я, черт тебя побери,

уверен! — крикнул Хитч. — К твоему сведению, я умею читать карту. Не все же такие тупицы, как ты.

— Не сильно на это рассчитывай, мальыш Хитчи, — сказал Хоук, наслаждаясь негодованием своего товарища.

— Здесь ничего нет, — повторил, ругнувшись, Хитч. — Мы возвращается.

— Ладно, увидится.

— Приготовь нам рекаф, хорошо? У тебя позаботься, что бы он был горячее, чем аг.

— Непременно, — заверил Хоук, выключая вокс.

Он уже допил остатки рекафа и теперь приложился к серебряной фляжке с атасеком, которую носил на поясе. Он поставил напиток, чувствуя, как алкоголь — единственный источник гарантированного тепла в этой дыре — распространяется по телу, а затем спрятал фляжку в карман, не желая делиться с Хитчем и Чарего, которые могли вернуться в любую минуту.

Вокруг следящей станции продолжал реветь шторм, и Хоук опять принялся

расхаживать в попытке согреться, чувствуя, как с каждым шагом его паршивое настроение становится еще хуже. Он только что завершил очередной сеанс связи с командным постом в костюпорте, и самодовольный лакей-связист сообщил, что стенички на час задержатся. Пепельная буря опять вывела из строя двигатели орнитоптера, а потому им придется сидеть здесь еще. Император знает сколько.

Ну просто одно за другим!

Пора бы уже ему и привыкнуть. Из своих двадцати пяти лет десять он провел в Имперской Гвардии. Когда его выбрали из горстки лучших солдат СНО на Джурани III для службы в 383-ем Драгунском Джурана, Хоук с нетерпением представлял себе все те новые миры и их неведомых обитателей, которые ему предстояло увидеть. Впереди была жизнь, полная приключений.

Но нет, он застрял на этой проклятой скалистой планете, где и провел большую часть последующих десяти лет, заработав только выговоры и

порицания в свой послужной список. Здесь была только цитадель, а внутри нее, насколько ему было известно, ничего, за что стоило бы драться. Он не имел ни малейшего представления о причинах, оправдывающих пребывание в цитадели двадцати тысяч солдат Императора, половины легиона боевых титанов и бесчисленных артиллерийских батарей.

Привыкнув к скучной жизни в СНО, Хоук словно проснулся от сначки, вступив в гвардейский полк. Постоянная муштра, учения по боевой подготовке и тактике, все это вбивали в него так, словно завтра должен был настать конец света. И ради чего?

За десять лет ему так и не удалось пострелять в настоящем бою.

Но правде говоря, Хоук было скучно. Он всегда был задирой, всегда искал неприятностей, чтобы показать, на что способен. Он взял ружье и вскинул его на плечо, представив, что в прицеле появился неведомый инопланетный захватчик.

--- Ба-бах, ты трүн, --- прошептал он, быстро развернувшись и выпуская еще

несколько выстрелов по воображаемым врагам.

Вот настоящее везение. Хоук устехнулся про себя и опустил ружье, выиграв битву.

Да уж, подумалось ему.

Охотник, собиравшийся убить гвардейцев Хитча и Чарего, в течение последнего часа скрытно продвигался к следующей станции, а благодаря усиленному зрению ночь для него была также светла, как день.

Его звали Хонсю, и за истекший час он прополз, сантиметр за сантиметром, двести метров до станции, прислушиваясь к авточувствам своего шлема, которые предупреждали его о сканирующей системе слежения в бронированном бункере. Каждый раз, когда раздавался хриплый сигнал в наушнике, он затырал, выжидая, пока дүхи древних машин прочесывали местность в поисках неприятеля.

Он не мог видеть остальных членов своей группы, но знал, что они также медленно приближаются к станции. Две из их целей покинули бункер. Вышли на

поиски? Был ли это обычный патрульный обход, или кто-то в бункере заметил подозрительные показания какого-нибудь датчика? На минуту он задумался, успели ли оставшийся внутри солдат сообщить о происшествии.

Скорее всего, нет, решил он, наблюдая, как два идиота вслепую пробираются сквозь пыльную бурю. Они прошли меньше, чем в метре от его укрытия, направляясь к предполагаемому месту источника сигнала и топоча так, что спугнули бы целое стадо гроксов.

Хорошо бы, если бы и третий солдат на станции оказался таким же жалким, как и эти двое. Хонсю ждал, наблюдая, как парочка потратила не менее получаса на бесцельное блуждание вокруг, прежде чем прийти к выводу, что охота не удалась и пора возвращаться назад.

Спотыкаясь, они убрели прочь, и Хонсю опять поразился тому, как Империям выстоял последние десять тысяч лет, если его защищали такие солдаты. Если бы все войска Лже-Императора были такими же.

Не торопясь, он последовал за нити, двигаясь ползком быстрее, чем солдаты шагали, пока практически не поравнялся с нити. Теперь он был менее чем в семи метрах от единственной двери с торца бункера.

Увидев оцетинившуюся короткими стволами штурмовую пушку, он вздрогнул и глубоко вздохнул.

Терпение. Нужно выждать, пока гвардейцы введут ког и отонрут дверь.

Но-прежнему распластавшись, он вытащил болт-пистолет из кобуры, пристегнул обойму и снял его с предохранителя. Рев бури поглотил все звуки. Он взвел курок и стал ждать.

Обе его цели вошли на защищенную площадку перед дверью, и тот из гвардейцев, что был повыше, начал набирать ког входа на затке. Хонсю прицелился в ближайшего к нему солдата, наведя перекрестье прицела точно на незащищенное место между шлемом и пуленепробиваемым жилетом. Медленно выдохнул и, успокаиваясь, приготовился к выстрелу.

Окружающий мир для него перестал существовать. Не было ничего, кроме выстрела.

Код был практически введен. Палец Хонсю крепче сжал рукоять. Его зрение сузилось до туннеля, по которому должен был проследовать выстрел.

Лицо Хоука недовольно скривилось, когда дверь бункера рывком начала открываться, выпуская наружу то незначительное тепло, что еще оставалось на станции. И почему строители не предусмотрели двойную дверь? Не только ради безопасности, но и чтобы поддерживать внутри приемлемую температуру.

Он тельком взглянул на экран внешнего обзора и, пока дверь медленно отодвигалась в сторону, перепроверил картинку, теперь уже внимательнее, пользуясь тем, что ветер стих и поднятая в воздух пыль осела. Позади Чаредо виднелась огромная фигура в доспехах и с поднятым пистолетом.

Не задумываясь, Хоук прыгнул к рычагу экстренного запирания двери и

дернул его вниз.

Рев ветра заглушил первый выстрел.

Но Хоук услышал второй, равно как и последовавшие за ним два глухих удара. Он выругался, увидев, как Хитч и Чарего падают на землю, а их лица превращаются в кровавое месиво.

Он схватился за рукоятки пушки и с яростью нажал на спусковой крючок, не заботясь о том, чтобы прицелиться и просто поливая огнем все, что было снаружи. Пушка оглушительно взревела, грохот падающих гильз заметался в тесном пространстве между серых стен.

Сверхзвуковые пули подняли настоящий смерч, взрывая фонтаны земли, и все пространство, оказавшееся под прицелом, превратилось в смертельную ловушку, где любой, оказавшийся в секторе перекрытия, был бы моментально разорван в клочья. Хоук орал, не переставая стрелять. Он не знал, удалось ли ему попасть в кого-нибудь; собственно, ему было на это наплевать.

--- Не на того напал! --- кричал он, чувствуя, как пыль летит в глаза и

забивает рот. Он в разгаражении сплюнул.
Пыль?..

Он быстро посмотрел на дверь. О
нет...

Тело Хитча лежало в проеме, не
позволяя двери полностью закрыться.

Хоук замер в нерешительности.
Пушка или дверь?

--- Будь ты проклят, Хитч! ---
выкрикнул он и спрыгнул с оружейной
площадки. Схватившись за обезглавленное
тело Хитча, потянул, затаскивая своего
бывшего соратника вовнутрь, прочь из
дверного проема.

В клубах пыли обрисовались контуры
угрожающей фигуры. Хоук повалился на
спину, когда пуля пробила ему плечо.

Хоук заорал и подхватил брошенное
Хитчем ружье, целясь в гигантского
призрака, загородившего собой вход.
Гвардеец выстрелил и растеялся, увидев,
что заряд попал в грудь монстра.
Массивный силуэт покачнулся, но устоял.
Хоук разрядил всю батарею оружия,
посылая выстрел за выстрелом в
пространство дверного проема. Снова

расхохотался, когда ему удалось, наконец, вытянуть тело Хитча вовнутрь и до упора вдавить вниз рычаг закрывания двери.

— Ха! Теперь попробуйте пролезть, сволочи! — он триумфально проорал в адрес закрывающейся двери.

Но прежде чем вход был полностью запечатан, что-то лязгнуло на полу, и Хоук подавился стехом, увидев, как две брошенные гранаты элегантно вращаются прямо у его ног.

— О нет... — прошептал он.

Он инстинктивно отбросил их пинком, и гранаты покатились, подпрыгивая по наклонному полу, в глубокую и узкую траншею, врезанную в пол бункера как раз на такой случай. Одна граната скрылась в зумпфе, но вторая отскочила от края и покатилась обратно.

Бросив все, Хоук нырнул в укрытие под панелью voxа.

Граната взорвалась.

Плата и осколки, ослепляющая вспышка и звон в ушах. Кровь, грохот, и бункер, ставший пылающим адом.

Гвардеец Хоук закричал, когда плата

и разлетающиеся осколки добрались до его тела. Силой взрыва его подняло в воздух и швырнуло на стену рядом с постом прослушивания. В глазах засверкали сполохи, подобные палящему солнцу, и боль поглотила все его существо. Ему хватило времени всего на один вскрик, прежде чем ударная волна выжала остатки воздуха из его легких, а затем его голова ударилась о стену, и боль ушла.

Когда осела пыль, Хонсю переступил через разбитый порог станции и осмотрел разоренные остатки бункера. На его груди, где выстрел гвардейца пробил доспех, виднелась свернувшаяся кровь, но эта была наименьшая из причин для беспокойства. Имперский прихвостень угрозился превратить тщательно спланированное нападение в кровавую бойню.

Двое из его отряда погибли, разнесенные на куски первым залпом итүрмовой пушки, которую, тем не менее, удалось угодонить парой гранат. Осколочные гранаты не отличались особой мощностью, но в замкнутом пространстве бункера их взрыв означал полное

разрушение.

Он пнул почерневший, еще дытящийся
трун гвардейца, срывая злость на мертвом
враге, затем пригнулся, прошел через
изрыгающий черный дым дверной проем и
наконец выпрямился в полный рост.
Доставая головой почти до крыши бункера,
Хонсю казался настоящим гигантом. Он
носил силовой доспех цвета вороненого
железа, чья поверхность покрылась
вмятинами и царапинами за три месяца
проведенные в суровом мире Тигры
Кордатус. Он стер пыль, толстым слоем
покрывавшую визор шлема, и включил
установленный на плече прожектор.
Мощный луч прорисовал полосу холодного
света на его броне, погрузив в тень
рельефный нагрудник и символ Железных
Воинов на правом наплечнике.

Пройдя по хрустящему под ногами
песку, он направил свой взор вниз по
горному склону, туда, где располагался
костопорт. Его очертания едва
угадывались в пылевых вихрях, но Хонсю
знал, что буря уже выдыхается. Им
придется поспешить.

Он потерял двоих, но по сравнению с достигнутым результатом это мало что значило. Выведя из строя две следящие станции, они создали слепой коридор, ведущий прямо к костюпорту, и в его распоряжении оставалось достаточно воинов, чтобы успешно завершить миссию.

Он вызвал остатки своего отряда по воксу:

--- Мы здесь закончили. Все группы к нам. Выбегается.

Глава 2

Космопорт у Церихонских Водонагов, сияющий маяк в непроглядной мгле пылевой бури, прилежался у подножия гор. Пылевые бури были в порядке вещей на Тигре Кордатус — просто очередная неприятная особенность планеты, которую нужно перетерпеть. Космопорт представлял собой типичный имперский комплекс построек и мог похвастаться тремя дюжинами зданий: от бронированных ангаров для «Мародеров» и «Молний», станций заправки и техобслуживания до казарм и ремонтных сараев. Взлетные полосы, окруженные по периметру трехметровой стеной, покрывали восемьдесят процентов территории и были готовы принять или запустить в воздух целую эскадрилью самолетов за какие-нибудь пять минут.

Космопорт мог обслуживать даже огромные транспортные шаттлы для перевозки боевых титанов, хотя вот уже много лет никакой корабль крупнее

«Громого Ястреба» не появлялся в его ангарах.

Командный пункт костогрома находился в месте, называемом солдатами «Надежда» из-за самой распространенной молитвы среди гвардейцев, что базировались на Гудре Коргатус и «надеялись» избежать службы в Церихонских Водонагах. «Надежда» — массивная бронированная башня с приплюснутой крышей, расположенная на северной границе взлетных полос — была окружена стеной из рокрита, усиленного адамантием, специально привезенным с верфей Калта. Воюющие ветры носились по всей территории, разнося жесткую пыль, что забивалась во все складки униформы, лезла в рот и под очки, ослепляя и заставляя кашлять.

Единственный вход в «Надежду», он же выход, был через адамантиевую дверь, которую запирали четыре гигантских поршня. Здесь, в казармах и бронированном ангаре, были расквартированы пять рот Джүранских драгун. Зеленые и красные огоньки мигали на многочисленных

посадочных площадках и полосах, мощные электрические дуги боролись с вихрями пыли, освещая внешний периметр базы, а патрульные машины, специально оснащенные для функционирования в условиях пылевых бурь, кружили вокруг базы и их фары с трудом пробивались сквозь мглу.

Внутри «Надежды» царил атмосфера подавленности, обычная для предрассветного времени -- впрочем, как и для любого другого. За час до смены персонал начал нервничать и терять терпение. Мягкое тиканье вычислительных механизмов и приглушенные разговоры внутри патрульных машин и среди солдат -- вот и все звуки.

Третий оператор, Ковал Перонус, потер усталые глаза и отхлебнул немного кофеина. Напиток был холодным, но подействовал все равно. Оператор снова потянулся к вокс-панели.

-- Наблюдательный пост Сигма JV, ответьте, -- произнес он, но услышал только шум статики. Он сверился с

часами. Прошло уже два часа с того момента, как Хоук вышел на связь. Он опаздывает. Уже в который раз.

--- Наблюдательный пост Сигма IV, ответь, Хоук. Я знаю, что ты там, так что возьми чертов вокс!

Раздраженный Ковал бросил трубку вокса и снова глотнул кофеина. Да чтобы он еще доверил этому чертову Хоуку даже гаечный ключ! Надо попробовать еще раз, и если опять не ответит, то придется сообщить начальству, и тогда, Хоук, держись!

Он вызвал опять. Ничего.

--- Ну, ладно, Хоук. Тебе же по заднице надают, если ты опять заснул на посту, --- пробормотал он и включил соединение с агентом.

--- Да, третий оператор? --- отозвался агент Цицерин.

--- Простите, что отвлекаю вас, агент, но у нас, возможно, возникла проблема. Один из сторожевых постов не доложил вовремя, и я не могу с ними связаться.

--- Хорошо, сейчас буду.

--- Да, агент, --- ответил Ковал, откидываясь на стуле в ожидании своего начальника.

В этот раз Хоук доигрался. Ему уже сделали выговор с занесением, в результате которого он теперь торчит в горах. Если это его очередная выходка, то карьера гвардейца для него окончена.

Агент Цицерин, пахнущий фикулатом и маслами, появился за спиной Ковала и склонился над панелью. Вокс-усилитель в трахее агента издавал раздраженные помехи.

--- Кто базируется на Сигме IV? --- спросил он.

--- Хоук, Чаредо и Хитч.

Вокс-усилитель агента издал треск, который Ковал принял за проявление расстройства; очевидно, дурная репутация Хоука стала известна даже жрецам Бога Машины.

--- Три раза пытался, агент. Но даже сигнала ожидания не добился.

--- Ну хорошо. Продолжайте попытки. Если через десять минут результата все еще не будет, пошлите патруль

орнитоптеров на разведку. Держите меня
в курсе.

— Да, агент.

На этот раз Хоуку конец.

Хонсю видел тусклое мерцание
костюмента впереди. Прыгающий свет фар
автомобиля парой шарящих лучей
пробирался сквозь мглу в их направлении.
Он припал на колени и поднял кулак. За
ним тридцать бронированных фигур с
болтерами наготове сделали то же самое.
Вряд ли лучи автомобиля могли
пробиться сквозь плотный пыльный воздух
на таком расстоянии, но рисковать
стыла не было.

Свет угасался, и Хонсю немного
расслабился. Имперские войска стали
беспечны из-за постоянной рутин. За
последние несколько месяцев он изучил
маршруты патрульных машин и засёк их
расписание. Однему варну известно,
сколько времени эти солдаты
базировались тут, но уж точно очень
долго. Естественно, что их бдительность
упала, и маршруты патрулей стали
предсказуемы. Это неизбежная цена за

долгую службу, и вскоре это их погубит.

Довольный тем, что патрульная машина ушла, Хонсю снова поднял кулак и резко раскрыл и сомкнул его несколько раз. Они были уже слишком близко к костюпорту, чтобы говорить по воксу. Позади слышались тихие шаги, и он, повернувшись, увидел подкрадывающуюся к нему фигуру в запыленном доспехе с желто-красными шевронами. Горан Делау, его заместитель, присел рядом с ним на одно колено и кивнул.

Силовая броня подошедшего была серьезно модифицирована и инкрустирована черепообразными заклепками и чеканными изображениями искаженных лиц, хитро вмонтированными в края наплечников. Подвывающая серворука, похожая на когтистую лапу, торчала из-за плеча Делау и, словно бы дыша, разевала и стыкала свою ребристую пасть.

Хонсю указал на небо, затем снова сомкнул кулак и ударил им по ладони. Делау кивнул и отодвинул грубую задвижку на своем массивном ранце.

настраивая медный диск на ее панели. Красная лампочка мигнула на безжизненном до того куске металла и, поморгав несколько секунд, осветила прибор мерным сиянием цвета крови.

Делая вознес руки к небесам, и его серворучка повторила это движение. Хонсю не слышал его, но знал, что сейчас его заместитель благодарит Темных Богов за то, что те дали им возможность снова нанести удар по древнему врагу. Хонсю увидел красный свет на приборе Горана и постарался отложить этот момент в памяти. Целеуказатели, что размещались вокруг костюпорта на этой мертвой скале в течение последних трех месяцев, сейчас были активированы и буквально вопили о своем местоположении. Это был самый опасный момент в их миссии. Имперцы в костюпорте сейчас поняли, что рядом находится враг.

Если Темные Боги оставили их, то вскоре они все погибнут. Хонсю пожал плечами, и сервомускулы доспеха издали воющий звук, попытавшись сымитировать его жест. Раз боги решили его судьбу, то

пусть так и будет. Он ничего не просил у них и ничего не ждал — лишь надеялся, что если уж погибнет на этом пустынном мире, то по воле богов, а не этого сумасбродного Кроагера.

Пронзительные вопли разразились в командном центре «Надежды» в тот момент, когда маркеры Хонсю закричали в небеса. Техники вынули прослушивающие аппараты из ушей, не в силах выдержать оглушающий вой сирен.

Агент Цицерин, поблуднев, уставился в монитор. Яркие точки пульсировали на карте. Каждая из них обозначала одну из торпедных установок или батарею НВО, и операторы спешно пытались связаться с их персоналом, чтобы узнать, что произошло.

Они передают какие-то координаты? Их атакуют? Что, во имя Императора, происходит?

Цицерин вернулся к монитору, положив руки на рифленые металлические приспособления в ручках кресла. Тонкие серебристые проволочные усики выскользнули из-под его ногтей, словно блестящие черви, и подсоединились к

медным разъемом. Агент вздохнул, и его органический глаз под бледным веком дернулся. Его поглотил поток информации, которая поступала по механогендритам из множества прослушивающих и прогнозирующих устройств вокруг костопорта.

Информация наполнила агента, его сознание принизало пространственные векторы и расстояния. Осязание достигло костоса, направляемое сигналами орбитальных авгуров. Данные переливались в нем, и его искусственный мозг сопоставлял и структурировал их. Но даже его механические чувства с трудом справлялись с мощным напором поступающих сводок.

Это все неспроста, здесь должно быть что-то... Логика подсказывала, что всему этому есть причина. Что-то пошло не так...

Вот северный сектор! Он сузил восприятие, отключив остальные области, и сосредоточился на этой аномалии. Там, где должны были быть всплески энергии, исходящие из горного сектора, зияла лишь

черная пустота. Смотровые станции северных склонов молчали, а их сканеры бездействовали. Он мгновенно увидел пустой коридор, через который враг мог подойти незамеченным прямо к периметру базы. Но почему этого никто не заметил? Почему местные операторы не доложили о столь непростительной лакуне в системе безопасности? Идентификатор той станции незамедлительно высветился — Сигма JV.

Он выругался, осознав, что аномалия была замечена, но оправдана тем, что станция не доложила вовремя из-за ошибки персонала, который был там в эту секунду. Он снова выругался, забыв о бесстрастности, когда еще больше сирены завизжали в комнате управления.

Вздрогнув, Цицерин открыл свой разум для еще одной порции данных, и его дыхание застряло в горле, когда он почувствовал присутствие десятков кораблей на орбите Гидры Кордатус. Непостижимо! Откуда все они взялись и почему их не засекли ранее? Ничто не могло незамеченным войти даже во

внешние границы системы... Вездь так?
Или это пример еще одной ошибки
персонала? Нет, вычислительные системы
забыли бы много дней назад, узнай они о
приближении флота таких размеров. Эти
корабли каким-то образом обманули самое
редкое и драгоценное оборудование,
доступное Агентству Механику.

Мимолетом он подумал о том, что
за технологию использовали эти корабли
и как она действует, но тут же потнул
головой, отбрасывая эту чернуху. У него
были дела поважнее. Защитников
цитадели необходимо предупредить о
скором вторжении. Он открыл
тнетоканал связи с Храмом Машин
архимагоса Амаэтона в цитадели и
послал предупредительный психосигнал.
Астронавты, размещенные там, уловят его
и переишлют более мощный сигнал о
помощи, в которой нуждалась Тигра
Кордату.

Когда он поспешно закрыл
тнетоканал и извлек механогендриты из
разъемов станции наблюдения, то увидел,
что «Надежда» стала образцом контроля

и эффективности. Системные операторы вызвали торпедные шахты, подтверждая коды запуска и разрешая стрельбу по скоплению кораблей на орбите. Время было бесценно, и им необходимо запустить торпеды немедленно.

Сигналы тревоги сейчас звенели по всем казармам пилотов, и вскоре в воздухе будет туча самолетов, готовых встретить любую приближающуюся опасность, а солдаты Джуранских драгун сейчас готовились отразить нападающих. Agent муштровал операторов постоянно, и теперь, когда все было по-настоящему, он был доволен, наблюдая спокойствие, проявляемое персоналом.

--- Agent Цицерин! --- закричал один из операторов орбитальных мониторов. --- У нас множественные сигналы, отходящие от нескольких объектов на орбите.

--- Опознать их! --- рявкнул Цицерин.

Оператор кивнул, склоняясь над пультом, его пальцы бегали по нумератору дисплея.

--- Слишком быстрые для десантных

кораблей. Похоже, это орбитальные заряды.

--- Определи их векторы! Давай, скорее же! --- прошипел Цицерин, опасаясь, что ответ ему уже известен.

Пальцы оператора танцевали по клавиатуре, и от быстро движущихся пятен протянулись зеленые линии, упираясь в изображение поверхности планеты. Вокс-усилитель Цицерина затрепал от внезапного ужаса, когда он увидел, что вектор каждой бомбы почти полностью совпадал с сигналами, исходящими от торпедных шахт.

--- Как?.. --- прошептал оператор, и его лицо стало серым.

Цицерин поднял глаза к бронированному стеклу окна «Надежды».

--- Там кто-то есть...

Почти тысяча человек погибли в первые же секунды бомбардировки, которой Железные Воины подвергли космопорт Церихонских Водонагов. Боевая баржа «Камнелом» исторгла три залпа магматических бомб на пустынные каменные склоны, окружающие

костюпорт, подняв на сотни метров в воздух куски скал, с идеальной точностью размазывая торпедные установки.

Завыли сигналы тревоги, и оружейные батареи костюпорта с грохотом развернулись на позицию стрельбы, в то время как их операторы отчаянно пытались определить цель, пока их самих не накрыло. Несколько насмешливо благословленных торпед взревели в оранжевом небе, поднимаясь на столбах огненного дыма, и мощные лазерные лучи пронзили вечно безоблачные небеса.

Снова упали бомбы, на этот раз внутрь периметра Церихонских Водонагов, разрушая здания, выдавливая огромные кратеры и поднимая в атмосферу колоссальные клубы коричневого дыма. Пламя от горящих построек осветило дым внутри и тела, лежащие в обломках разрушенного костюпорта. Пораженный самолет рухнул на землю, уничтожая стоящие на земле машины. Огонь пожара перекинулся на их орудия и топливные баки.

Огни бомбы влывались в рокит.

разбрасывая повсюду смертоносные осколки. Другие падали на взлетные полосы, растапливая их адатаний жаром звезд.

«Мародеры» и «Молнии» на открытых площадках пострадали от бомбардировки больше всех, их просто испарило силой взрывов. Шум и паника были невероятны; небо стало алым от пламени и черным от дыма. Мощный лазерный огонь бил вверх.

Часть попаданий пришлась в крышу главного ангара. Его бронированная конструкция поглотила этот удар, но теперь глинные трещины шли зигзагами по укрепленным стенам и крыше.

На главной взлетной полосе бушевало пламя, горящие озера авиационного топлива извергали клубы дыма, превращая день в ночь.

Аг пришел на Гугру Кордатус.

Глава 3

Первая волна капсул поддержки, запущенных с «Камнеломы», приземлилась в клубях огня и дыма, с помощью посаженных двигателей завершив свое ревущее путешествие сквозь атмосферу. В момент приземления удар привел к освобождению устройств в действие, и стенки каждой капсулы раскрылись.

Внутри, как и положено классу «Ветер смерти», располагались оружейные платформы с тяжелой автоматической артиллерией. Как только модули раскрылись, орудия извергли круговой поток смертельного огня. Новые взрывы прогревели в зоне поражения, когда снаряды достигли цели, уничтожая оказавшиеся беззащитными истребители и их пилотов. Боевая баржа прекратила орбитальную бомбардировку, уступив место новым стремительным волнам огня, последовавшим за первыми капсулами. Оружейные башни бронированных бункеров открыли стрельбу

по вражеским орудиям, методически переводя прицел с мишени на мишень и разрушая модули точными выстрелами. Но «Ветер смерти» сделал свое дело, вызвав огонь на себя, пока вторая волна капсул стремительно неслась сквозь атмосферу, чтобы достигнуть поверхности без повреждений.

Кроагер крепче сжал рукоять ценного меча и затянул Литанию Ненависти Железных Воинов — в девятый раз с тех пор, как его челнок «Коготь ужаса» покинул пусковой шлюз «Камнелом». Объятый пламенем челнок жестоко трясло при прохождении атмосферы, но, как только турбулентность уменьшилась, он понял, что святоотечественные ритуалы и приношения Силам Хаоса все же утерли их чудовищный голод. Шлем Кроагера скрыл его улыбку, пока он следил, как альтиметр в костяной оправе отсчитывает последние метры перед приземлением.

Сейчас они как раз должны войти в смертельно опасную зону обстрела орудий костопорта, но если этот полукровка

Хонсю успешно выполнил свою задачу, тогда заградительный огонь с земли ослабнет или даже вообще прекратится. Кроагер презрительно скривился при мысли об этой дворяжке, поставленной во главе одной из Великих Рот Кузнеца Войны. Такая ответственность была слишком большой честью для ублюдка, и Кроагер ненавидел Хонсю всеми фибрами своей души.

Он оглядел закованных в броню воинов, сидевших вдоль стальных стен капсулы. Их покрытые вмятинами доспехи были цвета темного железа, а тяжеловесный, вычурный стиль свидетельствовал о по меньшей мере десяти тысячах лет истории. Оружие каждого воина было утлащено кровью множества пленных, и воздух в челноке пропитался страгом смерти. Во время полета воинов удерживали на месте ремни безопасности, но взгляд каждого был устремлен на диафрагму люка в полу капсулы, а мысли были наполнены предвкушением грядущей резни.

Кроагер лично выбрал убийц для

своего отряда: это были самые кровожадные берсерки из его Великой Роты Железных Воинов, те, кто дольше всех следовал путем Кхорна. Черена и смерть, любимая пища Кровавого Бога, стали для них самой желанной добычей, и едва ли они когда-нибудь вырвутся из круговорота жестокости и насилия, который поглотил их. Кроагер и сам не раз с головой погружался в неистовую радость убийства, столь угодную Кхорну, но пока еще не полностью отдался безумию жестокого божества.

Стоило воину лишь раз забыть себя в этом багровом тумане, и смерть становилась почти нетинуемой, а у Кроагера еще были планы на будущее. Жаждающий крови Кхорн не был особенно разборчив: ему было все равно, откуда берется возжеленная влага, и последователи Кровавого Бога часто обнаруживали, что их собственная кровь ему столь же приятна, как и кровь врагов.

Включились тормозные двигатели, и тесное пространство капсулы наполнилось пронзительным воем, похожим на плач

баныши. Злобный крик машин показался Кроагеру добрым знаком.

--- Пусть кровь будет вашим девизом, смерть --- вашим спутником, а ненависть --- вашей силой! --- проревел он и поднял меч в ритуальном приветствии.

Лишь несколько воинов услышали его слова, остальные были слишком погружены в мысли о грядущей бойне. Это не имело значения; ненавистные слуги Империи, приспешники дохлого бога, умрут, крича в агонию, когда он будет вырывать их души из растерзанных тел. Кроагер радовался шансу нанести удар древнему врагу и толил все силы варна, чтобы честь пролить первую кровь выпала ему.

«Коготь ужаса» с грохотом приземлился. Чужовищной силы удар пронзил толстые керамитовые пластины доспеха и болью отозвался во всем теле. Едва диафрагма люка открылась, как Кроагер уже был на земле, откатившись в сторону, чтобы освободить путь следующему воину. Густой серый дым, валивший из тормозных двигателей, мешал обзору, а жар от пылающего

костюпорт, вывел из строя тепловые сенсоры его шлема.

Вытаскивая из кобуры болт-пистолет, Кроагер вознес молитву могуществу Хаоса за то, что тот подаровал ему возможность вновь сеять смерть среди врагов.

Agent Цицерин был на грани паники. На его запросы помощи в цитадели никто не ответил, хотя там уже, безусловно, знали о чрезвычайной ситуации. Одно лишь предположение о том, что существовала вражеская сила, способная обойти следящую систему, а затем приблизиться к укреплениям, при этом оставаясь незатеченной и неопознанной, почти полностью лишило Цицерина самообладания. Он проклинал свою несовершенную органическую составляющую, которая сейчас корчилась от ужаса, и сожалел о том, что не обладает эмоциональной отстраненностью своих начальников.

Настенный монитор показывал, что в наружной стене образовалась брешь, а вокс-сеть была перегружена сообщениями о

контакте с противником. Кричащие голоса, искаженные помехами, говорили о гигантах в доспехах цвета вороненого железа, убивающих всех, кто стоял на пути. Цицерин не мог организовать защиту, основываясь на столь невнятных доносениях, а сам хаос битвы...

Хаос.

Самое слово окатило тело Цицерина горячей волной ужаса, и внезапно он понял, как именно их враги сумели обмануть сканеры. Проклятое волшебство, порожденное варпом, ввело в заблуждение души машин, и те не увидели чудовищного зла, приближающегося к Гигре Кордату.

Отсюда следовал логический вывод. Существовала только одна причина, по которой слуги Тубительных Сил прибыли на эту планету, и Цицерин угрожал от страха при этой мысли. Беспорядочные огоньки вспыхивали на голографической карте базы, сигнализируя о том, что армия защитников покинула казармы и вступила в бой с врагом. Цицерин видел, что этого недостаточно: ущерб, нанесенный в первые мгновения атаки, был

слишком велик.

Единственным утешением было то, что в «Надежде» ему и его персоналу ничто не угрожало. Не было ни шанса на то, что враг сможет проникнуть на верхний этаж бронированного здания. Ни единого шанса.

Одним ударом меча Хонсю разрубил хнычущего солдата пополам. Их атака сквозь брешь стала полной неожиданностью для Имперской армии, пытавшейся организовать оборону. Многие гвардейцы погибли еще раньше подкатняли, когда выстрелы из тяжелого оружия нападающих разбили стену.

Какой-то офицер, высунувшись из люка штабной «Химеры», попытался сплотить вокруг себя солдат, выкрикивая приказ не отступать. Хонсю выстрелил ему в лицо и перепрыгнул через оцетинившийся арматурой обломок кровли, огромным мечом рубя оцепеневших от ужаса солдат. Очередь из тяжелого болтера, установленного в корпусе «Химеры», взрыла землю совсем рядом, поднимая фонтаны окровавленного

непла. Орудийная башня начала разворачиваться в его направлении, и Хонсю откатился в сторону.

--- Уничтожить эту машину! --- закричал он.

Двое железных гигантов, расположившиеся на стене и вооруженные крупнокалиберными пушками, навели длинные стволы своих орудий на цель. Сдвоенный поток ослепительно яркой энергии ударил в боевую машину, и через несколько секунд она исчезла в огненном вихре, усыпав обломками поле битвы. Пока Хонсю поднимался на ноги, еще одна «Хилера» попыталась отогвинуться от пролома, прикрывая свое отступление орудийным огнем. Стрелки на стене методично перевели прицел на новую мишень и уничтожили ее с презрительной легкостью.

База пылала, но Хонсю наметанным глазом видел, что основные подъездные пути и посадочные площадки пережили бомбардировку с незначительными повреждениями. Собрав своих людей у подножия стены, он сориентировал свое

положение с картой, отображенной на внутренней поверхности визора. В урагане дыма и пламени угадывались очертания высокой башни с приплюснутой круговой конструкцией наверху. Должно быть, это и есть контрольная башня — его следующая цель.

Поле боя было усеяно трупами и обломками: разбитые десантные капсулы, самолеты, горящие бронемашины, чей экипаж был или уже мертв, или из последних сил цеплялся за жизнь. Все больше Железных Воинов спускалось на планету, и небо испещрили огненные всполохи. Кроагер и Форрикс, командующие двумя другими ротами, уже, наверно, сеют смерть среди жителей этого мира. Хонсю не мог допустить, чтобы в глазах Кузнеца Войны его достижения выглядели менее значительными.

— Братья, они в наших руках, но бой еще не окончен. За мной, к победе!

Хонсю поднял меч и побежал к контрольной башне, зная, что захват такой цели будет щедро вознагражден.

Кратчайший путь по прямой превратился в утомительное петляние между лужами горящего топлива и гругами обломков, оставшихся от бронетехники. После трех месяцев скрытных передвижений в горах Хонсю чувствовал огромное облегчение, получив шанс выпустить на волю свою ярость среди всеобщей бойни. Даже не будучи колдунот, он ощущал едкий вкус кровопролития в насыщенном смертью воздухе Гугры Коргатус.

То тут, то там вспыхивали отдельные очаги сопротивления, но одних лишь вид тридцати несущихся в атаку воинов, с головы до ног покрытых кровью, мог сломить мужество даже сильных духом. Когда Хонсю, наконец, добрался до башни, с его клинка непрерывным водопадом срывались тяжелые алые капли.

Он неохотно признал, что конструкция и оборонительные сооружения башни выглядели внушительно. Гвардейцы заняли заранее подготовленные позиции в редутах, расположение углов которых давало хороший сектор обстрела, сейчас пронизанный яркими вспышками лазерных

выстрелов. За высокими стенами четырех
связанных между собою борт виднелись
антенны танков, но их расстановка Хонсю
была пока не ясна. Бронированные бункеры,
отмечающие четыре стороны света
вокруг башни, поливали все вокруг потоком
смертоносных пуль, превращая открытые
участки местности в непроходимую
ловушку.

Прогрохотало основное оружие одного
из танков, заставив автомашину госпехов
ослабнуть от перегрузки, и Хонсю со
своими людьми укрылся за искореженными
обломками «Мародера». Клубы дыма и
каменной крошки дождем низвергнулись на
землю, слышались крики раненых
взрывом. Придется двигаться быстрее, или
защитники цитадели сумеют провести
контратаку, прежде чем Железные воины
укрепят свою позицию.

В боку самолета была рваная дыра, и,
оттолкнув в сторону труп пилота, Хонсю
смог наконец осмотреться и обдумать
ситуацию. Угловые бункеры были ключом
к победе: как только они будут захвачены,
линия имперской обороны сломается.

Шквал огня из орудий бункеров был
убийственным, и любая попытка
прорваться сквозь него заставит
атакующего дорого заплатить за свою
глупость. Хонсю криво устехнулся,
заметив на земле несколько воинов
Кроагера, судя по их виду, берсерков, чьи
тела были практически разорваны в
кровавые клочья. Слабая надежда на то,
что среди павших был сам Кроагер, быстро
угасла: несмотря на всю свою
безрассудность, Кроагер был далеко не глуп
и не стал бы рисковать своей жизнью без
крайней на то необходимости.

Егва подумав об этом, он заметил
своего соперника притерно в двухстах
метрах от себя. Атака Кроагера на башню
провалилась, и теперь он падал по
имперским солдатам из болт-пистолета,
правда, безрезультатно. Хонсю понял, что
это его шанс.

Ползком перебравшись к своим
артиллеристам, он кулаком ударил по
наплечникам стрелков с лазпушками,
перекинутыми через плечо с такой же
небрежностью, с какой обычный человек

мог бы нести трость. Стрелки повернулись, кивками приветствуя своего командира.

Вновь прогрохотал танк, и еще один снаряд разорвался поблизости, осыпая землю градом обломков. Хонсю указал на башню и прокричал:

— По моей команде цельтесь в угол ближайшего бункера и стреляйте, пока не пробьете защиту.

Артиллеристы кивнули, и Хонсю двинулся дальше. Он знал, что обрекает этих людей на смерть, но это не имело значения. Еще один из его стрелков был вооружен крупнокалиберной пушкой с толстым, испещренным прихотливыми следами пламени и угрожающе шипевшим стволом. Доспех стрелка покрывали копоть и вмятины, но сама пушка выглядела так, словно только что вышла с оружейного завода.

— Когда лазпушки пробьют стену бункера, я хочу, чтобы ты залил вовнутрь столько мельты, чтобы даже каменистые потоки, словно жижа.

Не дожидаясь ответа, Хонсю

откатился назад к лазнушкам и тахнул в сторону бункера, по voxу отдав приказ всем взводам приготовиться к атаке. Вскарабкавшись на разбитый «Мародер», он наблюдал, как двое воинов с лазнушками вышли на огневые позиции и прицелились. Один за другим мощные лазерные импульсы врезались в выступ исходящего угла бункера, вырывая из стены куски армипласта и рокрита. Заметив новый источник опасности, имперские стрелки перевели прицелы на артиллеристов, взрывая землю лазерными и болтерными очередями.

Оба Железных Воина не обращали внимания на ведущийся по ним огонь, продолжая обстреливать цель залпами разрушительной энергии. Хонсю увидел, как раскололась угловая стена бункера, а рокрит раскалился до ярко-оранжевого цвета. На какое-то мгновение казалось, что артиллеристы выживут, несмотря на обрушившийся на них шквал огня.

Но артиллерийские орудия Империи сделали свое дело, похоронив обоих Железных Воинов под пылающим ливнем

снарядов. Прежде чем утихли взрывы, стрелок, вооруженный мультиметлой, вышел из укрытия и бросился вперед. Пока оружие заряжалось, слышался резкий визг, достигший оглушительной громкости перед тем, как дуло пушки выплюнуло раскаленный разряд мельты. Цель была взята точно, и воздух в бункере вскипел с силой атомного взрыва, превращая живую плоть в пар. Сгорающий кислород глиняными языками пламени выплеснулся из амбразур бункера.

В линии обороны башни была пробита огромная брешь.

--- Смерть Лже-Императору! ---
проорал Хонсю, поднимаясь из укрытия.

Перепрыгнув через фюзеляж разбитого «Мародера», он встретился к пылающему аду, в который теперь превратился бункер: бронированные стены оседали на землю, как расплавленный воск. Его воины незамедлительно последовали за ним. Где-то слева Кроагер пытался организовать своих людей для атаки, прекрасно понимая, что Хонсю первым доберется до башни.

Взобравшись на руины бункера, Хонсю почувствовал, как бронированные ботинки его доспеха погружаются в расплавленный камень. Жар был достаточно сильным, чтобы опалить даже доспехи Железного Воина, но материал выдержал, и через мгновение Хонсю был уже в самом сердце обороны башни.

Он проходя отметил масштабы разрушения, учиненного его людьми, и остался доволен кровавыми результатами своих трудов. Земля была усеяна разорванными на куски телами, обугленными и почерневшими, — все, что осталось от гвардейцев, располагавшихся в непосредственной близости от бункера. Плоть и даже кости моментально обратились в уголь в результате обратной тяги, возникшей после мельта-выстрела. На куче обломков покоилась голова с открытым в крике ртом, словно нарочно поставленная туда каким-то эксцентричным шутником. Проходя мимо, Хонсю пинком сбил ее.

Видя, что Железные Воины приливной волной вливаются в новую брешь

В их обороне, имперские солдаты сугорожно
попытались реорганизовать линию
обороны. Огромный танк -- «Леман Русс»
класса «Разрушитель» -- показался из
укрытия, и его тяжелое башенное орудие
начало разворачиваться в сторону
атакующих. Над головой пронеслись
снаряды, выпущенные из установленных на
спонсонах пушек, и Хонсю плашмя упал на
землю, слыша, как новые осколки
рикошетом пронзают каменное крошево на
земле вокруг него. Раскаленная мелята
толкнула белой вспышкой, и орудийная
башня «Разрушителя» погрузилась в
огненный ад. Пар и дым окутали танк на
несколько секунд, но невероятным образом
он продолжил движение, выбираясь из
кипящего облака.

Медленно, словно само время
остановилось, ствол основного орудия
танка подался назад, и Хонсю понял, что
грядущий выстрел разнесет его на атомы.
Но вместо этого раздался ужасающей силы
грохот, орудийную башню подбросило вверх,
а сам танк разлетелся на части в
результате детонации снаряда в стволе

орудия. Обломки смертоносным ливнем накрыли ряды имперских защитников, словно косой срезая людей и оставляя от тел лишь окровавленные куски. Хонсю заорал от восторга, поняв, что случилось. Жар от мельта-заряда искривил ствол орудия, его заклинило, и взрыватель снаряда сработал преждевременно.

Погнавшись на одно колено и отдавшись на волю безумия битвы, он открыл огонь из болт-пистолета по тем, кому посчастливилось пережить гибель «Разрушителя».

Приведенные в бешенство видом крови, берсерки Кроагера взбирались на разбитые стены редута, не обращая внимания на раны, которые давно уже свалили бы обычного человека. Точно спланированные атаки и здравые принципы военного дела были им чужды. Тела просто отбрасывались в сторону, разорванные на куски голыми руками, если не было подходящего оружия.

Хонсю заметил Кроагера в окружении его воинов — тот прокладывал себе путь сквозь груды тел, рубя ценным

мечом направо и налево — и отсалютовал товарищ, но, как и следовало ожидать, Кроагер не обратил на него внимания. Спрятав устешку под визором шлема, Хонсю устретился к башне сквозь пылающие останки «Разрушителя».

Agent Цицерин наблюдал за кипящим на земле боем с отстраненностью аналитика. Приступ паники прошел, и теперь, находясь в полной безопасности внутри «Надежды», он видел атаки и контратаки сражающихся как танец цветных значков на топографическом плане базы. Красные значки окружили башню, время от времени подкатываясь к самым ее стенам, но каждый раз вынуждены были отступить под огнем защитников.

Цицерин чувствовал ступенный стыд за ту лилолетнюю растерянность, которая охватила его ранее, и вновь пообещал себе испросить позволения на следующий уровень симбиоза со священной машиной. Как только эти нечестивые создания будут разгромлены, он обратится с соответствующей просьбой. Несмотря на

прошлые недочеты, разве сможет архимагос Амаэтон отказать ему в этом раз, после столь умелой обороны Церихонских Водонагов? С довольной улыбкой он отметил, что на экране погасли еще несколько красных значков.

Но вся радость пропала, когда иконка, обозначающая южный бункер, вместо синего цвета нормального статуса окрасилась в злобещий черный.

— Третий оператор, что случилось? — спросил Цицерин.

— Бункер уничтожен, — последовал ответ Ковала Перонуса. — Секунду назад он был там, а теперь его больше нет!

Оцепенев, Цицерин наблюдал, как волна красных значков накрыла собой место, всего несколько мгновений назад бывшее одним из столпов его обороны. После первого прорыва крушение всей линии защиты прогрессировало с кошмарной скоростью. Методично ликвидировавшиеся синие значки гасли один за другим. Фантазия Цицерина оказалась не в силах даже вообразить масштабы резни, развернувшейся в каких-то двадцати

метрах от него.

В забранных бронированным стеклом окнах виднелись мрачные сполохи пламени, но ни единый звук не проникал в контрольный пункт, отчего казалось, что происходящее снаружи не имеет к этому месту никакого отношения. А между тем, прямо у основания башни неслетное число жизней уже угасло, и еще многим предстояло погибнуть, прежде чем кровопролитие завершится.

Цицерин мог утешить себя только верой в то, что сама башня была абсолютно неприступной, и что он сделал все, от него зависящее, чтобы предотвратить катастрофу.

В районе главного входа вдруг раздался тяжелый глухой удар, и весь персонал башни в страхе затолчался.

— Что это было, во имя Машины? — в ужасе прошептал Цицерин.

Форрикс наблюдал, как гверь содрогается под ударами осадного молота гредноута: адамантиевая пластина в несколько метров толщиной уже начала прогибаться. Ревущая машина войны

неизбежно снесет дверь с петель — это был только вопрос времени. Два десятка сильнейших из Железных Воинов стояли наготове у огромных цепей, закрепленных болтами в специальных кольцах на ногах и плечах гредноута, чтобы удерживать машину после того, как вход в контрольную башню будет открыт.

Он живо представил себе те мучения, которые должна была испытывать проклятая душа, навечно заключенная в покрытом броней саркофаге. Никогда больше не испытать восторга от убийства, не почувствовать, как поет кровь в твоих венах, когда ты забираешь чужую жизнь, а чужая плоть становится добычей твоей, — такая судьба сулила только горе и страдание. Неудивительно поэтому, что некогда разумное существо, помещенное в оболочку гредноута и приговоренное к вечности в ее холодных железных стенах, неизбежно погружалось во мрак безумия.

Эти лишенные разума машины войны, по крайней мере, находили в безумии свое спасение. Для самого же Форрикса

убийство давно уже перестало быть источником радости. Десять тысяч лет безжалостной войны — достаточный срок, чтобы познать во всей ее трагичной полноте человеческую способность нести жестокость и смерть. За свою долгую жизнь ему доводилось бесчисленное количество раз стрелять, рубить, пытать, душить, ломать, забивать до смерти и расчленять своих жертв, и его память не сохранила воспоминаний ни об одной из них. Каждая новая смерть терялась в бесконечной череде террора, ставшего его работой, чувства притупились, а битва уже не вызывала, как раньше, очищающего душевного наслаждения.

Еще раздавались единичные выстрелы, но последние очаги сопротивления гасли один за другим. Воины полукровки защищали развалины бункера от остатков имперских сил, и хотя Форрикс считал, что Хонсю навсегда опорочен своим происхождением, он не мог не признать его компетентность как командира. Более

того, Хонсю все еще верил в мечту Хоруса объединить человечество под знаменем непобедимых Сил Хаоса.

Некоторое время Форрикс наблюдал, как мечется Кроагер, сгорая от желания выпустить свою ярость на волю. Нетерпеливость коллеги уже давным-давно перестала злить Форрикса и теперь вызывала только раздражение. Кроагер был опытным убийцей, десять тысячелетий сражавшимся с врагами Кузнеца Войны, но ему не хватало мудрости, которая должна была бы прийти за столько веков битвы и отчаяния. В отличие от Хонсю, Кроагер давно уже не задумывался о благе человечества. Он дрался из алчности, любви к смерти и желания отомстить тем, кто так давно нанес Железным Воинам жестокое поражение.

А что он сам? Форрикс уже не сомнил, за что бьется, и знал лишь, что это — единственное, что он умеет делать. Он был обречен с того момента, как решил нарушить клятвы верности Императору. С тех пор все прочие пути для него были

закрыты.

Его воины сожнутыми рядами выстроились за ним, готовые приступить к обширной операции по доставке с орбиты материально-технического обеспечения в виде десятков тысяч невольников, рабочих, солдат и военных машин. За века, прошедшие со дня предательства на Терре, Форрикс провел сотни таких операций и мог доставить на место и подготовить к бою тысячи людей за менее чем пять часов.

До тех пор, пока не придут титаны, массивная конструкция башни была неязвима, а Кузнец Войны ясно дал понять Форриксу, что быстрота должна стать ключом к этой кампании. Пока башня не окажется в их руках, нельзя было рисковать, переводя тяжелые грузовые корабли и пехотные транспорты на низкую орбиту. Вполне вероятно, в горах были спрятаны торпедные шахты или орбитальные батареи, установленные там как раз для того, чтобы сбивать столь лакомые мишени.

Как только Кроагер захватит башню,

можно начинать высадку.

А затем этот мир охватит пламя.

На глазах у Кроазера гредноут сорвал погнутую дверь с петель и отшвырнул прочь тяжелый кусок металла. Безумный вой машины эхом прогрохотал по всему костюпорту, когда хранители гредноута оттащили массивную тушу в сторону от прохода с низким потолком, ведущего внутрь башни.

Зарывав, Кроазер проломился сквозь остатки бронированной двери, чувствуя, как возбуждение заставляет кровь быстрее струиться в венах. Жажда убийства стала почти невыносимой, а бесконечные препятствия на пути к башне только еще больше разожгли его ярость. Следом за ним, крича и ревя, устремилась волна облаченных в доспехи воинов, несущих смерть в последний оплот имперской обороны. Вспышки лазерных выстрелов сверкали вокруг, но даже прямые попадания, рикошетившие от доспеха, не могли остановить его.

Внутренние помещения башни защищало около пятидесяти человек ---

жалкие трюсы, молившие о невозможном спасении, пока их товарищей снаружи беспощадно уничтожали. Атака Кроазера была нацелена прямо в сердце обороны, в то время как Железные Воины, вооруженные тяжелыми болтерами, заняли позиции по обе стороны у входа в башню, откуда горгульи пасти их стволы теперь выплевывали очереди выстрелов по баррикадам защитников.

Всего пять размашистых шагов понадобилось Кроазеру, чтобы оказаться среди имперских солдат, теперь падавших от каждого взмаха его меча. Кровавые струи забрызгали стены, от которых эхом отражались крики ужаса при виде Железных Воинов, убивавших любого, кто постел встать у них на пути. Битва была неравной, и Кроазер зарычал от досады, высвобождая меч из тела последнего поверженного солдата. Расправляться с подобными слабаками было просто неспортивно. Жители Империи стали слишком изнеженными.

Ни один из солдат, оборонявших башню, не смог бы с честью выстоять в

последнем бою на стенах Терры. Кроагер
встряхнул головой, прогоняя старые
воспоминания. Битва, развернувшаяся здесь
и сейчас, еще не закончилась.

Сидя на своем посту у мониторов,
агент Цицерин готовился к смерти. Из
динамиков вокс-сети слышались крики
гибнущих людей, и Цицерин чувствовал,
как его вновь охватывает ужас, жгучий и
удушливый. Дрожь в руках невозможно
было унять, а ноги отказывались
повиноваться. Он умрет. Логические
стеки в его технически
усовершенствованном мозгу предсказывали
единственный возможный исход, и им было
все равно, насколько горячо он молился.

Весь персонал контрольного пункта
сбился в тесную, грожащую группу в
дальнем конце комнаты; люди держались
друг за друга, чувствуя приближение
смерти. Особняком стоял только Ковал
Перонус: вооружившись двумя
лазистолетами, он нацелил их на дверь.
Цицерин не питал никаких иллюзий
насчет прочности двери и был до глубины
души поражен решимостью, читавшейся в

лице его подчиненного.

Внезапно оглушительные крики и рокот битвы внизу стихли, и Цицерин понял, что все имперские солдаты мертвы. Странно: совсем недавно он считал себя в полной безопасности, и вот в один миг эта уверенность обратилась в ничто. На лбу Перонуса выступили капли пота, под скулами заходили желваки, а руки едва заметно дрожали. Несмотря на страх, этот человек решил не отступить, даже зная, что победа невозможна. Цицерину не нужно было быть военным, чтобы распознать в нем истинное мужество.

Цицерин заставил свое не желающее слушаться тело подняться и встал рядом с Перонусом. Может быть, ему и предстоит вскоре погибнуть, но, как агент Бога Машин, он погибнет стоя, не склонившись перед врагом. Заметив рядом с собой Цицерина, Ковал еле заметно улыбнулся, коротким кивком выразив благодарность начальнику за поддержку.

Он протянул один из пистолетов Цицерину:

— Вы когда-нибудь стреляли из

такого по настоящему противнику?

Цицерин покачал головой.

--- Я пятьдесят лет контролировал производство на оружейном заводе на Трифоне-5, но ни разу не опробовал их продукцию в деле.

Горло неожиданно пересохло. Это было самое глинное предложение из всех, что он когда-либо говорил своим подчиненным.

--- Ничего сложного. Просто наводите на цель и жмете на спусковой крючок, --- объяснил Перонус. --- Я поставил мощность выстрела на максимум --- так у нас хотя бы будет шанс ранить одного из этих еретиков. Три, в лучшем случае четыре выстрела. Не позволяйте им пропасть впустую.

Цицерин кивнул, слишком напуганный, чтобы говорить. Пистолет оказался тяжелым --- смертоносно тяжелым. Пусть приходят, подумал он. Пусть враг придет и обнаружит, что агент Этольф Цицерин готов к встрече.

Пригнувшись, Кроагер ждал в конце коридора, ведущего к пункту управления.

пока двое Железных Воинов размещали по центру двери мelta-заряды направленного действия. Обернувшись, они кивком предупредили командира и отступили в укрытие, активировав таймеры. Через мгновение заряды взорвались вспышкой ослепительно белого света.

По ту сторону ничто не двигалось: ни выстрела, ни брошенной гранаты, ни стрельчака, решившего погибнуть, сохранив хотя бы остатки чести. Лишившись возможности добиться славы в честном бою, Кроагер в ярости проломил себе путь сквозь тлеющие обломки двери, снеся при этом и часть стены.

Сквозь клубы дыма он разглядел фигуры двух человек с пистолетами в угрожающих руках. Вот, возможно, и враг, достойный его клинка. Кроагер оскалился, почуввав их страх.

Но радость его была недолгой. Оба оказались гражданскими, один -- техник с тонзурой на макушке, другой -- из когорты еретических жрецов машины.

Что же они могли противопоставить

ему, до чего не додумались сотни убитых
им ранее? Человек в одеждах слугителя
машины выкрикнул что-то и выстрелил,
но попал лишь в стену рядом с Кроагером.
Техник нажал на спусковой механизм
секундой позже, и выстрел оставил
вмятину на силовом госпехе, заставив
воина отшатнуться назад. Прежде, чем
приспешник Империи смог выстрелить
снова, Кроагер бросился вперед и с размаху
ударил его в лицо кулаком с такой силой,
что голова безумца слетела с плеч, а из
рта выплеснулся фонтан крови
впередешку с обломками костей.

Агент выстрелил снова, на этот раз
попав Кроагеру в спину. Он резко
развернулся и вырвал пистолет из руки
жреца, заодно оторвав и всю кисть. Агент
упал на колени, в ужасе глядя на
истекающую кровью рваную культю.

Достав из кобуры свое оружие,
Кроагер уже был готов разделаться с
жалким трусом, но его остановил
вкрадчивый, похожий на шипение голос,
раздавшийся из разрушенного дверного
проема.

— Ты собираешься отнять у меня победу, Кроагер? Крайне неразумно с твоей стороны.

Кроагер обернулся, ощущая, как кровь приливает к лицу, и опустил пистолет.

— Нет, мой повелитель, — запинаясь, ответил он и упал на колени. Неожиданное появление Кузнеца Войны заставило его почувствовать себя благоговеющим ничтожеством.

Один из самых могущественных командиров Железных Воинов прибыл, чтобы насладиться победой, и комната наполнилась тьмой. Кроагер едва мог разглядеть доспехи цвета почти черного железа и жестокое лицо, тускло светившееся во тьме, — лицо, источавшее столь ужасающую силу, что Кроагер едва сдержался, чтобы не затарать шлем первой от одного только присутствия своего предводителя.

Доспех Кузнеца Войны из вороненого железа не имел себе равных; даже не поднимая глаз, Кроагер видел рябь, бегущую под его просвечивающей поверхностью, где клубились атрофные

образы и искаженные гримасами лица. Ух
стоны, исполненные страданий, звучали
почти на грани слышимости — плач душ,
навек заточенных внутри проклятого
тела Кузнеца Войны. В грохоте его шагов
слышался груз прожитых веков и
безграничная власть того, кто сражался
на ненавистной Терре рядом с примархом
Легиона, великим Пертурabo.

Клубы призрачного дыма отмечали
путь Кузнеца Войны, и каждый, прежде
чем рассеяться, извивался и скручивался,
словно от боли. Пока ему не будет
позволено, Кроагер не смел посмотреть на
своего командира, иначе ему грозила
мгновенная смерть от руки одного из
терминаторов-телохранителей. Они
затерли на почтительном расстоянии от
своего повелителя, пока тот медленно
обошел вокруг Кроагера.

Кузнец Войны провел закованными в
броню пальцами по вмятинам,
оставшимся на доспехе его воина после боя,
и Кроагер вновь почувствовал
подступающую липкую тошноту. Каждая
клетка его тела содрогалась от этих

прикосновений, и только благодаря мантре ненависти, которую он безостановочно повторял, Кроагер не потерял сознания. Хотя боль была почти невыносимой, он страстно желал обрести такую же силу. Каково это — подчинить себе энергию илматериума, заставить его силу течь в своих венах вместо крови?

— Ты действуешь опрометчиво, Кроагер. Неужели десять тысяч лет войны тебя ничему не научили?

— Я хочу только служить, убивая всех, кто мешает нам исполнить наше предназначение.

Смах Кузнеца Войны был подобен звуку земли, падающей на гроб в могиле.

— Не говори мне о предназначении, Кроагер. Я знаю, ради чего ты сражаешься, и возвышенные слова тут ни при чем.

Кузнец Войны склонился над ним, и волна слепящей боли пронзила череп Кроагера.

— Меня устраивает, что ты уничтожаешь лакеев дохлого бога, но постарайся сделать так, чтобы твои потребности не мешали удовлетворению

моих.

Не в силах произнести ни слова, Кроагер кивнул, вновь ощутив, насколько близко Кузнец Войны подошел к моменту трансформации. Остаться в сознании становилось все труднее.

Кузнец Войны отвернулся, и Кроагер вздохнул с облегчением. Предводитель Железных Воинов стоял рядом со все еще дрожащим телом агента. Краем глаза Кроагер мог различить расплывчатый контур фигуры своего повелителя, который склонился над скулящим в страхе жрецом с окровавленным обручком в месте руки.

--- Джарек Келтаур, мой колдун, упоминал этого человека. Огнорукый слугитель машины. Он важен для меня, Кроагер, а ты почти что убил его.

--- Я...я прошу прощения, мой повелитель.

--- Ты его получишь, если позаботишься о том, чтобы он остался в живых.

--- Он будет жить.

--- Если он умрет, ты отправишься

следом прямо в ад, — пообещал Кузнец Войны и широким, величественным шагом покинул зал.

С уходом командира Кроагер почувствовал, как тошнотворные спазмы постепенно стихают, и поднялся на ноги. Подойдя к хнычущему от боли, залитому кровью агенту, он взялся за его мантию и резко, бесцеремонным движением потащил к выходу.

Причины, по которым Кузнец Войны пожелал сохранить жизнь этому человеку, были неведомы Кроагеру, но если на то воля его повелителя, пусть будет так.

Глава 4

Последние звуки битвы стихли, и командиры трех Великих рот Железных Воинов, пришедших на Тигру Кордату, собрались по зову своего повелителя.

Кузнец Войны стоял во всем великолении своей чудовищной силовой брони, довольный кровопролитием, что произошло ради него. Три избранных чемпиона стояли перед ним, преклонив колени; броня каждого была забрызгана кровью, отливавшей оранжевым в лучах полуденного солнца. Кузнец Войны, не обращая на них внимания, обозревал искореженные пустоши, что когда-то были костопортом. Однако картина тотального разорения была обманчива.

Неуклюжие наземные машины были спущены с орбиты меньше часа назад, но уже сгребали разбитые самолеты и десантные капсулы со взлетно-посадочных полос и платформ. Мертвые тела стинались их мощными тракатами, скапливались в широких ковшах

тракторов, что бесцеремонно спихивали их в гигантские воронки от бомб. Кузнец Войны обратил взор к пылающему небу, вспоминая тот момент, когда он впервые взглянул на этот мир. И планета, и сам он тогда были совсем иными, так что Кузнец задался вопросом, знают ли те, кто называют это место своим домом, как так вышло, что оно теперь напоминает столь милую взору преисподнюю.

Высоко вверху он увидел массивную тень, размытую и нечеткую, но видную благодаря его усовершенствованному зрению. Там, в пылающем тареве верхних слоев атмосферы, массивный корабль, борясь с тягостным влечением гравитации, извергал сотни транспортных из своего брюха, словно матка приплод.

Каждое из «детенышей» было сотнями метров глиной и битком набито рабами, солдатами, боеприпасами, оружием, осадными машинами, инструментами и всеми прочими материалами, необходимыми для осаждающей армии. Форрикс знал свое дело, так что Кузнец Войны был уверен: эта сложная и тонкая

операция пройдет без проблем.

Он также понимал, что время было его злейшим врагом. Абагдон Разоритель приказал завершить операцию до того, как его собственный тайный план придет в исполнение, взавен пообещав забыть, что Железные Воины некогда отстранились от него. Для Кузнеца Войны приказ Разорителя понахивал тем же самым предательством, что когда-то давным-давно привело Железных Воинов в объятия Темных Богов. Пертурabo совершил ошибку, доверившись тому, кого называл другом и господином. Кузнец Войны этой промашки не повторит.

У Абагдона, может быть, и есть какие-то планы, но у Кузнеца Войны имеются свои.

Было некое приятное совпадение в том, что он вернулся на Тигру Кордатус. Сегодня он стоял на пороге величия. Он вернулся на планету, где впервые применил навыки, усвоенные им еще в бытность неофитом на Олимпии.

То, что он когда-то помогал создать, сегодня он же и разрушит до основания.

Он снова взглянул на своих боевых командиров, по очереди изучая их.

Форрикс, капитан первой из Великих Рот. Вместе они удерживали последние врата дворца Джарельфи; он же командовал отступлением с Терры и принес клятву верности нагн克隆ированным телом самого Хоруса.

Его опыт был не сравним ни с чем. Кузнец Войны ценил его совет больше других, потому что, хоть пламя славы давно погасло в его брате-одногодке, десять тысяч лет войны не ослабили Форрикса, ибо сила Хаоса наполняла его тело невероятной силой. Терминаторский доспех воина был выкован в кузнях самой Олимпии, и каждый его элемент вручную создан мастерами, чье умение уже давным-давно стало не более чем отголоском легенды. Рядом с ним Кроагер, молодая кровь. Конечно, говорить так было бы смело, учитывая, что он прошел почти столько же битв, сколько и Форрикс. Однако Кроагер был и оставался молодым сорвиголовой, который всегда ощущал физическую необходимость быть в самом

некле боя. Его доспех был выщерблен и
прожжен в десятках мест, что служило
доказательством боевого неистовства
хозяина, но Кузнец знал, что Кроагер
обладал слишком хитрым умом для
простого «мясника». Не Кхарн из
Пожирателей Миров, но
целеустремленный убийца. Будь он
грузин, одним из тех, кто поддался голоду
Кровавого Бога, то не прожил бы так
долго.

Несмотря на то, что они избегали
столкнуться друг на друга в его
присутствии, Кузнец Войны чувствовал
ненависть между Кроагером и полукровкой
Хонсю. В жилах Хонсю текла кровь
Олимпии, но в него также было
имплантировано геносемя, вырванное из
старых врагов, Имперских Кулаков. Кровь
Хонсю была осквернена частицей Рогала
Дорна, шавки Трупа-на-троне, и этого
Кроагер никогда ему не простит, невзирая
на то, что деяния Хонсю были как
минимум столь же велики, как и его
собственные. Именно Хонсю провел
штурмовой отряд смертников через брешь

В кадийском бастионе на Мажно 4-0 после того, как залп огня «Василисков» уничтожил капитана. Он лично прорвал осаду Севастафорка и привел поргатарское восстание к абсолютной победе. И все же, ничто не могло искупить факт наличия в нем той ненавистной крови, и эта причина, вкупе с некоторыми другими, объясняла, почему Кузнец Войны не возвел Хонсю в капитаны какой-либо из Великих рот, хотя тот полностью подходил для этой должности.

Кузнец Войны ощущал запах веры и амбиций в Хонсю, и сей гнусный аромат его очень порадовал. Этот рискнет многим ради чести стать капитаном. Соперничество, тщательно взращенное Кузнецом в командирах, было словно пряностью, услаждавшей его вкус.

Кузнец Войны давно уже смотрел на мир не так, как остальные люди; его взгляд пронизывал илматериум, прозревая вещи, недоступные уму смертного, вещи, которые ввергли бы неподготовленный разум в безумие. В каждом движении воздуха он видел намеки, предложения и

ложь будущего. Каждая пляшущая частица бытия шептала о том, что будет, и о том, что вряд ли произойдет. Он видел триады картин будущего, исходящие от его чемпионов: ревущее бурление ядовитой жижи, сверкающей сквозь кошмарную тьму, ужасный взрыв, похожий на новорожденное солнце, и могучая битва с одноклассником гигантом, чьи глаза сияли ледяным огнем. Смысла этих видений Кузнец не мог понять, но обещания смерти в них заставили его улыбнуться.

— Вы славно потрудились, дети мои, — начал Кузнец Войны, опуская взгляд на своих чемпионов. Никто не ответил, никто даже не постел издать и звук без повеления господина.

Довольный таким благоговением, Кузнец Войны продолжил:

— Хотя мы прибыли на этот мир по велению Разорителя, но именно по моей воле сделаем, что должны. Здесь находится крепость, содержащая нечто ценное для меня, и вскоре я заполучу это. Вы, мои сыновья, станете орудиями в этом деле. Великую награду и

благоволение обретет тот, кто принесет мне, что я желаю. Поражение и смерть ждут всех нас в случае неудачи.

Кузнец поднял голову и взглянул на каменистые склоны к западу от дымящегося костюпорта. Хорошо обустроенная дорога вела прямо к их цели, причине грядущей битвы. В конце той дороги — Кузнец Войны знал, что венец всего, за что он боролся, спрятан внутри планеты — была награда столь ценная и тайная, что даже самые высокопоставленные и могущественные люди в этом прогнившем Империи не знали о ее существовании.

Оставив своих чемпионов, Кузнец Войны направился к украшенному «Ленд Рейдеру» с толстыми бронированными плитами, привинченными к бокам, и сверкающими бронзой гусеницами. Агатантиева дверь открылась, приветственно зашипев, и Кузнец обратился к трем командирам:

— Угетте, узрим врага, которого мы должны уничтожить.

Хонсю был наготове. Из башни своего

командирского «Носорога» он наблюдал за небом, ожидая угрозы с воздуха, что могла бы навредить колонне машин. Он не ждал ничего особенного, так как костюпорт был в их руках, а небеса полны транспортов, прибывающих с орбиты, но природная подозрительность заставляла Хонсю соблюдать осторожность.

В горло попала пыль, нейрогланды, активированные в глотку, определили химический состав воздуха, и Хонсю отхаркнул за борт машины немного слизи. Гланды функционировали далеко не так хорошо, как раньше, и множество оттенков яда, которые он ощущал, были ему незнакомы. Но он зачерпнул достаточно скверны из воздуха, чтобы понять, что раньше атмосфера планеты была смертельной для любого живого существа, ступившего на эту мертвую поверхность.

Он вытянул шею, оглядываясь назад, на дорогу, по которой они ехали, на пыльные, безжизненные скалы, что последние три месяца были его домом. Над горами, с которых орбитальная бомбардировка страхнула вековые

скопления песка, висел туман. При нормальных обстоятельствах залп с орбиты был бы очень рискованной затеей, а хирургический удар и вовсе невозможен. Однако успех диверсионной миссии Хонсю дал орудийным демонам «Камнеломы» возможность прицелиться и выместить страшную ярость боевой баржи на средствах планетарной защиты.

Как прекрасно было ощущать бронированную мощь «Носорога» под собой, направляясь на войну во главе войска. Враг ожидал их, и Хонсю предвкушал восторг сражения, что горячо стучал в венах, волнуя кровь. Битва за космопорт принесла гигантское облегчение, но теперь он с нетерпением ожидал уничтожения имперской крепости, логических методов, четких целей и результата, порожденного тщательным планированием и организованностью.

Воздух наполнился пылью, и Хонсю снова сплюнул, загадая, что могло произойти с планетой, после чего она стала такой пустынной, но тут же отбросил этот вопрос как бессмысленный. Подняв голову,

он увидел на вершине горы урчащие
двигателями бронетранспортеры
Кроагера, Форрикса и Кузнеца Войны,
клубы черного дыма поднимались над
выхлопными трубами в виде горгулий.
Угрожало, однако, то, что ему самому
приходилось двигаться позади ротных
капитанов, как какой-нибудь собачонке. Он
воевал и убивал столько же, сколько
Кроагер с Форриksom, совершал гнусности,
преследуя их цели, вел людей сквозь огонь,
проявляя себя снова и снова. Но почему же
ему постоянно отказывают в присвоении
звания капитана, почему ему приходится
бесконечно сражаться за право быть
признанным?

Ответ на этот вопрос пришел сам
с собой, как только он увидел пятна
высохшей крови на рукавице господина.
Нечистая кровь была его проклятием.
Быть созданным из семени врага — это не
только оскорбление ему в той же степени,
что и врагу, но ещё и постоянное
напоминание о том, что он не истинный
Железный Воин, несмотря на те
фрагменты геносемени, что были

переданы ему от избранных с Олимпии.

Обида росла, и он не подавлял её, наслаждаясь ее пепельным привкусом. Обиду вынести проще, чем запах бессилия и отчаяния, который, как он считал, исходил от него, и осознание того, что, несмотря на все усилия, он не будет принят. Водитель «Носорога», бывший когда-то Железным Воином, а ныне настолько мутировавший, что уже представлял собой некий симбиоз с машиной, выехал на вершину горного хребта, остановившись рядом с Форриксом. Старый ветеран приветствовал прибывшего Хонсю коротким кивком головы, тогда как Кроагер его проигнорировал.

Хонсю позволил себе сдержанную ухмылку. Неважно, какую обиду он держал на своего господина, он всегда мог найти утешение в том, что его воинское мастерство было достаточным, чтобы Кроагер чувствовал в нем соперника. Он знал, что Кузнец Войны ценил Кроагера, и если твердолобый капитан Второй роты чувствовал в Хонсю угрозу, то тем лучше.

Кузнец Войны стоял на краю вершины, погруженный в мысли, и Хонсю поежился от безотчетного страха, скользя глазами по причудливым узорам, что оставили проклятые души, заключенные в доспехе повелителя. Когда глаза Хонсю начало саднить от того, что он слишком долго задержал взгляд на доспехе, его внимание привлекло нечто несоизмеримо более великое, нежели броня Кузнеца Войны.

Вдали, в обрамлении красно-коричневых скал долины, располагался оборонительный комплекс Тигры Коргатус.

Хонсю с трудом верил своим глазам. Совершенство крепости захватывало дух. Никогда раньше он не видел столь удивительного образца военной архитектуры.

Впереди, на каменистом выступе высоко над плато, располагался небольшой форт с тремя бастиянами и наклонными стенами из гладкого рокута. Перед центральным бастлионом стояла высокая башня с амбразурами. Она защищала узкое

ущелье между левым и центральными
бастionsами. Башня доминировала над
плато, и Хонсю сразу понял, что в
грядущей осаде ее уничтожат в первую
очередь. Высота и крутизна склонов под
крепостью уже сами по себе представляли
серьезную преграду, так что Хонсю очень
хорошо понимал: любая атака на эти
стены станет делом весьма кровавым.
Каждый сантиметр плато перед фортами
наверняка усеян орудиями, и подойти к
главной крепости невозможно, пока этот
клочок земли находится в руках
Императора.

Поведя взглядом дальше на север от
высокой крепости, Хонсю вдруг забыл о
впечатлении, что произвел на него форт.
Тот был всего лишь младшим братом
главной цитадели, и воин почувствовал,
как кровь толотом застучала в его сердце
при одной мысли о штурме столь могучего
сооружения. Ее пропорции были настолько
совершенны, что в сознание Хонсю невольно
закралась мысль, способен ли он или кто-
то из ныне живущих Железных Воинов
создать столь божественное творение.

Два обширных бастиона, достаточно крупных, чтобы вмещать тысячи бойцов, угрожающе нависали по обеим сторонам долины, но еще большая их часть была скрыта в толще склона, нисходящего к ногам Хонсю. Геометрия конструкций была безупречна, а точность постройки являла собой чудо. Длинная куртина соединяла эти два укрепления, и между ними Хонсю увидел крышу передового рavelина — постройки, похожей на букву V. Равелин защищал стену и ворота внутри от атак и мог смести осаждающих с бастионов убийственным фланговым огнем. Обе стороны рavelина перекрывались, в свою очередь, фронтами бастионов, так что нигде не было укрытия от бури ружейного огня и артиллерии.

Несмотря на то, что поверхность земли скрывала подножие бастионов и рavelина, Хонсю знал, что та местность — смертельный лабиринт из волчьих ям, огненных ловушек, пристрелянных площадей, минных полей и других опасных сюрпризов. Сотни метров колючей

проволоки простирались от самых краев
гласиса, вала, насыпанного на переднем
краю рва напротив стен для затруднения
прицела артиллерии: «колючка»
покрывала все долину сплошным
зазубренным ковром.

Большая часть крепости была
скрыта от взора восходящим склоном
земли и хитростью строителей, но в
центре самой северной точки долины
Хонсю заметил блокгауз в форме ромба,
построенный на вершине склона, верхние
переходы его оцетинились орудиями. Его
местоположение означало лишь одно: он
охранял нечто, находящееся под ним и
скрытое от глаз. Возможно, вход в
подземные укрепления в самой горе.

На возвышенности, в километре на
запад от блокгауза, располагалась
украшенная башня с крылатыми ангелами
на крыше, высеченная из гладкого черного
каменья. Даже отсюда Хонсю мог видеть,
что она построена из материалов не
местных, но привезенных с других миров.
Дорога, уставленная по краям статуями,
уходила вниз от башни, исчезая из виду за

горизонтом из вершин бастиона. Каково было ее предназначение и каким образом столь изящный экземпляр архитектуры оказался вдруг в таком пустынном месте, оставалось тайной, но Хонсю не придал ей никакого значения. Стратегической важности в грядущем штурме эта тайна не имела, и потому была ему безразлична.

Кто бы ни спроектировал эту цитадель, он был настоящим мастером своего дела, и Хонсю почувствовал будоражащее шевеление в животе, когда представил, как эта местность будет кишеть людьми и машинами, наполнится кровью и смертью, как будет грохотать со склонов долины артиллерия; он представил ослепляющие клубы едкого, ядовитого дыма и крики утирающих людей, тонущих в вязкой, жидкой грязи под могучей поступью титанов.

Что за секреты хранила эта цитадель? Какое могучее оружие или неведомое сокровище было сокрыто в ее стенах? По правде говоря, Хонсю это было безразлично. Сама возможность штурма этого величественного сооружения уже

была большой честью. Желание Кузнеца Войны узнать тайну цитадели было достаточным для Хонсю, который поклялся, что, как бы то ни было, что бы ни пришлось сделать для этого, он первым ворвется в проломленные стены цитадели.

Гулкий грохот эхом донесся из долины, и Хонсю заметил облачко грязного дыма, расцветающее за стенами передового фронта. Еще только заблуждаясь снаряд в воздухе, Хонсю уже понял, что тот не долетит. И действительно, боеприпас врезался в землю в полукilометре впереди от того места на краю горы, где они стояли, швырнув в воздух огромные куски земли в клубах дыма.

Кузнец Войны проследил взглядом в направлении выстрела и сказал:

--- Битва началась. Пора нам побольше узнать о возможностях наших врагов.

Затем он повернулся к своим чeмпионам и кивнув Кроагеру:

--- Привести пленников.

Командир 383 полка Джуранских
драгун Претр Вобан глубоко затанулся
сигарой и закрыл глаза, позволив клубам
едкого сизого дыма задержаться во рту,
прежде чем медленно выдохнуть. Толстая
сигара была подарком от агента Наицина,
и хотя в обычных обстоятельствах он
предпочитал более мягкий черут, в
крепком вкусе этой огромной, вручную
скрученной сигары было что-то на
удивление приятное.

Наицин курил такие постоянно и
истово клялся, что в один прекрасный день
имперские аптекарии, наконец,
признают, что сигары — достойный
спутник досуга для мужчины.

В этом Вобан не был уверен, но если
Наицину приходила в голову идея,
поколебать его убежденность было
непросто. Вобан оперся на железное
ограждение и оглядел простирившийся
перед ним пейзаж.

Вид, открывавшийся с южного

балкона зала для брифингов, был, мягко говоря, впечатляющим. В день, когда Вобан впервые увидел этот мир, оранжевый цвет пылающего неба поверг его в трепет своим первозданным огнем, но сейчас это сияние вызывало лишь тошноту. Впрочем, как и многое другое на этом забытом Императором обломке скалы. Покрытые неплот вершины гор тянулись до горизонта, и если бы не холодное бешенство, в котором пребывал Вобан, и густые столбы черного дыма на юго-востоке, суровый пейзаж мог бы даже показаться красивым.

Пока он жив, Вобан никогда не забудет ужасающие сцены из Церихонских Водонагов, увиденные им на пункте передатчика: костюпорт стал багряным от крови его полка. Груз вины за смерть его солдат не становился легче от мысли, что он был бессилен предотвратить ее. Это были его люди, и у них было право полагать, что командир не станет рисковать их жизнями без веской на то причины. Он не выполнил свой долг перед подчиненными, и горечь этого провала

болезненной занозой терзала его сердце.

Церихонские Водонады в руках врага, и столько погибших, что он как солдат даже не мог представить.

Вобан поймал себя на том, что он обозревает величественную панораму крутых горных склонов, гудая о грядущих сражениях.

Какая разница, подумал он, погибнут они или выживут? Разве из-за этого горы рассыплются в пыль, ветер умрет свою ярость или солнце потускнеет? Конечно же, нет, но затем он вспомнил чудовищные картины из Церихонских Водонагов. Зло, которое они сулили, не шло ни в какое сравнение со всем, что Вобану довелось пережить прежде, и каждый нерв в его теле содрогался от мысли о подобных силах. Во вселенной для них не должно быть места.

Существа, способные на такое кровопролитие, по самой своей природе были злом, и их следовало остановить.

Возможно, скалам и солнцу нет дела до того, что они тут и погибнут, но Вобан знал, что подобное зло должно

встречать сопротивление везде, где бы оно ни появилось.

--- Сэр? --- Голос заставил его очнуться от мрачных мыслей.

У бронированной двери, ведущей в зал для брифингов, кашляя от душного воздуха, стоял один из штабных офицеров. Он прижимал к груди толстую пачку папок и бумаг.

--- Все собрались? --- спросил Вобан.

--- Да, сэр. Все уже прибыли, --- сообщил офицер.

Вобан кивнул, и штабист с облегчением поспешил скрыться внутри. В последний раз окинув взглядом высокие горные пики, Вобан глубоко вздохнул, одернул свой небесно-голубой мундир и застегнул воротник.

Даже во время войны наглежало помнить о приличиях.

Вобан дрожал, и хотя он говорил себе, что причиной тому прохладный воздух гор, в это верилось только отчасти. В этот миг пришел враг, более жестокий, чем могло представить его воображение, и теперь им предстоит решить, как с ним

спражаться.

В зале для брифингов Вобану показалось слишком жарко, но он не обратил внимания на капли пота, выступившие на лбу, и направился к своему креслу во главе стола для совещаний. Стены украшали флаги и эмблемы всех полков, многие века защищавших Цитадель, и Вобан почтительно кивнул призракам своих предшественников.

Все места были заняты. За длинным овальным столом собрались старшие командиры его батальонов и начальники станций. С одной стороны сидели командиры его полка: Михаил Леонид, его заместитель, и командиры трех батальонов — Пит Андерс, Гуннар Тедески и Морган Кристиан. С другой стороны стола расположились представители Агентств Механикус. Агент Науцин сидел, положив на стол затянутые в перчатки руки, и курил глинную сигару, выгоняя дым из искусственных легких через выхлопные отверстия вдоль гибкого серебряного позвоночника. За его спиной выстроилась свита из слепых писцов и автоматических

записывающих устройств, кропотливо
фиксировавших каждое слово и жест
своего повелителя.

Рядом с Наицином голопроектор в
бронзовой раме показывал мерцающее
изображение пепельно-бледного лица,
окруженного нитями проводов и
бьющихся трубок. Лицо то и дело
искажалось в гримасе, когда мускулы
пытались воспроизвести полубытовые
мимические движения, принесенные в
жертву пульсации машин вместе с
органической природой их владельца.
Архимагос Каэр Амаэтон, смотритель
цитадели Гидры Кордатус, хмуро взирал
из глубин своего святилища машин, где он
был навечно связан с бьющимся
механическим сердцем цитадели, навсегда
подсоединен к каждому процессу ее
функционирования. То немногое, что еще
оставалось от тела Амаэтона, было так
глубоко погружено во внутреннюю
матрицу цитадели, что он уже не мог
покинуть свое искусственное жилище в
самом сердце крепости.

Младшие офицеры сновали вокруг

стола, разливая кофеин и раздавая материалы для брифинга, испещренные колонками цифр с указанием численности боеспособных частей и состояния снабжения.

Вобан недовольно заворчал.

--- Есть три вида лжи, --- сказал он, быстро проглядев документ, --- ложь, наглая ложь и статистика!

Позади стола техники с выбритыми затылками готовили проектор для демонстрации графиков, составленных по приказу Вобана; немого в стороне была установлена стального цвета кафедра.

Как только техники и адъютанты покинули зал, Вобан встал и занял место за кафедрой. Выдохнув облако густого дыма, суровый командир обратился к военному совету.

--- Итак, джентльмены, нам нанесли серьезный удар, и, вполне вероятно, ситуация еще ухудшится, прежде чем наступит перемена к лучшему.

Такое по-видимому пораженческое заявление заставило нахмуриться некоторых младших офицеров. Не обратив

на них внимания, Вобан продолжил:

--- Времени у нас немного, поэтому буду по возможности краток, а затем мы начнем наш ответный удар. Нам здоровенько осталось, но если мы будем действовать незамедлительно, думаю, у нас есть неплохой шанс дать врагу по зубам. Прежде всего, я кратко обрисую наше положение на настоящий момент. Я сделаю это быстро, поэтому не отвлекайтесь, и если я задам вам вопрос, отвечайте без промедления. Ваши вопросы вы сможете задать, когда я закончу.

Приняв молчание офицеров за знак согласия, Вобан повернулся к проектору у себя за спиной, на который была выведена крупномасштабная карта цитадели и окрестностей. Церихонские Водонады были отмечены красным, а цитадель, Тор Кристо и соединяющий их подземный туннель --- зеленым.

--- Как вы видите, враг занял Церихонские Водонады и лишил нас любой возможности воспользоваться тамошним оборудованием. В силу этого мы также лишились прикрытия с воздуха и

возможности нанести удар с помощью авиации.

Вобан повернулся к Гүннару Тедески.

--- Сколько там базировалось самолетов, майор Тедески?

Невысокий, плотного сложения, майор еще в бытность свою пилотом «Марогера» лишился руки и правого глаза, место которого в выжженной глазнице заняли грубые и неровные шрамы. Во время обстрела орудийной колонны он был сбит и попал в плен, пройдя через пытки в лапах зеленокожих прежде, чем воины Четвертой роты Ультрагесанта освободили его.

Тедески ответил, не заглядывая в свои бумаги:

--- Пять эскадрилий «Молний» и четыре --- «Марогеров». В общем сто двенадцать самолетов, но большей частью перехватчики и, как мы подозреваем, большая часть их уничтожена.

--- Хорошо, по крайней мере, мы с большой долей уверенности можем сказать, что враг не будет использовать против нас нашу собственную авиацию.

Как бы то ни было, потому этого на нашей стороне все еще остается преимущество в логистике и стратегии. Как долго это будет продол...

--- Прошу прощения, полковник Вобан, -- перебил его магос Науцин, -- не могли ли вы объяснить, что привело вас к такому выводу? Как я понимаю, мы лишились нашей единственной связи с внешним миром, и в данный момент враг использует наше же оборудование, чтобы доставлять на поверхность планеты все новые войска и военные машины. Не вижу, как это может стать нашим преимуществом.

Не делая попыток скрыть раздражение, Вобан облокотился на кафедру и заговорил так, как будто обращался к особенно несообразительному тлэшному офицеру:

--- Магос Науцин, вы человек науки, а не военный, поэтому вам необязательно это понимать, но мне совершенно ясно, что данная атака на нашу цитадель обречена на провал. В нашем распоряжении более двадцати тысяч солдат, танковая

бригада и пол-легиона титанов Легион
Узнатум. Я знаю эту крепость, я читал
записи, оставленные предыдущими
кастелянами. Соотношение потерь при
взятии бастионов цитадели в самом
худшем случае составит четыре к одному,
и, уверен, даже вы признаете, что такие
цифры выходят за пределы того, что нам
может готовить любой противник.

Предоставив Наицину возмущаться
столь снисходительным ответом, Вобан
вернулся к экрану проектора и по очереди
указал на каждую из высветившихся на
нем иконок, обозначающих дислокацию
войск.

— Наши силы распределены между
основными военными формированиями.
Батальон В базируется тут, рядом с
батальоном Б, что вместе составляет
около двенадцати тысяч солдат и
девятьсот единиц бронетехники.
Батальон А был разделен на две части в
Церихонских Водонагах и Тор Кристо, и,
учитывая потери, понесенные в
Церихонских Водонагах, численность
батальона сейчас составляет незначитель-

менее семи тысяч человек, все они в настоящее время базируются в Тор-Кристо.

Изображение на экране вновь сменилось, на этот раз демонстрируя на карте позиции и численность вражеской армии.

--- Что касается противника, нам известно, что со времени битвы у Водонагов из костюпорта выдвинулись лишь незначительные силы. Мы можем только строить догадки об их численности, но, по нашим предположениям, у них не более тридцати-сорока тысяч солдат, которые хорошо вооружены и --- на данный момент --- не испытывают недостатка в мотивации и умелых командирах.

Вобан сделал паузу, чтобы подчеркнуть грандиозность названных чисел в полной мере дошла до аудитории, и с удовлетворением отметил, что никто из его слушателей не поддался страху.

--- Итак, вот наша ситуация, насколько мы можем оценить ее в данный момент. Теперь я попрошу каждого из вас проинформировать остальных о состоянии

вашего соединения. Говорите прямо и
будьте откровенны. Если в вашей части
неудовлетворительная дисциплина, есть
перебои в снабжении или иные недочеты, я
должен знать об этом. Ясно?

Вобан повернулся к мерцающему
голографическому изображению мага
Амаэтона на другом конце стола.

— Архимagos Амаэтон, вы ближе, чем
большинство из нас, знакомы с
техническим оснащением крепости. Есть
ли что-нибудь, что мне следует знать?

Голографический образ мага
загрожал, и Вобан уже собирался
повторить свой вопрос, когда Амаэтон,
наконец, ответил. В его прерывающемся
голосе не было уверенности.

— Я считаю, наш ответный удар
должен быть сильным и быстрым... именно
так. Цитадель хорошо укреплена, но, как
вам известно, любая крепость неизбежно
падет, если не придет помощь извне.
Пока мы не уверимся, что подкрепление
уже направляется к нам, это будет жизнь
взаймы. Мы должны приложить все силы,
чтобы продержаться, пока не придет

поукрепление.

--- Хорошо. Вы все слышали, что сказал магос. К завтрашнему утру мне нужны отчеты об укомплектованности боеприпасами по каждой станции. В обычных обстоятельствах я не люблю контратаки: это значит, что враг захватил инициативу и вынудил нас занять оборонительную позицию. Но в данном случае я не думаю, что у нас есть особый выбор.

Вобан повернулся к батальонным командирам:

--- Гуннар, Пит, Морган? В каком состоянии ваши части?

Пит Андерс ответил первым:

--- Клянусь жизнью, сэр, мы покажем этим шавкам, что значит уметь драться! Батальон В заставит этих нечистых псов убраться прочь, поджав хвосты, прежде чем они постыют даже посмотреть на стены нашей цитадели!

--- То же сделает и Батальон А, --- резко сказал Тедески.

--- Отлично. Так держать, --- Вобан улыбнулся, довольный тем, что его

Офицеры настроены столь решительно. Офицеры козырнули, не скрывая своего желания порадовать командира и перейти, наконец, к боевым действиям.

Брифинг продолжался. Кастелянцитагели двинулся вокруг стола, энергичным жестом сжатой в кулак руки акцентирова каждый пункт своего плана.

— Майор Тедески будет удерживать Тор Кристо при поддержке двух артиллерийских взводов от каждого батальона. Я хочу, чтобы артиллерия обрушила на этих паршивцев столько снарядов, сколько сможет, прежде чем они приблизятся к цитадели. Майор Кристан, под вашей ответственностью бастион Винкаре; майор Андерс удерживает бастион Мори. Первый рavelин будут постепенно защищать подразделения из обоих ваших батальонов под командованием подполковника Леонида.

Офицеры кивнули, и Вобан продолжил изложение своего плана.

— Нам предстоит тяжелый бой, сжигательны, и мы лишим себя всякого преимущества, если дадим врагу

передышку. Если принцес Фиерах согласится с моими предложениями, его танкисты и наши бронетанковые роты, используя подходящую ситуацию, смогут перенести бой на территорию врага и, тем самым, лишат его возможности спокойно завершить подготовку к осаде. Чем дольше мы будем сдерживать продвижение противника, не позволяя ему приблизиться к стенам цитадели, тем больше времени будет на подходы подкрепления.

— В какие вероятные сроки нам следует ожидать прибытия подкрепления? — спросил Леонид, подавшись вперед и опираясь локтями о стол.

— Я могу ответить на этот вопрос, — откликнулся агент Наицин. — Кастелян Вобан, вы позволите?

Вобан согласно кивнул.

— Перед тем, как пали Церихонские Водонады, магос Механикумов, находившийся там, сумел отправить зашифрованную сводку с пометкой высокой категории срочности. Очень скоро это

сообщение получают все ближайшие аванпосты Agentys Механикус, и когда секретности, который я заметил в сообщении, должен гарантировать самый быстрый ответ.

--- Насколько быстрый? --- не сдвинулся Леонид.

--- Сколь-либо точно сказать невозможно. Путешествие на такие расстояния зависит от массы переменных, и существует множество факторов, которые могут негативно повлиять на сроки прибытия подкреплений.

--- А по вашим догадкам?

Наицин пожал плечами. Его вздох прозвучал подобно разряду статических помех в его вокс-усилителе.

--- Вероятно, через семьдесят дней, но не позже, чем через сотню.

Леонид кивнул, хотя полученный ответ явно не улучшил его настроения.

--- Мы отправили еще одно сообщение из нашего Звездного Зала? На случай, если первое сообщение не прошло.

Магос Наицин неуютно поежился и взглянул на голографическое изображение

своего господина, прежде чем ответить.

--- К сожалению, в последнее время мы столкнулись с некоторыми проблемами с кодировкой при отправке сообщений, и услуги Звездного Зала в данный момент для нас...недоступны. Но пусть вас это не беспокоит, майор, --- продолжил Наицин с прежним самооблаганием. --- Враг, может быть, и способен взять над нами верх числом, но на это потребуются время. Время, которого не будет, если подкрепление уже идет к нам. Время работает против них, они это знают, и потому будут действовать отчаянно и неосторожно. Это нам на пользу.

Наицин откинулся в кресле, и Вобан вернулся на свое место.

--- Итак, джентльмены, всем ясно, что предстоит сделать? Нам придется действовать точно и быстро. Ошибки --- роскошь, которую мы себе позволить не можем, а потому держите ружья наготове, а сабли --- хорошо отточенными. Вопросы?

Вопросов не было, и Вобан продолжил:

--- Не обманывайте себя, угроза, с

которой мы здесь столкнулись, более чем
реальна. Грядущее противостояние
потребует максимума от вас и ваших
людей. Цена победы будет высокой,
чертовски высокой, и это жертва, на
которую мы все должны быть готовы
пойти. А теперь --- за дело. Нам
предстоит битва.

ПЕРВАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Глава 1

Колонна из мужчин и женщин, окровавленных, сломленных и навших духом, с трудом продвигалась по дороге, ведущей от Церихонских Водонагов вверх, к плато. Пленные шли, опустив головы, многие были тяжело ранены и без медицинской помощи были обречены на скорую гибель.

Железные Воины, гнавшие их на смерть, как скот, не обращали внимания на физическое состояние своих подопечных. Им достаточно было, что пленные могут идти.

В колонне стесались тысячи истощенных, оголодавших рабов, привезенных на Тигру Кордатус, чтобы работать и утирать, и пленные, захваченные во время атаки на костопорт, — их пощадили лишь потому, что этого требовали планы Кузнеца Войны.

Шагая рядом с этим жалким строем, Кроагер чувствовал, как презрение к этим

ничтожеством, зовущимся людьми, тугим
узлом отворачивания стягивает его нутро.
Как могло это хнычущее подобие
разумного вида даже надеяться когда-либо
справить галактикой? Они были слабы и
следовали учениям сгнившего трупа с
планеты, название которой знали
немногие, а побывать на ней никогда не
довелось бы ни одному из них.

Необходимость использовать этот
скот как пушечное мясо раздражала его, но
выбора не было. Именно пленным по
приказу Кузнеца Войны предстояло
первыми вступить в битву, и честь,
показанная им таким решением, встала
Кроагеру поперек горла. Он с трудом
сглотнул, сдерживая нарастающую ярость.
Все чаще приступы бешенства,
посылаемые Кровавым Богом,
затуманивали его сознание, и он понимал,
что должен держать себя в руках.

Чтобы утолить гнев, он резко ударил
кулаком ближайшего пленника, превратив
его ребра в осколки. Как подкошенный,
тужчина упал на землю, его глаза широко
раскрылись, а дыхание превратилось в

хрип. Некоторые из шагавших рядом
пленных склонились к утирающему, чтобы
помочь, но вовремя остановились, услышав
предостерегающий рык Кроазера. Без
всяких церемоний раненого отпихнули
прочь, и тело откатилось в сторону,
освобождая дорогу для тысяч людей,
идущих следом.

— Вы идете на смерть и даже не
понимаете, какая честь вам оказана! —
прокричал Кроазер, едва впереди показался
гребень горы. Повернувшись к толпе спиной,
он широко развел руки и, не
останавливаясь, повысил голос, чтобы его
услышали как можно больше пленников:

— Я клянусь вам: если кому-либо из
вас удастся выжить в задании, которое
вам назначено, его пощадят. Даю вам
слово Железного Воина.

Кроазер, глухо растеявшись, уже
повернулся к колонне спиной, когда из
толпы донесся женский голос:

— У чего стоит это слово,
предатель?

Время застыло, сделав бесконечно
долгими те несколько секунд, что

потребовались Кроагеру, чтобы обнажить ценной меч и подойти к пленникам.

--- Кто смеет говорить со мной? ---
взревел он с лицом, искаженным яростью. ---
Кто из вас, презренного отребья, смеет задавать мне вопросы?

Перепуганные мужчины и женщины отчаянно пытались избежать ударов меча, которым Кроагер орудовал, подобно мяснику, в бешенстве отсекая конечности и головы. Еще с десяток раз меч поднялся и опустился, прежде чем вновь послышался тот же голос --- теперь более громкий.

--- Я смею, предатель. Лейтенант Ларана Уториан, 383-ий Драгунский Джүрана, и я спрашиваю: чего стоит слово такого еретика, как ты?

Кроагер почувствовал, как его сознание окутывает красная дымка. Зрение сузилось, сфокусировавшись на женщине, постевшей заговорить с ним, на артерии, пульсировавшей на ее шее, и на дуге, которую очертит его меч, прежде чем отрубить ей голову. Но он сдержал гнев и заставил себя опустить оружие. Пленница, женщина с дерзким лицом,

одежда в потрепанную небесно-голубую форму Имперской Гвардии, была намного ниже его; окровавленная, с рукой на кое-как сооруженной перевязи, она, тем не менее, смотрела на него с неприкрытой ненавистью.

Узнавание, странное и противоестественное, поразило Кроагера, хотя откуда пришло это чувство, он сказать не мог. С удивлением он ощутил, как гнев его рассеивается. Чего, кроме быстрой смерти, могла надеяться достичь своим непокорством эта женщина? Кроагер наклонился, чтобы заглянуть Ларане Уториан в глаза, а затем схватил ее раненую руку и сжал.

Ее лицо исказилось от мучительной боли, но Кроагер не ослабил давления, пока не почувствовал, как под кожей трется друг о друга острые концы сломанной кости.

--- Чего стоит твое слово? --- повторила Ларана Уториан сквозь сжатые зубы.

--- Немногого, --- признал Кроагер и повернул руку так, что Уториан резко

вскрикнула, -- но ты не лишена частицы
мужества, и это мужество должно быть
по достоинству вознаграждено.

Растеявшись, Кроагер отпустил
руку пленницы и объявил:

-- Вот эта пойдёт в первой волне
атаки.

Глава 2

Первой мыслью, проникнувшей в туман полубессознательного состояния, в котором пребывал гвардеец Хоук, было подозрение, что на этот раз он переборщил с выпивкой и влил в себя что-то превысившее возможности его организма. Попойки Хоука вошли в историю, но никогда он еще не чувствовал себя так плохо: как будто разъяренный карнозавр исколошматил его с головы до ног, превратив тело в один сплошной синяк.

Вокруг было темно и пыльно, легкие работали с трудом, и Хоук закашлялся, пытаясь понять, что происходит. Он немедленно открыл глаза и подождал, пока взгляд сфокусируется. Прямо перед ним была рокристовая поверхность, очень похожая на пол станции слежения, но кроме нее ничего не было видно. Клубы пыли призраками парили в оранжевом свете.

Хоук попробовал повернуться, и

обжигающая боль пронзила левое плечо, заставив его ругнуться; по руке стекало что-то липкое. Он осторожно повернул голову и попытался сориентироваться в выжженных, пропитанных едким дымом руинах, среди которых оказался. У стены лежала обугленная бесформенная масса, но в полумраке Хоук не мог понять, что это такое. В ушах звенело, и всякий звук от собственных движений казался гребежащим и бесконечно далеким. Он опять повернулся, перекатился на спину и закричал зубами от боли, вновь окатившей плечо. Но после этого маневра ситуация немого прояснилась. Его ноги были зажаты под чем-то тяжелым, — извернувшись, Хоук разглядел, что это был разбитый корпус вока.

С трудом выползая из-под тяжелых обломков, Хоук по крупицам вспоминал события, произошедшие... сколько же времени прошло? Он сел, прислонившись спиной к стене, и здоровой рукой ощупал рану. Он помнил лязг гранат, упавших на пол бункера. Одну ему удалось спихнуть в зумпф, но другая взорвалась раньше, чем он

до нее добрался. Благодарение
Императору, что старое оборудование
этой проклятой станции оказалось
достаточно громоздким и прикрыло его
от разрушительной силы взрыва.

Он потер руку — глубокая рана в
плече отозвалась новой вспышкой боли — и
перевел взгляд на почерневшую массу у
противоположной стены. Поблескивание
обнажившихся костей, скрюченная от огня
рука — Хоук понял, что это его бывший
сослуживец, Хитч.

Жалеть Хитча Хоук не мог, у него
было достаточно собственных проблем.
Например, что ему, черт побери, теперь
делать? Все оборудование станции было
разбито, и он знал, что починить его не
стоит. Он застрял на вершине этой
злосчастной горы, откуда вниз не было
никакой сносной дороги, плюс рука болела,
как последняя сволочь.

Со стоном Хоук поднялся на
трясущиеся ноги и оперся о стену. Грудь
болела при каждом вздохе, наводя на мысль
о сломанных ребрах. Шатаясь, как пьяный,
он потянулся к металлическому ящику,

частично похороненному под останками
автомашки и консоли вокса. Ногой
отшвырнув мусор, Хоук потянул крышку
вверх, достал из ящика холщовый рюкзак и
пошарил внутри. Он нащупал небольшую
аптечку, вскрыл упаковку и, морщась от
боли, стянул с себя шинель и рубашку.

Все время, пока Хоук обрабатывал
рану анальгетиком и накладывал на руку
давящую повязку, он не переставал
размышлять о том, кто же на него напал.
Он задумался об этом только сейчас, когда
мысли прояснились и приобрели некоторую
связность. Рассмотреть хорошенько
нападавших он не успел, но кто бы это ни
был, они были поистине гигантами. Он
стутно помнил что-то огромное серо-
стального цвета — колосса, который мог
быть только костическим десантником.

Дыхание перехватило, медицинские
процедуры были забыты.

Костические десантники...

Ему доводилось сталкиваться с
костодезантом. Несколько раз ему по
невезению выпало дежурство в «Надежде»,
и он видел, как они выгружаются из

тяжелых боевых кораблей. Поначалу Хоук был поражен их внушительным телосложением, ему захотелось заговорить с одним из них, расспросить о битвах, в которых он участвовал, о местах, где побывал. Но их сдержанное поведение, военная выправка и крупнокалиберное оружие ясно говорили, что такой поступок станет самой серьезной ошибкой в его жизни — и, к тому же, последней.

И все же в неизвестном воине, которого Хоук даже не разглядел, было что-то, что заставило его угрожать от страха. Он не был похож на тех костогесантников, что Хоук видел раньше. Несмотря на все их неприступное превосходство, ни в одном из них, даже если он и угоставал гвардейца взглядом, не чувствовалось такой внушающей ужаса древней злобы. Здесь же было что-то совершенно иное.

Внезапно Хоук понял, что его мечты о боевых действиях исполнились самым недвусмысленным образом, и на его перемазанном перлом лице появилась

кривая улыбка. Он столкнулся один на один с врагом и выжил. Посмотрев еще раз на тело у стены, он понял, почему нападающие не стали добивать его: они увидели труп Хитча и подумали, что это он. Хоук расстелся; стех вышел нервным.

— Ну, малыш Хитчи, — сказал он, хихикая, — кажется, тебе все-таки удалось сделать в жизни хоть что-то полезное.

Как и большинство людей, знавших Хоука, враг недооценил его. Внезапно он разозлился: проклятье, он солдат, и он еще заставит этих ублюдков понять это.

Прижав руку к груди, он соорудил нечто вроде перевязи из бинтов, обнаружившихся в аптечке, после чего вытряхнул содержимое рюкзака на пол, отпихнул в сторону те предметы, что стали бы только бесполезным грузом, и сложил внутрь все, что могло пригодиться. После взрыва таких вещей осталось немного. Он упаковал все продовольственные пайки, которые смог найти, а также пару бутылок с гидратирующими капсулами. В поисках таблеток детокса он проверил карманы

инели и вздохнул с облегчением, обнаружив коробочку во внутреннем кармане. Без этих таблеток он мог сразу пустить себе пулю в лоб: яды, содержащиеся в атмосфере, поразили бы его в течение суток, не принимай он регулярно очищающие препараты, которые Agentus Механикус Биологис производили для солдат. На вкус эти таблетки были противнее всего, что Хоуку приходилось пробовать, но если они сохраняют ему жизнь, он готов и потерпеть. В любом случае, в запасе их было не слишком много...

Он пошарил в ящике, вытащил потрепанный дыхательный аппарат и также уложил его в рюкзак. Кислорода в аппарате оставалось чуть больше половины, но и это могло пригодиться, если его в пути застанет одна из столь частых в этих горах пыльных бурь. Вытащив со дна ящика портативный вокс-передатчик, Хоук расплылся в улыбке, хотя слово «портативный» тут было уместно разве что в шутку. Громоздкие батареи весили по килограмму каждая, а

само устройство займет большую часть рюкзака. И все же, кажется, кто-то говорил, что нет на поле боя ничего опаснее, чем человек со средствами связи.

Лично Хоук предпочел бы лазпушку, но такова жизнь.

Он опустошил рюкзаки Хитча и Чарего и перерыл личные вещи своих погибших сослуживцев. Компас и магнокүляры, когда-то принадлежавшие Чарего, отправились в один из карманов вместе с шестью батареями для лазгана. Блестящий нож в ножнах из тисненой кожи, когда-то бывший гордостью гвардейца Хитча, был прикреплен на пояс, а обгоревшее тело удостоилось короткого кивка.

— Не возражаешь, если я возьму его? Нет? Я так и думал. Спасибо, Хитч.

Удостоверившись, что он спас все, что еще оставалось целым из скудных запасов станции, Хоук перешел к поискам своего лазгана — принялся переворачивать вверх дном покореженные обломки и разгребать наносы янтарного цвета пыли, просочившейся в дверь.

Вот. Он наклонился и, ухватившись за приклад, извлек оружие из-под слоя пыли. Ствол оказался погнут, и Хоук, с недовольным ворчанием отбросив ставший бесполезным лазган, направился к перекошенному дверному проему.

Выйдя наружу, он сощурился на ярком свету и уставился в немот удивлении на высокие столбы дыма вдаль, поднимавшиеся над Церихонскими Вогонагами.

— Священная кровь Императора! — прошипел Хоук, глядя в небо, заполненное гигантскими кораблями — настолько гигантскими, что они просто не имели права летать. В Вогонагах было оживленнее, чем когда-либо. Десятки тысяч людей и единиц техники заполнили окрестности космопорта — столько Хоук не видел даже во время большого сбора на Джуране, когда целый полк готовился к отправке.

Его колени подкосились, и, упав на землю, Хоук даже сквозь полевую форму почувствовал жар, исходящий от непа на горном склоне. Как можно было

предположить, что кому-то удастся организовать операцию таких масштабов?

Вытянув руку для опоры, Хоук нащупал холодный металл, и его пальцы сомкнулись на стволе ружья. Это оказался лазган джуранской модели; на прикладе темнели пятна крови. Улыбнувшись, он поднял оружие и убедил, что индикатор заряда оптически светится зеленым.

Вновь исполненный решимости, Хоук поднялся на ноги.

Нужно было что-то делать, но что?

Со столькими ему не справиться. Даже примархи костодесантников, герои преданий, отступили бы перед столь неравными силами; и все же Император сделал так, что у него появился шанс показать, на что он способен. Что конкретно он будет делать, он пока не знал, но изобретательности ему не занимать — что-нибудь да придумает.

С того места, где стоял Хоук, цитадели было не видно, но горный край, узкий, как лезвие ножа, проходил с севера на запад от станции слежения и

поднимался еще на тысячу метров или около того --- оттуда будут прекрасно просматриваться как долина, где расположена цитадель, так и космопорт Церихонских Богословов.

Хоук повесил лазган на плечо и стал пробираться между скал вверх по все более крутому и неровному склону. Глубоко вдохнуv, он закашлялся --- от пыльного воздуха перехватило горло --- и критически взглянул на сложившуюся ситуацию.

Один в горах, при себе только переносной вокс, ружье с шестью батареями для перезарядки и боевой нож.

«Трепещите, враги Императора», мрачно подумал Хоук и начал подъем.

Глава 3

Форрикс наблюдал, как очередная колонна грузовых платформ, везущих солдат с землистого цвета лицами, пересекает взлетную полосу по направлению к выезду из космопорта. Непрерывный ревущий поток самых разных видов транспорта протянулся от вместительных грузовых отсеков целой флотилии судов: едва те касались земли, как их трюмы начинали изрыгать вереницу танков, грузовиков, фур, бронетранспортеров и передвижных артиллерийских установок. Тысячи машин проезжали мимо него, и каждая на всех этапах пути следовала указаниям Железных Воинов из Великой роты Форрикса. Элемент случайности был полностью исключен, и все детали этого снабженческого кошмара были Форриксом тщательно продуманы и спланированы.

Каждое судно заходило на посадку по точно рассчитанной схеме: подняв тормозными двигателями непроницаемые

для взгляда клубы непла, оно освобождалось от груза и уступало место следующему в четко определенной очередности. Форрикс точно знал, капитаны каких судов отличались осторожностью, а какие любили полихачить, сколько времени каждому из них требовалось на посадку и как эффективно в каждом случае работали наземные команды. Шум над костопортом стоял оглушительный, и большинство обычных людей, участвовавших в этой высадке, навсегда лишатся слуха.

Несведущему наблюдателю костопорт показался бы суетолокой из тел и машин, но, пристотревшись внимательнее, он бы заметил систему, лежащую в основе всех передвижений. Это было не случайное броуновское движение, а тщательно организованный маневр, сложную схему которого стог бы разглядеть только тот, кто много веков занимался перемещением столь огромного числа людей и техники.

Имперские логистики были бы поражены самим масштабом операции и

скоростью, с которой она разворачивалась. И если бы не святоотечественная природа миссии, стоявшей перед Железными Воинами, эти же логистики с радостью бы преклонились перед Форриком и униженно просили бы поделиться с ними опытом.

Воины Форрикса руководили передвижениями как внутри костюпорта, так и вне его. Жалкие оборонительные сооружения, разрушенные при первой атаке, теперь восстанавливались, а для защиты от нападения извне возводились контрвалационные линии^[1]. Форрикс не сильно верил в возможность такого нападения, но так предписывали правила. Если исторические свидетельства и собственный опыт чему и научили его, так это тому, что наиболее уязвимым становишься, когда не ждешь атаки.

Со скоростью, которая заставила бы почувствовать некомпетентность даже самых лучших Имперских инженеров, по периметру костюпорта вырастал похожий на кошмарный сон лабиринт окопов,

заграждений из колючей проволоки и укрепленных огневых сооружений. Форрикс предполагал, что еще до ночи контрбалакционные линии будут закончены, и Церихонские Водонады станут более неприступными, чем когда-либо за всю свою долгую историю.

Хотя Кузнец Войны заверил их, что с разрывом астронавических коммуникаций планета оказалась отрезана от всей галактики и у Имперских сил не осталось никакой возможности позвать на помощь, Форрикс не мог допустить, чтобы Костопорт — зона его ответственности — оставался незащищенным, и сам этой уверенности не разделял. Джарек Келмаур, колдун, приближенный к Кузнецу Войны, выглядел обеспокоенным, когда тот твердо заявил, что Имперские астронавы не представляют угрозы, и Форриксу стало любопытно, не тяготит ли совесть колдуна некий тайный проступок. Может быть, имперскими силами, несмотря на козни колдуна, все же удалось отправить сообщение кому-то за пределы планеты? В этой гипотезе что-то было, и Форрикс

решил пока не сбрасывать ее со счетов, чтобы в будущем при случае использовать в своих интересах. Интриги уже давно перестали занимать его, но он был достаточно дальновиден, чтобы понимать: знание дает силу, и никогда не будет лишним иметь в запасе козырь, который можно обратить против конкурентов. Пока же он не будет исключать даже слабую возможность того, что осада с цитадели будет снята, а потому станет соответственно планировать и собственную линию обороны.

На информационном планшете высветилась новая рунa, и Форрикс, забыв на время о наполненных паранойей интригах, составлявших самую суть Железных Воинов, стал наблюдать, как основную взлетно-посадочную полосу быстро очищают от солдат и транспортных перед прибытием еще одного огромного корабля — на фоне темнеющего янтарного неба было видно, как он снижается в рокоте и пламени тормозных двигателей. Едва корабль вышел за

границу посадочной зоны, как гнетущая
тень медленно заскользила по земле,
накрывая весь костюпорт целиком подобно
вязкому нефтяному пятну.

Форрикс не глядя узнал транспорт,
заходивший на посадку, и пока другие более
впечатлительные натуры задирали
головы, таращась на спускающегося к
Церихонским Водонасам левиафана, сам
он испытывал только раздражение из-за
того, что судно опоздало почти на
тридцать шесть секунд. Воздух сотряс
стон, как будто мир раскололся на части,
затем послышался протяжный скрип
массивных органических поршней и
зубчатых колес, заглушивших низкое
гудение устройств, благодаря которым
чересчур громоздкое судно могло летать.
Во вселенной не было ничего, подобного
этим древним и загадочным механизмам,
созданные специально для этого корабля,
они представляли собой смесь
органических элементов и технологий
давних времен. В их создании слились
воедино достижения биологической
сверхэволюции, колдовство и инженерный

жений, а физическим принципам, лежавшим в основе их действия, не было места в природе. Форрикс прекрасно знал, что производство подобных устройств было возможно только в Глазе Ужаса — той области космоса, где варп прорывал ткань реальности и отменял все ее законы, области, которую Легионы Хаоса звали готом.

Зловещая тень остановилась в своем движении, но оглушительный скрежет не прекращался, и Форрикс посмотрел вверх, чтобы убедиться, что корабль сохраняет предписанную высоту. Груз в его трюмах был крайне важен для успеха всей кампании.

Огромный корабль внешне напоминал горный утес, который перевернули на бок и на многие тысячелетия оставили лежать в глубинах бездонного океана. Черный глянец его древней поверхности, похожий на панцирь какого-то омерзительного насекомого, был усеян порами, наростами и сочащимися жидкостью отверстиями, а брюхо испещрили подобные сфинктерам углубления, блестевшие в жарком мареве.

Когда-то этот корабль странствовал в ледяной пустоте космоса от галактики к галактике, пересекая неизмеримые расстояния, и служил домом для миллиардов существ, чье сознание слившееся в коллективный разум, подчинялось лишь одному инстинкту — поглощать органическую материю и размножаться. Каждая особь в этом едином сознании действовала в полном подчинении титаническому сверхразуму, и, дрейфуя от планеты к планете, корабль оставлял за собой лишь безжизненный камень. Кузнец Войны положил этому конец, заразив нервную систему корабля тем же техновирусом, что поражал безумных стирателей; так была прервана жизненно важная для улья связь с родительским кораблем и разрушен защитный кокон общности.

Никто не смог бы сказать, как долго костический левиафан сопротивлялся инфекции, но в конце концов колдун Кузнеца Войны сломил его защиту и, когда сознание его почти угасло, переправили остов в Глаз Ужаса.

Возможно, живой корабль надеялся, что ему окажут помощь, но в этом случае его ждало жестокое разочарование. Оскверненный и изуродованный, теперь он был вынужден подчиняться желаниям Кузнеца Войны и стал лишь одной из шестеренок в механизме, воплощающем его грандиозный план.

Сейчас корабль более двух километров глиной немыслимым образом завис над Церихонскими Водонагами. Его грузовой отсек, похожий на раздувшееся брюхо мифического морского чудовища, был открыт, извергая фонтаны гнилостных газов.

Две фигуры выступили из жаркой тьмы его ребристого трюма и медленно спустились на землю. Их встретили криками, в которых ужас перемешался с восторгом: так простые смертные, ставшие солдатами на службе у Железных Воинов, приветствовали своих богов войны.

Два гигантских линейных титана Легио Мортис, чей корпус опутывали метровой толщины шпальца-кабели, спустились на Гидру Кордатус. Вначале

из тьмы появились их массивные, похожие на бастионы ноги, испещренная амбразурами броня которых несла на себе шрамы тысячелетий войны; затем показались огромные торсы и бронированная грудь.

Созданные по образу человека, они не были ему подобны. Их могучие, но сейчас неподвижные руки соединялись с широкими, как башни, плечами и несли оружие, размером превосходившее здание. Наконец, показались их головы, и даже Форрикс, в избытке вкусивший войны, был поражен той ужасающей мощью, что исходила от этих величественных машин. Никто не знал, какую роль в их создании сыграла воля Темных Богов, но весь их демонический лик светился незатумненной силой Хаоса, как будто часть этой неукротимой энергии воплотилась в их жестоком обличье.

Исполнины шагнули на землю, и та загудела, словно от поступи разгневанного божества. Блестящие, похожие на щупальца кабели освободились из креплений и втянулись обратно в брюхо

носителя, освобождая место для выгрузки следующей пары титанов.

Форрикс посмотрел на двух титанов, застывших на летном поле; даже в их неподвижности ощущались мощь и величие. За спиной более крупного змеился хвост, увенчанный шипастым шаром размером больше, чем сверхтяжелый танк, и при виде этого сокрушительного оружия собравшиеся воины разразились криками восторга.

Раздался оглушительный вой, и руки колоссов пришли в движение, подчиняясь злобешнему и яростному духу, что давало жизнь этим машинам. Первая из них, титан класса «Император», когда-то служила жертвой богу и была известна под внушавшим ужас именем «Диес Уре». Титан шагнул вперед, и земля содрогнулась под исполинскими ногами. Демонический принцесс, управлявший машиной, явно торопился повести титана в бой, пока тот не обрушил свой гнев на своих же союзников.

«Патер Мортис», смертоносный спутник «Диес Уре», направил свои орудия

к небу, словно благодаря богов за возможность еще раз принять участие в войне, и мир согрознулся от его исполненного жаждой битвы рева. Уступая в размерах «Диес Уре», он следовал за своим более массивным собратом, как верный помощник.

Глядя, как могучие машины разрушения покидают космопорт и удаляются в сторону гор, Форрикс позволил себе сдержанно улыбнуться. Танки и пехота мельтешили у ног титанов. Те, кому уже доводилось сражаться рядом с этими губительными колоссами, проявляли здравомыслие и соблюдали дистанцию; те же, кто впервые видел это физическое воплощение могущества своих повелителей, в благоговении подбিরались поближе. Многие из солдат, бестолковых смертных, дорого заплатились за столь неразумное рвение: с каждым шагом гигантов под их ногами гибли толпы людей.

Очередные два титана уже спускались на поверхность планеты, и прежде, чем операция завершится, за ними

последуют еще и еще. Форриксу многое предстояло сделать, но он был доволен, что все продвигается по плану.

Еще два часа --- и здесь будет армия, готовая обрушиться железным штормом на этот мир и разорвать его на части.

Глава 4

Ларана Уториан из последних сил старалась не обращать внимания на боль в искалеченной руке. Даже если ей удастся выжить в этом кошмаре (а шансы на это, откровенно говоря, были невелики), руки она лишится. Об этом позаботился великан, пригнавший пленных сюда: благодаря ему в ее руке не осталось ни одной целой кости или связки. Каждый шаг пронзительной болью отзывался во всем теле, и только невероятным усилием воли она удерживалась от того, чтобы не упасть на колени и просто сдаться.

Она видела участь, постигшую тех, кто так и поступил, и ей совершенно не хотелось превратиться в вопящий, ослепший кусок мяса и встретить смерть под гусеницами одного из танковых предателей. Она упрет стоя, как пообещал настоящему солдату Императора.

Сосредоточившись на том, как сделать следующий шаг, и не смея отвести взгляд от затылка идущего перед

ней мужчины, она упорно продолжала
мучительный подъем. Внезапно шедший
впереди остановился, и, подняв взгляд, она
почувствовала, как в животе зашевелился
обжигающий, тошнотворный страх: перед
ними возвышались неприступные
каменистые склоны Тор Кристо. До серых
бастаионов на скалах было больше
километра, но Ларане казалось, что она
может различить лица артиллеристов и
солдат на стрелковых ступенях. О чем они
думали? Что они чувствовали — страх
или напускную храбрость, продиктованную
верой в неуязвимость этих высоких стен?
Ларана надеялась, что все-таки страх.

Ее колонна двинулась вперед, а мимо в
клубах выхлопного дыма с ревом проехали
грузовики. Достигнув головы колонны, они
резко остановились, и в сердце Лараны
внезапно затеплилась надежда. В кузовах
машин стояли люди в багровых
комбинезонах с грубыми нашивками в виде
восьмиконечной звезды на левой стороне
груди, и вскоре удивленные пленники
получили в свои руки поврежденные, но все
еще пригодные к бою ружья. Если эти

вероломные шавки думают, что Дразуны Джүрана будут сражаться на их стороне, то они еще более безумны, чем ей показалось поначалу. Как только ей выдадут оружие, она сразу же обратит его против тех, кто взял ее в плен, и плевать на последствия.

Но едва одно из ружей оказалось у Лараны, как все надежды на быструю смерть в последнем бою развеялись без следа. От оружия остался только каркас, внутренний механизм отсутствовал. Она чуть не расплакалась от разочарования, но жестоко приказала себе сдержаться. Чьи-то руки схватили ее и потянули вперед вместе с остальными, а потом — вверх, в кузов грузовика. Из-за охватившего ее оцепенения она не могла сопротивляться и, оказавшись в битком набитом транспорте, только закусил губу, стараясь не закричать от боли во все усиливающейся давке. Невыносимая вонь страха пропитала воздух: солдаты исчерпали все запасы мужества, и ужас заставил их занять себя рвотой и экскрементами.

Ее прижало к борту грузовика, откуда она могла только мельком видеть, что происходит снаружи. Двигатели взревели в оглушительном крещендо, и ей удалось рассмотреть, что по краю плато в одну линию выстроились сотни грузовиков, также набитых людьми. Там и тут между ними виднелись приземистые бронетранспортеры, аналогичные тем, о чем ей говорилось видеть на службе у костических десантников. Она знала, что такой тип техники назывался «Носорог», но эти транспортеры сильно отличались от величественных машин, которыми пользовались Агентус Астартес. Броня их, словно лоснящаяся шкура, отливала обратительным маслянистым блеском и по всей поверхности была украшена царапинами, шипами и черепами. Шум выхлопа их двигателей напотинал рев голодного хищника, и каждая машина была готова сорваться с места, как будто грожа от негодования из-за вынужденной задержки.

Грузовик дернулся вперед, взрывая колесами пыльную землю, и Ларана до

крови закусил губу. Голова ужасно
закружилась, и она вцепилась в приклад
бесполезного лазгана, стараясь не думать о
грядущем кошмаре.

Артиллерист первого класса Дерблан
Чу с откровенным удовольствием
наблюдал за приближением строя
вражеских машин через панораму одной из
артиллерийских установок «Василиск», размещенных за
стенами бастиона Кейн. Статические
помехи снижали резкость и картинка
получалась зернистой, но от этого
изображение не становилось менее
прекрасным. Просто мечта каждого
артиллериста. Мысленно разделив
пополам сначала всю линию строя, а
потом и получившиеся половины, он
попытался подсчитать число целей,
приближавшихся к крепости. По такой
грубой оценке выходило около трехсот
грузовых машин, без сомнения, доверху
набитых нечестивыми изменниками,
готовыми броситься на бастионы Тор
Кристо, плюс два десятка БТРов.

Эти идиоты даже не потрудились
провести артиллерийскую подготовку

атаки или обеспечить дымовое прикрытие. Если это все, на что способен противник, то предупреждения ротных командиров были, по большому счету, излишними. Защитники крепости отправят этих безмозглых предателей в гомой по кускам.

Чу уже наметил зоны огня для своего орудия, границы эффективной дальности стрельбы ему были в точности известны, и заряжающие уже поместили в казенник один из снарядов в метр глиной. Он на мгновение отвлекся и, окинув быстрым взглядом огневые позиции, на которых развернулась артиллерийская группа, с удовольствием отметил, что все орудия заряжены и готовы к бою. Джефен, командир соседнего «Василиска», улыбнулся ему и поднял вверх большой палец.

Расстелявшись, Чу крикнул ему:

— Доброй охоты, м-р Джефен! Спорим на бутылку атасека, мы сегодня обойдем в счете вас и ваших ребят!

Джефен небрежно отсалютовал и выкрикнул в ответ:

--- Принимаю, м-р Чү. Нет ничего вкуснее, чем атасек, за который тебе не надо платить.

--- Правда ваша, а потому к вечеру у меня будет чем себя порадовать, м-р Джефен.

Машины неприятеля с рокотом приближались, и Чү вновь сфокусировался на прицеле. С высоты, на которой он находился, рев двигателей слышался как далекое рычание; позади машин вились клубы дыма и пыли, и вскоре они окажутся в зоне поражения.

Чү развернулся на командирском сиденье, чтобы понаблюдать за старшими офицерами Кристо: они собрались позади орудий вместе с вездесущими жрецами Бога-Машины и сейчас изучали показания огневого логистера, без сомнения, уже подсоединенного к приборам прицеливания пушек. Адъютант в ливрее и с серебряным подносом в руках разносил офицерам хрустальные бокалы с атасеком; другой раздавал защитные наушники. Офицеры смеялись над каким-то анекдотом и поднимали тосты за успех операции.

залом осушая бокалы. Затем они сняли фуражки и надели наушники. Один из офицеров, в котором Чу узнал майора Тедески, подошел к орудию и поднес к губам переносной вокс.

Рядом с Чу зашипел покрытый масляными потеками динамик, и резкий, отрывистый голос Тедески объявил:

— Мое почтение, господа. Можете открывать огонь по готовности.

Чу ухмыльнулся и, вернувшись к прицелу, стал следить, как по мере приближения противника уменьшаются показания дальномера.

Хонсю спустился в экипажный отсек «Носорога» и закрыл за собой крышку люка. От болтеров пока особой пользы не было, а оставив люк открытым, он бы только пошел на неоправданный риск. Машина дергалась и подпрыгивала на неровностях почвы; вернувшись на место командира, он заметил, что водитель сбавил ход, чтобы пропустить вперед грузовики с пленными. Перед возвышенностью, на которой располагалась крепость, наверняка были минные поля, и грузовики должны были

пройти по ним первыми.

Воины в отсеке затаили мрачную и заунывную молитву — воззвание к Темным Богам, слова которого без изменений прошли через десять тысячелетий. Закрыв глаза, Хонсю погрузился в монотонный звук речитатива, шепча про себя слова вместе с хором голосов. Он крепко сжал рукоятку болтера, хотя время утолить голод оружия кровью предателей еще не настало. Сегодняшний день принесет смерть только ничтожным пленникам, но они и так потеряли право на жизнь, упрямствуя в своем нежелании покориться той единственной силе, что могла спасти человечество от разнообразных ужасов этой вселенной.

Что, кроме Хаоса, могло помочь человечеству остановить неуклонную экспансию тиранов, противостоять варварским ордам и пережить катастрофу, что несли в себе древние боги звезд, уже пробуждавшиеся от векового сна? Только в Хаосе разрозненный людской род мог объединиться и дать отпор тем, кто стремился его уничтожить. Солдаты же

бога-трүна, сопротивляясь Хаосу, лишь способствовали гибели того, что должны были защищать.

Что ж, огромная работа, проделанная в ходе этой кампании, еще на шаг приблизит окончательную победу Хаоса, и Кузнец Войны обязательно позаботится, чтобы благосклонность богов стала вознаграждением тем, кто оказался ему полезен. Это была воистину бесценная награда, и ради нее Хонсю был готов рискнуть всем.

Рев двигателя усилился, выводя его из задумчивости. Пришло время перейти к следующему этапу наступления.

Грузовик подпрыгивал на каждой кочке, и от боли у Лараны Уторцан подкосились ноги. Ее бросило о борт машины, колени подогнулись, и она ударилась лицом о деревянную обшивку. Во рту появился привкус крови от выбитого зуба.

Она попыталась встать, но в давке не могла даже пошевелиться. Со всех сторон ее толкали и пинали, а брюки пропитались нечистотами, залившими

пол кузова.

Сквозь щель в облицовке борта ей был виден соседний грузовик, его водитель, одетый в багровую униформу, нисколько не обращал внимания на неудобства пассажиров, подобно скоту загнанных в кузов. Ларана встретила взглядом с толстым солдатом прямо напротив нее: его глаза широко раскрылись от ужаса, а на грязном лице виднелись слезы слез. Во взгляде юноши застыла безмолвная мольба, но Ларана была не в силах хоть как-то помочь ему. Потом его грузовик прибавил скорости, словно хотел выиграть гонку, и сходу проскочил густые заросли кустарника.

Громадный силы взрыв подбросил машину в воздух, перевернул вверх тормашками и расколол раму шасси нагвое. Перед глазами до сих пор стояли яркая вспышка взрыва и отсветы пламени, но и сквозь них Ларана видела, что тела разбросало во все стороны. Заглубленная мина выбросила вторичные убойные элементы — противопехотные снаряды, которые взорвались через несколько секунд

и оставили только клочья от тех, кому повезло пережить первый взрыв. Клубы пыли, скрывшие обломки грузовика, вскоре остались позади, и Ларана так и не смогла разглядеть среди них юношу. Она была уверена, что он не выжил.

Ее по инерции бросило вперед. Послышались новые взрывы, и крики ужаса стали еще громче. Окутанный густым облаком красной пыли, грузовик резко остановился. Что происходит? Она слышала крики и вопли, полные отчаяния, а затем задний откидной борт грузовика открылся, и огненно-красный свет проник внутрь. Резкие окрики и удары утыканных шингами глубинок погнало пленников к выходу, лишая даже той призрачной защиты, которую давал им кузов.

Выгрузка шла полным ходом, и людской поток поднял Ларану на ноги и выбросил наружу, на твердую, как камень, землю. Десятки разбитых машин, подорвавшихся на минах, лежали в клубах черного дыма. Повсюду виднелись тела убитых, кричали раненые, но пленники двигались только вперед, подчиняясь

погонщикам. Ощетинившиеся шипами
«Носороги» остановились позади
дымящихся обломков, и железными
гигантам, конвоирав пленных,
понадобилось всего несколько
отработанных движений, чтобы
высадиться и занять боевую позицию.

Мимо Лараны прошел, спотыкаясь,
обезумевший от страха мужчина. В
глазах его застыл ужас, и шел он в
направлении, откуда только что прибыли
грузовики. Один из огромных воинов
застрелил его, одним небрежным
выстрелом превратив туловище
несчастного в месиво. Ничего не видя в
пыли и потеряв от боли чувство
реальности, Ларана поднялась на ноги. От
едного дыма слезились глаза; раненая рука
онемела. Шатаясь, она двинулась туда же,
куда бежали все. Прочь от опасности? Она
не знала.

В ушах звенело от криков,
исполненных боли и паники. Она крепко
сжала в руке ствол бесполезного лазгана,
давая себе слово, что еще до вечера
проломит им череп врагу. Позади

раздались новые выстрелы. Одно из изрешеченных, окровавленных тел отбросило прямо на нее, над головой свистели пули. Она оттолкнула труп в сторону и нырнула в завесу дыма.

Дервлан Чү нажал на спуск на щитке управления и зажмурился. «Василиск» выстрелил. Сила отката вдавила массивный ствол в гусеничный лафет, который закачался, несмотря на стопоры, а грохот взрыва не заглушили даже защитные наушники. Первый снаряд еще не достиг цели, а заряжающие уже открывали затвор, чтобы извлечь стреляющую гильзу, и доставали из укладки новый патрон.

Он приник к прицелу, проверяя, насколько откат сместил наводку. Не так уж и сильно; он направил перекрестие панорамы снова в цель и подготовил прицел к следующему выстрелу.

--- Заряжающий альфа готов! --- крикнули снизу.

--- Готов! --- ответил замковый.

Чү улыбнулся. Первый снаряд еще был в воздухе, а оружие уже подготовлено к

новому выстрелу. В ходе интенсивной подготовки его оружейный расчет был обучен действовать именно в таких условиях, и теперь результаты муштры не заставили себя проявить.

Он навел перекрестие панорамы на летящие обломки грузовика, вокруг которого потерянно бродили охваченные замешательством люди, и вновь нажал на спусковую кнопку.

Несмотря на крики и суматоху, Парана Уториан услышала визг летящего снаряда и сразу же поняла, что за этим последует. Она упала плашмя и не сдержала вскрик от боли, которой удар отозвался в руках. Земля под ней встала дыбом, подбросив ее в воздух: первый снаряд «Василиска», достигнув цели, образовал воронку пятнадцать метров в диаметре и мгновенно обратил в ничто с десяток человек. Следом за ним в землю врезались новые снаряды, и та грозила под ногами орущих людей, как от ударов гигантского молота. Взрывы первого залпа взметнули вверх целые обломки скал и тучи пыли. Парана вновь упала, чувствуя, как от

удара легкие лишаются последних запасов воздуха. Она перекатилась на бок, перевадилась через край воронки и рухнула на затянутое дылом дно.

Тут и там на стенках воронки виднелись ошметки мяса и обломки костей; от тяжелого запаха обугленной плоти и сгорающих веществ метательного заряда было трудно дышать. На дне от обстрела укрылся еще один пленный. Его рот был широко раскрыт в полном ужаса крике, но Ларана ничего не слышала, кроме оглушительного звона в ушах, казалось, наполнявшего собой всю черепную коробку. Она чувствовала, что из ушей у нее идет кровь.

Мужчина, укрывшийся на дне воронки, пошатываясь, двинулся к ней, беззвучно шевеля губами, но Ларана не обратила на него внимания и, сжимая в руке лазган, словно он мог магическим образом защитить ее, поползла вверх, к краю. Мужчина не собирался так просто сдаваться и теперь цеплялся за ее форму. Ларана оттолкнула его и выкрикнула что-то бессвязное, пытаясь перекричать

ударную волну нового залпа. Охваченный паникой мужчина осел на землю и, сжавшись в комок, принялся безостановочно раскачиваться.

Чувствуя, как от падающих снарядов сотрясается в чудовищных спазмах почва, Парана уткнулась лицом в землю, цепляясь за ее неровности здоровой рукой. В рот набилась пыль, а ударная волна от взрывов грозила превратить кости в кашу.

Она знала, что здесь оставаться нельзя. Нужно возвращаться. Но куда идти? Снаряд мог упасть где угодно, а в этом наполненном дымом хаосе она совсем потеряла чувство направления.

Она ползком спустилась вниз к плачущему мужчине и, схватив его за ворот, потянула к дальнему краю воронки.

--- Давай же! Надо идти назад! --- кричала она, но мужчина тотал головой и отчаянно вырывался, сопротивляясь Паране с силой обезумевшего.

--- Если останешься здесь --- погибнешь!

Он все так же качал головой, и Парана не была уверена, слышал ли он ее вообще и был ли в ее словах хоть какой-то

стысл. Что ж, она сделала все, что могла, и если этот полоумный не желает двигаться с места, заставить его она не сможет.

Новый взрыв сбил ее с ног и подбросил вверх, за край воронки.

Она упала на что-то мягкое и немедленно откатилась в сторону с криком ужаса, едва увидев, что это было тесиво из разорванной на куски плоти и оторванных, переломанных конечностей. В дыму виднелись тени бегущих людей, но она не знала, кто это и куда они направляются. Визимость сужилась до нескольких метров, дальше же был и пыль, и туман, и все это было поставлено непроницаемой завесой. Почти на этой границе лежали тлеющие обломки перевернувшегося на бок грузовика, и она поползла к нему по изуродованным трунам и телам кричащих раненых, безногих и безруких, но еще живых. Одиноко стоял на коленях, рукой пытаясь вправить на место внутренности, вывалившие из широкой раны на животе. Другой засунул за пазуху собственную оторванную руку, третьего рвало кровью. С каждым метром

путь открывались новые ужасы, и по лицу Лараны текли слезы, а земля под ней не переставала дрожать, словно все они оказались в эпицентре сильнейшего землетрясения.

Добравшись до горевших обломков, она истерически растеялась сквозь слезы, радуюсь даже такой незначительной победе. Под разбитой кабиной лежал почерневший труп, разрубленный пополам при падении грузовика. Ларана разглядела, что на погибшем был тот же алый комбинезон, который носили все слуги врага, и внутри нее жарким огнем разгорелась ненависть. Она зарычала от страха и ярости и с силой опустила приклад лазгана на череп трупа. Вскликивая, она наносила удар за ударом, пока от черепа не остались только осколки, затем отбросила окровавленное оружие в сторону и попыталась укрыться под дымящимися обломками грузовика. Следы, оставленные его шинами, терялись в дыму и вели туда, откуда, как она полагала, начался их путь в это безумие. Она глубоко вздохнула и стала ждать

следующий залп.

Она понимала, что шансов выжить нет, но и не хотела сдаваться; а потому, едва возникла пауза между взрывами, Парана Уториан покинула свое убежище и направилась на поиски пути, который вывел бы ее из этого ада.

Едкий запах пороховых газов окутал бастион Кейн, но ни резь в глазах, ни звон в ушах не могли умерить ликования, охватившего Дервлана Чу. Атака захлебнулась, не преодолев и половины дистанции до Тор Кристо. Орудийными установкам удалось удержать врага в намеченных огневых зонах, внутри которых на вражеские цели обрушился весь боезапас артиллерии. Он точно знал, что его расчет поразил больше целей и за меньшее время, чем орудие Джефена, а потому с полным на то основанием предвкусывал, как вечером получит в столовой свою бутылку атасека.

Уже стеркалось, к тому же значительную часть распавшегося боевого порядка, ранее состоявшего из сотен грузовых машин, теперь скрывали клубы

дыта. Майор Тегески дал команду прекратить обстрел до тех пор, пока дым не рассеется: не было смысла тратить снаряды на уже разгромленного врага.

Чу откинулся на сиденье, облокотившись на ограждение оружейной платформы, и достал из кармана серебряный портсигар с черутом. Закурив сигарету, он бросил коробочку заряжающему и затковому.

— Хорошая работа, ребята. Думаю, в этот раз мы изрядно потрепали врага.

На перепачканных копотью лицах бойцов его расчета сверкнули улыбки.

— Когда Джефен отдаст мне мой атасек, я обязательно с вами поделюсь.

Чу с удовольствием затаился черутом и еще раз взглянул в окуляр прицела. Дым уже начал развеиваться, и полный хаос, царивший на поле боя, радовал глаз артиллериста. Горящие обломки сотен машин усеяли землю, и пламя вздымалось до небес, поглощая как сати транспорты, так и несчастных пассажиров. Пространство внутри огневых зон превратилась в изрытую воронками

пустошь, и в результате неистового обстрела местность изменилась до неузнаваемости.

Повернув окуляр, он увидел, что орудия на бастионе Марса также поработали на славу. Пушкой Драконьего бастиона полагалось прикрывать подходы к Кристо с юга, и Чу без труда представил себе, как должно быть, разочарован командир его батареи из-за того, что честь пролить первую кровь досталась артиллеристам Кейна и Марса.

Он вновь установил прицел на собственной огневой зоне. Благодаря поднявшемуся ветру дым теперь рассеивался быстрее, и в сумерках уже можно было различить отдельные движущиеся силуэты. Чу удивился, заметив, что в зоне обстрела вообще кто-то утрудился выжить. Он усилил увеличение и в редеющих клубах дыма разглядел еще несколько машин — БТРы, которые он мельком видел незадолго до первого залпа.

Чу проверил показания дальномера и выругался. БТРы и стоявшие перед ними

воины располагались в нескольких сотнях метров за пределами максимальной дальности орудия. По направлению к воинам двигалась горстка выживших; некоторые шли, некоторые ползли. Еще раз подняв кратность увеличения, он разглядел, наконец, грязную униформу целей, по которым велся обстрел, и почувствовал тошноту во взбунтовавшемся желудке.

Ни пыль, ни кровь не могли полностью скрыть небесно-голубой цвет формы 383-го полка Джуранских драгун. В ужасе он перевел прицел обратно на зону, по которой вело убийственный огонь его орудие, и застонал, и там обнаружив груды изломанных мертвых тел в так хорошо знакомой форме.

Чу осознал, что совершили он и его люди, и к горлу подступила тошнота. От одной мысли о бутылке атасека, которую он выиграл благодаря этой бойне, хотелось плакать.

Хонсю был доволен. С холодной бесстрастностью наблюдая за артобстрелом, что вели орудия форта, он

отметил много полезного: дальность выстрелов, скорость полета снарядов, величину секторов обстрела каждого бастиона. Орудия самого южного бастиона в бою не участвовали, но Хонсю знал, что на такой дистанции они не представляют угрозы. В зону их поражения попадали только южные подходы к крепости, но артиллерия на ближних подступах и солдаты на стене могли с легкостью накрыть центральный бастион перекрестным огнем.

Благодаря авточувствам успеха он видел поле боя даже сквозь дым взрывов и, несмотря на всю свою ненависть к гарнизону крепости, был вынужден признать, что орудия направляли умелые артиллеристы. Умелые, но не умные. К концу обстрела Хонсю составил для себя точный план огневых зон Тор Кристо. Обычно за такую информацию приходилось платить слишком высокую цену кровью, но потери ничего не значили, когда в дело шли пленные.

Наблюдая, как те, кому повезло пережить обстрел, с трудом выбираются

из зоны поражения, он взвел курок болтера. Фигуры, что появлялись из клубов дыма, выглядели так жалко, что смысла оставлять их в живых не было. Большинство из них не смогут быть рабами: как может оглохший человек понять и выполнить приказ? Какая польза от человека только с одной рукой? Как он будет рыть траншеи? Бесполезные люди Хонсю не интересовали.

Он кивнул своим воинам, и те, как один, подняли болтеры и открыли огонь. Очередь разрывных пуль косила несчастных выживших направо и налево, и хотя те молили о пощаде, Железные Воины были непреклонны.

Прошло всего несколько секунд — и погибли последние из пяти тысяч пленных, отправленных под огонь пушек Тор Кристо.

Хонсю заметил, что из дыма появилась еще одна фигура: женщина шла пошатываясь, осторожно удерживая руку у груди. Он прицелился ей в голову.

Но выстрелить не успел — чья-то рука в латной перчатке резким взмахом

отклонила его оружие в сторону. Зарывав,
он потянулся к мечу.

Кроагер одним движением обнажил
свой клинок и лезвием оттолкнул руку
Хонсю, тянувшуюся к ножнам. Тот
отступил, и его бледное лицо исказилось
от ярости. — Проклятье, Кроагер! Ты
зарываешься.

Кроагер устехнулся и, повернувшись к
нему спиной, схватил единственную
выжившую под обстрелом за китель и
поднял на уровень глаз.

— Видишь эту женщину, полукровка?
В ней есть мужество. Пусть она и на
побегушках у Лже-Императора, но в ней
есть мужество. Скажи этому безродному
дворняжке, как тебя зовут, человеческое
существо.

На лице женщины отразилось
непонимание, и Кроагер повторил приказ.
Хонсю увидел, что взгляд пленной
прикован к губам Кроагера, и понял, что
она, скорее всего, оглохла от грохота
взрывов.

Наконец она, видимо, поняла смысл
обращенных к ней слов и прохрипела:

--- Лейтенант Ларана Уториан, 383-й
Дразунский Джурана. И ты дал слово...

Кроагер растеялся и кивнул.

--- Да, но ты же не думала, что я его
сдержу?

Женщина отрицательно качнула
головой. К удивлению Хонсю, Кроагер
бросил ее к ногам одного из своих
командиров отделений и приказал:

--- Отведи ее к хирургам, пусть
отрежут раненую руку и установят
протез. Потом приведешь ее ко мне.

--- Ты оставляешь ее в живых,
Кроагер? Почему? Милосердие тебе не к
лицу.

--- Не стей лезть в мои дела,
полукровка, -- огрызнулся Кроагер, и Хонсю
замечил, что он так же удивлен
собственным решением. --- Лучше не
забывай об этом, но я впустую трачу
время, поучая тебя. Кузнец Войны хочет,
чтобы ты и твои люди собрали
информацию о ближних к крепости
рубежах обороны. Теперь, когда у меня есть
схема огневых зон, я могу начинать первую
параллель.

--- Прежде чем мы выяснили расположение ближних редутов и ловушек?

--- Да, мы должны действовать как можно быстрее. Или ты думаешь, что тебя приказы Кузнеца Войны не касаются?

--- С твоей стороны неразумно приступать к устройству траншей, пока мы не узнаем больше, --- заметил Хонсю.

--- А ты --- всего лишь безродный щенок, недостойный командовать ротой Железных Воинов. От тебя стергнут нашит древним врагом. Ты и твоя убудочная рота. Ты позоришь символ Железных Воинов, нося его на своем доспехе, и я не могу без слез думать о будущем нашего Легиона, если в его рядах такие нечистые гибриды, как ты.

Хонсю стоило немалых сил не дать волю горькому гневу, охватившему его, и он так крепко сжал рукоять меча, что побелели костяшки пальцев. Как просто было бы выхватить меч из ножен и напасть на Кроагера, но именно этого и ждал его соперник --- чтобы он доказал, что недостойн быть Железным Воином. С трудом он унял свой гнев и заметил в

глазах Кроагера разочарование, когда тот
понял, что вызов его останется без
ответа.

--- Будет так, как приказывает
Кузнец Войны, --- сказал Хонсю и
отвернулся.

Глава 5

Уже стемнело, когда Хонсю ползком двинулся по изрытой воронками пустоши в сторону Тор Кристо. Ночное небо, блеклое, тускло-оранжевое, исчертили алые полосы облаков, дрейфующих в верхних слоях атмосферы, но благодаря авточувствам успеха Хонсю мог разглядеть каждую деталь местности вокруг так, словно ее озарял яркий солнечный свет.

Далеко позади остались воины из роты Форрикса; они размечали на земле линию первой траншеи, которую предстояло отрыть перед стенами крепости на горе. Эта траншея, так называемая параллель, должна была пройти вдоль куртины осаждаемой крепости. Глубокая и узкая, она находилась вне дальноности орудий фронта и должна была стать первой линией наступления. От этой первой параллели затем методом сан будут проложены подступы, они будут приближаться к крепости и образуют линию, которая в своем

продолжении пройдет рядом с крепостью и, таким образом, не позволит ее гарнизону стрелять по направлению фасов траншеи.

Когда сана достигнет точки, с которой артиллерия Железных Воинов сможет вести огонь по крепости, будет проложена вторая параллель, и осадные батареи пробьют бреши в стенах, подготавливая эскаладу^[2]. Если понадобится, дополнительные саны подойдут еще ближе к крепости и образуют третью параллель, орудия которой пошлют фугасные снаряды поверх стен крепости в самое сердце ее гарнизона.

Хонсю сомневался, что для взятия Тор Кристо потребуются столь методичная осада. Скорее всего, гарнизон, видя, как быстро приближаются атакующие, бросит крепость и отступит в главную цитадель.

Прежде чем атаковать эту цитадель, необходимо было захватить Тор Кристо, но работа эта была неблагодарной и кровавой и не сулила

особой славы тому, кто ее выполнял.

Сегоднешнее задание было ярким примером осадной рутин. На таком расстоянии видимость была обманчива, и планировать атаку на крепость, полагаясь только на результаты дальнего наблюдения, было опасно. Хонсю много раз говодилось видеть, как штурм укреплений оборачивался неудачей из-за того, что разведка не была проведена должным образом, и план атаки приходилось пересматривать, чтобы учесть не замеченные ранее ловушки или препятствия.

Следя одним глазом за сторожевой башней, с которой просматривалось все плато, Хонсю был вынужден не менее внимательно смотреть на землю перед собой, чтобы не наткнуться на осколки снарядных гильз или брошенное оружие и снаряжение. Ночью звук разносился дальше, и ему вовсе не хотелось быть застигнутым противником здесь, на открытой местности, вдали от своих. Он и еще сорок воинов из его роты пробирались по зоне поражения, в которой

ранее тем же днем полезли тысячи людей, и скрытность пока что помогла им. Им надо было обратиться к крепости ближе, чем удалось кому-либо из пленников во время фронтального наступления.

Он осторожно переступил через мину, которую обнаружили авточувства, и отметил ее вешкой, чтобы предупредить идущих следом. Минное поле, по которому они шли, не представляло серьезной угрозы для Железных Воинов, но земляные работы замедлятся, если пленники и рабы при каждом шаге будут опасаться неразорвавшихся боеприпасов. Послышался металлический звон, и Хонсю ругнулся про себя, видя, как Бракар Полонас, один из старших инженеров Форрикса, неловко обходит мину, отмечая ее положение на светонепроницаемом планшете. Из-за бионического протеза, затемнявшего ему ногу, почтенный воин неуклюже прихрамывал. Эта же искусственная конечность была виной тому, что тихо передвигаться он не мог. Форрикс специально приказал Полонасу присоединиться к разведывательной

группе, зная, как это унизит Хонсю, и давая тому понять, что собранная информация будет считаться надежной только после проверки. Что ж, это будет еще одним пунктом в длинном перечне тщательно продуманных оскорблений, подвергающих сомнению его компетентность. Хонсю лишь надеялся, что это неповоротливое воплощение подозрительности Форрикса не погубит их всех.

Они двинулись дальше, и Хонсю выкинул из головы мысли о незваном госте в своем отраде. Несмотря на необходимость принимать меры предосторожности и неумение Полонаса соблюдать тишину, разведгруппа шла в неплохом темпе.

Теперь Хонсю был менее чем в двухстах метрах от подошвы скалистого возвышения, на котором стоял Тор Кристо. Эта вылазка уже оправдала себя: он разглядел впереди три замаскированных углубления в скале, в которых размещалась артиллерия. Поверхность ворот, ведущих к батареям, была

облицована камнем, и если бы не рельсы, по которым орудия устанавливались на позицию, он бы их никогда не заметил. Увы, вновь он вынужден был признать, что архитекторы Гидры Кордатус знали свое дело. Орудия в этих углублениях должны были молчать, не нарушая маскировки, до тех пор, пока неприятель, атакующий Кристо, не уверится, что пушки форты уничтожены. Как только атакующие установят осадные батареи, эти орудия накроют их смертоносным залпом.

Углубления уходили в скальную породу под углом, из-за чего их было очень трудно или даже невозможно достать контрбатарейным огнем, и Хонсю понял, что эти данные могут помочь ему доказать свою значимость в глазах Кузнеца Войны.

Жестом позвав Горана Делаву, своего заместителя, он указал на обнаруженные огневые позиции.

— Умно, — заметил Делаву.

— Да уж, — трючно согласился Хонсю. — Их будет чертовски трудно уничтожить.

--- Точно.

Вновь послышался скрежет металла о камень, и Хонсю, обернувшись, едва удержался от грубых слов: к ним приближался шумный Бракар Полонас.

--- Почему мы остановились? --- спросил он.

Вместо ответа Хонсю просто указал на замаскированные огневые позиции. Полонас кивнул, наметанным глазом оценивая их расположение.

--- Мы можем отметить их координаты и обстрелять, когда на первой параллели будет установлена артиллерия, --- предложил Делай. --- Мы сможем обрушить скалу так, что пушки окажутся заблокированы.

Полонас покачал головой.

--- Не думаю, что артиллерия с этим справится. Посмотри, ворота устроены так, что сверху их прикрывает скальный выступ, а внизу есть канава, которая поглотит любые обломки, отколовшиеся от скалы.

Хонсю был впечатлен. Сам он эти детали не заметил, и его уважение к

старикү несколько возросло.

--- Тогда мы прямо сейчас атакүем и захватим пушки.

И снова Полонас отрицательно качнул головой:

--- Прояви немного терпения, полүкровка. Мы не можем действовать поспешно. Подүмай вот о чем. Эти углубления ведут вглубь скалы, на которой стоит крепость, и, вероятно, не выходят за пределы передовых укреплений, но есть шанс, что они соединяются и с главной цитаделью. Если мы атакүем сейчас, то враг просто запечатает туннели так, чтобы мы не смогли прорваться, и будет защищать их изо всех сил.

--- Тогда что ты предлагаешь, Полонас? --- со злостью сказал Хонсю.

--- Ты должен наүчиться уважать тех, кто выше тебя, полүкровка, --- прорычал, поворачиваясь к нему, Полонас. --- Первый принцип военной разведки --- знать, как использовать собранную информацию. Любые преждевременные действия только раскроют врагү, что нам известно.

--- И что же? Мы просто забудем о

то, что обнаружили эти позиции?

— Вовсе нет. Мы будем действовать так, словно не знаем об их существовании. Мы дождемся, когда орудия вступят в бой, и тогда эти позиции захватят наши штурмовые подразделения, которые заранее скрытно проникнут туда. В сочетании с фронтальной эскалой это позволит нам взять Тор Кристо за несколько часов.

Хонсю собирался возразить, но передумал, поняв, что план Полонаса не лишен смысла. Это был полезный урок, и он склонил голову, соглашаясь со словами инженера Форрикса.

— Хорошо, мы сделаем так, как ты приказываешь, Бракар Полонас, — ответил он официальным тоном.

Быстро связавшись с остальными членами отряда, Хонсю приказал всем возвращаться к точке сбора. Он отключил вокс-связь и уже собирался выдвигаться обратно, когда Полонас, разворачиваясь, поскользнулся на обложке сланца, и его металлическая нога с громким скрежетом опустилась в пространство между гвүтя

валунами.

Железные Воины замерли.

Хонсю задержал дыхание; секунды медленно шли в тягучей темноте. Он осторожно, стараясь не шуметь, двинулся в сторону почтенного ветерана и увидел, что нога Полонаса прочно застряла между катнями. Выругавшись про себя, Хонсю прижал облаченные в латные рукавицы лапони к наплечникам Полонаса.

--- Не двигайся.

Когда он уже начал думать, что их не заметили, небо пронзила стрела фосфоресцирующего света, а затем еще одна. С интервалом в несколько секунд они взорвались, и словно два ослепительных солнца озарили плато, медленно спускаясь к земле на маленьких гравитационных парашютах.

Высоко над ними кто-то закричал, поднимая тревогу, и на этот раз Хонсю ругнулся уже вслух, не боясь быть услышанным.

--- Будь ты проклят, Полонас! --- зарычал он, рывком поднимая воина с земли. Металлическая часть протеза

застрjala намертво, но ее соединение с культей оказалось не столь прочным, и благодаря Хонсю Полонас вырвался из ловушки, обильно оросив землю кровью.

Полонас захрипел от боли, но быстрые регенерационные механизмы его тела уже через несколько секунд остановили кровотечение из поврежденной конечности. Ввалив старика на спину, Хонсю крикнул:

— Железные Воины, отступаем! Как можно быстрее!

Послышался характерный кашляющий звук: начали стрелять мортиры.

Хонсю знал, что первые выстрелы будут эффективны только для пристрелки, но на стене наверняка стояли наводчики, которые будут корректировать следующие залпы. Нужно было воспользоваться этим промежутком времени. Мерцающее свечение осветительных ракет отбрасывало фантастические тени на неровную землю, и Хонсю потребовалась вся его сноровка, чтобы не оступиться при быстром спуске с подножия горы. Земля грозила от

взрывов снарядов, выпущенных из мортир, смертоносным вихрем разлетелись осколки, но пока что мортиры стреляли с перелетом. На данный момент высота орудий мешала артиллеристам: стрельба с возвышения увеличивала дальность, но на близнем расстоянии цель поразить было невозможно.

Урония заключалась в том, что безопаснее всего им было оставаться на том месте, где они были сейчас, но Хонсю знал, что рано или поздно из форта выступят войска, которые выбьют их с этой позиции. Вряд ли в бой вступят «Василиски»: стрельба по отдельным тишеням при столь малых шансах поразить врага означала пустую трату боеприпасов.

Еще один залп всколыхнул землю, на этот раз ближе, и, споткнувшись, Хонсю упал на колени, едва сохраняя равновесие под весом Полонаса. В небе вспыхнули новые ракеты, и теперь к мортирам добавился огонь стрелкового оружия. От лазерных разрядов песок плавился, превращаясь в стекло, от выстрелов

тяжелых болтеров --- разлетался фонтанами. Один выстрел вскользь зацепил плечо, другой задел бедро, но для Хонсю это было не более чем досадными уколами: его доспехи были неуязвимы для такого оружия.

Совсем рядом землю взрыхлили взрывы снарядов более крупного калибра, и Хонсю уже в который раз выругался, поняв, что защитники крепости подтащили к стрелковой ступени тяжелое вооружение. От выстрела из лазпушки по сухой почве пошли трещины, а песок просто испарился в ослепительной вспышке.

Прогрел новый залп, и на этот раз Хонсю не удержался на ногах: менее чем в пяти метрах прямо над ним разорвался мортирный снаряд, и на него обрушился дождь острых, как бритва, осколков. Дух его доспеха зафиксировал множественные повреждения брони, и весь визор заполнили тизгающие красные раны. Прежде чем вступила в действие ускоренная регенерация его тела, Хонсю успел почувствовать, как по ноге и спине стекают ручейки крови.

Он вознес короткую молитву богам в благодарность за то, что они сохранили ему жизнь. Силовой доспех обеспечивал воину практически совершенную защиту, но и у него был предел прочности. Хонсю потянулся к упавшему Полонасу и увидел, почему он остался в живых.

Спина ветерана была рассечена до кости, так, что обнажились блестящие красные ребра и позвоночник. Голова превратилась в месиво из обломков кости и обрывков плоти, среди которых вязкими потеками виднелось серое вещество. Пожав плечами, Хонсю прикоснулся к знаку Железных Воинов на наплечнике Полонаса, тем самым выражая старику благодарность за спасение, а затем поднялся на ноги.

Он вновь побежал, прихрамывая, по изрытой воронками равнине; теперь, освободившись от дополнительного веса, он вскоре оказался вне пределов дальности мортир. Позади него все так же рвались снаряды, но сейчас, когда их цели сбежали, артиллеристы крепости вели охоту на призраков. Хонсю побежал медленнее и

пересчитал своих людей. Одного не хватало. Помимо Полонаса, на этом задании погиб всего один воин. Хонсю пришел к выводу, что им очень повезло.

От осветительных ракет на равнине было светло, как днем, но теперь Имперские войска просто впустую расходовали боеприпасы.

Хонсю прошел через линию пикетов, защищавших бригады землекопов, и с удовлетворением отметил, что работа невольников неплохо продвигалась. Плотную почву покрывал слой пыли, но правильная комбинация посулов и угроз придавала труду рабов хорошую скорость.

Более двух тысяч людей взрызались в бесплодную землю Гидры Коргатус, роя траншею, которая тянулась от восточного склона долины до точки, находившейся, как недавно ценой своей жизни установили пленники, на границе дальности пушек Тор Кристо. От этой точки траншея поворачивала на юг и следовала изгибу крепостной куртины.

Грунт, извлеченный при рытье траншеи, ссыпали на ее внешний,

обращенный к крепости скат, тем самым создавалась уже готовая стрелковая ступень и обеспечивалось укрытие для землекопов. Когда устройство траншеи будет завершено, Железные Воины укрепят ее по всей длине постоянными фортификациями, установив через каждые пятьдесят метров бункеры и минные поля.

Прежде чем перепрыгнуть через траншею, Хонсю приветственно кивнул солдатам из своей роты, которые надзирали за рабами, следя, чтобы все постройки возводились должным образом. Работа шла полным ходом, и если не возникнет помех со стороны имперских сил, к утру траншея будет наверняка готова.

Хонсю с легкостью пробрался сквозь толпу суетливо снующих людей, часть которых была занята земляными работами, остальные складировали припасы, необходимые для наступления на Тор Кристо. Огни невольники волокли огромных размеров платформы, нагруженные снарядами и взрывчаткой.

другие сгибались под весом листов адамантия, из которых в дальнейшем будут построены подъездные пути для тяжелой артиллерии и танков. Прочих рабов собрали в группы вокруг наскальных сооружений алтарей Темным Богам, где они бормотали молитвы под пристролом колдунов Джарека Келтаура.

На вычурных башнях из железа были установлены дуговые лампы, испускавшие яркий свет; сами башни стояли на местах, выбранных колдунами так, чтобы стать частью некоего оккультного рисунка. Хонсю точно не знал, для какой цели были возведены эти конструкции, но для снискания милости богов любые средства были хороши. Сам он хоть и почитал темные силы Хаоса, но в ведении кампаний больше полагался на силу своей руки, держащей меч, и на боеприпасы артиллерии. Доверяя Хаосу, будь готов к неприятностям, вызванным переменчивостью его богов; разве не в этом была причина поражения Ангрона в битве за Армагеддон?

Шатер Кузнеца Войны стоял на

восточном склоне горы. Полотнища
металлизированной ткани, волнами
вздытавшиеся на ветру, были растянуты
между бронзовыми шестами; от
запутанного, изменчивого рисунка на
ткани невозможно было отвести взгляд, и
разум терялся в его хитросплетении,
полном неведомого и вечно неуловимого
стысла. Хонсю научился не смотреть
подолгу на отвратительный узор и сейчас
не сводил глаз с фигур, расположившихся
под этим опасным пологом.

Кузнец Войны восседал на огромном
троне, который, по слухам, был создан
самим божественным Пертүрабо и вывезен
с ныне потерянной Олимпии. Кузнец Войны
говорил, что трон был подарком примарха
за битву на Талларне, хотя Хонсю
сомневался, что именно эта кампания
могла подвигнуть их жестокого
демонического прародителя на подобную
щедрость. Рядом с Кузнецом Войны, чья
огромная фигура источала тошнотворную
ауру, с непроницаемым лицом стоял
Форрикс, который зачитывал с
информационного планшета глиняный

перечень из цифр и войсковых дислокаций.

За троном замер Джарек Келтаур — колдун, чьи откровения и привели их на эту планету. Доспех колдуна покрывали рельефные изображения из золота и серебра, складывавшиеся в изумительно сложный рисунок. Ножные латы украшали черепа, а нагрудник схематически воспроизводил мускулатуру торса, прекрасную в своем физическом совершенстве. Шлема на Келтауре не было, и ничем не прикрытое лицо всеми своими чертами выражало хитрость и коварство: беззубый рот, сшитые вместе веки глаз, затененных нависающими бровями. Бледную, безволосую кожу черепа покрывали вытатуированные символы, которые, казалось, шевелились и извивались, наделенные собственной жизнью.

Хонсю не любил Келтаура и не доверял его фокусам и вкрадчивым убеждениям. Голова Келтаура повернулась в его сторону, как будто колдун почуял его мысли, и пепельно-серое лицо исказилось в титановой улыбке.

У ног Келтаура, сгорбившись, сидел облаченный в мантию человек, чье лицо было скрыто под капюшоном. Черно-белая шестерня, вышитая на спине, указывала, что носитель мантии принадлежит Культу Машины, и на мгновение Хонсю задумался, зачем это существо было здесь.

Но он отбросил эту мысль и замер у входа в шатер, ожидая разрешения предстать перед своим повелителем. Форрикс отвлекся от чтения списков и прищурился в его сторону, заметив, что Хонсю был один. Кузнец Войны, чье лицо скрывали беспокойно мечущиеся тени, обратил на него свой взор и сказал:

--- Входи, Хонсю, и расскажи нам о своей миссии.

--- Мой повелитель, --- прошептал он, сделав шаг внутрь. Рядом с Кузнецом Войны в желудке поднималось отвратительное чувство, и ему пришлось бороться с тошнотой во время всего доклада.

--- Мы смогли подойти к скале на расстоянии в двести метров и в ее основании обнаружили скрытые

артиллерийские позиции. Огнем орудий их достать будет практически невозможно, и я полагаю...

--- Где Бракар Полонас? --- прервал его Форрикс.

--- Он мертв, --- довольно заявил Хонсю.

--- Мертв? Как это случилось? --- спросил Форрикс, голос его был бесстрастен.

--- Он был убит на месте осколками мортирного снаряда, разорвавшегося рядом.

Форрикс глянул на Джарека Келмаура, и тот еле заметно кивнул.

--- Полукровка говорит правду, брат Форрикс, и его информация будет для нас крайне полезна.

Удивленный неожиданной поддержкой со стороны колдуна, Хонсю продолжил свой отчет, загадая про себя, какую плату с него позже потребует Келмаур.

--- Наши отряды могут подобраться к ним и захватить орудия, когда те будут готовиться открыть огонь. Если мы согласуем эту атаку с эскалодой стен, то Тор Кристо будет захвачен в течение

нескольких часов. Туннели с этих позиций наверняка ведут внутрь крепости или даже к главной цитадели.

--- Ты слишком много берешь на себя, Хонсю, --- обронил Кузнец Войны, и голос его был подобен железу, царапавшему стекло.

--- Мой повелитель?

--- Ты собираешься планировать эту кампанию вместо меня? Ты думаешь, я не понимаю всех нюансов осадного дела?

--- Нет, мой господин, --- быстро ответил Хонсю. --- Я лишь хотел предложить...

--- Ты еще молод и должен многому научиться, Хонсю. Нечистая кровь влияет на твой разум, и я с грустью вижу, что ты отказываешься усваивать уроки, которые тебе дают старшие. Ты думаешь, как солдат Империи.

Хонсю вздрогнул, как будто от пощечины. Его захлестнула волна гнева, но усилием железной воли он не позволил себе поддаться ярости, оставив это чувство тлеть внутри себя опасными уголами.

--- Когда я захочу услышать твою

«предложения», Хонсю, я сам спрошу тебя. Пока что ты не достоин что-либо предлагать в моем присутствии. Не твое дело давать мне советы. Ты должен прожить еще тысячу лет, служа мне, чтобы остелиться хотя бы помыслить, что знаешь достаточно для этого. Я прощаю твое презрешиение, но этого не должно повториться. Можешь идти.

Видя, с каким удовольствием Форрикс наблюдает за тем, как его в очередной раз унижают при всех, Хонсю сдержался и ничего не ответил. Ему давно уже следовало привыкнуть к тычкам и оскорблениям, которые ему обеспечивала нечистая кровь, но сейчас, когда он нутром чувствовал, что прав, унижение было почти невозможно вынести. Он скованно поклонился и вышел из шатра Кузнеца Войны, переполненный тщательно сдерживаемой яростью.

Однажды он докажет, как они заблуждались на его счет. Докажет им всем.

Глава 6

Над вершинами гор прорезались первые лучи зари — полосы болезненно-красного цвета, от которых горные склоны приобрели кровавый оттенок. Издалека эхом доносились артиллерийские залпы, они вырвали Хоука из неровного сна. Он перекатился на другой бок, задел плечом выступ черного камня и крикнул от боли. С трюдом открыв глаза, он уставился в исчерченное красным небо.

Руки и ноги болели, в горле пересохло, а по глазам как будто всю ночь водили наждаком.

Он сел, порылся в боковых карманах рюкзака и достал гидратирующие капсулы. Положил в рот две голубые пилюли, сделал глоток воды из фляжки, проглотил. Воды и капсул хватит недели на три, еды — на две, в зависимости от того, насколько ему удастся выдерживать норму пайка.

Но не из-за еды и питья он волновался сильнее всего.

Нет, гораздо больше его беспокоила нехватка таблеток детокса. Достав из кармана пластиковую коробку, он пересчитал лежащие внутри таблетки. Как утверждали Агентус Механикус, без этого лекарства каждый человек из контингента, размещенного на планете, серьезно заболеет. Никаких симптомов Хоуку испытывать еще не доводилось, но он не горел желанием проверить теорию на практике.

Безрадостный подсчет показывал, что таблеток хватит еще на шесть дней, но к тому времени он надеялся, если на то будет воля Императора, уже вернуться в Цитадель. У него с собой был вокс-передатчик, и хотя прошлой ночью связаться с кем установить не удалось, он отчаянно надеялся, что сегодня на его позывные ответят.

Он зевнул, потянулся и встал, застонав от боли в одеревеневшем теле. Накануне он преодолел с километр по крутым склонам и скалам, и теперь нехотя признал, что был далеко не в форме для подобных упражнений.

Вчерашним вечером ему удалось
добратся до выступа, с которого
просматривалась вся долина, цитадель и
Церихонские Водонады, и к концу пути
легкие горели огнем, а мышцы ног сводило
от боли. Только чтобы перевести дыхание,
пришлось не менее десяти минут дышать
кислородом через маску.

А когда он пришел в себя, внизу
развернулось грандиозное и ужасное
зрелище: враг погнался тысячи его
служивцев вперед, подобно стаду, прямо
под смертоносный шквал артобстрела из
Тор Кристо. Хоук кричал от отчаяния,
кричал, пока не охрип. Как они могли не
увидеть, что стреляют по своим? Он
израсходовал целую батарею, паля из
лазгана в попытке указать
артиллеристам Кристо на эту
чудовищную ошибку.

Дымовая завеса скрыла самые
ужасные сцены, но когда черные клубы
развеялись, Хоук оцепенел от ужаса: сквозь
бесстрастные линзы магноляров он
увидел настоящую бойню. Что же это за
враг, что напал на Гигру Кордатыс? Он

мог понять, когда люди гибли в бою, но вот такое абсурдное избиение... это было выше его понимания.

Потом он попытался отдохнуть хоть немного, но заснуть никак не получалось. Снизу доносился непрекращающийся грохот артиллерии, рев тяжелых машин и шум строительных работ, проводившихся в немыслимой спешке.

Как только на небе появились первые проблески зари, он попробовал рассмотреть через бинокляры, что происходит внизу, но увидел только крошечные вспышки, загоравшиеся тут и там на равнине перед Кристо — артиллеристы вели обстрел из-за стен цитадели.

Хук плотнее запахнул в шинель, отбросил в сторону израсходованную батарею вокса и обертку от пайка, съеденного вчера вечером, после чего надел рюкзак и заковылял к гребню горы. Достав бинокляры, он посмотрел вниз, на подножье, стараясь разглядеть, что же принес с собой рассвет.

Темн работ в Церихонских Богонатах

замедлился, но не сильно. Огромные грузовые корабли, вчера практически постоянным потоком заходившие на посадку, до сих пор прибывали, но их количество значительно уменьшилось.

— Пресвятые яйца! — ругнулся Хоук, посмотрев в сторону горного прохода, ведущего от Церихонских Водонагов к цитадели.

По дороге организованным строем двигалось неслетное количество техники, артиллерии и осадных машин; некоторые из них, выделявшиеся своим размером, окутывал странный мерцающий туман, а их охранное сопровождение казалось чрезмерно многочисленным. Хоук заметил, что внимание охраны сосредоточено на том, что скрывалось в тумане, как будто угроза исходила от самих машин.

Пораженный огнем лишь количеством направлявшейся к цитадели техники, он повернулся и перебрался по острым камням на другой склон узкого, как лезвие ножа, гребня горы и оттуда направил магнокүляры на долину внизу.

И ахнул, увидев, насколько продвинулись инженерные работы всего за одну ночь.

Огромная траншея, глиной не меньше километра и с высокими насыпями по обе стороны, тянулась сначала в западном направлении, а затем плавной дугой поворачивала на юго-запад. Дугообразная часть траншеи повторяла изгиб стен Тор Кристо, и внешняя сторона ее была так же укреплена насыпями.

За ней змеились, подобно извивающимся корням дерева, другие траншеи — они вели к гигантским складам снабжения и стройматериалов, к артиллерийскому арсеналу. Лагерь рос на глазах, и по всей его территории протянулись глинные цепочки людей, передававших припасы и материалы.

Хоук видел, что от главной траншеи уже роют новые рвы параллельно стенам крепости. Хотя расстояние приглушало звук, артиллерия Тор Кристо грохотала не переставая, и вокруг рабочих групп то и дело разрывались снаряды, но высокие

земляные бермы^[3] на внешней стороне траншеи защищали рабочих от близких взрывов.

Несмотря ни на что, сапы неутомимо приближались к Тор Кристо.

Позади траншей вырастали бункеры и грандиозные огневые позиции артиллерии. Хотя вооружение на них пока отсутствовало, Хоук поразился, представив, каким должно быть оружие, чтобы соответствовать такой позиции по размеру. Для их постройки использовали камень, который самоходные буровые установки добыли в горах за прошедшую ночь. Хоук разглядел, что добыча камня не прекращалась до сих пор — дальнейшее строительство требовало новых материалов. И все, что он увидел, указывало на то, что всем происходящим управляла некая чудовищная сила, досконально знавшая нюансы каждого действия, каждой операции. Сама бесстрастная, механическая отлаженность представшей перед ним панорамы пугала Хоука до глубины души.

Из долины раздалось крещендо добродетельных криков, и Хоук заметил, что практически все обитатели лагеря бросили свои дела и расступились перед чем-то, что пока оставалось вне поля его зрения.

До него донеслось эхо гулких шагов, чувствуя, как кровь стынет в жилах, Хоук, наконец, увидел легион гигантов, темных богов, спустившихся на землю.

Он сбросил с плеч рюкзак и лихорадочно потянулся за воксом.

С восхищением и благоговением смотрел Хонсю, как линейные титаны Легио Мортис шагают по земле; от грохота их шагов хрупкая кора планеты была готова треснуть. Большинство адских машин войны были более двадцати метров в высоту, а страшным обликом своим они были обязаны могущественным демонам, обитавшим в глубинах варпала. Титаны ревели, подобно диким зверям, и те, кто ими управлял, едва могли совладать с жаждой разрушения, охватившей машины.

Впереди линейных титанов шел

самый большой из этих громадных монстров, «Диес Уре», и его шипастый хвост извивался в предвкушении боины. На его огромных плечах возвышались высокие башни, похожие на шпили оскверненного собора. По всей их высоте располагались оружейные платформы и артиллерийские батареи.

Всего несколько раз Хонсю выпадала честь видеть воочию эти создания, столь близкие к божественной природе Хаоса, и рядом с таким внушительным проявлением ее мощи он чувствовал себя ничтожным. Тени, отбрасываемые титанами, накрыли весь лагерь; каждый их шаг погружал людей и предметы во тьму.

Закованных в цепи пленных сотнями гнали вперед, навстречу гибели под ногами титанов — это было жертвоприношение тем демоническим силам, что обитали внутри нечестивых колоссов. Ни на миг не замедлилась их тяжелая поступь, и казалось, они даже не замечают, что несут смерть каждым своим шагом. «Диес Уре» остановился ненадолго, и его торс со

скрежетом развернулся в сторону Тор
Кристо, словно титан оценивал врага.
Затем колосс направил на крепость
многоствольное турельное орудие и
плазменную пушку, изображая глумливое
приветствие.

Хонсю знал, что командиры в Тор
Кристо наверняка наблюдают за
прибытием этих великоленных военных
машин, и послание, которое принесли с
собой титаны, будет предельно ясно
гарнизону крепости.

Ваш час пробил.

Глава 7

Магос Феруан Корсил еще раз поправил настройки на пульте управления связью — он не оставлял попыток настроить диапазон частоты так, чтобы усилить сигнал на вокс-кастерах большой дальности. Вдоль глинной консоли вокса расположились сервиторы; лишённые дара сознательной речи, они были напрямую подключены к консоли, и каждый был настроен на одну из частот, закрепленных за Имперской Гвардией. Их обритые головы монотонно кивали в такт разрядам статики, через равные промежутки поступавшим в их череп по подсоединенным к глазницам кабелям.

После того, как магос Науцин без всяких объяснений наложил карантин на Звездный Зал, им пришлось использовать вокс-кастеры, чтобы хоть как-то установить связь с внешним миром. Хотя это и шло вразрез со всем, чему его учили на Марсе, последние полтора дня Корсил

провел, переделывая с десяток разобранных
вокс-панелей и стараясь модифицировать
божественные схемы внутри каждого
священного прибора.

Дух машины выразил свое
неудовольствие новым разрядом статике,
и Корсил поспешил почтительно
склониться.

— Благословенная машина, низжайше
прошу простить мои недостойные
прикосновения. Deus in Machina.

Покачиваясь, словно танцующие змеи,
из разъемов на его спине выдвинулись
мехагендриты. Каждый из этих медных
ребристых протезов оканчивался или
искусственной рукой, или инструментом с
механическим приводом. Два

мехагендрита погрузились во вскрытое
нүтро эксплуатационной панели,
располагавшейся на боковой поверхности
консоли: Корсил старался увеличить ток
передатчика и перенаправить часть
энергии на трансляционные усилители.

Если бы только ему удалось
изолировать некоторые из в данный
момент ненужных систем (ненужных...

Омниссия унаси даже гутать так о
машине), то, возможно, он бы смог
увеличить дальность действия вокс-
кастеров почти на четыре процента. Не
прекращая работать, он по очереди
переключался с одной частоты на другую.

Как только он добрался до сети
уровня отделений, один из сервиторов, до
этого бессмысленно бормотавший в унисон
помехам, выпрямился и заговорил связно:

— ...же слышите меня? Какая, к
черту, польза от вокса, если никто не
отвечает?

При звуке этого голоса Корсил
подпрыгнул, постучал по шкале приемника
и с удивлением воззрился на сервитора,
который уже опять впал в наполненный
статикой ступор. Вокс-сеть отделений?
Обычно эта волна использовалась только
при действиях малыши группами, на ней
командиры взводов и подразделений
отдавали тактические приказы. Сейчас
же на ней не должно было быть никого.

Корсил поспешно вернул настройки в
предыдущее положение и извлек
техадендриты из глубин консоли.

И вновь сервитор сел прямее, губы на его ничего не выражавшем лице зашевелились, передавая сообщение из неизвестного источника.

--- ...примет. Это гвардеец Джүлиүс Хоук, личный номер 25031971, последнее назначение --- наблюдательный пост Сигма IV; повторяю, это гвардеец Джүлиүс Хоук, вызываю имперские войска в Тор Кристо или цитадели. К вашим позициям приближаются вражеские титаны при поддержке бронетанковой бригады и пехоты.

Сервитор все передавал сообщение Хоука, а Корсил, застыв с открытым ртом на несколько долгих секунд, метнулся прочь из зала.

Новость о том, что Хоук выжил, быстро распространилась по верхним эшелонам командования цитадели и вызвала смешанные чувства. Многие считали, что это дезинформаторская уловка захватчиков, другие же верили, что Император помог этому человеку уцелеть ради какой-то высшей цели. Офицеры, лично знавшие Хоука, в полной

мере прочувствовали иронию самого предположения о том, что данный гвардеец может стать инструментом провидения.

Кастелян Вобан, попивая атасек, терил шагами свой кабинет и размышлял о дилемме Хоука. Подполковник Леонид, расположившись за столом, просматривал личное дело гвардейца, предоставленное майором Тедески: он должен был подготовить вопросы, с помощью которых они удостоятся, что на связи действительно Хоук и что на него не оказывают давление. Параллельно велся вопрос товарищей Хоука по взводу, и дополнительная информация, полученная от них, также поможет подтвердить его личность.

Если на другом конце связи действительно Хоук, то тогда у них будет первоклассный источник разведданных касательно дислокации врага, его численности и перемещений, но Вобан не собирался принимать никаких решений, пока не будет полной уверенности.

Как раз сейчас магос Наццин простатривал логические стеки в Храме Машин архимагоса Амаэтона в поисках способа определить, было ли полученное вокс-сообщение подлинным; правда, агент казался неуверенным, что такой способ найдется. Наццин отверг предложение Вобана использовать эмпатический сервер для оценки подлинности сообщения, сославшись на ненадежность результатов в случаях, когда объект находится на расстоянии.

Судя по всему, пока что им придется решать эту проблему самостоятельно.

Вобан был наслышан о Хоуке — это имя часто мелькало в дисциплинарных рапортах, — но лично с ним никогда не встречался. Пьянство, нарушение устава, драки, воровство — это была только часть неприятностей, в которые Хоук обычно ввязывался, и Вобану в связи с этим вспомнилась история о герое Хироса, Яне ван Ёастобаале. Во времена Чумы Неверия он сражался против кардинала-отступника Бухариса, и население Сегментум Пацификус почитало его как

настоящего народного героя. Устория
гласила, что он был благородным,
бескорыстным человеком, который, дабы
освободить свой народ, пожертвовал всем.

В юности Вобан считал Ыастобаала
идеалом для подражания; будучи
капитаном Джүранских СНО, он
тщательно изучил биографию героя. У
чем дальше заходили его поиски, чем
больше он узнавал настоящего Ыастобаала,
тем сильнее он склонялся к мысли, что на
самом деле тот был безрассудным
человеком, пренебрегавшим правилами и
нередко рисковавшим жизнью своих людей
без всякой на то нужды. Все, что Вобан
прочитал о герое, указывало на его
безудержное самотнение и не знающее
границ тщеславие, тематически переходившее
в психическую патологию; но и в этом
случае многое в Ыастобаале все равно
вызывало восхищение.

А почитать любую официально
одобренную имперскую хронику, так
история Ыастобаала неизменно будет
показана как благородная битва мужества
с тиранией.

Что в будущем напишут в учебниках
по истории о гвардейце Джулиусе Хоуке?

Глава 1

Огромные южные ворота цитадели были ровно сорок четыре метра в высоту, тридцать в ширину и носили название Врата Судьбы. Бронзовые створки ворот, многослойные, четыре метра толщиной, весили сотни тонн. Никто в точности не знал, по какой технологии они были сделаны, когда их доставили на Гигру Коргатус, и как такая массивная конструкция могла так легко открываться.

Поверхность створок покрывали картины сражений, и хотя время и зеленая патина стерли мелкие детали, образы все равно производили сильное впечатление. По обе стороны от ворот угрожающе высились бастiony Мори и Винкаре, а сзади Врата Судьбы, окруженные каменными барельефами, располагались в крепостной куртине шестидесяти метров высотой.

Створки ворот стали плавно открываться наружу, и утреннее солнце

золотыми бликами пробежало по их поверхности, оживляя лица участников сражений, навеки запечатленных в бронзе. Наконец ворота были полностью открыты, и наружу двинулись массивные, тяжело шагающие колоссы.

Как гиганты из преданий, шли на войну линейные титаны Легио Угнатум. Их броня была раскрашена в яркие желтые и красные цвета, а от каждого их шага, наполненного мощью, содрогалась земля.

Длинные знамена, символы славных побед, свисали между огромных ног, над плечами орудий развевались огромные вымпелы, отмечающие количество жертв каждого титана, — вереница битв и побед, бравшая начало еще в дни Великого Крестового Похода, и с которой не мог сравниться послужной список никакого другого Легиона титанов.

Строй из одиннадцати богоподобных машин возглавлял «Император Беллум», титан класса «Повелитель битвы» под командованием принцеса Фиераха. Его фланги прикрывали еще два «Повелителя» — «Гонорис Кауза» и «Клавис Регни», их

принцепсам также не терпелось повести
машины в бой.

Фиерах приказал своему титану
остановиться у дальней разоткнутой
стороны Первого равелина, гарнизон
которого радостными криками ответил
на приветственно поднятые орудия
тридцатиметровой боевой машины.

К «Повелителям битвы»
присоединились и другие титаны. Пять
титанов класса «Грабитель» — младшие
братья колосса, их возглавлявшего —
заняли позиции в арьергарде, а четыре
разведывательных «Нса войны» быстрым
шагом двигались рядом с линейными
гигантами. «Нсы» разделились на две пары
и встали с флангов более крупных машин.
Затем титаны остановились в тени
контргарда^[4], ожидая, пока вооруженные
части Джүранских драгун выйдут из
крепости и соберутся вокруг массивных ног
линейных титанов.

Наблюдая с высоты своего командного
поста в голове «Император Беллүт» за
тем, как готовятся к бою танки и БМН,

принцес Фиерах испытывал стесанные чувства. Он был рад такой поддержке, но знал, что присутствие на поле боя вражеских титанов сделает союзников ненадежными. Фиерах прекрасно понимал, с какой легкостью непреодолимая мощь титана может сломить мужество противника. Как и другие принцессы, долгое время командовавшие титанами, Фиерах с презрительным равнодушием относился ко всем, кто не мог сражаться с ним на равных. Способность так легко повелевать столь огромной разрушительной силой порождала высокомерие и уничижительное презрение к жалкому вооружению и технике, которыми пользовались войска, лишенные наследия Легионов титанов.

Находясь в голове «Император Беллунт», благодаря древней технологии телеуправления Фиерах был подключен к каждой системе титана. Только слившись с сознанием божественной машины, можно было контролировать ее, чувствовать как свои собственные все движения и потоки энергии, текущие по

пучкам волоконных тускулов.

Такая власть опьяняла, и разрывая связь с титаном, Фиерах чувствовал себя слабым пленником собственного смертного тела.

Фиерах устроился поудобнее в кресле и позволил своему сознанию слиться с системой титана, окунуться в поток информации, поступавшей в сенсориум «Император Беллум». Он закрыл глаза и, преодолевая внезапное головокружение, схватил мысленным взором все поле боя, представшее перед ним в виде ярких контуров и мигающих отметок целей. Иконки, обозначающие его собственные и джуранские войска, продолжали сосредотачиваться во рву перед контрэскарпом^[5], который защищал основание стен крепости и бастионов. Тайные подземные туннели выходили на поверхность на равнине перед цитаделью — благодаря им бронетанковые части гвардии могли быстро передислоцироваться для поддержки титанов. Пятьсот единиц техники,

боевые танки и бронированные машины, выстроились вдоль рва, урча двигателями на холостом ходу и утоная в клубах сизого дыма выхлопов.

Фиераху многое не нравилось в готовящейся атаке, о чем он и сообщил кастилянцу Вобану в самых сильных выражениях, но он был старшим принцем в легионе, который многие тысячелетия назад принес клятву верности коменданту этой крепости, и клятвенным преступником Фиерах становиться не собирался.

То, что столь рискованная операция основывалась на информации, предоставленной ничтожным гвардейцем, по мнению Фиераха, объяснялось лишь отчаянием; но если этот Хоук говорил правду, то у них была возможность навязать бой противнику прежде, чем тот полностью выведет на позиции свои линейные титаны. Несмотря на сомнения, принц предвкушал возможность повести своих воинов в битву. Защита цитадели была их святейшим долгом, но для воина, снискавшего славу на бесчисленных полях

сражений по всей галактике, это было не самое лучшее назначение. Списки побед «Император Беллунт» уже давно не пополнялись. Многие из них, ранее украшавшие идущего в бой титана, теперь висели в часовне Победы на родном мире легиона — Марсе, и почетные списки, запечатленные на них, едва могли вместить перечень всех выигранных сражений и поверженных врагов.

Фиерах отключился от изображения тактической обстановки и довольнотыхтыкнул, услышав доклад модератора Цосена:

— Подполковник Леонид сообщает, что соединение «Наковальня» на позиции и готово выдвигаться по вашему приказу.

Принцес шевельнул пальцем, подтверждая получение информации. Леонид проявил впечатляющую оперативность. Заместитель Вобана всегда нравился Фиераху больше, чем сам княстелян: в Леониде было гораздо больше от прирожденного воина.

— Очень хорошо, модератор. Откройте канал связи со всеми

титанами.

Пальцы Йосена пробежали по пульту управления, затем он кивнул своему командиру.

--- Всем принцесам, это Фиерах. Вы знаете, что делать, поэтому приступайте к выполнению приказов. Желаю вам хорошего дня и удачной охоты. Пусть Император направляет ваши орудия.

Он не стал дожидаться ответа, закрыл канал связи и обратил свой взор на багряную равнину, простиравшуюся перед титаном, отмечая столбы дыма вдалеке, которые указывали на расположение неприятельского лагеря.

Прошептав молитву-приветствие духу титана, Фиерах скотандовал:

--- Инженер Уландро, походную скорость, пожалуйста. Мы идем на войну.

«Дефенсор Фидеи», титан класса «Нес войны», обогнал линейных титанов легиона, подарив своему принцессе Карлсену чудесное ощущение скорости. Вполовину меньше «Грабителя», «Нес войны» был подвижным титаном-

разведчиком, глазами и ушами легиона. Уступая более крупным титанам в броне и вооружении, благодаря своему штурмовому оружию в сочетании со скоростью он мог врываться на части пехотные соединения.

Его ведомый, «Юре Дивину», с грохотом двигался рядом, ни на шаг не отставая в исполнении маневров уклонения, призванных защитить титанов от неприятельского огня. Пока что по ним никто не стрелял, но когда пустотные щиты может вывести из строя один хороший залп, расслабляться нельзя.

— Что-нибудь есть? — Карлсен повернулся к своему модератору Аркиану.

Аркиан покачал головой:

— Пока ничего, но уже недолго осталось.

Карлсен кивнул и вновь сосредоточился на рельефе местности вокруг них. Приблизительно в пятистах метрах у склона долины виднелся выступ скалы — при необходимости за ним можно будет укрыться от обстрела.

До переднего края противника было

около километра, и он знал, что скорость титана защитит их практически от всего, кроме особенно удачного выстрела. Позади него в одном эшелоне двигалась часть бронетанковых сил 383-го Джүранских драгун. В отличие от принцев более крупных титанов, Карлсен относился к пехоте и бронетехнике с немалым уважением: с титаном такого размера без поддержки не обойтись. Вражеская пехота и техника представляли для «Нса войны» серьезную угрозу.

--- Они нас уже заметили? ---
поинтересовался он вслух.

--- Может, ушли обедать? ---
предположил, устехнувшись, Аркиан.

--- Это было бы весьма кстати, но, кажется, мы только что нарушили их покой, --- ответил Карлсен. Он как раз засек огненные всполохи, взметнувшиеся к небу над артиллерийскими точками, которые располагались за земляным валом, протянувшимся перед лагерем.

Он резко развернул «Дефенсор Фидеи» в сторону, поближе к склону долины.

Подполковник Леонид ехал, высунувшись из люка командной «Хитеры», и встречный ветер бил ему в лицо. Защитные очки и платок, прикрывавший нос и рот, более-менее спасали его от пыли, и, стоя во главе танковой колонны, он мог наслаждаться величественной панорамой сражения.

Его бронзовый нагрудник отсвечивал золотом в багряных лучах полуденного солнца, а под металлом грудь переполняла гордость за свой полк.

Как и у Фиераха, у Леонида были свои сомнения касательно этого наступления, но вид такого количества танков, с ревом мчавшихся вперед, и гүлкая поступь титанов Легио Узнатүт убедили его полностью отгаться великолепию атаки.

Впереди он үвидел передовүю линию вражеских войск -- темные үкрепления выросли на равнине за невозможно короткое время. Тот, кто рүководил этой операцией -- кто бы он ни был, -- безусловно, заставлял своих людей работать на износ.

На глазах у Леонида гва «Нса войны».

приданные его ударному соединению, ушли
вперед со скоростью, несоответствующей
огромным размерам титанов. Более
медленные «Грабители» держались в
строю, в то время как большая часть
Легиона двигалась к исходящему углу
вражеской линии траншей — точке, где та
отклонялась к юго-западу и где сила
артобстрела была бы наименьшей.
Титаны должны прорвать оборону
противника в этом месте, с правого
незащищенного фланга их будут
прикрывать пушки Тор Кристо, а с левого —
танки и пехота Джуранских драгун.

В то же самое время бронетанковые
войска нанесут удар по линии траншей,
протянувшейся с востока на запад, и
четыре тысячи человек, одержимых
жаждой мести, возьмут траншеи
штурмом. Леонид позволил своим
солдатам узнать, кто были те люди, что
погибли при первой атаке на Тор Кристо,
и теперь драгунам не терпелось
отомстить за товарищей.

Как только титаны прорвут оборону,
они должны соединиться с отрядами,

спражающимися в траншеях, после чего последует быстрая атака на лагерь захватчиков; учинив там все возможные разрушения, они начнут организованное отступление к цитадели и смогут избежать неизбежного контрудара.

На бумаге этот стратегический план выглядел вполне убедительно, но у Леонида было достаточно боевого опыта, чтобы знать: редкий план не разбивается вдребезги при первом контакте с врагом. Он был готов проявить инициативу, если дело обернется плохо.

Но когда он смотрел на закованную в броню мощь под его командованием, когда он видел божественных колоссов, идущих в бой вместе с ним, он чувствовал только безмерную уверенность.

Позади загрохотала артиллерия — пушки крепости начали обстрел по тщательно продуманному плану огневой поддержки, благодаря которому, вероятно, удастся заставить врага не высовываться, пока атака 383-го Джуранского не накроет его с головой.

Под повязкой, прикрывавшей рот, губы

Леонида растянүлись в улыбе.

Форрикс наблюдал за перешедшими в наступление имперскими войсками без всякого интереса — он был абсолютно уверен в надежности циркумвальных укреплений. Он стоял на вершине исходящего угла между линиями, куда на его глазах и направлялись титаны. Даже отсюда их план был вполне очевиден.

Орудия Тор Кристо открыли огонь, и на их позиции с визгом обрушились снаряды, но Форрикс занимался постройкой фортификационных сооружений не одну тысячу лет и знал все об искусстве осады. Самые сильные взрывы принимали на себя земляные валы проложенных им траншей, и ущерб был минимальным. Некоторые отряды невольников бросили работу, но как только они высунүлись из укрытия, собираясь бежать, их разорвало в клочья шквалом взрывов.

Пушки цитадели также начали обстрел, и от их выстрелов плато постепенно затягивало дытом, но Форрикс проложил первую параллель за пределами их дальности, и сейчас имперские

защитники просто впус­тую
расстреливали боезапас.

Түстой серый дым клубился над
плато, скрывая танки Улперской гвардии,
но для оружейных прицелов Железных
Воинов в бункерах такие мелкие помехи,
как дым, проблемы не составляли.

Титаны Легио Мортис стояли
позади главной полосы укреплений; они
были готовы обрушиться на врага по
первому сигналу Кузнеца Войны. «Диес
Цре» замер у него за спиной, могучие
орудия титана ожидали начала битвы. По
мере того, как набирали мощность
генераторы пустотных щитов, слои
защитных энергетических полей
окутывали машину, и контуры титана
начали терцать.

Дым и гизельные выхлопы пропитали
воздух вокруг сотен танков,
направлявшихся к разрыву в линии обороны
в полной готовности вступить в схватку с
противником. Артиллеристы на огневых
точках переводили свои орудия с Тор
Кристо на равнину перед цитаделью.

Форрикс видел, что Хонсю и Кроагер

выстраивают своих воинов перед боем, выкрикивая приказы наемникам и загоняя их в траншеи. Он почти физически ощущал жажду битвы, охватившую их, и жалел, что сам не может испытать такие же чувства. Судя по всему, для него эта война станет лишь одним из эпизодов, со временем складывавшихся в бесконечную череду убийств.

Обернувшись в сторону шатра Кузнеца Войны, Форрикс в очередной раз поразился, насколько явственно в великом предводителе Железных Воинов ощущались признаки грядущих изменений. Кузнеца Войны всегда переполняла еле сдерживаемая сила, и Форрикс нутром чувствовал, что его командир стоял на пороге какого-то важного события — но какого?

Боги Хаоса не отличались постоянством и в своей прихоти могли возвысить своих слуг до вершин дедоничества или, наоборот, низвергнуть в пучину бессмысленного варварства в качестве отродья Хаоса. Только они сделали этот выбор, и никто не мог предсказать, какое решение они примут.

Возможно, именно этим и объяснялась спешка, с которой проводилась кампания на Гигре Кордатус?

Неужели демоничество было наградой, обещанной Кузнецу Войны за победу?

Если так, то ведь может же у тех, кто следовал за ним и оказался ему полезен, появиться возможность пойти по его стопам и извлечь пользу из его возвышения, в результате которого откроются новые великие горизонты, где ввремя, прошедшее с поражения на Терре, обратится всего лишь в краткий миг, а впереди будет целый мир, где все еще может случиться?

Внутри него шевельнулось какое-то незнакомое чувство, и Форрикс с удивлением обнаружил, что амбиции, пламя которых, как он считал, давно в нем погасло, все еще тлеют, как угли, в глубине его разума.

Он вновь обратил взор на Кузнеца Войны, и на губах его появилась холодная улыбка.

Принцес Фиерах старался

разглядеть боевой порядок противника
сквозь завесу дыма, сопровождавшую
артиллерийский огонь из цитадели и Тор
Кристо. Клубы красной пыли висели в
воздухе, отчего видимость была
практически нулевой, и он поспешно отдал
по воксу приказ старшим артиллеристам:

— Всем орудиям прекратить огонь!
Повторяю, прекратить огонь!

Несколько снарядов, уже бывших в
воздухе, взорвались перед расположением
противника, но Фиерах мог судить, что
его приказ немедленно исполнен, по тому,
что дыма от новых взрывов не последовало.
Он приказал тяжелой голове титана
повернуться влево, чтобы оценить размер
ущерба, нанесенного пушками цитадели
главной линии траншей, но из-за
задымления ничего не увидел.

Подключившись к сенсориуму
титана, он заметил, что его
тактическая группа движется слишком
быстро и в своем нетерпении вступить в
бой опережает танки гвардии. Он подумал,
было отдать приказ инженеру Уландро
снизить скорость, но сразу же отказался

от этой мысли. Никогда не будет лишним
показать свое превосходство над гвардией,
а дух соперничества между разными
родами войск среди защитников цитадели
приносил только пользу.

Дым впереди на мгновение развеялся,
и Фиерах мельком увидел, что во мгле
движется что-то огромное и чудовищное.
У него перехватило дыхание. Не может
быть... Это что-то было слишком
большим... Но если все-таки...

Он открыл канал связи с принцессами
Куллейном и Даэкианом, командирами
титанов класса «Новелитель битвы»,
которые двигались по обе стороны
«Император Беллут».

— Куллейн, Даэкиан, вы это видели?

— Видели что, принцесс? — спросил
Куллейн.

— Ничего не могу разглядеть из-за
дыма, — подтвердил Даэкиан. — Что вы
заметили?

— Точно не знаю, но на мгновение мне
показалось...

Ветер развеял завесу дыма, и слова
застрали у него в горле. Фиерах увидел,

как возвышающийся до небес ужас
выступил из расположения врага, подобно
тому, как демон появляется из варна.
Конструкция цвета крови и бронзы
высилась над ним, нагоняя страх своими
гигантскими орудиями и башнями.
Чудовищный титан сделал шаг вперед, и
его сверкающие зеленым глаза, казалось,
встретились взглядом с глазами титана
Фьераха, и не было в этом взгляде ничего,
кроме смерти. Сердце принцеса гулло
забилося, и «Император Беллун»,
благодаря телепатической связи
чувствовавший то же, что и его командир,
сбил с шага.

— Кровь Машины! — ругнулся Куллейн,
канал связи между принцессами был все
еще открыт.

— Легио Мортис! — зарычал Даэкиан,
узнав эмблему черепа, украшавшую верхние
бастии огромного вражеского титана.

Фьерах увидел победное знамя,
висевшее между массивных, похожих на
башни ног титана, и неслетное
количество кощунственных символов, что,
казалось, извивались на его поверхности.

Он был уверен, что некоторые из них обозначали поражение титанов и принцев из Легио Узнатум, и ярость окатила его горячей волной. Голова чудовища являла собой худший из возможных кошмаров: адское слияние машины и демона, истинный лик смерти.

Легио Мортис, древний враг! И даже более того...

Если только он не ошибался, эта дьявольская машина была не чем иным, как ужасным «Диес Уре». Проклятое, святоотечественное создание, которое проломило стены Императорского Дворца на заре Империи. И оно здесь, на Гигре Кордатус. Мог ли воин Легио Узнатум желать большего? Губы Фиераха исказила гримаса ненависти, от мысли о сражении с этим монстром из древней истории по венам огнем разлилось возбуждение. Самая важная из битв, в которой сойдутся старые враги. Победа над самым древним из врагов Легиона принесет ему небывалую честь. Фиерах взревел от охватившей его ярости:

— «Клавис Регни», «Гонорис Кауза».

тактическая группа «Меч» — за мной! За
Узнатум!

— Принцес? Вы уверены? — спросил
Куллейн. — Из-за такого маневра джуранцы
окажутся совсем без прикрытия.

— К черту джуранцев! — рявкнул
Фьерах. — Мне нужен этот титан!
Молчите и следуйте за мной!

Крикнув инженеру Уландро прибавить
скорости, принцес активировал тяжелый
цепной кулак «Император Беллум» и
ринулся в бой.

Глава 2

После того, как столкновение оглушительный грохот артобстрела, танки Леонида выстроились в сплошную «стену» и открыли огонь из всех орудий. Угнерские снаряды достигли цели, и взрывы скрыли из виду укрепления предателей. Но легкий ветер, поднявшийся в тот день, вскоре развеял дым.

Но мере того, как сокращалась дистанция между двумя армиями, транспортеры, шедшие в построении клином, растянулись в линию. Несколько тяжелых танков заняли огневые позиции и обрушили на траншеи всю мощь своих пушек. Выстрелы из лазганов, огонь танков и артиллерии слились в оглушающую какофонию, к которой приравнивался глухой рев танковых двигателей. С разочарованием Леонид заметил, что их пушки наносили врагу лишь незначительный урон.

Расстояние, разделявшее противников, все уменьшалось. Батальон

Леонид маневрировал с мастерством, наполнившим командира гордостью. Леонид повидал достаточно сражений, но мало что могло сравниться с атакой бронетанкового батальона на открытой местности.

Они уже приближались к вражеской линии обороны; диспенсеры сотен танков изрыгали дым, чтобы дезориентировать дзухов, направлявших прицелы вражеского оружия. Леонид недоумевал, почему титаны, призванные поддержать атаку, вопреки плану до сих пор не открыли огонь. Он потянулся к вокс-передатчику, чтобы потребовать выполнения огневой задачи, но из бункера, расположенного в центре вражеской линии, прогремел выстрел, и менее чем через секунду цель была поражена.

Снаряд пробил лобовую броню одного из «Леман Руссов», и танк отбросило в сторону. От перегретого заряда загорелось топливо, детонировал боезапас танка, и разлетевшаяся на куски машина исчезла в черном облаке огня и дыма.

Выстрел послужил остальным

Железным Воинам сигналом к бою. Вдоль всей линии укреплений легиона предателей воздух наполнился шквалом огня из лазпушек и инверсионными следами снарядов.

У машин, оказавшихся ближе всего к вражескому фронту, не было ни единого шанса.

Артиллеристы Железных Воинов с легкостью выбирали себе цель среди имперских танков, и строй атакующих разорвали огромной силы взрывы.

Даже сквозь непрерывный грохот взрывов и шипение лазерного огня слышались крики солдат. А потом в бой вступили вражеские титаны, залпы их тяжелых орудий влились в шум битвы, и от танков, пораженных невообразимо мощным огнем их орудий, оставались только атомы.

Оказавшись в ловушке из горящих обломков, водители танков таранили подбитые машины, стараясь выбраться на безопасное место, и к грохоту боя присоединился скрежет гнущегося металла. «Летан Русс» попытался

пробить себе путь на свободу и врезался в
черную гряду железа, оставшегося от
«Химеры», но какой-то меткий
артиллерист заметил попытку побега и
разделался с танком одним снарядом,
попавшим в корму машины.

Люки подбитого танка распахнулись,
изрыгнув клубы черного дыма, и
охваченные огнем гвардейцы в
сумасшедшей спешке стали выбираться из
отделения экипажа. Крича от
мучительной боли, они катались по
пыльной земле, стараясь сбить
пожиравшие их языки пламени.

Яркие вспышки лазерных выстрелов с
легкостью пробивали броню «Химер», и
Леонид вынужден был держаться изо всех
сил. Машины взрывались одна за другой,
скрываясь за завесой густого дыма, и строй
сломался.

Леониду шатнуло в сторону
водитель его «Химеры» несколько раз
резко, со скрипом тормозов развернул
машину, пытаясь уйти с линии вражеского
прицела. «Химера» врезалась в горящий
танк, двигатель взревел, подчиняясь

бешенной попытке водителя столкнуть более тяжелую машину с дороги, но «Леман Русс» застрял намертво и не сдвинулся с места.

Леонид нырнул в отделение экипажа и дернул за рычаг, открывая заднюю аппарель.

— Все на выход! Пошли, пошли, пошли!

Его командное отделение не нужно было подгонять. Остаться внутри «Химеры» означало верную смерть.

Леонид направлял своих людей к аппарели, а когда все вышли, последовал за ними в суматоху битвы. Едва он сошел на землю, как бок «Химеры» вспорол снаряд. Открытый кортовой люк направил большую часть силы взрыва вовне, но машину все равно подбросило в воздух. Леонид пошатнулся, почувствовав, как будто огромный кулак припечатал его к земле. Он сплюнул набившуюся в рот пыль, в ушах стоял чудовищный звон. Обернувшись, он увидел Элларга, своего сержанта; тот что-то кричал, но Леонид не мог разобрать слов. Сержант указал в сторону вражеских траншей, и Леонид

кивнул, поднимаясь на ноги.

Он увидел, что рядовой Корге тащит одно из тел в небесно-голубой форме, заляпанной красным, и крикнул ему, но не понял, что его не услышат за громотой взрывов и стрельбы.

На поле боя царила полная неразбериха, десятки танков и «Хитер» были окутаны едким черным дымом. Кто-то схватил Леонида за плечо, он обернулся и увидел Элларга, протягивавшего ему ружье. Сержант уже прикрепил к оружию штык, и Леонид благодарно кивнул.

Тела убитых были повсюду. На танках. На земле. Кровь, огонь, шум и крики.

Он чувствовал только запах дыма, горящего топлива и опаленной плоти.

Еще одна машина взорвалась, и она рухнула на землю, выпустив ружье из рук. Вихрь раскаленных осколков пролетел над головой и с грохотом врезался в борт другого танка.

До него донеслись приглушенные обрывки полных отчаяния криков. Вопросы, в которых не было смысла. Просьбы о

медицинской помощи, запросы поддержки и эвакуации. Вокруг него солдаты, вжимаясь в ставшую скользкой от пролитого топлива землю, вели огонь по вражеским траншеям. Леонид не задумываясь схватил отброшенное ружье, вскинул его к плечу и открыл огонь, стреляя, пока не кончился боезапас, затем заменил пустую батарею на новую. Перезарядить оружие удалось только со второй попытки — так сильно грозили его руки.

Вокруг него уцелевшие танки стреляли из главных орудий, а водители боевых машин делали все возможное, чтобы маневром уйти от вражеского огня. Некоторым это удалось, и в сторону предателей раздалась ответная выстрелы, но тех, кому повезло меньше, вскоре перебили поодиночке.

Леонид подполз к сержанту Элларду, тот протянул ему вокс, и полковник, сняв шлем, поднес к губам передатчик.

— Принцес Фиерах? Нам нужна огневая поддержка, сейчас же! Пожалуйста, ответьте! Где вы?

Вокс шипел разрядами статики, но

Леонид не сдвинулся.

--- Проклятье, принцес Фьерах, кто-
нибудь, прием! Подтвердите!

В ответ слышались только обрывки
голосов и статика, и Леонид со злостью
отбросил вокс-приемник.

--- Полковник! --- крикнул Эллард. ---
Что происходит? Черт побери, где наши
титаны поддержки?

Леонид поднял с земли свой шлем и
вновь надел его.

--- Будь я проклят, если знаю,
сержант.

Почва всколыхнулась от нового
взрыва, прогремевшего неподалеку.

--- Перекличка! --- проорал Леонид. ---
Кого мы потеряли?

--- Комиссар Паскен и лейтенант
Баллис убиты, --- крикнул в ответ Корге. ---

Лонов ранен, сомневаюсь, что он
выживет.

Леонид бесстрастно кивнул и
вздвинулся: рядом взорвалась еще одна
машина. Отделению сильно досталось, на
лицах солдат, почерневших от копоти,
застыл ужас. Для многих из них

сегоднешний день стал первой настоящей проверкой боем, и он знал, что в итоге в них останется только одно чувство: или страх, или мужество.

Пехотинец, оказавшийся в гуще сражения, в первые мгновения испытывает ошеломляющий прилив эмоций. Ужас, ярость, вина, ненависть — все те чувства, что выходят на поверхность, когда стоишь лицом к лицу перед выбором: умереть самому или убить другого человека. При правильном сочетании этих чувств такой эмоциональный подъем мог заставить человека броситься на врага, превратить его в бесстрашного и беспощадного убийцу, но эти же эмоции могли заставить его в панике бежать обратно, к своей линии обороны. В некоторых это правильное сочетание было заложено с рождения, в других же его приходилось вбивать насильно.

Долгом Леонида было добиваться лучшего от своих людей, и он понимал, что сейчас они на опасном распутье. Ему придется надавить на них, чтобы огонь ярости зажегся в их сердцах. Если они

останутся здесь, то их мужество
постепенно иссякнет, и тогда даже угрозы
комиссара не заставят их шевелиться.

Леонид взобрался на кромку укрытия
и, пригнувшись, выглянул из-за обломков
распорошенной «Хитеры», чтобы
оценить ситуацию.

Император всемогущий, гела
обстояли неважно! Небо окрасилось
красным и черным от отсветов пламени,
пожиравших десятки танков,
пропитавшуюся кровью землю усеивали
мертвые тела. Только отдельные
тяжелые орудия еще продолжали
стрелять, а водители танков, сумевшие
вывести свои машины из-под первой волны
огня, теперь укрывались за останками
тех, кому повезло меньше. Леонид понял,
что они оказались в ловушке.

Проклятье, что же случилось с
титанами?

--- Механизмы автоматического
заряжания на непрерывную работу! ---
выкрикнул принцепс Фиерах. ---
Восстановить пустотные щиты!

Расстояние между «Император

Беллут» и «Диес Уре» сокращалось, но титан Фиераха уже понес первый тяжелый ущерб от залпа основного оружия гигантского монстра. Издалека казалось, что массивные стволы оружия поворачиваются неторопливо, но это впечатление о темпе стрельбы было обманчиво: всего одного залпа разрывными снарядами хватило, чтобы лишить «Император Беллут» защитных щитов.

— Модератор Семанто, зарядить плазменный генератор! Готовьтесь открыть огонь из плазменной пушки!

— Да, принцес! — подтвердил офицер целеуказания.

Фиерах понимал, что для победы над огромным монстром ил нужно скорее разрушить щиты «Диес Уре» или подойти к нему поближе, чтобы навязать ближний бой. В любом случае, ил придется нелегко.

Фиерах заметил, как от пушечного залпа вражеского титана пошатнулся «Гонорис Кауза». Гигантская боевая машина сбилась с шага под жестоким обстрелом, споткнулась, и одна нога титана с грохотом опустилась на выступ

вражеских траншей, раздавив два бункера и с десяток солдат. Принцес Даэкиан из всех сил старался сохранить равновесие, и одна рука титана врезалась в землю, подняв высокий столб пыли, другая же отчаянно молотила по воздуху.

Чтобы прикрыть «Гонорис Кауза», Фиерах шагнул вперед и поднял руки титана, несущие оружие.

— Плазменная пушка заряжена, принцес! — крикнул модератор Семанто.

— Попался! — прорычал Фиерах и выпустил поток раскаленной добела плазмы в сторону дьявольской машины. Разряд энергии ударил в «Диес Уре», и смотровой экран потемнел от яркого вспыхнувших пустотных щитов противника, перегруженных залпом «Император Беллун». Защита монстра еще держалась, но расстояние между противниками постепенно сокращалось.

«Грабители» из тактической группы «Меч» переместились вправо от Фиераха, используя превосходство в скорости, чтобы обойти вражеский титан с фланга. Шквал лазерного огня вызвал перегрузку

пустотных щитов ведущего «Грабителя»,
и прежде чем экипаж осознал нависшую
над ними опасность, из плазменного
аннигилятора «Диес Уре» вырвался
ослепляющий разряд раскаленной энергии и
поразил командный мостик,
расположенный в головной секции титана.

Чужовищной силы взрыв оторвал
голову «Грабителя», машина зашаталась,
и Фиерах закричал, отказываясь верить
глазам. Титан медленно опустился на
землю, его искусственные мускулы
работали все медленнее по мере того, как
угасала жизнь командовавшего им
принцепса. Наконец колени машины
подогнулись, и «Грабитель» рухнул,
взметнув огромное облако алого непла.
Оставшиеся четыре «Грабителя»
расступились в стороны, и Фиерах
выкрикнул приказ прибавить скорости.

Как будто почуввав, что «Император
Беллунт» был лидером этого соединения,
«Диес Уре» развернул массивный корпус
навстречу Фиераху.

Именно так это и должно было
случиться. Человек против демона, плоть,

кость и сталь против неведомого ужаса, наделавшего чудовищную машину жизнью.

«Клавис Регни» бросился вперед, опередив Фиераха, и его пустотные щиты вспыхнули ярче под обстрелом танковых орудий и боевых расчетов врага, поддерживавших огонь «Диес Уре». Не избежал попадания и его собственный щит: очередной пустотный щит был разрушен, а когда Фиерах увидел, что из клубов дыма появляется еще одна тактическая группа вражеских титанов в сопровождении сотен танков, впервые за многие годы он почувствовал сомнение.

У безнаказанности, с которой этот враг последние десять тысячелетий сеял ужас по всей галактике, была причина. Это был смертельно опасный противник, и многие почтенные принцессы погибли под огнем его орудий. Из укреплений врага раздался пушечный залп, который поразил «Клавис Регни», и Фиерах с ужасом увидел, как его собрат-принцесс отчаянно старается удержать титана в вертикальном положении. Языки пламени схватили орудие инферно, установленное

на руке титана, и внезапно оно взорвалось, окатив «Клавис Рэгни» потоком перегретого топлива.

— Принцес! — закричал модератор Йосен. — Полковник Леонид запрашивает поддержку, немедленно! Он сообщает о тяжелых потерях!

Фиерах только кивнул — он был слишком занят, уклоняясь от мощного выстрела из защитного лазера «Диес Кре». Он скорее почувствовал, чем увидел, что еще один «Грабитель» подбит: боевая машина была повергнута наземь ужасающе сильным сплоченным огнем противника.

Один из вражеских титанов наклонился вперед и, качая тяжелой головой из стороны в сторону, бросился в атаку, на время закрыв Фиераха от огня «Диес Кре».

Фиерах сделал шаг вперед навстречу этому новопришедшему противнику и занес цепной кулак для удара по голове нападающей машины. Режущее полотно гигантского кулака скользнуло по бронированному панцирю вражеского титана, не оставив на нем следа, кроме фонтана огненных

искр. Монстр ответил ударом собственного цепного лезвия, которое с ревом устремилось к торсу «Император Беллум». Лезвие вспороло толстую броню титана, словно бумагу, и Фиерах почувствовал чудовищной силы удар и скрежет разрываемого металла. Внутренние каналы вокса наполнились криками гибнущих внизу людей, и до Фиераха донесся крик инженера Уландро:

— Принцес! Пробой в защите реактора на втором уровне!

Фиерах не ответил, из всех сил стараясь отбить очередной удар вражеского титана и подходя поближе, чтобы нанести тому сильный удар в область шеи. Лезвие «Император Беллум» пробило броню противника, заставив вражескую боевую машину полыхнуть оранжевым пламенем, и голова титана отделилась от корпуса. Падающего титана сотрясали вторичные взрывы, и Фиерах победно взревел.

Командный мостик наполнился дымом, перед глазами принцессы загорелись предупредительные символы,

тревожно тизавшие красным. Реактор
вступил в критический режим, но Фиерах
знал, что Уландро был лучшим в своем
деле, и если уж ему не удастся
предотвратить перегрузку, то не удастся
никому.

Он развернул «Император Беллунт» —
как раз вовремя, чтобы увидеть гибель
«Клавис Регни», пустотные щиты
которого в конце концов отказали.
Перегрузка вывела из строя генераторы
титана, и огненный вихрь огромной силы
взрывов пронесся по внутренностям
машины. Разрываемый чередой
внутренних детонаций, «Клавис Регни»
содрогнулся, и Фиерах закричал от
ярости, видя, как гибнет его героический
собрат.

Подобный грому удар вывел его из
вызванного яростью оцепенения, и,
развернувшись, он увидел «Диес Уре» во
всем его адском величии; бастионы ног
титана были объаты пламенем. Зарывав,
Фиерах послал «Император Беллунт»
вперед и увидел, как на панели реактора
тут же загорелись новые

предупредительные руны.

Инженер Уландро делал все, чтобы удержать реактор от разрушения, но он проигрывал эту битву; а когда Фиерах услышал по воксу полные отчаянной злобы крики солдат Имперской гвардии, он понял, что совершил непростительную тактическую ошибку.

Поддавшись желанию отомстить Легио Мортис, он бросил гвардейцев на произвол судьбы и теперь испытывал стыд за свое решение.

«Грабители» из тактической группы «Меч» разделались с вражескими титанами поддержки, но из всей группы уцелели только две машины, и их артиллерийские установки и ускоренные панцири были охвачены пожаром.

Он обрек на смерть их всех.

«Клавис Регни» погиб, но «Гонорис Кауза» все еще держался на ногах и обменивался выстрелами с «Диес Уре», ведя бой, исход которого был предрешен.

Решительно направляясь в гущу перестрелки, Фиерах открыл канал связи с принцем Дазкианом.

--- Даэкиан! Отступай на восток и поддержи силы джүранцев.

--- Принцес? --- переспросил, затаив дыхание, Даэкиан.

--- Давай же, будь ты проклята! Забирай остатки «Меча» и попытайся хоть как-то спасти ситуацию!

--- Да, принцес, --- подтвердил Даэкиан.

Фиерах видел, что состояние реактора ухудшается, и чувствовал, что движения «Император Беллүт» становятся агонизирующе медлительными. Божественная машина утирала; но он не собирался позволить столь могучему воину идти по дороге в агонии, а потому развернул титана навстречу возвышавшемуся до небес «Диес Уре».

Впереди была смерть, и Фиерах приветствовал ее.

Внезапно успокоившись, он сказал:

--- Даэкиан, я прошу тебя только об одном. Отомсти за нас.

Солдаты отряда Леонида лежали, вжавшись в ставшую липкой от разлитого

топлива грязь и пригнув головы, а над ними непрерывно грохотала тяжелая артиллерия противника. Несмотря на громкие уверения, переданные по вокс-сети, титаны поддержки все еще не появились. Очередной снаряд разорвался неподалеку, и «Химера» закачалась от взрывной волны. Леониду пришлось кричать, чтобы быть услышанным в шуме битвы.

--- Корге! Есть новости от титанов?

Гвардеец Корге отрицательно покачал головой, их укрытие содрогнулось от нового взрыва, и Леонид понял, что рано или поздно от «Химеры» останутся только обломки.

Весь отряд -- или, по крайней мере, то, что от него осталось -- чувствовал такое же негодование и ярость, что и Леонид, и даже обычно спокойный Корге теперь был охвачен желанием покончить с врагом.

Но, несмотря на все их мужество, у отряда практически не было шансов пережить такую атаку по открытой местности. Они бы стали героями, но даже герои не выживут при прямом попадании снаряда, и не важно, насколько

они храбры. Леонид знал, что нужно что-то предпринять, и понимал, что пришло время доказать, что он не зря носит знаки различия на погонах. Время, когда он как главный должен был поступить именно так — встать во главе.

Приняв решение, Леонид повернулся к Элларду и крикнул:

— Сержант, собери людей. Мы идём вперёд!

Мгновение казалось, что сержант не расслышал слова Леонида, но затем он кивнул и стал отдавать приказы солдатам отряда, собирая их на позицию.

Леонид взял ручной передатчик переносного вокса, который Корге нес на спине, и открыл канал связи со всеми отделениями под его командованием.

— Всем отделениям, это подполковник Леонид. Мы атакуем траншеи предателей. Будьте готовы и помните, что Император ждёт от вас самого лучшего. У меня все.

Он выпустил из рук передатчик и встретился взглядом с Эллардом.

— Готов, сержант?

--- Как никогда, --- Элларс кивнул. --- А вы, сэр?

Леонид үстехнүлсә.

--- Дұмаю, сейчас мы это и выясним. ---

Он протянул руку Элларсу. --- Удачи, сержант.

--- И вам, сэр.

Леонид поднял ружье, сделал глубокий вдох, чтобы успокоить бешено бьющееся сердце, и с ревом ненависти выскочил из укрытия. Его отряд, следуя примеру командира, с боевым кличем бросился в атаку. Навстречу им поднялась волна вражеского огня, которая пробила брешь в строю и заставила выживших броситься враспынную.

--- Рассредоточиться! --- заорал Леонид.

Они открыли огонь из лазганов и гранатометов, но расстояние было слишком велико.

Урон, нанесенный отрядом Леониды противнику, оказался незначительным, но воздействие их атаки на имперские войска было подобно электричеству. Огонь, вызванной гордости и ярости, вызванной

бесчинствами врага, до этого тлевший в солдатах, теперь разгорелся с новой силой. Джүранские драгуны поднялись и последовали за своим мужественным командиром.

Леонид и Эллард бежали рядом, с каждым шагом поднимая сапогами густые клубы пыли, а следом за ними мчались солдаты их отделения, подбадривавшие себя бессвязными криками, полными гнева и страха.

Леонид почувствовал обжигающий прилив адреналина и, стреляя из ружья, полностью отдался нахлынувшим эмоциям. Его охватило неистовое возбуждение, мешавшееся с бешеным ощущением опасности и азарта. Страх исчез, и он стаялся, чувствуя себя бессмертным. Казалось, небо над головой никогда не было таким красным, а зрение его таким сверхъестественно острым — он мог в мельчайших деталях разглядеть лица врагов впереди. Время для него замедлилось, пули и лазерный огонь проносились мимо яркими вспышками. Он обернулся к бегущим за ним солдатам.

выкрикивая слова ободрения; вокруж
грохотали взрывы, но он все равно
продолжал бежать, оставаясь неуязвимым.

Все тело налилось новой силой, и он
бросился вперед, не дожидаясь остальных.
Выстрелы на бегу среди невероятного
шума. Дикий вопль. Его собственный?

Что-то дернуло его за рукав. Резкая
боль алым огнем растеклась по руке, но
ему было все равно.

Он несясь вперед на волне отваги и
безумия.

Ужасный звук, разрывающий воздух
рев, то накатывавший приливом, то
отступавший; пыль с земли перед
Леонидом фонтанати взвилась вверх.
Поток вражеского огня ушел вправо и
врезался в людей, бежавших рядом.
Четверых отбросило назад, из разорванных
грудных клеток брызнула ярко-красная
кровь.

Так не должно быть. Эта атака
должна увенчаться славой! Вера в
Императора и правое дело была их
щитом, они должны были стать
непобедимыми.

Леонид споткнулся, и внезапно взгляда его охватил весь масштаб резни вокруг. Землю устилали трупы. Сколько их было, сотни, тысячи? Слишком много, невозможно сосчитать.

Несмотря на всю стелость и блистательность их броска, рациональная часть сознания Леонида внезапно увидела безрассудность этого поступка. Легенды рождались как раз из таких неистовых, безогневой поддержки, атак на укрепленные позиции противника, но легенда хороша тем, что сам не принимаешь в ней участия. Хотя Леонид и не отдавал себе в этом отчета, для него настал момент, с которым сталкивается любой пехотинец.

Момент, когда спадает первый всплеск адреналина и на стену ему приходит инстинктивное чувство самосохранения. Именно в такой момент только истинное мужество могло помочь солдату преодолеть последние метры, отделяющие его от неприятеля.

Чувствуя, как колотится сердце и шумит в ушах кровь, Леонид закричал и вновь двинулся вперед бок о бок со своими

солдатами.

Кажется, у них все получится!

До укреплений врага было меньше десяти метров.

А затем противник исчез за стеной ярких вспышек, дыма и оглушительного шума.

Огромный кулак ударил его в грудь.

Он повалился с ног, отчаянно стараясь сделать вдох, и мир завертелся перед глазами.

Земля понеслась ему навстречу и врезалась в лицо, горячая и неподабливая.

Кто-то закричал, зовя его по имени.

Боль, алая, яркая, острая, как лезвие, крошасящая его грудь.

Он перекатился на спину, а вокруг приливом нарастал шум: крики, пальба. Он приподнял голову и застонал, увидев кровь на нагруднике. Неужели это его?

Голова его откинулась назад, глаза закрылись, уступая безмерной усталости.

Потом кто-то резко поднял его и положил на плечо, и он закричал от нового спазма боли в груди. Он увидел землю под собой, колеблющуюся с каждым шагом.

разорванную взрывать и пропитавшуюся кровью, а на ней — заляпанную красными джжүранскую шинель.

Его уносили все дальше от траншей, и тело его бессильно моталось на плече спасителя, а мир крутился вокруг. Все потеряло смысл. Он попытался заговорить, но из горла вырвался только глухой хрип.

Мужчина, несший его, внезапно остановился и опустил Леонида на землю, прислонив его к борту покоренного танка.

Взгляд Леонида сфокусировался.

Сержант Эллард, встав на колени, рассматривал рану на его груди.

— Что случилось? — хрипло спросил Леонид.

— Вас подстрелили, сэр, — ответил Эллард.

Леонид посмотрел вниз, на собственную грудь.

— Неужели?

— Так точно, сэр. Вы были впереди всех, и в вас попали. Хорошо еще, что у вас под нагрудником был бронежилет, но все равно, сэр, вам здорово досталось.

--- Похоже, что так, --- сказал Леонид, вздохнуv с облегчением. --- Последнее, что я помню, --- мы как раз должны были наброситься на этих ублюдков.

--- Полагаю, наша атака была обречена. А сейчас нам стоит пригнуться, потому что Корге говорит, что наши драгоценные титаны должны подоспеть в любую минуту, и нам уж точно не следует быть рядом с этими траншеями, когда они откроют огонь.

Леонид попытался встать, но по телу разлилась боль, и он тяжело опустился обратно.

--- Император, как же больно!

--- Да, думаю, вам попали в солнечное сплетение, так что просто лежите немного спокойно, сэр. Все будет в порядке.

--- Хорошо, --- подчинился Леонид. --- Кстати, спасибо, сержант. За то, что вынесли меня из-под огня.

--- Не стоит упоминания, сэр. Извините, что спрашиваю, но что, черт побери, вы делали? Со всем уважением, сэр, вы понеслись вперед, словно сумасшедший.

--- Не знаю, сержант. Я не мог

мыслить трезво, — ответил Леонид, качая головой. — Я видел только траншеи впереди и думал лишь о том, как до них добраться. Безумие, я знаю, но, Император, чувство было поразительное! Я так ясно видел и слышал каждую мелочь, и не было ничего, что было бы мне не по силам... А потом меня подстрелили, — закончил он с запинкой.

На землю рухнули еще несколько убитых, но полуденный воздух уже угрожал от тяжелой поступи титанов, и за всю свою жизнь Леониду не встречался звук, более приятный слуху.

Преодолевая боль, он поднялся на ноги и крикнул, обращаясь ко всем, кто мог услышать, и голос его, четкий, как на параде, с легкостью перекрыл отрывочный рывок перестрелки и гулкие удары взрывов.

— Ладно, слушайте все! К нам идут титаны, а потому подъем! Как только они откроют огонь, я хочу, чтобы все вы безотлагательно двинулись к цитадели, и пошевеливайтесь. Смотрите, чтобы никого не забыть, и мы все благополучно выберется из этой переделки, понятно?

Слова Леонига были встречены немногими утвердительными возгласами, прозвучавшими еле слышно, но те, кому удалось пережить атаку, были слишком утомлены и контужены, чтобы продемонстрировать рвение.

Леониг посмотрел на северо-запад, где выдвинулись тяжело шагающие фигуры титанов, приближавшихся к ним сквозь клубы дыма. Несмотря на боль в груди, он улыбнулся.

Божественные машины наверняка превратят укрепленную полосу врага в водоворот смерти и разорванных тел.

С неистовой жаждой Кроагер наблюдал за резней, развернувшейся перед траншеями, и кулак его отбивал ритм по борту «Носорога» в такт с грохотанием взрывов. Побойще доставляло ему радость, хотя имперские гвардейцы, которых не хватило мужества даже дойти до их траншей, разочаровали его. Его извлеченный из ножен меч все еще не впитал крови. Дух, обитающий в нем, разозлится, если так и не испробует желанной жидкости. Вся воля Кроагера

уходила на то, чтобы сдержаться и не
дать, взобравшись на «Носорог», сигнал к
развернутой атаке, но он не мог этого
сделать, не получив разрешения от
Кузнеца Войны.

В заново отполированных доспехах
Кроагер имел внушительный вид, и
вороненное железо сияло, как новое.
Пленница, которую он оставил в живых
после первого боя, вернула блеск его броне,
и хотя он до сих пор не мог сказать,
почему не убил ее, заметь одного из
лакеев Императора себе в услужение было
приятно. Дело было не только в этом, но
точнее определить причину Кроагер не
мог, а потому выкинул мысли о женщине
из головы; скорее всего, спустя день или два
он все равно ее убьет.

Шум битвы эхом отражался от
склонов долины, и лязг металла,
ударявшегося о металл, звучал в ушах
Кроагера настоящей музыкой. Тысячи лет
он жил под аккомпанемент этого звука и
сейчас жалел, что не может разглядеть за
пеленой дыма на западе огромные фигуры,
сошедшиеся в схватке, в которой титаны

Легио Мортис сражались с титанами
неприятеля. Вот это был настоящий бой!
Сражаться в тени подобных созданий
означало вступить в истинное царство
смерти, где жизнь воина зависит в равной
степени как от его мастерства, так и от
удачи.

Кроагер нетерпеливо расхаживал по
краю стрелковой ступени, не сводя
голодного взгляда с завесы огня и дыма. Он
взглянул на отряд, застывший в ожидании по
обе стороны от него: жалкие людишки,
думавшие, что своей службой Железным
Воинам они удостоятся покровительства
Хаоса. Он презирал их.

Западнее от него расположился
Хонсю и его рота дворянок. Судя по виду
Хонсю, ему столь же не терпелось
вступить в бой, и Кроагер признал, что
хотя бы в этом они не столь уж
отличаются.

Позади послышалось урчание мощных
двигателей; обернувшись, Кроагер увидел,
как три тяжелых «Ленг Рейдера»
занимают позицию у главного выезда.
Передняя аппарель ведущей машины с

лязгом открылась, навстречу красным лучам вечернего солнца выступила внушительная фигура в вычурных доспехах терминатора.

Форрикс прошел по стальным мосткам, перекинутым через траншею, и присоединился к Кроагеру на стрелковой ступени. В правой руке он сжимал древний, богато украшенный колби-болтер, левую же венчал потрескивающий силовой кулак чудовищных размеров.

--- Кузнец Войны приказал нам атаковать, --- сказал он.

--- Нам? --- удивленно переспросил Кроагер. Форрикс уже около трех тысяч лет не участвовал в боях.

--- Да, нам. Разве я не Железный Воин?

--- Конечно, --- кивнул Кроагер.

--- Форрикс? --- сказал Хонсю, подходя к ним. --- Ты сегодня дерешься с нами?

--- Уменно так, полукровка. Желаете прокомментировать?

--- Нет... брат. Твое присутствие делает нам честь.

--- Это точно, --- подтвердил Форрикс.

Кроагер и Хонсю переглянулись, в равной степени озадаченные и обеспокоенные таким поворотом событий. Затем Кроагер растеялся и хлопнул Форрикса по плечу:

— С возвращением. Давненько ты не пускал кровь врагу. Спорю, сегодня этот кулак соберет больше жертв, чем даже этот дворяшка или я.

Форрикс кивнул, явно недовольный таким панибратством. Он страхнул с плеча руку Кроагера и огрызнулся:

— Держись от меня подальше, Кроагер. Ты для меня никто.

С подчеркнутой осторожностью Кроагер убрал руку и сделал шаг назад.

— Как скажешь.

Отойдя от Форрикса, Хонсю вернулся на свою позицию; Кроагер тоже ушел со стрелковой ступени, чтобы присоединиться к своей роте. Он украдкой оглянулся на Форрикса, чей силуэт отчетливо вырисовывался на фоне темного красного неба. Что-то произошло, и подозрительность Кроагера немедленно встрепенулась. В голосе древнего ветерана

чувствовался пыл, которого Кроагеру не доводилось слышать уже много веков.

Что-то вновь пробудило боевой дух Форрикса, и Кроагер заподозрил, что старый вояка посвящен в некий секрет, о котором его самого и Хонсю не поставили в известность. В чем заключалась эта тайна и каким образом Форрикс оказался среди доверенных лиц, Кроагер предположить не мог, но был готов приложить все силы, чтобы это выяснить.

На дальнейшие размышления времени не оставалось: оглушительный рев пронесся по передним рядам, и десятки людей, стоявших на стрелковой ступени, были разорваны в клочья. Крупнокалиберные снаряды шквалом огня полностью разрушили бровку траншеи, во все стороны полетели комья земли и тела убитых, и на лице Кроагера появилась жестокая улыбка.

В клубах дыма он разглядел размытые очертания, похожие на титана-разведчика; быстрым шагом подойдя к своему «Носорогу», он вскочил на подножку и стукнул кулаком по крыше.

Двигатель машины взревел, «Носорог» тронулся с места и устремился за «Ленд Рейдерати» Форрикса к выезду, прямо в дыт сражения.

Выпрямившись во весь рост, Кроагер поднял цепной меч так, чтобы его видели все его воины.

--- Смерть слугам Лже-Императора!

Глава 3

Леонид наблюдал, как «Нсы войны», быстрым шагом обошедшие его позицию, поливают вражеские траншеи огнем своих «Вулканов». Гвардейцы под его командованием радостно приветствовали этот вызов на бой, но Леонид знал, что этим дело и ограничится. «Нсы» дадут им время перегруппироваться, только и всего.

--- Всем отрядам, это подполковник Леонид. Перегруппироваться и немедленно начать отступление к точке сбора. Шевелитесь, времени у нас немного, --- приказал он, слыша, как за фронтом неприятеля нарастает глухой рев двигателей.

Титан принцеса Карлсена, подвижный, как и все машины этого класса, резко бросался из стороны в сторону, уклоняясь от вражеских выстрелов и в то же время пытаясь занять удобную позицию, которая позволила бы оружейным модераторам открыть огонь. Карлсен и принцес Янсер,

управлявший «Юре Дивину», по очереди выходили вперед и обстреливали траншеи из болтеров «Вулкан» и турболазеров, разнося на клочки всех, кто смел высунуться, а затем быстро отступали, скрываясь в дыму. Рост титанов сводил на нет защиту, которую давала стрелковая ступень, но Карлсен понимал, что ущерб, наносимый ими врагу, по большому счету не имел значения.

Без тяжелых орудий группы «Меч» их тактика только оттягивала неизбежное. Карлсен ушами не поверил, когда услышал приказ принца Фьераха бросить джуранцев и двинуться навстречу титану класса «Император»; со все возрастающим ужасом он слушал обрывки сообщений, которыми обменивались по воксу линейные титаны, вынужденные сражаться не на жизнь, а на смерть.

И он сам, и его ведомый были слишком далеко к востоку, чтобы прийти своим соратникам на помощь, а потому они ограничились лишь тем, что следовали за атакой бронетанковых сил Джурана, хотя без поддержки

«Грабителей» ил приходилось ждть, пока гвардейцы или прорвут оборону противника, или атака будет отбита.

Пустотные щиты вспыхивали, отражая выстрелы из лазеров и болтеров. но Карлсен не обращал на это внимания. Гораздо большим поводом для беспокойства были танки неприятеля. С каждым броском вперед он замечал все большее их количество: они затаились позади траншей, и Карлсен знал, что рано или поздно командир противника объявит контратаку.

Три «Ленг Рейдера» вырвались из клубов дыма, за ними широким фронтом шли «Носороги» и транспорты, выглядевшие как какой-то противоестественный гибрид «Хитеры» и грузовика. Солдаты, битком набившиеся в кузовы машин, кричали, и, подскакивая на неровностях дороги, транспорты встретились за отступающими гвардейцами.

--- Принцес Янсер, за мной! --- заорал Карлсен и развернул болтер «Вулкан» в сторону более легких машин, следовавших

за «Носорогами».

Землю прошили снаряды, прочертившие путь к цели, и три машины разлетелись на куски в вихре огня и крови. Обломки взорвавшихся транспортных ударили в борт одного из «Ленг Рейдеров», заставив того отвернуться в сторону, и он врезался в «Хитеру», сминая металл машины с ужасающим скрежетом.

Рядом с титаном Карлсена возник «Юре Дивину», его грохочущие орудия накрыли атакующего врага смертоносным огнем. Два «Ленг Рейдера» рванули в сторону от титана, пытаясь уйти с линии обстрела, но Карлсен оказался проворнее: удар ноги титана пришелся прямо в бортовую обшивку ближайшей машины, с легкостью пробил броню и подбросил изломанный «Рейдер» в воздух.

Вторая машина резко развернулась, лазпушка, установленная на ее спонсоне, пришла в движение, артиллеристы врага прицелились, и Карлсен с болью ощутил, как схлопываются его пустотные щиты.

--- Будь ты проклят! --- закричал он, отступая, но пушки танка выстрелили

снова, и над головой титана сверкнули смертельные вспышки.

— Модератор Аркиан, восстановите пустотные щиты! Немедленно!

Карлсен приказал титану отступать, ни на минуту не прекращая поливать машины предателей огнем и в то же время стараясь не задавить бегущих солдат Имперской гвардии. Такое точное маневрирование требовало больших сил, и пот ручейками тек по его лицу.

Нога «Дефенсор Фидеи» опустилась на искореженные останки «Леман Русса», и титан опасно накренился. «Юре Дивину» прикрыв собрата по легиону, стреляя, меняя позицию и снова стреляя, пока враг не начал продвигаться вперед с большей осторожностью.

— Аркиан! — взревел Карлсен. — Где эти проклятые щиты?

— Я работаю над этим, принцес!

Так работай быстрее! — потребовал Карлсен: он увидел, как из дыма появляются два уцелевших «Ленд Рейдера» и направляются прямо к нему.

«Император Беллут» утирал, но принцесс Фиерах еще не был готов признать поражение. Лицо его покрывали кровь и пот, и он был уверен, что модератор Уосен погиб. Огун Император знает, что происходило на инженерных палубах; на вызовы Фиераха там уже никто не отвечал. «Диес Уре» уничтожал его титана по частям, но принцесс не собирался сдаваться без борьбы и сумел нанести врагу существенный урон. Танки сопровождения, появившиеся вместе с другими вражескими титанами, прошли мимо, предоставив своему богу войны в одиночку справиться с противником.

Фиерах мог только надеяться, что остатки тактической группы «Меч» сумеют защитить джуранцев и дать им время на отступление.

В очередной раз словно молот ударил по корпусу титана, и череп принцессы пронзили огненные стрелы симпатической боли: он чувствовал то же, что и «Император Беллут». Он замахнулся ценным кулаком, и уже притупившееся лезвие прочертило глубокие борозды на

символе плазменного аннигилятора «Диес
Цре». Огромное оружие окутали брызги
раскаленной энергии, и около сотни людей
обратились в ничто под бьющим
каскадом перегретого пара.

«Диес Цре» сделал шаг вперед и нанес
сокрушительный удар по ноге
«Императора», в результате которого
коленный сустав титана, взорвавшись
снопом искр, был выведен из строя.
Взревела сирена, и от почти невыносимой
боли Фиерах прикусил язык так, что из
рта потекла кровь. Напрасно он пытался
отойти от вражеского титана — левая
нога «Император Беллут» потеряла
подвижность в результате взрыва, и путь
к отступлению был закрыт.

«Диес Цре» вновь приблизился и
ударил рукой, утяжеленной оружием, по
корпусу «Император Беллут».
Разрушительный удар отбросил титана
Фиераха в сторону, мгновенно загорелись
новые предупредительные символы,
означавшие, что системы в теле титана
отказывают одна за другой. Он отчаянно
пытался сохранить равновесие, но от

внешних гиростабилизаторов ничего не
осталось, и вместо чувств титана ему
пришлось полагаться на собственные
спутанные ощущения.

Удивительным образом ему удалось
удержаться на ногах, и он вновь встал
лицом к лицу с «Диес Уре», заноса над
врагом ценной кулак — единственное
оружие, в котором был еще уверен.

Лезвие со скрежетом скользнуло по
торсу «Диес Уре», вырывая из брони
монстра огромные куски. Фиерах знал,
что у титанов класса «Император»
реактор расположен глубоко в брюхе, и
если только ему удастся достаточно
ослабить броню, то позже, возможно,
другие смогут убить это чудовище. «Диес
Уре» сделал шаг в сторону и отбил ценное
лезвие стволami своего основного оружия, а
затем приставил их дула к раскаленной
поверхности коленного сустава
«Император Беллут».

Оружие выплюнуло поток опаляющего
огня, и разрывные снаряды, выпущенные в
упор, поразили уже поврежденную ногу.
Сустав разлетелся на части.

расплавленный металл, подобно ртути, кровотоками встретился вниз по ноге боевой машины. Фиерах чувствовал боль титана, словно свою собственную, и закричал, не в силах справиться с перегрузкой в мыслях, пытаясь, поджарившей большую часть коры его мозга.

Беличественная машина резко накренилась, тазовое сочленение титана с тазом рухнуло на останки изуродованной ноги, и в этом наклонном положении «Император Беллум» внезапно остановился.

Почувствовав, что падение прекратилось, Фиерах истерично расстелялся.

--- Спасибо тебе, старый друг! --- крикнул он и невероятным усилием заставил свой утирающий мозг отдавать титану последнюю команду к бою.

Оттолкнувшись уцелевшей ногой, «Император Беллум» наклонился вперед и с ужасающей силой врезался своим тазом в голову «Дес Уре».

От удара разбилось бронированное

стекло рубли Умперского титана, и
последним, что увидел Фиерах перед тем,
как взорвался реактор «Умператор
Беллун», было зеленое платя
циклопического глаза, встретившееся ему
навстречу.

Форрикс увидел, что «Нес войны»
перед ним отступает за завесу дыма, и
понял, что щиты титана разрушены.

— Вперед, за ним! — рявкнул он. Для
него титан был не просто вражеской
боевой машиной; это было чудовище из
древних легенд, и его охватило жгучее,
первобытное желание уничтожить его. Он
едва удержался, чтобы не растеяться от
наплыва охвативших его эмоций. Чувства
и стремления, которые он считал давно
угасшими, внезапно вновь пробудились в
сознании, прорываясь наружу, подобно тому,
как тонущий человек стремится
вынырнуть на поверхность. Он чувствовал
ненависть, глубокую и острую, горячую
жажду битвы, требующую немедленных
действий, и страсть, более безудержную,
чем всё, что ему довелось пережить за все
свои долгие годы.

Он вновь обрел цель в жизни, цель, перед которой, как перед инстинктом, невозможно было устоять.

Не отрывая взгляда от гололитического экрана, Форрикс наблюдал за хаосом сражения. Рядом с его машиной еще один «Ленг Рейдер» взревел двигателем и пронзил дымовую завесу выстрелом лазпушки. Вражеская пехота отступала к цитадели: некоторые ехали на транспорте, другие цеплялись за подножки. Тут и там отдельные очаги сопротивления еще вели огонь по атакующим, тем самым давая товарищам время спастись.

Корпус «Ленг Рейдера» задребезжал от удара, и Форрикса отбросило в сторону. Машина сильно пострадала, отсек экипажа наполнился пламенем и дымом, и, оглянувшись назад, Форрикс увидел огромную дыру в боковой броне. Сквозь рваные края виднелось алое небо и грозные очертания одного из «Нсов войны», направлявшегося прямо к ним. Его искалившийся лик застыл в маске ярости, и Форрикс опять почувствовал неодолимое

желание уничтожить одну из этих
тварей.

--- Все на выход, --- заорал он.
Открылась передняя аппарель, и четыре
воина-гиганта, облаченные, как и Форрикс,
в доспехи терминаторов, покинули «Ленд
Рейдер» вслеп за своим командиром.

Кроагер рванулся в атаку сквозь
зеленую дыму и, издав боевой клич, от
которого кровь стыла в жилах, одним
ударом цепного меча снес голову
имперскому гвардейцу. Другого он ударил в
живот, разорвав внутренности и раздробив
позвоночник. Вокруг него были лица,
полные ужаса, некоторые кричали,
некоторые молили о пощаде. Кроагер
отвечал им всем стехом и с равной
беспристрастностью убивал любого, кто
приближался на расстояние удара.

Его воины, обильно обгадив клинки,
прорубили в рядах Джуранских драгун
кровавую просеку. Сражение превратилось
в примитивную резню, и Кроагер упивался
этой бойней, чувствуя, как каждое новое
убийство отзывается во всем теле волной
удовольствия. Он не замечал ничего, кроме

брызг артериальной крови, и не слышал ничего, кроме криков утирающих.

Плачущий, вопящий мужчина упал перед ним на колени, но меч Кроагера описал низкую дугу и перерезал несчастному горло. Отбросив оружие, Кроагер поднял утирающего с земли, сорвал с него шлем и, держа жертву повыше, направил струю крови себе в лицо. Алая жидкость густым потоком оросила его, и Кроагер запрокинул голову, чтобы напиться этой дающей жизнь влаги.

У горячей крови был изысканный вкус, полный страха и боли.

Чудовищной силы жажда заставила Кроагера взреветь; он разорвал труп нагвое и, подобрав меч, поднял оружие над головой. Все его чувства словно обезумели, и каждый нерв в его теле требовал еще.

Еще и еще. Кровью невозможно пресытиться.

Глаза заволокло красной мглой, и Кроагер вновь устремился в битву.

Стреляя на ходу, Хонсю повел своих воинов вперед. Хорошо скоординированный залп лазерного огня, пронесшийся над

головой, вынудил его броситься на землю, поднявшись на колени, он сделал несколько выстрелов в сторону, откуда раздался залп. Сквозь дым донеслись искаженные крики: ответные выстрелы нашли свою цель. Его воины быстро продолжили наступление, передвигаясь группами и прикрывая друг друга прицельным огнем по противнику.

В клубках дыма мелькали люди, ревели танки, из диспенсеров, установленных на машинах, вырывалась белая пелена тумана.

Мимо прогрохотал один из «Ленд Рейдеров» Форрикса, и Хонсю выругался — лазпушка, установленная на спонсоне, прошла меньше чем в метре от него. Мощное оружие выстрелило, и от лазерной стрелы дым побелел, словно пар, а авточувства госнеха заработали, устраняя помехи.

Впереди полыхнула огромная вспышка света, обозначившая присутствие титана и то, что один из его пустотных щитов только что отказал. Хонсю устехнулся, представляя, как отчаянно суетится

экипаж титана, пытаясь восстановить
потерянный щит, прежде чем до них
доберутся перешедшие в атаку Железные
Воины. Кузнец Войны счел нужным
усилить роту Хонсю насильно
рекрутированными солдатами, и теперь
этот сброд устремился вперед вместе с
его воинами. Необходимость сражаться
бок о бок с такими отбросами наполняла
Хонсю злостью, но он ни за что не стал бы
унижаться и высказывать свое негодование
вслух.

Прочертив болтером огненную дугу
так, чтобы несколько выстрелов не вполне
случайно зацепили некоторых из солдат в
красной униформе, он поднялся на ноги и
сдвинулся вперед, к расстрельной команде
Железных Воинов. Им удалось загнать
довольно большое количество имперских
гвардейцев на дно пыльной воронки, края
которой окружала колючая проволока. Из
воронки выстрелили, снаряд угодил в
транспортную машину позади Хонсю,
которая разорвалась с металлическим
грохотом.

Несколькими секундами позже из

воронки вылетел еще один снаряд, но расчет совершил глупость и не сменил позицию после первого выстрела, и в результате два гвардейца были разорваны на части залпом ответного огня.

Стараясь не высовываться, Хонсю побежал к разбитым противотанковым ловушкам из рокрита, за которыми беспорядочной гурьбой укрылись солдаты в красном; они обстреливали воронку из неказистых винтовок со скользящим затвором. Хонсю схватил ближайшего к нему солдата за шкуру и поднял того к своему визору.

— Удвоить, вы впустую тратите боеприпасы. Достаньте их оттуда клинками.

Мужчина отчаянно закивал, слишком напуганный, чтобы ответить. Хонсю отбросил это жалкое существо в сторону, беззлively вытер рукавицу доспеха о набедренник и вернулся к своему отряду.

Пока первый взвод спешно отходил к следующей точке сбора, подполковник Леонид, вжавшись в склон изрытого воронками вала, стрелял из лазгана. Лицо

его, почерневшее от грязи, избороздили морщины усталости и страха, но он все еще был жив и способен сражаться, а это уже стоило немало, учитывая неразбериху, которая царила на поле боя. Сержант Эллард залег рядом и посылал выстрел за выстрелом в сторону неясных теней, бегущих сквозь дым. Угроза показаться окруженными, отрезанными от своих, лицом к лицу с превосходящими силами противника вызвала физически ощутимый ужас, и только усилием воли Леонид сохранял спокойствие. Он должен был воодушевлять людей своим примером, и хотя в груди плотным узлом свернулась боль, он старался не поддаваться ей, чтобы показать своим солдатам, как нужно действовать.

— Первая шеренга, огонь! Затыкающая шеренга, отступай! — выкрикнул он, и Эллард вскочив на ноги, принялся подгонять бойцов затыкающей шеренги к следующему пункту сбора.

Один залп за другим врезались в строй солдат в красной униформе, несущихся в атаку сквозь хаос битвы.

несмотря на то, что огонь неприятеля косил их десятками. До сих пор Леониду удавалось поддерживать в отступлении порядок, но все висело на волоске. Солдаты проявили небывалое мужество и выполнили свой долг лучше, чем он мог требовать. Но силы их были на исходе, и надолго их не хватит.

Помимо всего прочего, это была гонка на время: все зависело от того, удастся ли им добраться до прикрытия пушек и минометов, прежде чем иссякнет их мужество.

Гвардеец Корге подполз к Леониду, что-то крича сквозь грохот выстрелов, взрывы и рев танков. Вокс, закрепленный у него на спине, неуклюже ерзал при каждом движении; в руке Корге сжимал шипящее плазменное ружье, ствол которого окутывал пар из перегревшихся охладителей.

— Сержант Эллард докладывает, что они уже на точке сбора, сэр!

— Очень хорошо, Корге, — сказал Леонид и, повесив лассан на плечо, скотандовал: — Первая шеренга,

выбирается отсюда, к чертовой матери!

Джұранцам два раза повторять было не нужно. Под прикрытием отделения Элларда, разрядившего свои лазганы в дымовую завесу, они поползли вниз по склону. Леонид дождался, пока последний из его солдат покинул позицию, после чего вместе с Корге отправился к остальной части взвода.

Со склона, оставшегося позади, донесся рокот, похожий на рев джұранского карнозавра, и Леонид, обернувшись, увидел, как через вал перебирается целое полчище чудовищных железных исполинов, чтобы затем обрушиться вниз с зубодробительной силой. Танки — некая извращенная вариация «Леман Руссов» — были огромны; броню их покрывали нечестивые символы, оружейные башни поворачивались со скрипом древних механизмов. Пушка, установленная на передней части корпуса ближайшего танка, лязгнула, выплюнув череду бронебойных подкалиберных снарядов, и взрывы изрыли почву склона. Увлекая Корге за собой, Леонид бросился на землю, и в

тот же миг воздух над ними прошил
пули.

Он поднял голову и задохнулся от
ужаса: танк продолжал двигаться, грозя
раздавить их бронзовыми гусеницами.
Шквал огня усилился, а затем с
оглушительным грохотом выстрелило
основное орудие танка; несколько секунд
спустя вдалеке послышался взрыв. Танк
надвигался прямо на Леонида, и он
откатился в единственном направлении,
еще остававшимся свободным, — под корпус
танка.

Металлическое подбрюшье машины
прошло над его головой, лишь чудом не
задев, от горячих выхлопных газов
поднялась тошнота. Что-то полилось
сверху, и он почувствовал, что лицо и руки
стали мокреть. Закрыв руками уши, он
вжался лицом в грязь и распластался на
земле. «Император, защити», прошептал
он, затерев под грохочущим танком.
Какой-то вытирающий из дна крюк
зацепился за складку на его форме, и
Леонид захрипел от боли, чувствуя, как
его тащит вслеп за танком по неровной

земле; только через несколько метров ему удалось отцепиться.

Внезапно он оказался на свободе, а танк покатил дальше, оставив его дрожать от страха и облегчения. Леонид глубоко вздохнул и пополз обратно к лежавшему неподвижно Корге. При виде изуродованного трупа он не смог сдержать тошноты. Корге повезло меньше, чем ему, и вся нижняя часть тела гвардейца под гусеницами танка превратилась в сплошное месиво. Из рта все еще текла кровь, и очередной рвотный позыв скрутил внутренности Леонида: он понял, что за жидкость плеснула на него из-под танка.

Вокс тоже раздавило, но оружие Корге осталось целым, и Леонид выхватил ружье из рук мертвого гвардейца. Внутри него волной поднялась ярость от мысли о том, что убийцы Корге, скорее всего, даже не заметили случившегося. Леонид с трудом поднялся на ноги и, шатаясь, пошел за железным чудовищем.

Найти его оказалось нетрудно: танк медленно двигался вслед за его людьми, уничтожая солдат пулеметными

очередями и выстрелами из основного
орудия. Леонид выкрикивал проклятия в
адрес предателей, засевших внутри
машины, пока не сорвал горло, и, когда до
корты оставалось менее десяти метров,
резко остановился и поднял плазменное
ружье Корге.

Он дважды быстро нажал на спусковой
крючок, и раскаленная дробель плазма
ударила в танк. Выстрелы пришлись на
более тонкую броню корты и, с легкостью
ее пробив, подожгли топливо и боезапас.
Взрыв превратил боевую машину в
огненный шар, скачок давления в
результате внутренних детонаций стял
орудийную башню. Ударной волной Леонид
сбило с ног, и падение отозвалось в груди
обжигающей болью.

Над ускореженными обломками
танка поднимался черный столб дыма,
увидев, что в гуще сражения в его сторону
кто-то бежит, Леонид закричал от
ярости. Он поднял плазменное ружье, но
перезарядка еще не закончилась. Отбросив
ружье, он потянулся за лазганом, но тут
из клубов дыма возник сержант Эллард. Не

теряя времени, сержант помог своему
командиру подняться на ноги и оттащил
его от охваченных огнем обломков танка.

Карлсен опустил тяжелую ногу
титана на одну из машин, затем шагнул в
сторону, увернувшись от еще одной,
решившей пойти на таран. Застонав от
напряжения, он приказал проворному «Нсу
войны» развернуться вокруг своей оси и
выпустил короткий залп по корме танка.
Основные орудия расходовали боеприпасы с
такой скоростью, что резерв практически
иссяк, и при таком темпе стрельбы через
несколько минут пушки титана
утолкнул.

И тогда сражение закончилось.
Модератор Аркиан сотворил настоящее
чудо и уговорил Дух Машины еще раз
восстановить их щиты, но не прошло и
секунды, как их вновь атаковал тот
проклятый «Ленг Рейджер». До того, как
«Юре Дивину» обошел танк с фланга и
отправил его в варп, ему удалось опять
вывести из строя защиту титана.
Несколько воинов успели выбраться из
дьявольской машины, но прежде чем

Карлсен успел нацелить на них орудия и прикончить, они скрылись в дыму и суматохе боя.

Если им удастся продержаться еще немного, то вскоре они окажутся в прямой видимости цитадели и под прикрытием ее артиллерии. Тогда они будут в безопасности.

Бросившись на другую сторону воронки и не обращая внимания на витки колючей проволоки, цеплявшиеся за ноги, Форрикс выпустил очередь из штурмового болтера в спины дрожащих от страха гвардейцев, укрывавшихся на дне. В отдалении он увидел Крогера — тот безжалостно расправлялся с горсткой солдат, которые отстали от своих и теперь оказались в окружении.

Форрикс остановился на мгновение и, прищурившись, внимательно пригляделся к этому юнцу, убивавшему вражеских солдат с бешенством, вызванным опьянением смертью. Его серебряная броня, до сражения чистая и сверкающая, теперь была залита кровью, под влажно блестящим слоем которой скрылись

нанесенные на доспех символы. В этот раз Кроагер зашел слишком далеко и уже не мог сопротивляться зову Бога Крови.

Хонсю держался справа от него; его люди шли в атаку в образцовом порядке, стреляя, перемещаясь и снова стреляя. С большой неохотой Форрикс вынужден был признать, что полукровка, несмотря на свое нечистое происхождение, был способным командиром.

Теперь, когда наступление имперских войск было остановлено, сражение распалось на ряд более мелких стычек. Продолжать преследование врага не имело смысла: те отделения, которым удалось вырваться с поля боя, были так сильно потрепаны, что вряд ли когда-нибудь оправятся от поражения.

Оставалось только убить титана.

По счастливой случайности, именно в этот момент клубы дыма рассеялись, и великан появился прямо перед Форриксом. Красно-желтый панцирь блестел в лучах солнца, а оскалившийся лик титана словно призывал сразиться с ним.

--- Ты идешь мне вызов⁶, --- прошептал Форрикс и бросился в атаку на закованного в броню гиганта, но титан развернулся и быстро скрылся в дыму так же внезапно, как и появился.

Лишившись добычи, Форрикс остановился и тихо произнес:

--- В другой раз, чудовище.

Шатаясь и спотыкаясь, Леонид брел по пустоши, протянувшейся перед цитаделью, и каждый его вздох жжением отзвучивался в груди. Если бы не поддержка сержанта Элларга, он наверняка бы упал.

Позади, совсем близко, слышались крики врагов и вопли тех, кто попал им в руки. Внезапно Леонид заметил очертания трех огромных фигур, застывших на границе поля зрения; по мере того, как он с помощью Элларга продвигался вперед, очертания прояснялись, и наконец он с облегчением растеялся, узнав в них двух титанов класса «Грабитель» и одного «Новелителя войны».

Но когда они подошли еще ближе,

Леонид с нарастающим ужасом разглядел, что титаны чудовищно повреждены. Многократные попадания искорежили и опалили броню их корпусов. Что произошло с этими машинами войны? Он оценил масштаб их повреждений и вновь задумался о жуткой природе врага, с которым им пришлось столкнуться, и о том, какой глупостью было недооценивать такого противника. Сколько жизней оборвалось сегодня из-за такой ошибки?

Два «Нса войны», шатаясь, отступали сквозь клубы дыма и пыли, короткими очередями отстреливаясь от врага. Оба были повреждены и несли на своей броне отметины от огня и взрывов; но оба все еще вели бой.

«Грабители» и «Новелитель войны» открыли огонь, и воздух наполнился ужасающим грохотом. «Нсы войны» с благодарностью укрылись в тени более массивных собратьев и поддержали обстрел залпами своих орудий.

Спотыкаясь, Леонид шел дальше, мимо титанов, пока не оказался под прикрытием пушек Первого равелина, и

тогда почувствовал не выразимое словами
облегчение от того, что выбрался из боя
живым. Стрелковую ступень на краю
передней траншеи заняли свежие силы, и
Эллард передал командира на попечение
перепуганного солдата, после чего вернулся
на поле боя, чтобы поточь своим людям.

Прислонившись к брустверу и
обхватив голову руками, Леонид, наконец,
в полной мере осознал кошмар, которым
стало это сражение.

Когда уцелевшие Драгуны оказались
под защитой титанов Легио Узнатум и
артиллерии цитадели, противник,
казалось, потерял интерес к битве и
повернул назад, к своим укреплениям, при
этом не скрывая на резкие выкрики и
настешки. В некоторых воинах жажда
крови была слишком сильна, и они не
могли удержаться от напрасных попыток
добиться до своих жертв, но их
уничтожил ближний огонь титанов и
залпы артиллерии рavelина и бастионов.

Леонид чувствовал, что задыхается
от невероятной усталости. Он оперся
рукой о склон бруствера, стараясь

сохранить равновесие, но мир перед глазами завертелся, и он соскользнул вниз и рухнул на землю, прежде чем стоявшие рядом солдаты успели его подхватить.

Глава 4

Несмотря на то, что с гор дул теплый ветер, от вида работ, развернувшихся под стенами Тор Кристо, по спине майора Гүннара Тедески пробежал холодок. Опираясь рукой на парапет бастиона Кейн, коренастый майор перегнулся вниз и попытался хотя бы приблизительно определить, сколько же людей работали на равнине. Но его самым скромным оценкам, в осадных работах внизу участвовало от восьми до девяти тысяч человек. Чего-чего, а рабочих рук для рытья укреплений у врага хватало; но невозможно было угадать, сколько же среди них было настоящих воинов.

— Ээ... Майор Тедески, я не уверен, что это хорошая идея, — заметил капитан Поулсен, его адъютант, который следовал за ним, крепко сжимая в руках информационный планшет.

— Чүшь, Поулсен. Эти хаоситские выродки — не из тех, кто держит снайперов.

--- И все-таки, сэр, --- не сдвинулся
Поулсен. Из долины донеслось эхо
артиллерийского залпа.

--- До нас не достанет, --- ответил
Тедески, качая головой.

И точно: снаряд, взметнув столб
пыли и каменных осколков, попал в
развалины сторожевой башни. Башня была
разрушена менее чем за день, но она
изначально не предназначалась для того,
чтобы выдержать обстрел такой
интенсивности.

Тедески отстранился от паранета и
продолжил свой путь по периметру стен
бастииона. Солдаты сидели под паранетом,
одни спали, другие играли в кости.
Некоторые внимательно оглядывали
местность, и лица их избороздили
морщины, вызванные усталостью и
нехваткой сна. Артиллерийский обстрел,
продолжавшийся почти без перерыва, не
давал спать, и нервы у всех были на
пределе.

С того дня, как атака Лезио
Узнатум и бронетанковых соединений
Драгун на систему траншей неприятеля

сорвалась, прошла неделя, и плато изменилось до неузнаваемости. День и ночь вражеская артиллерия обстреливала равнину фугасными снарядами, сметая заграждения из колючей проволоки и вызывая детонацию мин. Землю исчертили ломаные линии траншей, укрепленные земляными валами, траншеи подбирались к скале, на которой стоял Тор Кристо. Артиллеристы Тегески сделали все, что могли, но траншеи были сооружены с математической точностью, и их невозможно было поразить анфиладным огнем^[7]. Только однажды, когда часть траншеи была открыта дальше, чем следовало, артиллеристам удалось нанести противнику ощутимый урон и уничтожить как землекопов, так и их оборудование.

Но после того случая каждый раз, когда траншеи приближались к крепости на расстояние, с которого орудия Тор Кристо могли бы обстреливать их по всей длине, огромные фигуры в темно-серой броне приказывали землекопам изменить

направление работ.

Между системой траншей и основным лагерем протянулась паутина ходов сообщения и редутов, и хотя артиллеристы Тор Кристо обстреливали их каждый день, Тедески не заметил сколько-либо существенных успехов.

Враг наступал, с этим ничего нельзя было сделать, и это сводило с ума. Там, где заканчивались сапы, прошла вторая параллель, и ее крутой изгиб в точности следовал стенам крепости. На двух отрезках этой новой параллели были возведены высокие стены. Без сомнения, траншею за ними расширяли и углубляли, чтобы дать место крупнокалиберным гаубицам.

Хотя Тор Кристо уже неделю был под обстрелом, с такого расстояния орудия противника могли только откалывать куски от каменных стен. Однако для рикошетного огня такая дистанция была идеальной, и многие из орудий, установленных на стенах Тор Кристо, оказались демонтированы. Тедески приказал оттащить уцелевшие орудия

назад, в форт, и хотя до сих пор число убитых было невелико --- пятьдесят два человека с начала осады, --- ситуация резко изменится, как только батареи второй параллели будут установлены.

Но у Тедески для неприятеля был припасен сюрприз.

Орудия, установленные у подножия скалы и до сих пор остававшиеся в резерве, проявят себя ровно в тот момент, когда враг передвинет тяжелую артиллерию на новые позиции.

--- Ждать уже недолго, Поулсен, --- задумчиво заметил Тедески.

--- Ждать чего, сэр?

--- Атаки, Поулсен, атаки, --- ответил Тедески, не в силах скрыть своего раздражения. --- Если мы не помешаем им завершить строительство этих батарей, они подтянут большие пушки и начнут выбрасывать фугасные снаряды прямо через наши стены. После чего отпадет нужда сносить сами стены: они смогут просто войти внутрь через главные ворота, потому что в крепости не останется ничего, чтобы их остановить.

--- Но ведь их останowią орудія внизу?

--- Возможно, --- согласился Тедески, --- но ты сможеш проверить этот трюк только один раз, и то при условии, что враг еще не знает о них. Помнишь твою разведывательную группу, которую мы обстреляли в самом начале осады?

--- Да, сэр.

--- Велика вероятность, что противник уже знает, что внизу установлены орудія, и предпринял соответствующие меры.

--- Не может быть, сэр. Если бы они обнаружили орудія, они бы уже попытались уничтожить их, разве нет?

Тедески задумчиво кивнул и оперся на парапет, скат которого был сооружен таким образом, что солдаты могли обстреливать цели, находившиеся почти у самой стены.

--- В этом есть смысл, Поулсен, и только поэтому я до сих пор не отдал приказ перекрыть подземные проходы. Если, когда придет время, эти пушки будут молчать... на такой риск я пойти не могу.

Пренебрежительное отношение к снайперам, выказанное страшил по званию, придало капитану Поулсену стелости, и он встал у края паранета, наблюдая за кипучей деятельностью на равнине.

--- Никогда не думал, что увижу что-то подобное, --- прошептал он.

--- Что?

Поулсен указал на гигантские очертания «Диес Уре», который замер без движения на том месте, где погибший «Император Беллун» покалечил его. Нижняя часть ног машины почернела и все еще дымилась, опаленная взрывом реактора Имперского титана. На лесах и опорах, возведенных вокруг ног титана, работали сотни людей, пытавшихся устранить ужасные повреждения. Верхняя часть корпуса «Диес Уре» меньше пострадала от взрыва, и каждый день орудия титана обстреливали цитадель, сотрясая ее стены чудовищной силой взрывов и вызывая врага еще раз выйти на открытый бой.

--- И я не думал, --- кивнул Тедески. --- Это была честь для нас --- видеть, как

столь храбрый воин сражается с таким дьявольским созданием. Но собраты-титаны отомстят за него.

— А кто отомстит за нас? — поинтересовался Поулсен.

Тедески резко развернулся к своему адъютанту и сказал со злостью:

— За нас мстить не потребуется, капитан Поулсен, и я лично разберусь с каждым, кто публично заявит обратное. Вам ясно?

— Да, сэр, — поспешно ответил Поулсен. — Я только хотел сказать...

— Я знаю, что ты хотел сказать, Поулсен, но лучше держи это при себе, — предостерег Тедески, взмахом руки указывая на солдат у паркета и артиллеристов, готовивших орудия к бою. — Как ты думаешь, что самое главное в крепости, а, Поулсен? Стены? Пушки? Расположение? Нет. Все дело в людях, которые стоят на ее стенах и говорят врагу: «Нет, это укрепление тебе не взять». Только боевой дух этих людей удерживает противника снаружи, и только держась вместе, веря в

Императора и в нашу способность выстоять, мы сможем победить. Какими бы ни были факты, люди должны верить в то, что мы сами верим: Тор Кристо сможет выдержать осаду. Иначе нам конец.

Задумавшись, Поулсен кивнул, после чего спросил:

— А вы верите, что мы выстоим, сэр?

Тедески вновь посмотрел на равнину перед крепостью.

— В конечном итоге — нет. Тор Кристо падет, но мы будем удерживать крепость так долго, как сможем. Когда я решу, что все потеряно, я прикажу отступить по туннелям и перегрузить реакторы, чтобы взорвать крепость. Я не позволю этим мерзавцам использовать Кристо в своих целях.

* * *

Оттолкнув в сторону изнуренного раба-землекопа, Хонсю последовал за Форриксом вдоль извилистой траншеи,

которая вела к последней параллели. На всем их пути рабы, едва завидев своих хозяев, бросали кирки и лопаты и смиренно склонялись. Ни Форрикс, ни Хонсю не обращали на презренных созданий ни малейшего внимания, вместо этого полностью сосредоточив внимание на нависшей над ними громадой Тор Кристо. Когда они добрались до последней параллели и Хонсю увидел, с какой основательностью она была сооружена, его охватило знакомое предвкушение.

Глубина траншеи составляла три метра; брусстер, обращенный к Тор Кристо, имел уклон внутрь для того, чтобы уменьшить урон от снарядов воздушного взрыва. В стенах траншеи были вырыты и укреплены перекрытиями ниши, в которых рабы спали, ели и утирали. Еще живые были слишком измождены, чтобы должным образом убирать трупы, и потому умерших просто стаскивали на одну сторону траншеи, где они и гнили, наполняя воздух страдальческого разложения. По дну траншеи были проложены железные лежни с досками

поверх них, и Хонсю поразился тому, с какой скоростью продвигалась работа под руководством Форрикса.

--- Первая батарея будет тут, --- сказал Форрикс, указывая на участок траншеи, находившийся, по оценке Хонсю, на расстоянии около шестисот метров от подножия горы.

Работы по расширению траншеи в этом месте уже начались. У входа в новую батарею были сложены толстые стальные листы, которыми вскоре покроют землю, чтобы тяжелые орудия при откате не зарывались в почву. Посмотрев в сторону Тор Кристо, Хонсю представил угол возвышения орудий будущей батареи и кивнул.

Наиболее уязвимым местом любой фортификации были ее исходящие углы --- выступающие точки в линии бастионов, где при обстреле передних подступов с паранета образовывалось мертвое пространство. Главную сапу Форрикс проложил по прямой к центральному бастиону, и эта последняя параллель прошла уже в пределах досягаемости

артиллерии форта, но защитой ей служили глубина траншей и земляные валы.

Хонсю увидел, что уже началось устройство батарей, которые будут обращены к обеим сторонам исходящего бастионного угла; они будут повернуты к форту таким образом, что орудия, установленные в них, будут вести огонь перпендикулярно фасу бастиона и быстро пробьют его стены. Как только прямой огонь артиллерии проделает в стенах брешь, гаубицы обрушат в пролом снаряды, которые уничтожат вражескую пехоту до того, как будет нанесен главный удар. Но и в этом случае жертвы были неизбежны.

Наблюдая за тем, как еле живые рабы строят пушечную батарею, Хонсю подумал о том, что в механике осады была некая приятная предопределенность. Ему доводилось слышать рассказы о прошлых временах, когда осаждающий должен был пройти через несколько периодов постепенной атаки, прежде чем осажденный признает, что у него не осталось иного выхода, кроме как сдать

крепость. Когда обе стороны сделали все, что от них требовал долг чести, защитники крепости капитулировали, и им разрешалось покинуть крепость, сохранив свое оружие и флаги. Такой порядок был откровенно нелеп, и Хонсю не представлял, чтобы он когда-нибудь принял капитуляцию врага.

Если Железные Воины начинали осаду, остановить ее было невозможно.

В дни, когда великий Пертурabo сам вел своих воинов в битву, еще до того, как копаты вынут первый кот земли, он давал противнику единственный шанс сдаться. Если враг отвечал отказом, больше таких предложений не делалось, и исход осады был предрешен: закончиться она могла только кровью и смертью.

— Ты выбрал хорошее место для батарей, Форрикс, — заметил Хонсю.

Форрикс коротко кивнул, принимая похвалу:

— Не думаю, что нам нужно копаться дальше. Это бессмысленно: мы только без необходимости подставимся под снаряды воздушного взрыва, и склон горы закроет

стены крепости.

Хонсю видел, что Форрикс прав.

— А что насчет батарей у подножия горы? Они окажутся точно в пределах дальности огня их орудий и, несомненно, подвергнутся обстрелу.

— Я это знаю, Хонсю, но когда наши орудия будут установлены, я возглавлю отряд воинов из моей роты и возьму артиллерийские позиции врага штурмом.

Заметив, что Форрикс впервые назвал его по имени, Хонсю прищурился. Затем до него дошло, что в этом случае он лишится возможности захватить орудия, которые сам же и обнаружил.

— Ты возьмешь штурмом артиллерийские позиции внизу? — зарычал он. — Я их нашел, и честь захватить их должна принадлежать мне!

— Нет, Хонсю, у меня для тебя другое задание.

— И какое же? Подносить снаряды к пушкам? Погонять рабов?

Вместо ответа Форрикс указал на разрыв в стене траншеи, заполненный мешками с песком и охранявшийся целым

отделением Железных Воинов.

— Когда настанет время, отсюда ты поведешь штурмовые отряды и захватишь башню. Ты будешь удерживать ее до тех пор, пока солдаты-люди не поднимутся по склону горы и начнут эскаладу стен с помощью лестниц и крюков.

Хонсю открыл было рот, чтобы возразить, но так ничего и не сказал: он осознал, насколько почетно порученное ему задание. На мгновение его переполнила гордость, но врожденный скептицизм и недоверчивость быстро положили этому конец.

— Почему, Форрикс? Почему ты показываешь мне такую честь? До сих пор ты только насмехался надо мной и постоянно осаживал, называя дворянкой и полукровкой.

Несколько долгих секунд Форрикс молчал, как будто и сам не совсем понимал, что заставило его сделать подобное предложение. Наконец он отвернулся от крепости и посмотрел на Хонсю.

— Было время, когда я рассуждал так

же, как ты. Когда-то я верил, что мы сражаемся за что-то более важное, нежели просто месть, но прошли тысячелетия, наполненные войной, и я понял, что в наших действиях нет никакого смысла. Ничто не менялось, ничто не приближало нас к победе. Я слишком долго не участвовал в боях, Хонсю, и когда я увидел, как ты сражаешься с имперскими солдатами, я понял, что в душе ты настоящий Железный Воин. Ты все еще веришь в то, о чем мечтал Хорус; я же утратил эту веру много веков назад. -- Внезапно Форрикс улыбнулся. -- К тому же, Кроагер будет в бешенстве, когда узнает.

Хонсю растеялся, чувствуя необычное расположение к почтенному Форриксу.

-- Это уж точно, но он будет унижен твоим решением. Ты уверен, что сможешь противостоять ему, восстанавливать его против себя таким образом мудро? С каждым днем он все больше поддается зову Кровавого Бога.

-- Этот юнец ничего для меня не значит. Я не вижу для него много будущего, кроме бессмысленной резни; но ты... В

твоем будущем я вижу великие свершения.
И Кузнец Войны тоже это видит -- я
замечаю это каждый раз, когда он говорит
с тобой.

-- Думаю, тут ты ошибаешься, --
сказал Хонсю. -- Он меня ненавидит.

-- Это так, но все же ты командуешь
одной из его Великих рот, -- заметил
Форрикс.

-- Только потому, что Борах погиб в
битве за Мажно Четыре-Ноль, и Кузнец
Войны до сих пор не решил, кто будет его
преемником.

-- И это правда, но спроси себя:
сколько времени прошло со дня битвы за
Мажно Четыре-Ноль?

-- Почти двести лет.

-- Именно. И ты думаешь, что за все
это время Кузнец Войны не смог
подыскать кого-нибудь, кто бы возглавил
роту?

-- Очевидно, нет, иначе бы он уже
назвал имя нового командира.

Форрикс вздохнул и сказал со
злобостью:

-- Должно быть, твоя нечистая кровь

сделала тебя таким же тугодумом, как и прихвостни Дорна, с которыми она тебя роднит. Подумай, Хонсю. Если бы Кузнец Войны сразу же назначил тебя преемником Борака, хоть кто-нибудь из его воинов признал бы тебя своим командиром? Нет, конечно же, нет, и они были бы правы, потому что тогда для них ты был всего лишь презренным полукровкой.

--- С тех пор мало что изменилось, Форрикс.

--- Тогда ты еще глупее, чем я думал, -- прорычал Форрикс и зашагал по траншее и складам снабжения, оставив Хонсю стоять в замешательстве на недостроенной батарее.

Глава 5

Храм Машины, расположенный в самом сердце цитадели, излучал едва сдерживаемую энергию, как будто сами его стены дышали, наполненные жизнью и разумом. Конструкция храма странным образом напоминала органическую, хотя построен он был в честь того, что являлось прямой противоположностью природе.

Большую часть зала занимали сложные и вычурные механизмы; словно гигантский коралловый риф, они размножились с каждым годом, заполняя собой свободное пространство. Весь зал был погружен в тусклое, янтарного цвета свечение, и где-то на грани слышимости глухо пульсировал постоянный низкий гул.

По невообразимому переплетению проходов между механизмами перемещались, как призраки, бритоголовые техники и сервиторы, облаченные в выцветшие желтые одеяния. За тысячи лет обслуживание священных технологий

превратилось для них в ритуал, истинный смысл которого был давно забыт. Но, независимо от их первоначальной функции, обряды и благословения, совершаемые над механизмами, свою задачу выполняли: единственный обитатель зала был все еще жив.

Архимагос Каэр Амаэтон,
Хранитель Священного света,
смотритель цитадели Гидры Коргатус.

В центре зала возвышалась усеченная пирамида, на вершине которой в резервуаре, наполненном булькающей питательной жидкостью, помещалось лицо архимагоса — все, что осталось от его органического тела. От кожи тянулась ребристая сеть проводов, и импульсы, передаваемые по каждому из них, заставляли сокращаться атрофировавшиеся мускулы лица. Насыщенные кислородом питательные вещества поступали по прозрачным трубкам в остатки кровеносной системы и отдельные фрагменты коры головного мозга, большую часть которого теперь затеняли аутоматика и подключенный к ней

километровый лабиринт логических
стеков.

Электрический импульс сообщил
Атаэтону о том, что кто-то к нему
обращается, и лицо архимагоса
искажилось.

— Архимавос Атаэтон? — повторил
магос Наицин и затянулся сигаретой с
чернотом. Искусственные легкие
выпустили дым через отверстия в его
спине, и регенерационная система зала
сразу же очистила воздух от
загрязнителей.

— Наицин? — неуверенно спросил
Атаэтон, с трудом двигая полными
губами. — Зачем ты прерываешь мое
единение со священным Отниссией?

— Я принес новости о сражении.

— Сражению?

— Да, господин. Там, наверху, идет
битва.

— Ах да, битва, — согласился
архимавос. Наицин не стал обращать
внимания на затинку в памяти Атаэтона.
Уже шесть веков он был напрямую
подключен к бьющемуся сердцу цитадели.

и все это время он контролировал каждую операцию ее систем и деятельность гигантского лабораториума, скрытого под цитаделью. Последние сто лет он уже не мог покидать этот храм, и по мере того, как тело его постепенно гнахло и утирало, Алаэтон все больше становился частью цитадели. Негалек тот день, когда от старика не останется ничего, кроме биоэнграмм, и те пойдут на изготовление программных карт, с которых сервиторы-рабочие будут считать задачи и инструкции.

Наицин знал, что чувство реальности Алаэтона, и до того шаткое, в последнее время еще больше ослабло, и только изредка он мог активировать достаточно памяти, чтобы говорить с другими. Первая атака врага вызвала в нем панику, отчего сознание архимагоса вновь обрело удивительную ясность, но сейчас эффект шока практически сошел на нет.

--- Сражение, --- повторил Алаэтон, и какой-то из его кристаллов памяти отреагировал на это слово. --- Да, теперь я

выполнил. Они пришли за тем, что мы
здесь охраняем. Они не должны это
заполучить, Наицин!

— Нет, архимагос, не должны, —
подтвердил Наицин.

— Откуда он вообще узнали о том,
что это существует?

— Не знаю, господин. Но каким-то
образом ил это удалось, и нам надо
составить план на тот случай, если
оборонительные сооружения цитадели не
смогут остановить захватчиков.

Атмнотическую жидкость
всколыхнула рябь, на которой закачались
органические останки Алаэтона.

— Нет, Наицин, захватчики не
пройдут. Эта цитадель была построена
лучшими военными архитекторами своего
времени, и нет врага, который смог бы
взять ее укрепления.

— Конечно же, архимагос, вы правы, но
все равно, нам нужен план действий при
непредвиденных обстоятельствах. В
гвардии служат обычные люди. Плоть,
кровь и кости. Органика уязвима. На них
нельзя полагаться.

--- Да, да, ты прав, --- сонно согласился Амаэтон. --- Плоть слаба, Наицин. Силой обладает только машина. Мы не можем допустить, чтобы враг захватил лабораторию.

--- Как всегда, ваши слова полны мудрости, архимагос. Но уже сейчас враг приближается к укреплениям Тор Кристо, и через несколько дней они, вероятнее всего, падут.

От этой новости оплывшие черты лица Амаэтона исказились, веки задрожали от внезапной тревоги.

--- А туннель, который соединяет нас с Тор Кристо? Враг знает о нем?

--- Не знаю, архимагос, но если Тор Кристо падет, туннель неизбежно будет обнаружен.

--- Нельзя допустить, чтобы им воспользовался противник! --- воскликнул Амаэтон.

--- Да, и поэтому-то я установил подрывные заряды для его уничтожения.

--- Ты сообщил об этом Вобану?

--- Нет, архимагос.

--- Хорошо. Вобану не понять, почему

мы вынуждены так поступить.
Сострадание, с которым он относится к подчиненным, может обернуться для нас катастрофой.

Казалось, Атаэтон вздохнул; после нескольких минут молчания он добавил:

— Я уже... не так силен, как раньше, Наицин. Я несу слишком тяжелую ношу.

Магос Наицин поклонился.

— Тогда позвольте разделить с вами этот тяжкий груз, архимагос. Когда враги подойдут к внутренним стенам цитадели, потому контроля за работой всех систем, на вас ляжет огромная нагрузка по поддержанию энергетического щита. Позвольте мне принять на свои плечи часть вашего бремени.

Кожаная маска, заменявшая Атаэтону лицо, кивнула; затем архимагос прошептал, резко меняя тему разговора:

— А что с астронатами? Тебе удалось выделить вирус, из-за которого утолкли их мыслеголоса?

На мгновение затешавшись, Наицин ответил не сразу:

— Сожалею, но нет, хотя я уверен,

что ответ лежит в одном из ваших логических стеков. Скоро я смогу восстановить их способности, и мы вновь сможем посылать сообщения за пределы планеты. Это лишь вопрос времени.

--- Очень хорошо. Мы должны запросить помощь, Наицин. Невозможно представить, как велики будут последствия в случае нашего поражения.

--- Поражения не будет, --- заявил магос Наицин, вновь склоняясь в поклоне.

К утру одиннадцатого дня осады батареи Форрикса были готовы; часть огромных орудий на новые позиции перетаскивали, обливаясь потом, бригады рабочих, другая же часть, оживленная гвардейской силой, прогрохотала на свои места собственным ходом. Спустя всего несколько минут после того, как наблюдатели на стенах Тор Кристо заметили движение у батарей, имперские «Василиски» открыли огонь, и под шквальным обстрелом пространство перед крепостью превратилось в ад, полный огня и шрапнели.

Но только прямое попадание могло

поразить цель в расширенных и углубленных траншеях, и в результате обстрела были уничтожены всего два орудия, расчеты которых погибли под смертоносным дождем из стальных осколков. Один снаряд разорвался прямо над вычурной глиноствольной гаубицей, задев ее скользящим ударом. Одержимая демонической энергией варна, машина войны взревела в безумной ярости, разорвала сдерживавшие ее магические оковы и устроила погром в соединительной траншее, передавив четыре десятка рабов, которые тащили ее, и охранников, следивших за транспортировкой. Для того, чтобы утихомирить демона, потребовались совместные усилия Джарека Келтаура и семи колдунов его кабала, а также жертвоприношение сотни рабов; но вскоре орудие заняло свою позицию перед стенами Тор Кристо.

Понимая, что шансы поразить орудия, пока те перемещались вдоль траншей, были невелики, артиллеристы крепости попытались навести огонь на сами батареи, но Форрикс удачно рассчитал их

положение, и «Василиски» не могли достать цель, расположенную так близко к возвышению, на котором стоял Кристо.

Еще три часа оглушительного грохота — и Форрикс был, наконец, доволен расположением орудий. Рабы приковали дьявольские машины к стальным плитам, служившим настилом на батареях, и спустя несколько часов после того, как солнце перевалило зенит, Форрикс отдал приказ открыть огонь.

Первые снаряды обрушились на юго-восточный фас бастиона Кейн и стели со стен его гарнизон. От взрывов раскололся рокрыт, в воздух взлетели обломки серого камня величиной с кулак и удрушающее облако пыли. Через несколько секунд раздался залп второй батареи, поразивший противоположный фас бастиона.

Прицел для второго залпа был взят выше, в результате чего вся стрелковая ступень была уничтожена, обращена в шквал каменных осколков, под которыми погибли десятки людей.

Повсюду были кровь и крики. Уцелевшие товарищи спустились со стен

воящих от боли солдат и перенесли их во
внутренний двор, где на помощь раненым
бросились врачи. И минуты не прошло, как
на стены посыпались новые снаряды, и
бастيون Кейн содрогнулся до самого своего
основания.

Грохот стоял немыслимый. Майор
Тедески знал: ему никогда не забыть этот
невыносимый звук вражеского
артобстрела, от которого грозила
лопнуть черепная коробка. Батареи
стреляли по очереди, и тяжелые орудия
посылали снаряды в сторону его стен с
невероятной силой. Коренастый майор
стенил парадную форму на куртку небесно-
голубого цвета, не отличавшуюся от тех,
что носили все гвардейцы его полка, — за
исключением того, что пустой рукав был
подвернут вовнутрь. Капитан Поулсен, то
и дело вздрагивавший, стоял позади
Тедески, и лицо его искажалось каждый
раз, когда разрывался снаряд.

На глазах у Тедески угловая
артиллерийская башня рухнула со стены,
унося с собой с десяток человек навстречу
смерти на скалах внизу.

--- Паршиво выглядит, честное слово, ---
пробормотал майор.

--- Сэр? --- переспросил Поулсен.

Ничего, --- ответил Тедески, внимательно осматривая стены. --- Я хочу, чтобы все убрались отсюда. Пусть первый и пятый взводы останутся на паранете, а остальным прикажите отступить.

Поулсен передал приказ командиру, с благодарностью ухватившись за повод, хоть как-то отвлечься от грохота обстрела. Команду передали дальше по стене, и Тедески заметил облегчение на лицах тех, кто получил приказ отступить, и страх на лицах тех, кому вынуждено остаться. Земля содрогнулась от очередных взрывов, и Тедески выругался: целая секция южной стены треснула и обрушилась до самого основания. Хотя стрелковой ступени изрядно досталось при обстреле, орудиям противника понадобится еще некоторое время, чтобы пробить в стене приемлемых размеров брешь и создать под ней навал из обломков, по которому смогли бы подняться атакующие.

Осколки камня ранили тех, кто остался на стене, превращая их тела в кровавое месиво, но из опасения, что готовится эскалада, Тедески не мог оставить стену без защиты. Скорее всего, тем самым он обрек этих солдат на смерть, и чувство вины оставило привкус тепла у него на губах.

Внезапно он бросился к стене и начал взбираться по засыпанным пылью и осколками ступеням, ведущим к паранету.

--- Сэр? --- крикнул Поулсен. --- Куда вы?

--- Я встану рядом со своими людьми, --- резко ответил вспыльчивый майор.

Годы службы и подчинения приказам взяли свое, и еще до того, как он осознал, что делает, Поулсен последовал по ступеням за Тедески.

Появление Тедески было встречено неровным хором приветствий; он направился в переднюю часть бастиона, без страха подставляясь под огонь вражеских орудий. Разбитый паранет просел, лишившись нескольких метров рокуриковой стены, и перед Тедески открылся ничем не заслоненный вид на

происходящее внизу.

Обе батареи были окутаны клубами густого серого дыма, которые периодически пронзали огненные вспышки. Послышался визг летящих снарядов, и кто-то из гвардейцев выкрикнул ненужное предупреждение.

Залп пришелся в основание стены прямо под тем местом, где стоял Тедески, каменные обломки взлетели высоко в воздух, и майор оказался в плене дыма. Тедески не дрогнул и, когда дым рассеялся, лишь стряхнул пыль с мундира своей единственной рукой. Как только стих гул взрыва, он крикнул:

— У наших врагов, должно быть, лихорадка. Слышите этот кашель? Может, нам стоит угостить их сладким вином?

Слова бесстрашного командира укрепили мужество гвардейцев, и батальон А Джүранских драгун ответил ему стехом и радостными возгласами.

Затем последовал еще один изматывающий час под обстрелом, который майор Гүннар Тедески и его

солдаты, полные решимости, пережили, не произнеся ни слова.

Когда сумерки окрасили небо в цвет свернувшейся крови, Тедески обернулся к Поулсену и грожащей рукой взял у своего адъютанта информационный планшет. Усилием воли заставив голос звучать твердо, майор сказал:

--- Прикажете орудиям внизу вступить в бой, и пусть они сожгут эти батареи в порошок.

Форрикс пробирался между воронками, изрывшиими равнину, так быстро, как только позволял громогласный терминаторский доспех; за ним следовали тридцать воинов, специально отобранные для этой операции. Все они, как и сам Форрикс, нанесли на свою терминаторскую броню красную пыль с равнины, чтобы приглушить блеск металла, благодаря чему солдаты на стенах, вероятно, не заметят их в суматохе артобстрела.

Форрикс знал, что времени у них немного. Командир вражеского гарнизона уже наверняка понял, что орудия Железных

Воинов обладали необычайной разрушительной мощью и что крепость его неизбежно падет, если батареи не будут уничтожены. А значит, он вот-вот пустит в бой свои скрытые орудия — как раз этого Форрикс и хотел. Хонсю и его отряд в сорок воинов остались ждать на передовой параллели вместе с почти шестью сотнями солдат-людей, растянувшихся на всю длину траншеи.

Момент нужно было выбрать точно. Слишком рано — и Имперские войска успеют запечатать туннели, ведущие к орудиям; слишком поздно — и от его батарей ничего не останется.

Оставшись незамеченным, Форрикс преодолел неровную пустошь и укрылся менее чем в пятидесяти метрах от входа в замаскированное углубление, где размещалась артиллерия противника. Его ветераны один за другим подтянулись к позиции под прикрытием артобстрела, грохот которого заглушил их тяжелые шаги, и приготовились ждать.

Но ждать пришлось недолго. Проблеск света и гроыхание колес по рельсам

свидетельствовали о том, что орудия действительно готовятся вступить в бой.

--- Хонсю, --- прошипел Форрикс, поднимаясь на ноги и бросаясь ко входу на артиллерийскую позицию, --- вперед!

Едва затих голос Форрикса, Хонсю нетерпеливо зарычал и толкнул вниз мешки с песком, баррикадой отделившие передовую параллель от равнины. Он рванулся вперед, к подошве крутого скалистого склона; Железные Воины последовали за ним, растянувшись веером по изрытой взрывами пустоши. Позади них тысячи солдат в красной униформе выбирались из траншеи, и орудия ни на миг не прекращали огонь, обрушивая всю свою мощь на стены центрального бастиона, чтобы пробить в них брешь. Дополнительные пучки мышечных волокон в их доспехах позволили Железным Воинам далеко опередить простых солдат, которые с трудом продвигались следом в неровном свете взрывов, рассеивавших сумерки.

Было ясно, что отряд Хонсю первым достигнет крепости. Из-за задачи,

которую ил предстояло выполнить, такие
штурмовые отряды когда-то называли
Смертниками, потому что те, кто
первыми бросались в брешь, обычно
первыми и гибли. Смертники должны были
отвлечь огонь на себя, пока остальные
войска не приблизятся к крепости. Они
шли на штурм брешу, чтобы ценой своих
жизней дать возможность идущей за ними
армии пробиться вовнутрь форта. Сотни
штурм только ради того, чтобы через
брешь смогли пройти десятки.

Взятие брешу штурмом всегда было
кровавопролитным делом из-за того, что
враг точно знал, куда придется атака, но
Хонсю надеялся, что артиллерия
заставит имперских защитников не
высовываться.

Он быстро взобрался по склону,
усыпанному острыми камнями, с каждым
широким шагом приближаясь к вершине.
Визг летящих снарядов усилился; подняв
взгляд вверх, к вечернему небу, он увидел
изломанную линию парашюта и огромную
дыру в бастионной стене. По краям от нее
вниз осыпались тонны осколков, в

результате чего образовался уклон, по которому можно было подняться прямо к защитникам крепости.

--- Батарей, прекратить огонь, --- приказал Хонсю, добравшись до вершины склона.

На стене закричали, поднимая тревогу, и в его сторону понеслись несколько лазерных разрядов, но стрелки плохо прицелились, и выстрелы прошли выше.

Повторяя вполголоса «Железо внутри, железо снаружи» --- боевой клич Железных воинов, --- Хонсю дождался, пока его отряд приблизился к бастиону Тор Кристо, а затем вместе с ними бросился на брешь.

Силовой кулак Форрикса пробил грудь гвардейца, облаченного в усиленный бронежилет артиллериста, превращая всю верхнюю часть его тела в месиво из крови и костей. Взревев, автоматы «Жнец» обрушили свой огонь на артиллеристов и солдат, и на орудия брызнула кровь.

--- Защитить орудия! --- успел крикнуть какой-то младший офицер, прежде чем Форрикс оторвал ему голову.

Дураки. Неужели они действительно думали, что целью атаки были сами артиллерийские установки, словно у Железных Воинов не было своих вооружений?

Нападение застало имперские войска врасплох, и первые гвардейцы погибли, так и не узнав, кто нанес им удар. Охрана оружий попыталась оказать сопротивление, но через несколько секунд поняла, что этот бой не выиграть, и обратилась в бегство перед Форриксом и его терминаторами. Но старый ветеран не собирался просто так позволить жертве улизнуть. Три его воина, вооруженные «Жнецами», навели утыканные шипами стволы на цель, и смертоносный вихрь выстрелов начал косить людей десятками.

Форрикс тяжело двинулся вперед, не обращая внимания на имперские орудия и со всей доступной ему скоростью направляясь к широким воротам в склоне горы. Сигнал тревоги уже прозвучал, и ворота начали с грохотом закрываться — но недостаточно быстро: Форрикс и его

отряд прорвались в помещение за ними.

Их встретил залп лазерного огня, но разряды лишь бессильно шипели, не в силах пробить толстую термнаторскую броню. Но залу, похожему на пещеру, рассеялись десятки гвардейцев, но Форрикс проигнорировал яркие вспышки выстрелов и принялся за поиски механизма, открывающего ворота.

По рокитовому полу были проложены широкие рельсы, ведущие к трем огромным платформам и складам боеприпасов, над которыми располагались краны и ценные тали. Над ними он рассмотрел лестничный пролет, ведущий наверх сквозь скальный массив. Большинство солдат, защищавших пещеру, закрепились за насех сооруженными баррикадами из ящиков и бочек. Еще одна группа укрылась за парой огромных бульдозеров и теперь вела огонь из-за их массивных желтых корпусов. Предположив, что механизм управления воротами находился рядом с этими машинами, Форрикс ринулся в атаку сквозь шквальный огонь, который его броня

с легкостью отражала. Выстрелами из комби-болтеров он и его отряд достали тех, кто прятался за бортами машин, и с десяток солдат были убиты разрывными снарядами, часть которых срикошетила от обшивки бульдозеров и разорвалась с ослепительными вспышками.

Еще одна группа терминаторов занялась солдатами, охранявшими лестницу, а Форрикс тем временем обошел ближайший бульдозер спереди и расстрелял укрывавшихся за ним людей. Взрывы гранат не причиняли никакого вреда терминаторам, но вот один солдат, пригнувшись, рванулся в сторону и навел на Форрикса ребристый ствол тяжелого ружья. Заряд раскаленной добела плазмы ударил тому в грудь, в одно мгновение расплавил символы, украшавшие нагрудник, и прожег слою керамики. Форрикс почувствовал, как жар плазмы обжигает кожу, и пошатнулся от сильного удара. Его терминаторский доспех был выкован на Наковальне Голагеса на самой Олимпии, и древний дух доспеха, столь же нечестивый, как его хозяин, отказывался

так просто признать поражение. Форрикс
восстановил равновесие, ударил, дробя
кости, силовым кулаком в грудь солдата с
плазма-ружьем, поднял изуродованное тело
над землей и отбросил его в сторону,
заставив опустить в воздухе кровавую дугу.

Несколько очередей из болтеров и
толпиевые когти, лишившие своих жертв
внутренностей, полностью сломали
сопротивление гвардейцев. Форрикс
погошел к запирающему механизму ворот
и перевел рычаг блокировки в положение
«открыто». Приводы ворот скрежетом
отозвались на внезапное переключение, и
створки вновь начали открываться.
Отступив назад, Форрикс тремя
выстрелами уничтожил механизм
управления.

Убедившись, что в ближайшее время
створки ворот не закроются, Форрикс
обошел залитый кровью бульдозер; его
отряд, вооруженный «Жнецами», начал
расправу над уцелевшими защитниками
пещеры, добывая их короткими очередями.
Живых оставалось все меньше; и вот
гвардейцы отступили и в панике бросились

к лестнице. Тех, кто был недостаточно проворен, разорвало на части огнем из автомашек, и крики их утонули в оглушительном грохоте выстрелов. Те же, кто не погиб при первых залпах, недолго продержались — их баррикада была уничтожена всего за мгновение. Железными Воинам потребовалось лишь несколько секунд, чтобы полностью разгромить укрепления защитников, от которых теперь остались только обломки ящиков и изуродованные тела.

Одиноким, охваченный ужасом солдат внезапно выскочил из укрытия и бросился к лестничному пролету; сразу же на него нацелились три автомашки.

— Нет, — вливался Форрикс, — это той.

Он выждал, пока солдат не оказался на волосок от спасения, и только тогда выстрелил. Болты попали в стену позади гвардейца, вырвав из нее огромные куски кирпича и вдребезги разбив несколько панелей управления. Несчастный бежал со всего духу, но все же недостаточно быстро. Он метнулся в сторону, уходя с линии огня.

нохватило одного выстрела, чтобы перебить ему берцовую кость и начисто оторвать ногу ниже бедра.

Гвардеец как подкошенный рухнул на пол и заорал от мучительной боли — его нога превратилась в неровный обрубок, и оторванная часть держалась только за счет нескольких окровавленных сухожилий. Форрикс улыбнулся и, переступив через широкие рельсовые пути, подошел к своей жертве. Гвардеец часто дышал и не мог оторвать взгляд от изуродованной ноги.

— Из-за гидравлического удара через несколько секунд твое сердце будет обескровлено, — сказал Форрикс; восклицательный гласный заставил его голос звучать искаженно. Мужчина посмотрел вверх, не понимая услышанных слов, и глаза его уже начали стекленеть в преддверии близкой смерти.

— Тебе повезло, — продолжал Форрикс. — Ты умрешь раньше, чем преобразится Кузнец Войны. Возблагодари за это своего Императора.

Шум битвы стих; теперь пещера была под их контролем. Терминаторы

быстрым шагом прошли мимо Форрикса, с нетерпением предвкушая новые убийства.

Он открыл канал связи с воинами своей роты:

--- Нижний уровень форта наш. Пусть остальные подтягиваются.

Форрикс поднял взгляд от утирающего солдата и взошел по лестнице к широким стальным дверям, на которые два его терминатора обрушили всю мощь цепных кулаков, взрывавшихся в стык между створками.

Туннель наполнился раскаленными искрами, которые каскадом падали на терминаторов, ждавших внизу.

Хонсю пробирался все выше, преодолевая груды мусора и обломков, и под его ногами куски битого камня лавиной осыпались вниз. Из расколотых глыб торчала, подобно оборванным сухожилиям, торчали согнутые стержни арматуры, воздух стал непрозрачным из-за пыли. Дымом и дило разрывали яркие вспышки лазерного огня со стены, импульсы плавили камень и шипели, отражаясь от поверхности доспехов. Один болт зацепил

его наплечник, и Хонсю покачнулся, но тут же продолжил подъем. Под ногами взорвалась граната, смертоносные осколки со звоном срикошетили от брони, но часть из них застряла в поножах.

Он видел, что противник сумел соорудить нечто вроде завала из ржавых балок с заостренными концами; их кое-как сварили вместе, в результате чего на пути атакующих возникла преграда высотой им по грудь. Хонсю понимал, что чем дольше они остаются под огнем, тем меньше у них шансов добраться до бреши. Именно на этом этапе многие штурмывшие захлебывались, растратив силы на преодоление препятствий и потеряв слишком много людей под вражеским огнем.

У них была только одна призрачная возможность добиться успеха: добраться до бреши одним рывком и уничтожить защитников на паранете. Хонсю наступил на камне и упал, но тем самым избежал гибели от выстрела из лазпушки. В ярости он резко встал на ноги и тут же выругался, увидев, что от бреши вниз по

склоню с грохотом катится вязанка из трех железных труб, соединенных клейкой лентой.

Он плашмя рухнул на камни, и в тот же момент сработал подрывной заряд. От ударной волны в движение пришли целые пласты каменного мусора, и пока авточувства пытались справиться со вспышкой и грохотом взрыва, Хонсю понял, что съезжает вниз, прочь от бреши. Взрыв оказался такой силы, что вспорол броню и унес жизни двух Железных Воинов. Когда Хонсю вскочил на ноги, его собственный доспех все еще дытил, но он немедленно начал карабкаться обратно к пролому в стене.

Пальба ни на миг не затолкала камни плавились, землю взрыхлили пули. В доспех попали несколько снарядов, выпущенных из тяжелого болтера, и Хонсю почувствовал ощутимый удар. Один из болтов нашел щель между пластинами наручей, и по его левой руке разлилась боль. Стрелки на северной части бастиона вели смертоносный фланговый огонь по его солдатам; урон, наносимый огневой мощью

противника, уже нельзя было
игнорировать. На глазах у Хонсю упал еще
один Железный Воин, сраженный
выстрелом, который оставил в его доспехах
дымящуюся дыру.

Вниз по склону от бреши покатилась
новая порция гранат. Хонсю рванулся
вверх, дотянулся до края завала и
использовал его как опору при подъеме.
Высоко над головой виднелся серый камень
стены. Единственный путь внутрь
крепости лежал через брешь в шесть
метров шириной, которую орудия пробили
в бастióне; клочок красного неба,
видневшегося через пролом, танил его, как
путеводная звезда.

Слишком медленно! Простые
солдаты, присягнувшие Хаосу, уже
цеплялись за кромку скалы внизу, а он все
еще не добрался до горловины бреши.
Обеими руками Хонсю взялся за
проржавевшие балки, составлявшие завал,
и, взревев, вырвал их с места и отбросил
вниз; балки покатились по склону, раздавив
по пути с десяток солдат.

До его позиции добрался еще один

Железный Воин, и вместе они двинулись вперед, стреляя из болт-пистолетов. Сквозь дым и пыль Хонсю разглядел похожие на тени силуэты, стоявшие наверху у неровного края пролома; их голоса, срывавшиеся на крик, заставляли его двигаться быстрее. Он наугад выстрелил в клубы дыма и услышал вопли боли, означавшие, что болты нашли свою цель.

Он продолжил подъем. Теперь, когда склон становился все круче, ему приходилось хвататься за фрагменты каменной кладки. Один выстрел попал в нагрудник его доспеха, другой вскользь задел голову. Вражеский огонь образовал сплошную стену, лазерные разряды обращали дым в пар. С единственной башни, уцелевшей на передней части бастиона, лился поток пуль, перекрывавший брешь, выстрелы взметали облака каменной крошки, а гранаты с оглушительным грохотом разрывались вихрем осколков. Воин, шедший рядом с ним, упал — от его шлема остался лишь оплавленный кусок металла, — но Хонсю не

останавливался, несмотря ни на что, не слыша криков тех, кто умирал вокруг него, не обращая внимания на боевой клич, что рвался из глоток сотен солдат, поднимавшихся следом за ним по скалистому склону.

До вершины бреши оставалось совсем немного; он уже мог различить отдельные силуэты, видневшиеся в дыму. Он увидел, как один из гвардейцев сооружает новый подрывной заряд, подождал, пока солдат не выпрямился, готовясь перебросить взрывчатку через край пролома, и тогда выстрелил ему в голову. Из обрубка шеи брызнула кровь, и труп рухнул вперед, вынустив из неподвижных пальцев уже активированный заряд. Раздался сильный взрыв, Хонсю упал плашмя на склон, а защитников, стоявших на скалах выше, сметло взрывной волной. Со стороны бастиона слышались крики и суматошные приказы. Вскочив на ноги, он обнажил меч и, собрав все силы, бросился к черному столбу дыма, который вырос над верхним краем бреши.

На его пути встали двое в небесно-

голубой униформе; одним ударом меча он
рассек грудные клетки солдат, и, завопив
от боли, гвардейцы рухнули на землю. Еще
одна группа солдат спешила закрыть
внезапно возникшую дыру в обороне
крепости, и Хонсю закричал:

— Железные Воины, ко мне!

Но он был один. Гвардейцы бросились в
атаку, и он повернулся, чтобы встретить
врага лицом к лицу. Он легко справился
с теми, кто шел в первом ряду, но вскоре
оказался в полном окружении. Противник
наступал стеной, не давая взмахнуть
мечом, а трупы павших ограничивали
пространство для движения. В отчаянном
выпаде Хонсю прочертил мечом кровавую
дугу, рассекая тела нападавших; ответом
стали выстрелы и удары вражеских
кинжолов, от которых зазвенел металл его
доспеха.

Но где же его отряд?

Хонсю глянул вниз, на отлогий склон,
спускавшийся от бреша. Там царил
настоящий ад: анфиладный огонь с фланка
бастиона один за другим косил ряды
солдат, идущих на штурм по скалистому

погъелу. Погибшие исчислялись сотнями, и лазерные разряды и автоматическое оружие немало оставили от их тел. Северный бастион пока что избегал серьезных повреждений. Над ним тоже взорвалось несколько снарядов, но батареи сосредоточили огонь на этом бастионе, и теперь атакующие платили жизнью за такое решение.

Противник все прибывал, и Хонсю не переставал стрелять, рубить и колоть, обращая защитников крепости в кровавое месиво. Он торжествующе закричал, когда воины его роты наконец взобрались на бастион и начали крушить тех, кто стоял на паранете. Под болтерным огнем люди гибли один за другим, и вот, подобно приливу из крови и стали, Железные Воины захватили паранет бастиона Кейн.

Фигура Хонсю черным силуэтом мелькнула на фоне пламени, которое распространялось по поверженному бастиону, а затем он прыгнул во внутренний двор. Булыжники, которыми был вытощен двор, раскололись под его весом. Преследуемые по пятам Железными

Воинами, солдаты противника бросились к узкой горловине бастиона. Темн иштурма сбавлять было нельзя. Пусть атакующим пока сопутствовал успех, на бастионах по обе стороны от только что взятого еще оставались тысячи гвардейцев.

Хонсю бросился в суматоху битвы, стреляя на ходу и добивая мечом тех, кто не успел увернуться. Он заметил, что имперские солдаты направляются к большой траншее у тыльной стороны бастиона. Через траншею был переброшен узкий мост, и теперь перед ним образовался настоящий затор, хотя офицеры в отчаянии призывали солдат не толпиться. Вскоре мост обвалился, раздавив на смерть тех, кому не повезло оказаться под обломками. Некоторые солдаты спрыгнули в траншею и воспользовались укрытием, чтобы открыть ответный огонь по Железным Воинам, но большинство бросились к главной эспланаде^[8], где у основания крутого эскарпа прилежалась низкая, круглая по форме башня.

Офицеры в черных шинелях и фуражках с кокардами в виде черепов выкрикивали приказы, стараясь заставить своих подчиненных прекратить отступление и для большей убедительности сопровождая приказы выстрелами. Хонсю предоставил им расстреливать собственных солдат, а сам начал расправу над теми гвардейцами, кто не бросился в бегство. Ночь прорезал нарастающий рев, полный ненависти: то наемники Железных Воинов, перебравшись через стены, рвались во внутренний двор, или спускаясь по лестницам, или просто прыгая вниз. Бастион был, наконец, в их руках; теперь нужно было лишь прорваться дальше.

Из траншеи раздалась отдельные залпы лазерного огня, но защитников было слишком мало и отстреливаться они начали слишком поздно: Хонсю добрался до их позиции и уничтожал врагов одного за другим с кровожадной радостью. Его меч разрубил одного гвардейца пополам и обратным ударом выпустил внутренности другому. Укрывшиеся в траншею солдаты

отшатывались прочь от ужасного клинка, который оставлял в их рядах кровавую просеку. Расправа над гвардейцами наполнила Хонсю пьянящим чувством превосходства, и он ощутил всю привлекательность награды, которую сулил путь Кхорна.

Железные Воины преодолели траншею, не оставив в ней ни единой живой души. Ярость, которую чувствует тот, кто прошел через ад и выжил, придавала им силы, и любой, кто приближался к ним, был обречен на жестокую смерть.

Майор Гуннар Тедески наблюдал за тасорубкой во дворе из центральной башни Тор Кристо, и в сердце его не оставалось надежды. Его люди гибли, и он никак не мог им помочь. Он пошел на риск, понадеявшись, что орудия внизу остановят безжалостный штурм Железных Воинов, но враг разгадал его уловку, и теперь крепость была практически в руках противника.

План Тедески провалился, и пусть судьба Тор Кристо была давно решена.

крепость не должна была так быстро
пасть. Это было унижительно. Атакующие
пока еще не вышли за пределы бастиона
Кейн, но не оставалось сомнений, что
вскоре они преодолют и укрепления в
тылу бастиона. Майор знал, что пикты
на экранах дистанционного наблюдения
были лишь бледным отражением того
ужаса, что царил в идущей снаружи битве.
В штурме участвовали тысячи людей, и
рано или поздно они доберутся и до
уязвимых тылов у бастионов Марса и
Дракона — это только вопрос времени.
Если Тедески ничего не сделает, гарнизон
этих бастионов примет бой, но итогом
такого боя будет смерть, а смертей на
совести майора было уже достаточно.

— Ноулсен! — вздохнув, позвал Тедески,
вытирая со лба пот и пыль.

— Сэр?

— Сообщи всем командирам рот и
кастеляну Вобану: «Небеса рушатся».

— Небеса рушатся, сэр? — переспросил
Ноулсен.

— Да, черт побери! — рывкнул
Тедески. — И пошевеливайся.

--- Дага, сэр, --- поспешно кивнул Поулсен и безотлагательно отправился к операторам вокса, чтобы сообщить им кодовый сигнал эвакуации.

Когда его адъютант ушел, Тедески вначале оправил китель, и лишь затем обратился к офицерам, которые остались вместе с ним в командном центре Кристо.

--- Джентльмены, пришло время уходить. Мне горько говорить об этом, но Тор Кристо вот-вот падет. Как ваш командир я приказываю вам: постарайтесь вывести как можно больше людей в туннели и пробивайтесь в цитадель. В ближайшие дни у кастеляна Вобана каждый человек будет на счету, и я не допущу, чтобы солдаты бесмысленно погибли здесь, лишив его подкрепления.

Его слова были встречены молчанием, которое затем прервал один из младших офицеров:

--- Разве вы не идете с нами, сэр?

--- Нет, я остаюсь, чтобы перегрузить реактор. Эта крепость не достанется врагу.

Послышались резкие возражения, и

Седески поднял руку.

--- Решение принято, и дальнейшие споры неуместны. Удите же, нельзя терять время!

--- Архимагос, Тор Кристо только что послал сигнал «Небеса рушатся», --- сообщил Наицин, пристально глядя на защищенный вокс-перехватчик.

--- Так скоро? --- прошипел Амаэтон. Хотя его плоть давно лишилась способности выражать эмоции, Наицин заметил, что лицо архимагоса на мгновение исказило нечто, сильно напоминавшее неподдельную тревогу.

--- Кажется, гвардейцы оказались даже слабее, чем я предполагал, --- грустно заметил Наицин.

--- Мы должны позаботиться о собственной безопасности! Нельзя допустить, чтобы цитадель пала!

--- Нельзя, --- согласился Наицин. --- Что я должен делать, архимагос?

--- Взорви туннель. Немедленно!

Капитан Поулсен торопливо спускался по вырубленным в скале ступеням, неся с собой целую оханку

документов и информационных планшетов. Никогда еще он не был так напуган. Раньше ему не приходилось бывать на передовой — его умения управленца и логистика всегда были больше нужны в штабной работе, вдали от линии фронта.

Но на стенах бастиона Кейн он в полной мере испытал тот панический ужас, который несет с собой артиллерийский обстрел, и теперь лишь благодарил судьбу, что ему не пришлось участвовать в бою. В туннелях под командным центром скопились сотни людей: все они направлялись вглубь горы, к широкому, похожему на вход в пещеру жерлу туннеля, который вел к цитадели. Такие же подземные переходы обеспечивали эвакуацию из фланговых бастионов, хотя для солдат бастиона Кейн уже было слишком поздно.

Для того чтобы одни выжили, другие должны погибнуть, и ничего с этим сделать нельзя.

Светильники, подвешенные к потолку, мерцали, давая слабый свет, но и в нем

Поулсен разглядел лица своих сослуживцев-офицеров — лица, на которых ясно читалось выражение страха и вины. С потолка постоянно сыпалась пыль, и вентиляционная система натужно работала, с трудом перегоняя горячий, застоявшийся под землей воздух. Наконец, спуск закончился, и туннель расширился, превратившись в большую, почти круглую пещеру, из которой открывались проходы, ведущие в скальный массив в основании Тор Кристо. Их уже заполнил людской поток: это были солдаты с бастионов Марс и Дракон, и военные полицейские в желтых шинелях пытались хоть как-то внести порядок в их отступление — впрочем, с небольшим успехом. Приказ майора Тедески к отходу исполнялся со всей успешностью.

В одной из стен виднелись четыре огромные взрывоустойчивые двери, ведущие к лифтам, а дальше по ходу движения пещера сужалась и переходила в хорошо освещенную подземную магистраль шириной почти в двенадцать метров и с потолком на высоте семи.

Обычно этот уровень крепости использовался для перемещения орудий и боеприпасов из Тор Кристо в цитадель и обратно, но по связующим туннелям могли с легкостью пройти и войска. Поулсен начал проталкиваться сквозь потную толпу, в которой то и дело слышались оглушительно громкие крики солдат и команды полицейских. Волнующаяся людская масса двинулась к главному туннелю, и Поулсен почувствовал, что поток увлекает его за собой. Чей-то локоть больно ткнул его в бок, он вскрикнул и выронил планшеты, которые держал в руках.

Привычки чиновника взяли свое: он опустился на колени, чтобы их собрать, и тихо выругался, когда чей-то сапог прошелся по ближайшему планшету, оставив от него только осколки. Кто-то схватил его и резко потянул вверх.

--- Забудь! --- проворчал мрачный полицейский. --- И не останавливайся.

Поулсен уже собирался возмутиться по поводу столь бесцеремонного обращения, но вдруг земля загрожала, и

встревоженные вскрики эхом разнеслись по пещере. С потолка обрушился настоящий пыльный дождь, а затем наступила напряженная тишина.

--- Что это было? --- выдохнул Поулсен. --- Артиллерия?

--- Нет, --- шепотом ответил военный полицейский. --- Здесь, внизу, артобстрел не услышишь. Что-то другое.

--- Но что?

--- Не знаю, но звучало это погано.

Новая, более сильная вибрация сотрясла пещеру, за ней последовала еще одна. Тревожные возгласы превратились в крики ужаса, и Поулсен увидел, что из главного туннеля на них несется ослепительный оранжевый шар, сопровождавшийся оглушительным свистящим шумом. Поулсен непонимающе уставился на эту картину. Что происходит?

Его откровенное недоумение длилось недолго --- до чье-то пронзительного крика:

--- Кровь Императора, они взорвали туннель!

Взорвали туннель? Немыслимо. Здесь же все еще находятся люди. Кастелян Вобан никогда бы не отдал такой приказ. Не может быть.

Сотни солдат в панике развернулись и, безжалостно расталкивая товарищей, попытались спастись бегством по проходкам, из которых недавно вышли. Подобно обезумевшему от страха стаду, гжуранцы бросились прочь из рушащегося туннеля, и тех, кто упал, просто затоптали.

Вновь выронив планшеты, которые он только что собрал с пола, Поулсен, спотыкаясь, попятился, не думая больше о сохранности документов. Подрывные заряды срабатывали один за другим по всей длине туннеля, и на гвардейцев, понавших в западню, падали тысячи тонн горной породы.

Пошатываясь, Поулсен направился к туннелю, из которого недавно вышел, — туннеля, под завязку забитого людьми, и чтобы пробиться к спасению, Поулсену приходилось расталкивать тех, кто стоял перед ним.

Внезапно главный туннель утонул в волне огня и грохота; из устья его вырвался шквал обломков, и сотни людей мгновенно погибли. Ноулсен услышал злобещий треск над головой и, отшвырнувшись в сторону человека, шедшего перед ним, протолкнулся еще немного вперед. Но тут сработал заряд, установленный в центре пещерного свода, на солдат обрушились крупные фрагменты скалы, и весь потолок пещеры рухнул.

Ноулсен закричал, когда обвалом его сбило с ног, а затем его череп раскололся, а от тела осталось лишь месиво.

Такая же смерть ждала почти три тысячи людей, оказавшихся под землей. Туннель, соединявший цитадель и Тор Кристо, бы запечатан.

Не отрываясь от экрана пикт-дисплея, майор Тедески глотнул атасека прямо из бутылки. Экран показывал, что происходило снаружи командного центра: тысячи солдат в красной униформе заняли все стены крепости. Армия врага заполонила бастионы Марс и Дракон, и теперь солдаты кричали и палили в

воздух, празднуя победу. Тедески в ярости наблюдал, как его гвардейцев, попавших в плен, выстраивают вдоль стены для расстрела или сгоняют в траншеи, чтобы потом сжечь из огнеметов. Никогда еще майора не охватывала столь жгучая ненависть, и он мрачно улыбнулся, представляя, как отправит этих мерзавцев в ад.

Он сделал еще глоток и медленно живнул. В командном центре остались только он и магос Ёелеге, сейчас сидевший в углу с угрюженным видом. Получив приказ остаться, техножрец попытался возразить, но Тедески дал ему всего два варианта — или подчиниться, или быть расстрелянным на месте.

Майор допил атасек и отвернулся от экрана, чтобы не видеть, какие зверства творились в стенах его крепости. Схватив Ёелеге за грудки, он поднял магоса на ноги.

— Давай, Ёелеге. Пора отрабатывать твой паек.

Несмотря на сопротивление магоса, Тедески заставил его покинуть командный центр и потащил за собой по лабиринту

коридоров. Они миновали множество
опломбированных дверей, а затем на
лифте, доступ к которому
контролировался особым ключом,
спустились в помещение глубоко под
крепостью, в котором располагалась
силовая установка. Когда лифт, грохоча,
опускался, кабину ощутимо встряхнуло,
свет мигнул, и послышался скрип
металла, царапавшего стены шахты.

— Какого черта?.. — заговорил было
Тедески, но лифт снова пришел в
движение.

Как только двери открылись, майор
вытолкнул Целеге в коридор с безликими
серыми стенами, который вел в
реакторный зал. Тедески попытался
связаться по воксу с капитаном Поулсеном
и остальными ротными командирами.
Безуспешно. Тревога его нарастала.

Мощная ударная волна наводила на
мысли о каком-то сильном подземном
взрыве, и Тедески знал только одну
причину, способную вызвать такой взрыв.
Но не мог же кастелян Вобан разрешить
представителям Агентус Механикус

разрушить туннель и, тем самым, перекрыть тысячам людей путь к отступлению? Тегески нутром чувствовал, что случилось что-то ужасное, но из всех сил продолжал надеяться, что его подозрения безосновательны.

Наконец они добрались до главного входа в реакторный зал, и Тегески посторонился, давая техножрецу возможность ввести ког гостюна. Но Целеге не двинулся с места.

--- Открывай эту проклятую дверь!

--- Не могу, майор.

--- Это еще почему?

--- Мне приказано не допускать разрушения этого объекта.

Тегески отбросил Целеге к стене и остался болт-пистолет.

--- Или открывай дверь, или я тебе мозги вышибу!

--- Майор, ваши угрозы бесполезны, --- возразил Целеге. --- Вышестоящие силы дали мне священный приказ, и я не могу его нарушить. Это железный закон.

--- А мой пистолет стреляет

болтами калибра 19 миллиметров с
диагнантиновым наконечником и
сердечником из обедненного дейтерия, и
если ты сейчас же не откроешь дверь, то
один из них окажется в твоём так
называемом мозгу. Так что шевелись!

— Я не могу... — снова начал
протестовать Целеге, но вдруг весь
коридор заполнил оглушительный скрежет
трвущегося металла. Огромный,
окруженный электрическим разрядом
кулак пробил двери лифта, и из кабины в
коридор, сразу же ставший неуютно
тесным, шагнул настоящий гигант.

Новоприбывший был почти три
метра ростом, и когда он вышел в
освещенную часть коридора, сердце
Тедески бешено застучало. Гигант был
закован в стального цвета
терминаторскую броню с шевронами из
черных и желтых поперечных полос; на
поверхности доспеха виднелись пятна
крови. Шлем в виде шакальей головы с
оскаленной пастью; на оплавленном
нагруднике — маска-череп, символ
Железных Воинов.

Захныкав от страха, Целеге
вернулся от Тедески и быстро прижал
ладонь к идентификационной панели.

--- Благословенная Машина, молю
тебя открыть доступ недостойному слуге
твоему в святая святых, где бьется твое
сердце, --- испуганной скороговоркой
произнес он.

--- Быстрее же, во имя Императора! ---
прошипел Тедески. Тяжелым шагом
терминатор двинулся в их сторону.

Еще несколько воинов вышли из
разбитой кабины лифта и последовали за
своим командиром. Тедески выпустил
короткую очередь по врагу, но тяжелые
доспехи для болт-пистолета были
неуязвимы.

Двери в реакторный зал плавно
раскрылись; Тедески и Целеге поспешно
проскользнули внутрь, сразу же закрыв их
за собой. Майор подтолкнул Целеге к
центру зала; там на высоком возвышении,
окрутанном пульсирующей энергией, десять
толстых латунных стержней уходили в
проложенные в полу каналы.

Магос не переставал сопротивляться.

но Тедески подтащил его к конструкции и приставил к голове пистолет.

--- Будешь и дальше мне мешать --- пристрелю. Понял?

Те части лица Целеге, где еще оставалась органическая плоть, исказились от страха, и он кивнул. Над вери обрушилась череда оглушительных, как гром, ударов, и магос в ужасе вздрогнул: створки уже начали прогибаться вовнутрь. Со всех ног он кинулся к латунным стержням и прижал ладонь к верхушке первого из них, проворачивая его вокруг своей оси и сопровождая эту манипуляцию покаянной молитвой Омниссии. Затем он поднялся на платформу в центре возвышения и повернул несколько зубчатых дисков.

В облаке шипящего пара первый стержень выдвинулся из канала в полутьме. Тедески старался сохранять спокойствие. Взвыли сигнальные сирены, и из пары динамиков, установленных на платформе, полился поток слов, смысла которых Тедески не понимал.

--- А побыстрее нельзя? --- нетерпеливо

поторопил он, заметив, что дверь еще больше прогнулась внутрь.

--- Быстрее не могу. Если не успокоить духов машины, обитающих в реакторе, соответствующими ритуалами, я не смогу убедить их оказать нам помощь.

--- Тогда не трать время на разговоры со мной, -- огрызнулся Тедески. В дверь опять как будто ударили молотом.

Форрикс ударил силовым кулаком по стенке двери и почувствовал, что многослойная металлическая преграда наконец начала поддаваться. Он знал, что времени почти не осталось. Магос, взятый в плен Кузнецом Войны, рассказал им, что командующий обороной Тор Кристо может уничтожить крепость, и сейчас Форрикс не питал никаких иллюзий касательно того, чем были заняты эти двое в реакторном зале.

Воинам, стоявшим в ожидании за его спиной, не терпелось расправиться с добычей и приступить к восстановлению оборонительной системы крепости. Форрикс еще раз ударил по двери, и

металл стаялся под его кулаком. Схватившись за покоренные края, он потянул створку двери на себя и, победно взревев, сорвал ее с креплений. Сквозь обнажившийся дверной проем было видно, что магос в белой мантии совершает какие-то манипуляции с механизмом, расположенным в центре зала, а рядом с ним стоит однорукий офицер Имперской гвардии. Офицер выстрелил из болт-пистолета, но Форрикс лишь широко улыбнулся, услышав, как под снарядами зазвенел металл его тяжелого доспеха. Уже много веков у него не было этого ощущения, но теперь он вспомнил, как оно называется: боль.

Подняв собственное оружие, Форрикс выпустил короткую очередь в спину магосу. Выстрелы превратили туловище человека в кровавое месиво и отбросили труп с платформы.

Офицер развернулся и бросился к центральной платформе. Неуклюже действуя одной рукой, он безуспешно попытался вытащить латунные стержни и завершить то, что начал магос. Эти

попытки вызвали у Форрикса стех; он выстрелил офицеру в ногу, и тот рухнул на пол, крича от боли. Отключив энергетическое поле вокруг кулака, Форрикс поднял вопящего гвардейца и швырнул его одному из своих терминаторов, стоявших наготове, а затем поднялся на платформу.

План офицера почти сработал. Еще несколько минут — и от Тор Кристо остались бы только оплавленные развалины, не имеющие никакой ценности. Двумя выстрелами Форрикс заставил динамики умолкнуть, и тревожные сирены затихли.

— Верните стержни на место, это предотвратит взрыв реактора, — приказал он и вышел из зала.

Тор Кристо пал.

ВТОРАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Глава 1

Когда подполковник Леонид открыл дверь, ведущую в Гробницу, огонек свечи затрещал под порывом ветра. Кастелян Вобан стоял на коленях перед базальтовой статуей Императора в оссуарии часовни; от ветра он прикрыл огонек ладонью и зажег от него поминальную свечу в память о Батальоне А. Он совершал этот ритуал уже шесть дней — с того времени, как пал Тор Кристо.

Леонид остановился на почтительном расстоянии от своего командира и ждал, пока тот не закончит обряд поминошения. Вобан был благодарен за такую тактичность.

Мрачная башня, называемая Гробницей, стояла на северо-западном склоне горы, высоко над цитаделью. Сложенная из гладкого черного трапеза с золотыми прожилками, она представляла собой голый цилиндр диаметром около тридцати метров и высотой в сто. Изнутри ее стены были усеяны сотнями

ниш, в которых лежали побелевшие кости
всех тех, кто носил звание кастеляна
крепости. Раньше для Вобана было
большим утешением представлять, что
однажды он сам займет почетное место
среди своих нетленных предшественников,
но теперь он знал, что это лишь мечта.
Скорее всего, он падет от руки проклятого
врага где-то внизу, в цитадели, где и
останется лежать его иссушенный труп.
Мысль о том, что его кости отполируют
пыльные бури, бушевавшие на этой
планете, наполняла его неизбывным
унынием.

Полот башне служил литой
латунный диск, вся поверхность которого
была исчерчена гравировкой: ажурные
линии переплетались, пересекая друг
друга, в завораживающем танце. Рисунок
напоминал головоломку, решение которой
— если оно вообще существовало —
постоянно ускользало от смотрящего.
Вобан знал, что можно провести часы,
пытаясь проследить взглядом
хитросплетение линий, но сам он давно
решил, что эта задача ему не по силам.

Он поднялся с колен, поморщившись, когда суставы болезненно хрустнули. Война была делом молодых, а он слишком стар для тех ужасов, что стояли на его пути. Кастелян склонился перед каменным ликом Императора и прошептал:

— Великий Император, даруй мне силы исполнить Твою волю. Я всего лишь человек с отпущенной человеку долей мужества, и в этот трудный час нуждаюсь в Твоей мудрости.

Статуя ответила на мольбу молчанием; командующий Гидры Кордатус развернулся и твердым шагом направился к дверям, ведущим во внешние залы Гробницы.

Вобан думал, что узнал все о страданиях и боли после того, как увидел разрушение Церихонских Водонагов и битву на равнине, в которой Железные Воины обманом заставили артиллеристов Тор Кристо стрелять по своим. Но истинную глубину горя он познал во время падения Тор Кристо, когда погибли почти семь тысяч человек. Столько убитых, а бой еще не закончен.

Он прошел мимо Леонига, кивнув своему заместителю, и тот закрыл двери в озаряемый свечами дом мертвых. Во внешних залах Гробницы было светло и просторно, как если бы архитекторы-бабушки понимали, что разум человека способен лишь до определенного предела погрузиться в скорбь и что приходит время радоваться бессмертию духа.

Яркие шары светильников, расположенные позади арочных витражей, золотом и лазурью раскрасили выложенный трапезными плитами пол. Вобан остановился, чтобы полюбоваться мастерской работой художников, живших десять тысячелетий назад. Над его головой разворачивались сцены битвы, изображения Императора, восходящего на трон, и подвиги героев Космического Десанта, умерших давным-давно.

— Они прекрасны, да? — прошептал Вобан.

— Да, сэр, — подтвердил Леониг.

— Жаль, что это все будет уничтожено.

— Сэр?

Вобан с грустной улыбкой посмотрел на своего заместителя.

— Полагаю, наши враги предпочтут обратить это место в пыль. Как думаете, Михаил?

— Наверное, — с горечью признал Леонид. — Но мы заставим их дорого заплатить за каждый отвоеванный у нас метр земли — если только нас не предаст чья-то жажда славы или ничтожная трусость.

Вобан понимал, почему слова Леонида пропитаны ядом. Принцес Фиерах, приказавший своим титанам бросить джуранцев и преследовать вражеского титана класса «Император», обрек на смерть почти две тысячи человек. Титаны, уцелевшие в той битве, мудро вернулись в бронированные ангары для ремонта, а их экипажи пока находились в казармах, ожидая, какое наказание за подобное нарушение дисциплины им назначит суг Легио. Их положение облегчалось тем, что сам Фиерах погиб, и из мертвого можно было сделать подходящего козла отпущения. Даэкиан,

пог чьим командованием находился
«Гонорис Кауза» --- митан класса
«Новелитель битвы», --- в парадном
тундире предстал перед старшими
офицерами Джүранских драгун и принес
официальные извинения от имени Легио
Цзнатүм и соболезнования от себя лично.

Вобан принял извинения во избежание
дальнейшего раскола, но привкус горечи
остался. Леонид же не проявил подобной
выдержки, подошел к Даэкиану и ударил
того по лицу. Вобан был готов к любой,
даже самой худшей, реакции, но Даэкиан
лишь кивнул и сказал:

--- Вы в своем праве, подполковник
Леонид, и я не держу на вас зла.

После чего принцесс обнажил свою
изогнутую саблю и протянул ее эфесом
вперед Леониду.

--- Но знайте: Легио Цзнатүм готов
сражаться рядом с вами, и во второй раз
мы вас не подведет. Клянусь в этом своим
кинжалом.

Вобан был потрясен. Если офицер
Легио отдавал свой меч другому офицеру,
это означало, что в случае, если он не

стожит выполнить свой долг, он примет смерть от собственного клинка и навечно покроет себя презрением в глазах богов войны.

Несколько секунд Леонид молча смотрел на протянутое оружие. В подобных обстоятельствах офицер, если он был джентльменом, обычно отказывался принять меч и тем самым давал понять, что одного такого жеста достаточно. Но Леонид взял саблю и, заткнув ее за кушак на поясе одного из своих офицеров, вернулся на свое место. Его батальону сильно досталось в том сражении, и он был непреклонен в желании заставить виновных кровью заплатить за смерть его солдат.

С тех пор сабля была всегда при Леониде; Вобан знал, что, как только слухи об этом инциденте достигли рядовых солдат, популярность подполковника среди подчиненных резко возросла.

--- Я горжусь вами, Михаил, --- внезапно сказал Вобан. --- У вас есть способность, которой я лишен: вы

сопереживаете всем, кто находится под вашим командованием, независимо от звания. И неважно, будь это формальная атмосфера офицерской столовой или простая казарменная жизнь.

— Спасибо, сэр, — улыбнулся Леонид, польщенный словати кастиеляна.

— У меня есть знания и опыт, необходимые командиру, — продолжал Вобан, — но солдаты меня никогда не любили. Я всегда говорил себе, что любовь подчиненных не главное, главное — чтобы они исполняли мои приказы. Вас же солдаты любят и уважают, и, что еще важнее, они верят, что вы не подвергнете их жизни опасности без веских на то причин.

Выйдя из Гробницы, оба офицера плотнее запахнулись в шинели, стараясь уберечься от пронизывающего ветра, резкими порывами хлеставшего высокие пики гор. Пятнадцать солдат — почетная стража — ждали их, чтобы сопроводить обратно в цитадель по лестнице в тысячу ступеней, вдоль которой стояли полуразрушенные статуи забытых героев.

Цитериума.

Офицеры с тревогой посмотрели на изрытую взрывами равнину перед цитаделью, и это зрелище наполнило их сердца холодом отчаяния. Начиналось утро, и в стане врага над бесчисленными кузницами и бивачными кострами выросли столбы дыма. Вся равнина скрылась под сплошной массой из людей и машин, складов снабжения и бригад землекопов.

За дни, прошедшие после падения Тор Кристо, главная параллель в направлении «восток-запад» продвинулась еще дальше к скалистому возвышению, и началась прокладка двух зигзагообразных сап, ведущих к цитадели. Первая из них шла к исходящему углу Первого равелина, а вторая метила в левый фланг бастиона Винкаре.

— Мы не можем ощутимо замедлить их работы, — констатировал Вобан очевидное.

— Нет, сэр, — признал Леонид. — Но мы все же тормозим их продвижение.

— Этого мало. Мы должны остановить их, — сказал Вобан и поднял

взгляда на почерневшую фигуру титана-«Императора», застывшую без движения у подножия Тор Кристо. Вокруг титана кишела толпа рабочих: они возводили систему прочных опор, которая позволила бы титану стрелять, не теряя равновесия. Позади титана огромные бригады рабочих, каждая по тысяче человек, последние шесть дней трудились в поте лица, втаскивая тяжелые осадные мортиры и гаубицы вверх по каменистым склонам к передовому краю возвышения, на котором стоял Тор Кристо. Оттуда орудия смогут безнаказанно метать снаряды за стены бастиона Винкаре, а бреширующие батареи, размещенные на этой позиции, будут прямой наводкой стрелять по центральной куртине поверженного гласиса.

До завершения подготовительных работ оставалось еще несколько дней, но как только орудия будут установлены, гарнизон Винкаре ждала настоящая бойня.

— Клянусь Императором, Михаил, когда эти орудия начнут стрелять, нам придется плохо.

Леонид посмотрел на позиции, приковавшие к себе взгляд Вобана, после чего сказал:

— Вы обдумали мое предложение касательно гвардейца Хоука?

Гвардеец Хоук все еще блуждал в горах, при этом оказывая неоценимую помощь артиллеристам цитадели. Его ежедневные донесения указывали основные места скопления рабочей силы врага, и из-за этого осаждающим пришлось тратить время и сооружать дополнительные проходы только для того, чтобы добраться до передовой живыми. И с каждым днем Вобан все больше восхищался этим неприметным солдатом, который утруждался снабжать цитадель подробнейшими отчетами о перемещениях врага, его дислокации и приблизительной численности. Все это помогало составить более ясную картину о ресурсах противника и соответственно направлять артиллерийский огонь. Если и было суждено выжить в этой битве, Вобан собирался позаботиться о том, чтобы Хоук получил должную благодарность.

--- Обдумал, но такой план не обойдется без участия Агентус Механикус, а ит я больше не доверяю.

--- Я тоже, но здесь нам необходима их помощь.

--- Пусть это решает архимагос Амаэтон.

--- Сэр, вы же знаете, что Амаэтон мыслит все менее трезво, и полагаться на него нельзя. Он слабоумен и, что хуже, опасен. Вспомните, что он сделал с туннелем!

--- Осторожнее, Михаил. Агентус Механикус -- древняя и влиятельная организация. Амаэтон старше вас по званию, а потому относитесь к нему с уважением. Хотя ваши слова справедливы, я не позволю вам повторять подобное, ясно?

--- Да, сэр. Но мы ведь должны быть выше этого!

--- Мы и есть выше, друг мой, и потому-то вы больше не будете высказываться на эту тему. Если мы хотим одержать победу, Агентус Механикус должны быть на нашей стороне. Конфликт с ними ничего нам не

гаст.

На это Леонид ничего не ответил; сам Вобан понимал и принимал причины подозрительности, с которой тот относился к жрецам Механикус. Взрыв туннеля между Кристо и цитаделью был проявлением непростительной бессердечности, и если бы в Амаэтоне оставалась еще хоть капля человеческого, Вобан заставил бы его заплатить за это преступление.

Магос Наицин уже рассказал, как он утешал архимагоса не разрушать туннель, но почтенный Амаэтон отказался внимать голосу разума. Вобан также спросил Наицина, почему Кристо не был уничтожен после того, как был дан сигнал «Небеса рушатся».

--- Не знаю, кастаньян Вобан, --- ответил ему Наицин. --- Возможно, майор Тедески в последний момент утратил мужество и не смог исполнить свой долг.

Тогда при этих словах Вобан чуть не вышел из себя. Он отчетливо помнил страшную картину, которой завершился тот бой: самоуверенный гигант в доспехах

терминатора бросает Тедески со стены
бастiona Марс навстречу верной смерти.

Вобану стоило большого труда не
выдать свой гнев голосом:

--- Как бы то ни было, отныне Агентус
Механикус могут действовать, лишь
получив на то прямое согласие от меня
или подполковника Леонида. Вам ясно?

--- Как день, кастелян. Позвольте
также сказать, что я полностью разделяю
ваше мнение. Я не могу найти оправданий
для смерти ваших людей в Тор Кристо, но
младос уже стар --- ему недолго осталось.
Вскоре он воссоединится с Омниссией, и ---
да простит меня священный Дух
Машины! --- возможно, чем скорее это
случится, тем лучше для всех нас.

Вобан никак не отреагировал на это
заявление Наицина, но без труда ощутил,
как сильно младший младос жаждет занять
место Амаэтона.

И хотя сам кастелян не одобрял
таких интриг, он с грустью допустил,
что Наицин, возможно, и прав.

Гвардеец Хоук провел пятерней по
спутанным волосам, поудобнее устроился

среди скал, подложив шинель под локти, и навел линзы магнокуляра на вражеский лагерь внизу.

— Так, давайте-ка посмотрим, что там происходит, — пробормотал он.

В сумерках на пыльной равнине кипела работа: рядами выстроились мастерские по производству оружия и инструментов, и тысячи человек сновали повсюду, следуя четко определенным маршрутам. Хоук несколько дней искал подходящее возвышение, с которого можно было бы наблюдать за лагерем. Позиция не отличалась удобством, но вряд ли в этих горах были удобные места. По крайней мере, его наблюдательный пункт был защищен от самых сильных ветров, а скаменный выступ позволял ему даже вздремнуть немного, когда шум внизу стихал. Хоук зевнул: одна мысль о сне болью отзывалась во всем теле. Все равно уже наступала ночь, и в быстро сгущающейся тьме он мало что мог разглядеть.

Все это время он расходовал еду и воду очень экономно, и припасов пока

хватало, но вот таблетки детокса кончились давным-давно. Но, кажется, слухи о губительности пропитанной ядами атмосферы на Тигре Кордату оказались необоснованными. Не считая синяков и царапин, сейчас Хоук чувствовал себя лучше, чем за все время, проведенное на этой бесплодной планете.

Вначале нетренированные мышцы болели и были как деревянные, но это прошло, и Хоук заметил, что теперь и тело его, и разум находятся в лучшей форме, чем когда-либо. Вечные головные боли исчезли, как утренний туман, --- равно как и привкус пепла, раньше постоянно ощущавшийся во рту. Кожа начала приобретать здоровый цвет, и Хоук, от рождения бледный, постепенно обзаводился загаром.

Чем бы ни объяснялись все эти перемены, Хоук был рад внезапному здоровью. Возможно, причина была в том, что теперь он мог доказать однополчанам, чего он на самом деле стоит, --- доказать, что он хороший солдат и может выполнять свой долг.

наравне с героями. Он обшаривал линзами
магнокүляра вражеский лагерь, считал
рабочие бригады, направлявшиеся к
апрошам, и при этом был вынужден
признать, что сейчас --- при прочих равных
условиях --- просто отлично проводит
время.

Глава 2

От скребка костяным ножом в слое въевшейся крови, покрывавшей наруч доспеха, появилась чистая полоса, а отделившаяся сухая корка осталась на изогнутом обухе лезвия. Ларана Уторуан обмакнула лезвие в ведро с теплой водой, стоявшее рядом, и продолжила работу. Кроагер снова вернулся в блиндаж с ног до головы залепанный засохшей кровью и, не говоря ни слова, жестом приказал пленнице снять с него доспех и отчистить его.

Все фрагменты брони были тяжелыми, очень тяжелыми, и если бы не скрипящая механическая рука, которую хирурги-тясники по приказу Кроагера вживили ей, Ларана не смогла бы даже приподнять их. От одного взгляда на черную сталь протеза ее тошнило, а от того, как извращенные биомеханические компоненты новой руки постепенно вращались в ее тело, пленнице хотелось оторвать протез от плеча. Но черные,

извивающиеся нити синтетических нервов уже слились с ее плотью в неразрывное целое, и она не могла отказаться от этой руки — так же, как не могла заставить свое сердце перестать биться.

Каждая деталь доспеха, который носил Кроагер, сейчас заняла свое место на прочной стальной стойке так, что создавалась иллюзия гигантского механического человека, разобранного на части. На поверхности практически не осталось участка, не скрытого запекшейся кровью, а запах разложения был так силен, что Ларану тошнило каждый раз, когда она поворачивалась к стойке.

Сгорбившись, она продолжила работу, и на броне появилась еще одна чистая полоска. Ларана не могла сдерживать слез: она чистила доспех чужовища, прекрасно понимая, что завтра придется все начинать заново. Но какой-то таинственной причине Кроагер не убил ее, и каждый день пленница жалела об этом.

И каждый день проклинала себя за то, что так хочет жить.

Оказаться в услужении у подобной

твари было не лучше, чем стать
служанкой настоящего демона. А демон
был еще и капризным: Ларана никак не
могла предугадать, как изменится его
настроение, как он поведет себя в
следующую минуту, как отреагирует на
то, что она делает. Она пыталась
восстать, колотила кулаками по его
окровавленной броне, но Кроагер только
стелся и отшвыривал ее в сторону. Тогда
она потворствовала его желаниям, но в
ответ он становился угрюмым и
задумчивым, раздирал старые шрамы,
слизывал кровь с собственных рук — он
намеренно поддерживал свои раны
открытыми — и смотрел на пленницу с
презрением.

Ларана ненавидела его всем сердцем
и при этом отчаянно хотела жить, но
определить, как следует себя вести,
чтобы Кроагер не убил ее, было
невозможно.

Она отчистила с наруча остатки
крови, отложила нож и взяла
промасленную ветошь, которой затем
отполировала серебристую поверхность.

пока та не засверкала, после чего, довольная результатом --- чище этот металл она уже сделать не могла, --- поместила наруч на стойку.

Словно какая-то сила привлекла ее взгляд к внутренней поверхности доспеха, от которой исходило зловоние. Ларана почистила и полировала внешнюю сторону брони, но не могла заставить себя прикоснуться к внутренним поверхностям. Изнутри доспех Крозгера покрывало что-то омерзительное и шевелящееся, что-то, похожее на грубо разрезанные гниющие куски мяса, по которым время от времени пробежала волна сокращений, словно в них еще теплилась отвратительная жизнь. Оudin вид доспеха вызывал в Ларане отвращение, но в то же время в нем была и некая гнусная привлекательность, как будто взывавшая к неведомой стороне ее души.

Согрознувшись, она сняла со стойки следующий фрагмент доспеха --- округлый налокотник, на котором было меньше грязи, и чистка его не должна была занять много времени.

Ты кровь, что на мне, ты не
отчистишь только лишь ножом...

Вновь взявшись за скребок, Ларана украдкой посмотрела на оружейную стойку из серебра и черного дерева, на которой хранилось оружие Кроазера. Тяжелый ценной меч с восьмиугольной звездой на вершине рукоятки и острыми шипами на крестовине; рядом с ним — искусно украшенный пистолет с дульным срезом в форме черепа и бронзовыми накладками. Один магазин к нему был глиняный, чем предплечье Лараны.

Давай же, прикоснись к ним... почувствуй их мощь...

Она покачала головой: Кроазер не позволял ей чистить его оружие, и единственный раз, когда она вызвалась это сделать, стал первым и последним. Тогда он несильно — по своим меркам — ударил ее по лицу, сломав скулу и выбив несколько зубов, и сказал:

— Мое оружие ты и пальцем не тронешь, смертная.

Со слезами пришла горечь. Ларана проклинала себя за это желание выжить.

за то, что прислуживает этому исчадию зла, но другого способа уцелеть она не видела. У нее не было сил ни на что, кроме как быть изрубкой для безумца, который купался в крови и наслаждался смертью.

Но разве это плохо? Получать удовольствие от смерти других... разве это не высшая честь, которую одно живое создание может оказать другому?

Ненависть к Кроагеру жарким пламенем горела в ее сердце, и Ларана чувствовала, что если не даст ей выход, эта ненависть поглотит ее.

Да, человек, ненависть, ненависть...

Взгляд ее вновь против воли встретился к доспеху, и она могла поклясться, что где-то вдали слышался стех.

Над горами уже занялся рассвет, когда несколько групп рабов под пристотром Хонсю перетаскивали последние детали артиллерийского лафета через край скалистого утеса. Он с удовольствием отметил, что среди рабов еще виднелись голубые шинели вражеской гвардии: некоторые из выживших

пленников еще могли послужить
Железным Воинам.

Форрикс, стоявший рядом и благодарный терминаторскому доспеху возвышавшийся над Хонсю на целую голову, оценивающим взглядом обозревал равнину, на которой медленно шли осадные работы. Несмотря на артобстрел с двух бастиев и центрального равелина, сапы от прогленной параллели продвигались к цели, но с крайней осторожностью; рабочих в голове каждой сапы прикрывали танкобронированные передвижные заграждения, которые, подобно грузным животным, медленно ползли вперед.

— Кузнец Войны недоволен, — сказал Форрикс, широким жестом указывая на работы, ведущиеся по всей равнине.

В замешательстве нахмурившись, Хонсю повернулся, чтобы посмотреть в бледное лицо ветерана.

— Но мы и так продвигаемся с приличной скоростью, Форрикс. Мы захватили внешние укрепления менее чем за две недели, и сапы уже приближаются к цитадели, так что скоро мы сможем

соединить их во вторую параллель. Немного я видел осад, которые проходили бы так быстро.

Форрикс покачал головой.

--- Определенные обстоятельства требуют, чтобы мы еще поторопились. Кузнец Войны хочет, чтобы мы закончили осаду в течение десяти дней.

Хонсю фыркнул.

--- Это невозможно! Когда вторая параллель еще не готова? На полную установку батарей там понадобится по меньшей мере четыре дня, и еще несколько дней на то, чтобы орудия проделали бреши в укреплениях. Я вообще сомневаюсь, что получится создать годную брешь без устройства третьей параллели и применения осадных танков. Это все требует времени, уж ты-то должен это знать.

--- И все же, это нужно сделать.

--- Как?

--- Как угодно, Хонсю. Времени --- роскошь, которую мы не можем себе позволить.

--- Тогда что ты предлагаешь?

--- Будем вести сапы вперед еще быстрее, построим больше передвижных заграждений, заставим копать и рабов, и солдат, чтобы горы трупов закрывали рабочих от имперской артиллерии, --- безоговорочно отрезал Форрикс.

--- Возникнут сложности, --- медленно проговорил Хонсю. --- Имперские артиллеристы проявляют прямо-таки сверхъестественную меткость.

--- Действительно, --- задумчиво ответил Форрикс, взглядывась в склоны гор, окружавших равнину, --- просто прицельную меткость, не находишь?

--- О чем это ты?

--- Ты уверен, что на тех позициях, которые ты атаковал со начала вторжения, не осталось выживших?

--- Уверен, --- прорычал Хонсю. --- Мы убили всех.

Форрикс вновь посмотрел в сторону гор и вздохнул.

--- А я думаю, ты ошибаешься, Хонсю. Я думаю, там все еще кто-то есть. --- На это Хонсю ничего не ответил, и Форрикс продолжил: --- Пошли Горана Делая

проверить все места, которые вы
атаковали, и если там есть следы
выживших, пусть он выследит их и убьет.
Мы не можем допустить, чтобы осадные
работы затеблились из-за твоей
некомпетентности.

Хонсю сдержался от гневных
возражений и, прежде чем уйти, холодно
кивнул.

Общезвестно, что из всех органов
сердце горит хуже всего, но Джарен
Келмаур, колдун Кузнеца Войны и
Властитель Сети Тайных Чар, считал,
что голубое пламя, в котором сейчас
поджаривалась мускульная ткань, стоило
затраченных усилий. Горящее сердце и
лунный свет, падавший сквозь вход в
шатер, населили тьму внутри
призрачными тенями. Келмаур потер
покрытую матировками кожу черепа, а
затем развел руки перед пламенем,
охватившим человеческий орган.

Хотя веки его глаз были закрыты, он
все равно смотрел в огонь и видел там
эфетерные образы, лежащие за гранью
человеческого зрения. Образы эти то

таяли, то прояснялись по мере того, как
чары колдуна старались облечь силу,
полученную в результате последнего
жертвоприношения, в некую практически
применимую форму. Келтаур открыл
разум величину варна и почувствовал, как
его вновь наполняют могущество и
удовлетворение, что случалось каждый
раз, когда он причащался илматериуму. У
в этот раз, как и всегда, он ощутил
навязчивое присутствие бесчисленных
астральных тварей, жадными когтями
тянувшихся к любому, кто вторглся в их
царство. Его появление привлекло этих
бездумно копошившихся существ, но для
Келтаура такие бесплотные призраки не
представляли угрозы — опасаться
следовало других, более сильных созданий,
которые скрывались в беспокойных
глубинах варна.

Он чувствовал, как порожденные
варном энергии струятся сквозь него,
обретая силу и направление благодаря
символам, выгравированным на золоте и
серебре его доспеха. Древние знаки
геомантии помогали сдерживать

энергетический поток, вошедший в его плоть, но Келтаур понимал, что если контроль его ослабнет, то сила, которую он впустил в себя, мгновенно уничтожит его, и даже улучшенная физиология Астартес с этим ничего не поделает.

Энергия устремилась вдоль хрупких нервных окончаний, пронизала все тело, и вот в глазницах колдуна возникло зеленое свечение, просочилось сквозь швы, и затруднительно слезати стекло по щекам и, наконец, разрослось в ядовитое облако мерцающего тумана. Клубы этого тумана извивались и скручивались в спирали независимо от движения воздуха, пока мерцающая пелена, исходящая из рта и глаз Келтаура, не обвилась вокруг его плеч, подобно змее.

Лучи зеленого света, словно щупальца в поисках добычи, потянулись к догорающему сердцу, пламя вокруг которого шипело и разлеталось яростными искрами.

Перед глазами Келтаура мелькали мимолетные образы: скала Тор Кристо, в глубине ее — скрытый зал, бронзовый диск,

сияющий как солнце, и над всем этим — медленно вращающееся зубчатое колесо, покрытое трещинами и пятнами. Колдун не отводил от него взгляд, и внезапно колесо как будто взорвалось изнутри, некротическими потоками ржавчины, которые быстро распространились по его поверхности, пока от колеса не осталась лишь пыль.

Видение исчезло так же быстро, как появилось, и на стену ему пришел луч белого света, пронзающий тьму и постепенно гаснущий вдаль; затем и это видение потеряло, уступив место воину в желтом доспехе, нацелившему оружие прямо на Келмаура. Воин выстрелил, и ствол оружия взорвался ослепительно ярким светом.

Джарек Келмаур закричал и рухнул на пол шатра; из его глаз, ушей и рта текла кровь, а внутри черепа колотилась боль.

С трудом он встал на ноги, оперся для равновесия на железный шест, поддерживающий шатер, затем, пошатываясь, перебрался на узкую койку.

Сел на край, растер лагонями
татуированную кожу висков, сделал
несколько глубоких вдохов. Так бывало и
раньше, но с каждым новым видением
напряжение становилось все сильнее, и
колдун знал, что решающий момент
слияния уже близок.

Келтауру нужно было расшифровать
смысл видений, но он боялся, что уже знает
значение второго образа. Когда Железные
Воины атаковали космопорт, он
почувствовал, что с планеты был послан
психический сигнал, слишком быстрый,
чтобы Келтаур успел его заблокировать, но
наверняка слишком слабый, чтобы
достигнуть намеченного адресата. Но
колдун опасался, что этот сигнал могли
услышать и другие; и если они поняли его
важность, то могли уже сейчас
направляться к планете. Он ничего не
сказал об этом Кузнецу Войны, надеясь,
что капитаны его хозяина сумеют
уничтожить цитадель до того, как к
осажденным на Гидре Кордатус придет
помощь, а сам отправил боевую баржу
«Камнелом» дежурить у дальней точки

входа в систему. Но тщательное
подозрение о том, что уже слишком
поздно, не отступало, и Келмаур отозвал
баржу обратно.

Аколиты его кабала докладывали,
что слышат чужой психический шепот на
планете, и пока колдун не находил этому
объяснения. Чтобы проскользнуть
незамеченным мимо «Камнелом»,
требовалась немалая хитрость, но с
другой стороны, баржа ведь покидала свой
пост... Огромные грузовые корабли на
орбите не были оснащены пси-локаторами
и могли не заметить приближение врага.
Возможно ли, что, пока «Камнелом»
отсутствовал, что-то пробралось на
поверхность?

А если так, то куда направился
неведомый гость и чем он занимался все
это время?

Паранойя, давний спутник колдуна, не
ослабевала ни на миг, и в мозгу Келмаура
всплывали десятки вариантов, один
страшнее другого. Может быть, нужно
рассказать Кузнецу Войны о своих
подозрениях? Или разобраться во всем

самолу? Или притвориться, что он ни о чем не знает?

Во всех этих вариантах был свой изъян, и Келлаура угнетало дурное предчувствие. Но что касается первого видения... тут он чувствовал себя гораздо увереннее.

Позади раздался тихий стон, и колдун, обернувшись, с трагичной улыбкой взгляделся в лицо агента Цицерина.

Бывший жрец Агентус Механикус, которого Кроагер чуть не убил во время атаки на костюпорт, лежал, обнаженный и закованный в цепи, на наклонной платформе, похожей одновременно на хирургический стол и на рабочее место конструктора. Взятен оторванной кистью был установлен протез, соединивший в себе бионику и аугметикку, и на его черной, пульсирующей поверхности виднелись древние символы силы. Запястье обвивал широкий браслет, изогнутые шины которого уходили глубоко в ткани руки выше протеза, и из каждого шина в тело агента поступал модифицированный штамм вируса-стирателя. Тут и там из

плоти Цицерина вырастали механо-органические части, подвижные и в то же время угловатые. Под действием вируса, объединявшегося с органикой в единое целое, его ткани как будто кипели изнутри.

Келмаур сухо улыбнулся и встал, чтобы поближе посмотреть на извивающегося в конвульсиях жреца Бога-Машины. Изменения наверняка были болезненными, но лицо агента ничем не выдавало его страданий; напротив, его черты были искажены в нечестивом экстазе.

--- Да, --- прошептал Келмаур. --- Почувствуй, как твоя плоть наливается силой новой машины. Впереди тебя ждет много работы.

Цицерин открыл единственный глаз, в расширенном зрачке которого виднелись недавно родившиеся и еще подвижные электросхемы. Улыбнувшись, он кивнул в сторону пульсировавшего протеза:

--- Еще, --- прошепел агент. --- Дай мне еще...

Глава 3

На двенадцатый день осады две сапы, проложенные от первой параллели, были соединены второй параллелью, которая прошла приблизительно в шестистах метрах от рва, защищавшего подступы к бастионному фронту, и оказалась в пределах досягаемости имперских орудий, стрелявших с неизменной меткостью. Для того, чтобы завершить новую параллель, пришлось пожертвовать тысячами людей, но такие затраты Железных Воинов не смущали. Важно было лишь то, что приказы Кузнеца Войны должны были исполняться.

Вторая параллель протянулась между исходящими углами бастионов Винкаре и Мори; северную ее сторону снабдили высоким бруствером из утрамбованной земли с обшивкой из железных листов, что должно было обеспечить защиту от артиллерийского огня. Батареи на концах ее были расположены так, что амбразуры

оказались напротив бастионных флангов.

В то же время началась разметка нового апроша, на этот раз нацеленного на середину Первого рavelина, но земляные работы не могли начаться до тех пор, пока батареи не устранят большую часть орудий на стенах цитадели. Это был один из самых жесточких и прямолинейных осадных приемов, где вместо того, чтобы методично обойти бастионы с флангов, атака шла в лоб, и орудийный обстрел должен был сначала нанести максимальный урон стенам крепости, после чего наступало время безжалостного штурма.

Когда артиллерийские окопы были готовы, траншеи за ними расширили и углубили, что позволяло дотоническим машинам войны безопасно перебраться на передовую. После того случая, когда взбесившееся одержимое орудие устроило погром в траншеях под Тор Кристо, были сделаны соответствующие выводы, и орудийные расчеты, приставленные к чудовищным механизмам, больше не собирались рисковать.

На следующее утро орудия на батареях второй параллели и на северном склоне Тор Кристо открыли огонь. Оконная артиллерия располагалась все еще слишком далеко, чтобы стрелять через крошку гласиса — пологой насыпью перед рвом, которая защищала уязвимое основание стен, — но обстрел паранетов был возможен и гарантировал, что защитники не смогут пользоваться стрелковой ступенью. И такой обстрел оказался удивительно эффективным: снаряды снесли верхнюю часть стены, и от широких паранетов остались только горы обломков. Цитадель открыла ответный огонь, но орудия защитников стреляли неслаженно, и укрепленные траншеи выдержали немногие попадания, а Тор Кристо для них оказался вне досягаемости.

Сотни солдат погибли в первые минуты обстрела, но затем поступил приказ отступить внутрь бастионов. Гарнизону Мори этот приказ спас жизнь, для многих на бастионе Винкаре он стал смертным приговором.

Гаубицы, стоявшие на склоне у Тор

Кристо, теперь стреляли навесом разрывными снарядами, и те, перелетая через стены Винкаре, рвали укрывшихся там солдат на клочки. Каждый оглушительный взрыв уносил жизни десятков людей, и острые, как бритва, осколки одинаково легко разрезали как плоть, так и кость. Офицеры, собрав свои отделения, отдали приказ укрываться в убежищах.

Как только живые мишени скрылись, орудия на холме у форта стали обстреливать внутренние строения цитадели, для чего их позиции на возвышении подходили как нельзя лучше, позволяя перебрасывать снаряды через внутреннюю куртину. Прежде чем архимагос Амаэтон сумел поднять энергетический щит и защитить внутреннее пространство цитадели, были повреждены три больших казармы и еще несколько меньших зданий обратились в пыль.

Обстрел продолжался весь день, и в итоге два бастиона и рavelин лишились своей верхней части, огромное число

орудий было стечено с позиций, и в фасах
укреплений образовались значительные
бреши. С приходом ночи под
непрекращающийся грохот артиллерии из
укрытий, где живые ютились вперемешку с
мертвыми, вышли сотни рабов и,
продвигаясь по ходам сообщения,
приступили к рытью апроша.

Глава 4

Двигаясь вокруг стола в зале для брифингов, Вобан наполнил амасеком стаканы своих усталых офицеров, взглядываясь при этом в лица подчиненных. Он искал признаки пессимизма и обреченности, но ничего подобного не обнаружил и, вернувшись на свое место во главе стола, наполнил последний стакан и поставил его перед пустым местом, где раньше сидел Гуннар Тедески.

Казалось, что все офицеры разом постарели, и изматывающая, отупляющая работа по защите осажденной крепости оставила свой след в чертах каждого. Хуже всего выглядел Морган Кристиан, рука которого покоилась на окровавленной перевязи, а грудь, израненную фрагментами разорвавшегося снаряда, покрывал слой бинтов. Его людям на бастионе Винкаре крепко досталось, и во время обстрела он был с ними.

Все подчиненные Вобана уже пролили кровь в этой осаде, и проявленное ими

люжество наполняло его горячей
гордостью.

— Джентльмены, — заговорил он,
поднятая стакан, — за вас.

Поддерживая тост, офицеры выпили
до дна. Осушив свой стакан, Вобан вновь
наполнил его, и некоторое время все за
столом молчали, пока кастелян Тигры
Коргатус медленно потягивал напиток.

Наконец Леонид, посмотрев на
гладкую золотую коробочку, медленно
живнул Вобану, и тот нарушил тишину:

— Мы оказались в отчаянном
положении, джентльмены. Враг стоит у
ворот, и если наши инженеры не ошиблись
в оценках, всего через несколько дней — и
это в лучшем случае — стены будут
разрушены и противник войдет в
цитадель.

— Клянусь, мои люди будут
сражаться до последнего, — пообещал
Кристан, стукнув по столу кулаком
здоровой руки.

— Солдаты батальона В тоже, —
отозвался Пит Андерс.

Вобан удержался от хитрой улыбки.

готовой появиться у него на губах, и вместо этого сказал:

--- Надеюсь, в этом не будет необходимости. За последние несколько часов произошло кое-что... непредвиденное, и у подполковника Леонида появился план, который, возможно, даст нам еще немного времени. Вражеская артиллерия наносит нам катастрофический урон, особенно те орудия, что стоят на склоне у Тор Кристо, и если мы не выбьем их с позиций, что будет нелегко, мы не выживем. Михаил?

Леонид поднялся со своего места и, проверив еще раз золотую коробочку --- вокс-скремблер, --- раздал инфопланишеты старшим офицерам джуранцев. И он сам, и Вобан внимательно наблюдали за тем, как менялось выражение их лиц по мере того, как офицеры просматривали данные. На место усталости внезапно пришла надежда.

--- Это правда? --- спросил майор Андерс.

--- Устинная правда, --- подтвердил Леонид. --- Я сам их видел.

--- Целая рота? --- выдохнул Кристан. ---

Но как?...

Вобан поднял руку, пресекая дальнейшие вопросы:

--- Джентльмены, считайте, что эти файлы у вас в руках --- самое дорогое, что у вас есть. Следуйте данным в них приказам, следуйте осторожно и решительно, и не говорите никому за пределами этого зала об их содержании. Будьте готовы приступить к исполнению плана, как только я дам команду, ибо от вашей готовности зависит наша жизнь.

Морган Кристиан просмотрел файл до конца и внезапно хмыкнул, натолкнувшись на знакомое имя.

--- Проблемы, майор Кристиан? --- спросил Леонид.

--- Возможно, --- кивнул тот. --- Любому плану, в котором задействован Хоук --- причем в качестве ключевой фигуры, --- повергает меня в ужас.

--- Не беспокойтесь о роли Хоука во всем этом, --- утиротворяюще заметил Вобан. --- Я уверен в нем, и подполковник Леонид сам будет следить за данным этапом плана.

Ним Ангерс поднял взгляд от
планшета:

--- А кто же поведет нас?

--- Я, -- ответил Вобан.

Присев на корточки у входа в
разрушенный наблюдательный пост Сигма
IV, Горан Делау с помощью серворуки
разгребал обломки, которые уже давно
остыли после пожара.

Последние несколько дней он и еще
десять солдат в красных комбинезонах
прочесывали горы, но так и не нашли ни
единой живой души, и Делау все больше
уверялся в том, что Хонсю заставил их
выполнять совершенно бессмысленную
работу. В покореженном дверном проеме
лежало тело без лица; Делау отпихнул
труп в сторону и, пригнувшись, вошел
внутрь, вспоминая бой за эту станцию, рев
штурмовой пушки и шквал огня,
обрушившийся тогда на них.

Внутри станции было темно, но
усовершенствованное зрение Делау без
труда справилось с этой помехой. Повсюду
валялось разбитое оборудование
вперемешку с обломками почерневшего

металла, на стенах остались выбоины после взрыва гранат. Рядом с одной из стен лежало еще одно тело — скелет, практически лишенный плоти, а то, что еще оставалось на костях, почернело и обуглилось. У этого трупа тоже не было лица, и Делау вспомнил, что Хонсю сделал два выстрела, которыми и убил обоих гвардейцев.

Но где тогда был труп третьего?

Внимательно осмотрев разоренную станцию, Делау заметил открытый металлический ящик, вокруг которого были в беспорядке разбросаны вещи. Он опустился на колени и тщательно осмотрел каждую из них: бесполезное барахло, мертвый груз для того, кто оказался в ловушке в горах.

Итак, один гвардеец каким-то образом выжил и забрал из наблюдательного поста все ценное.

И куда же он затем направился?

Делау вышел из станции и обследовал пыльную землю вокруг. У убитого на входе не было ружья, и Делау предположил, что выживший гвардеец забрал оружие с собой.

Принюхавшись, Железный Воин присел рядом с телом, уже тронутым разложением, и заметил, что участок скалы рядом с ногами трупа изменил цвет. По одному виду он понял, что это кровь, а расположение пятна указывало, что кровь эта пролилась не из раны убитого.

Получается, Форрикс был прав. Где-то в горах бродил уцелевший гвардеец -- и крайне изобретательный гвардеец, насколько мог судить Делау. Внимательно оглядев окружающую местность, он пришел к выводу, что человек, решивший отомстить Железным Воинам, мог пойти только в одном направлении -- на северо-запад, через узкий горный кряж, откуда было бы легче наблюдать за врагом.

Делау собрал своих солдат и двинулся вверх по склону, довольно ухмыляясь под визором шлема: ему предстояла схватка с достойным противником.

Хоук перебрался через неровный скальный выход и, тяжело дыша, продолжил путь по крутому склону горы.

Он уже преодолел три километра по крайне пересеченной местности; нужно было пройти еще два до наступления сумерек, и он был полон решимости достигнуть намеченной точки в срок.

Изматывающая усталость наполняла все тело, но сейчас у Хоука была цель — настоящая цель. Он вскарабкался на относительно ровный участок скалы и остановился на минуту, чтобы перевести дыхание. Пеленгатором проверил свое местоположение; он знал, куда ему было приказано идти, но не знал, что обнаружит, добравшись до указанной точки. Ранее этим же днем сам подполковник Леонид передал ему задание по воксу, и Хоук заверил командира, что справится.

— Ты не можешь не справиться, — сказал ему тогда Леонид, — вся надежда только на тебя.

Хоуку это показалось несколько телодвигательным, но вслух он ничего не сказал — слишком велико было удовольствие от того, что ему доверили столь важную миссию.

--- Ну вот, Хоук, --- хихикнул он про себя. --- Когда вернешься домой, тебя будет ждать офицерское звание.

Он протер потный лоб рукавом, развернул один из последних пайков, сжевал остатки высококалорийного батончика, а затем со стоном вновь поднялся на ноги. Собственное здоровье поражало его, и это при том, что уже более двух недель он не принимал детокс. Его тело стало более поджарым, мускулы, особенно на ногах, окрепли. Хоук улыбнулся, внезапно поняв, что впервые за много лет находится в отличной физической форме. Начавшее натечаться брюшко исчезло, и дышалось легко, как никогда.

Правда, запасы воды и еды почти иссякли, но подполковник Леонид заверил его, что они уже работают над решением этой проблемы. Хоук доел остатки батончика, выбросил обертку и прищурил глаза в свете солнца, уже перевалившего за зенит.

--- Ладно, приятель, если будешь вот так просто стоять, то никогда не доберешься до цели, --- сказал он сам себе и

полез дальше по скалистому склону.

Его путь сквозь полуденное некло продолжался.

Вобан и стоявший рядом Леонид смотрели на разноцветные вспышки, расцветавшие у них над головами каждый раз, когда снаряды врага сталкивались с невидимым энергетическим полем, защищавшим пространство за куртеной. Наблюдатели, расположившиеся в блокностах на северной стороне, следили за щитом на случай возможных прорех. Щит был не сплошным, и то и дело отдельные снаряды прорывались вовнутрь, чтобы взорваться на территории, считавшейся безопасной. Наблюдатели не могли заблаговременно предупредить о таких попаданиях, но хоть какое-то предупреждение было лучше, чем ничего. Увновь Вобан почувствовал, как при мысли об архимагосе Амаэтоне его переполняет гнев.

Когда снаряды в первый раз прорвались сквозь щит, кастелян в бешенстве провел целый час, дожидаясь, пока его соединят с Храмом Машины по

голо-связи. Пытаться увидеть архимагоса лично было бы еще большей тратой времени.

--- Почему щит не держится? --- требовательно спросил Вобан, как только связь была установлена.

--- На поддержание такого... обширного энергетического барьера... требуются большие... усилия, --- ответил архимагос, голос его постоянно прерывался. --- Огромная сила нужна для... обеспечения оптимального функционирования всех остальных систем и щита... одновременно.

--- Тогда пусть все остальные системы уйдут к черту, --- равкнул Вобан. --- Если вы не удержите щит, очень скоро других систем просто не останется!

--- Этого не может быть, --- отрезал Атаэтон и прервал связь. После этого, как ни утешал Вобан, архимагос ни разу не ответил на вызовы.

Возможно, Наицин был прав, возможно, не будь Атаэтона, всем стало бы легче. Более того, после прерванного разговора с архимагосом Наицин лично обратился к Вобану, намекая, что

подобное развитие событий вполне можно устроить.

Но сейчас Вобан выкинул проклятого архимагоса и его подчиненных-интриганов из головы, сосредотачиваясь вместо этого на неотложных делах.

— Есть новости от Кристана и Ангерса? — спросил он Леонида.

Тот кивнул:

— Пока все идет по плану. Всем солдатам, участвующим в операции, уже выданы оружие, боеприпасы и взрывчатка, а штурмовые отряды уже выходят на точки сбора.

Вобан поднял взгляд к багровым небесам; день шел на убыль, и полуденный зной уступал место вечерним сумеркам.

— Хоть бы побыстрее стемнело. У меня уже нет сил ждать.

— Говорят, что ожидание — самое трудное, сэр.

— И ты согласен с этим, Михаил?

— Ну уж нет, — усмехнулся Леонид. — Ником образом. Я лучше буду ждать.

Вобан сверился с картанным хронометром и нахмурился.

--- Что слышно от Хоука?

--- Пока ничего, сэр, но надо дать ему больше времени.

--- Лучше бы он побыстрее добрался до места, иначе того лагоса, которого ты раздрабыл, хватятся коллеги, и он начнет болтать. Мне очень бы хотелось этого избежать, Михаил, -- по крайней мере, до тех пор, пока для их вмешательства не станет слишком поздно.

--- Мы должны дать Хоуку еще немного времени, ему предстоит трудный путь, -- настаивал Леонид.

--- Ты думаешь, он справится, если сумеет добраться до цели?

--- Полагаю, справится. В личной характеристике указано, что его умственные способности выше среднего, и он уже не то воплощение позора, которого мы знали под именем гвардейца Хоука. Теперь он настоящий солдат.

--- А чем объяснить, что он до сих пор не утер от поражения легких? Он утверждает, что не принимал таблеток детокса больше недели.

--- У меня пока нет этому объяснений.

Я спросил у представителя Магос
Биологис, сколько, по его оценкам, Хоук
еще может продержаться, но он выражался
очень расплывчато и ответил, что точно
здесь сказать ничего нельзя.

--- Император защити нас от
вмешательства Agentys Механикус, ---
Вобан покачал головой.

--- Аминь, сэр, --- отозвался Леониг. ---
А что насчет новоприбывших? Они
согласны с нашим планом?

Вобан улыбнулся, хотя в улыбке этой
не было теплоты.

--- О да, они безоговорочно нас
поддерживают.

Леониг кивнул, но ничего не сказал,
заметив, как рука кастеляна сжала эфес
силового меча. Оба офицера были в полном
боевом облачении и приложили немало
усилий, чтобы у их подчиненных не
осталось сомнений в том, что командиры
готовы к битве. Вобан облачился в
парадный мундир, поверх которого надел
нагрудник; бронзовый орел на серебряном
госпехе сверкал, отполированный до блеска.
Нагрудник Леонида был из бронзы, но в

полировке ничем не уступал. Вмятина в центре -- напоминание о той атаке, в которой подстрелили Леонида -- была выправлена, и броня выглядела, как новая.

-- Сколько еще осталось? --
поинтересовался Вобан.

Леонид взглянул на темнеющее небо и ответил:

-- Уже недолго.

Горан Делау вертел в руках пустую батарею от вокса и гвардейский паек, как будто одно прикосновение к вещам жертвы могло помочь ему лучше понять ее характер. Выживший солдат оставлял за собой настоящий мусорный след, и восхищение, которым Делау вначале проникся к гвардейцу, сейчас поубавилось. Человек даже не пытался замести следы, оставляя отходы своей жизнедеятельности на виду так, что даже начинающий охотник с легкостью мог их обнаружить.

По расчетам Делау, жертва опережала преследователей не более чем на час, и такое отсутствие стекалки со стороны врага раздражало. Вместо

состязания с достойным противником
охота теперь свелась лишь к тому, чтобы
заманить добычу в ловушку и убить ее.

Его отряд уменьшился всего до шести
человек. Один сорвался с края широкой
расщелины, через которую им пришлось
перепрыгивать; трех других Делау убил
собственноручно в наказание за
недостаточные мастерство и
выносливость. Эти потери не имели
никакого значения: он был уверен, что
сумеет убить жертву даже в одиночку.

Куда бы ни направлялся выживший, в
конце пути его, должно быть, ждало нечто
важное, так как последние несколько часов
он неизменно двигался в одном
направлении; Делау не имел
представления о цели его путешествия, но
точно знал одно: там же жертва найдет и
свою смерть.

Хоук сверился с пеленгатором,
точная, где находится — из-за
сгущавшейся тьмы он мало что мог
видеть вокруг. Он стоял на ровном плато
высоко в горах, где неумолчный гром
вражеской артиллерии превратился в

далекий гүл. Дышать было трудно; Хоук
потер пот со лба, довольный тем, что,
несмотря на усталость, все-таки добрался
до нужного места -- где бы оно ни
находилось -- засветло.

Вокруг не было ничего
примечательного: только гряда камней,
приваленная к главному, словно срезанному
склону, хотя земля здесь казалась
выжженной, как будто после серии взрывов.
Хоук стянул с плеч рюкзак, достал
переносной вокс и разразился проклятиями,
убирав, что у него осталась всего одна
батарея.

Он вставил батарею на место и
нажал руну активации, глубоко вздохнув,
когда лицевая панель обнадеживающе
засветилась; затем поднял трубку,
настроился на нужную частоту и нажал
на переговорную кнопку.

-- Хоук вызывает Бастион, как
слышите?

После секундного хрипения вокс
передал ответ:

-- Слышим вас громко и разборчиво,
Хоук. Говорит магос Бове; вы достигли

заданных координат?

--- Да, и отсюда открывается прекрасный вид, но в остальном здесь нет ничего интересного.

--- Опишите, что вы видите, --- приказал Бове.

--- Да почти ничего. Тут все плоское, есть только какая-то груда камней --- и все.

--- Идите к этой груде и скажите, что там.

Ладно, --- ответил Хоук, перетащил рюкзак и вокс к камням и взгляделся в темноту. Сделал шаг вперед, стахнул толстый слой пыли. --- Там позади есть дверь! Камнепадом ее практически закрыло, но это точно дверь!

--- Рядом с дверью есть кодонаборная панель?

--- Да, ее слегка присыпало пылью, но выглядит целой.

--- Отлично, тогда вот что вам нужно сделать, --- начал объяснять Бове. --- Воспользуйтесь этой панелью и введите следующий код: терциус --- три --- альфа --- ипсилон --- девять.

Прижатая трупку к уху плечом, Хоук набрал ког и сделал шаг назад, когда дверь отъехала в сторону, вибрируя на погнувшихся направляющих. Из открывшегося прохода вырвался слабый порыв ветра, похожий на последний вздох утирающего, и Хоук вздрогнул.

--- Так, дверь открыта. Думаю, мне надо войти, --- сообщил он.

--- Да, заходите внутрь, --- одобрил Бове, --- и ни в коем случае не отклоняйтесь от моих указаний.

--- Вы что, думаете, я хочу там себе экскурсию устроить?

Пригнувшись, Хоук нырнул под катенный свод и вступил в темный коридор. Нога его за что-то зацепилась, его качнуло вперед, затем он наступил на что-то мягкое и упал --- и немедленно вырвался, оказавшись нос к носу с трупом. Чье лицо застыло в предсмертной гримасе. Хоук вскрикнул и ползком попытался к входу, где в свете, проникавшем снаружи, увидел еще три тела.

На руках трупов виднелась засохшая кровь, на двери с ее внутренней стороны ---

кровавые отпечатки.

--- Милостивый Император, тут повсюду мертвецы! --- заорал Хоук.

--- Орбитальная бомбардировка незначительно отклонилась от цели, и удар пришелся в склон горы, а не в сам объект. Мы считаем, что взрывы вызвали обвал, в результате которого воздухоочистительные сооружения оказались погребены под обломками, и люди внутри объекта задохнулись.

--- Задохнулись? А почему тогда у них рвоты в крови?

--- Логично предположить, что персонал комплекса попытался выбраться наружу, как только стало ясно, что подача кислорода нарушена, --- бесстрастно ответил Бове, не проявляя ни тени сострадания к погибшим.

--- Но почему они не смогли выйти? --- спросил Хоук, медленно восстанавливая дыхание.

--- У персонала комплекса не было доступа к кодам, открывающим внешние двери. В критической ситуации это означало бы угрозу безопасности.

--- У поэтому ил пришлось утереть?
Ты бессердечный ублюдок!

--- Всего лишь необходимая мера предосторожности, о которой знают все работающие в подобных комплексах. А теперь давайте продолжим. Посмотрите, нет ли на шее начальника комплекса бронзового ключа? Если есть, то возьмите его.

Поборов брезгливость, Хоук обыскал трупы и обнаружил ключ на третьем по счету теле, после чего пообещал себе, что если выберется из этой передраги живым, то обязательно найдет Бове и хорошенько ему врежет. Положив ключ в карман и переступив через трупы, он пошел по коридору; воздух здесь был застоявшийся, и каждый вздох вновь заставлял Хоука хрипеть.

--- Я едва могу тут дышать, --- пожаловался он.

--- У вас есть дыхательный аппарат, который можно было бы пользоваться до тех пор, пока в комплекс не проникнет свежий воздух снаружи?

--- Ага, есть, --- грубо ответил Хоук.

Порывшись в рюкзаке, он извлек громоздкий дыхательный аппарат и натянул его на голову, после чего включил установленный над маской фонарь.

Перед ним, уходя во тьму, простирался коридор с гладкими стенами, и Хоук начал спуск. Следуя указаниям Бове, он прошел мимо нескольких железных дверей, рядом с которыми были кодовые панели без какой-либо маркировки, кроме знака шестерни — символа Агентств Механикус. Собственное дыхание громко отдавалось в ушах Хоука, стук стертых каблучков его сапог и металлический голос Бове эхом метались между стен, а тьма, гдѣ рассеиваемая фонарем, казалось, делала все звуки еще громче. С каждым шагом вглубь горы он чувствовал, как нарастает внутри него тревога, и ничего не мог с этим поделать. Наконец указания Бове повели его к ничем не примечательной двери, нагнись на которую он прочитать не мог, но изображенный там символ явно предупреждал об опасности. Хоук поднес переговорное устройство к губам:

--- Я пришел. И что теперь?

--- Воспользуйтесь ключом, который вы забрали у начальника комплекса, и отперите дверь.

Хоук вытащил ключ из кармана и сделал, как ему велели. Дверь со щелчком открылась, из помещения пахло машинным маслом и благовониями. Внутри было темно, и Хоук, переступив порог, огляделся, отчего луч фонаря описал в черноте яркую дугу.

Насколько он мог видеть, помещение имело круглую форму; голые стены окружали огромный белый столб в центре, который занимал почти все пространство зала. Рядом с Хоуком к рокритовой стене была прикреплена металлическая лестница, уводящая вверх, в темноту, и он в изумлении уставился на грандиозный предмет перед собой.

Протянув руку, Хоук прикоснулся к его поверхности. На ощупь та была теплой, под ней как будто чувствовалось движение, но он приписал это ощущение своей разыгравшейся фантазии. Основанием белый столб уходил в большое

углубление в полу, и когда Хоук заглянул
через край, то увидел внизу огромные
сопла, отчего на ум сразу пришли снаряды,
которые использовали отряды тяжелого
оружия, но эти сопла были больше...

Гораздо больше...

Хоук изогнул шею, пытаясь
рассмотреть, на какой высоте был
потолок зала, и внезапно все понял.

--- Это то, что я думаю? --- спросил он
Бове.

--- Зависит от того, о чем вы
думаете, но я могу сообщить вам, что это
орбитальная торпеда наземного
базирования класса «Глефа».

--- Проклятье, и что, по-вашему, я
должен с ней делать? --- пролепетал Хоук.

--- Гвардеец Хоук, вы должны ее
запустить, --- сообщил ему магос Бове.

Глава 5

Кастелян Претр Вобан и почти две тысячи человек, следовавших за ним, перебрались через ров у цитадели и бросились к возвышавшемуся впереди укреплению Железных Воинов. В этой атаке не было боевых кличей, не было возгласов ярости — только молчание, которое хранили солдаты, понимая, что ради успеха операции они не должны обнаруживать себя. Лица их были покрыты сажей, а небесно-голубая униформа осталась в казармах, уступив место черным бронежилетам.

Преодолев ров, штурмовые отряды Леонида присоединились к подрывным командам и рассредоточились. Вобан понимал, что эта атака была крайне рискованным предприятием, но, как верно заметил его заместитель, у них не оставалось другого шанса, кроме как уничтожить орудия противника. Не решились они на эту попытку, и Железные Воины просто обратили бы цитадель в

пыль.

Грядущая битва наполняла Вобана возбуждением, к которому прилеживался страх: слишком давно он не вел людей в бой.

Он крепче прижал к груди болт-пистолет и побежал, пригнувшись и с трудом дыша. До линии врага оставалось еще несколько сотен метров. Вобану казалось, что его тяжелое дыхание создает просто адский шум, а глухой топот сапог по пыльной земле звучал, словно громоздкая поступь титана, но пока что никто не поднял тревогу. Может быть, эта отчаянная атака еще увенчается успехом.

Даже в сумраке Вобан мог различить чью-то голову, видневшуюся над краем вражеских укреплений; он стал отсчитывать секунды, остававшиеся до начала битвы.

Им нужно было лишь еще немного времени.

Юрайа Клейн взобрался на земляной вал и, прислонив ружье к неровному парапету, взгляделся в темноту. Там,

перед укреплениями, что-то шевелилось, но он не мог рассмотреть, что. Лорд Кроазер поручил ему охранять эти орудия, и Клейн знал, что командира лучше не подводить, но мерцание огней и шум, исходившие от огромного лагеря, мешали разглядеть то, что скрывалось во тьме.

За спиной Юрайи остались несколько сотен солдат: часть из них спала на стрелковой ступени, а чуть дальше в сырых землянках остальные пили спиртное из жестяных кружек. Он глянул вниз и ннул спавшего Ёошу -- у того, кажется, были окуляры, хоть и потрепанные, но с ночным видением.

-- Эй, Ёоша! Давай просынайся, ты, бесполезный кусок сам знаешь чего, -- прошипел Клейн.

В ответ Ёоша пробормотал что-то неразборчивое и невежливое, после чего перевернулся на другой бок. Клейн ннул снова.

-- Проклятье, Ёоша, просынайся же! Дай мне свои стеклашки!

-- Что? -- пробормотал спросонья Ёоша. -- Мои очки?

--- Да, кажется, за укреплениями кто-то есть.

Товарищ Клейна что-то проворчал, но все же поднялся, протер глаза грязными руками и широко зевнул, после чего попытался хоть что-нибудь рассмотреть в темноте.

--- Да нет там ничего, --- сонно констатировал он.

--- Посмотри через очки, идиот.

Удостоив сослуживца уничижительным взглядом, Ёоша достал потемневшие от времени полевые окуляры. Стекла их странным образом выгнулись вперед, после чего солдат надел прибор на бритую голову и, подперев подбородок ладонями, окинул взглядом равнину.

--- Ну? --- не отставал Клейн. --- Видишь что-нибудь?

--- Ага, --- шепотом ответил Ёоша. --- Там что-то движется. Приближается. Похоже на...

--- На что?

--- На...

Но ответа Клейн так и не дождался. Что-то резко прожужжало мимо, и

затылок Цоши превратился в месиво из разбитой кости и крови. Тело солдата медленно осело и рухнуло с паранета.

--- Зубы Кхорна! --- выругался Клейн, отшатнувшись назад, и отвернулся от обезглавленного трупа, чтобы посмотреть на пространство перед земляными укреплениями. Тут же мимо него опять пронеслось что-то жужжащее, и совсем рядом взметнулся фонтанчик земли.

Снайпер!

Клейн нырнул за паранет и передернул затвор ружья, то и дело оглядываясь по сторонам. Справа и слева от него часовые падали один за другим --- без сомнения, работа имперских снайперов на стенах рavelина. Он еще раз ругнулся: тут явно готовилась атака!

Перебираясь через спящие тела, он пополз по стрелковой ступени к сигнальной сирене и поднялся на ноги только у деревянного бруса, на котором был закреплен рупор громкоговорителя.

Клейн взялся за пусковую рукоятку, но услышал топот сапог, приближавшийся к паранету, и понял, что времени почти не

осталось. Он провернул рукоятку, и сирена надрывно завывала — все громче и громче по мере того, как солдат крутил рукоятку все быстрее. В деревянный брус врезалась пуля, Клейн вздрогнул от полетевших в него щепок, выпустил рукоятку сирены из рук и схватился за ружье.

Топот слышался уже на укреплениях ниже паранета. Проклятые имперцы! На дальней стороне паранета что-то заскреблось — руки тех, кто пытался вскарабкаться наверх, — и Клейн зарычал, радуясь возможности убивать.

Никакое гвардейское отребье не пройдет мимо Юрайи Клейна!

Яростно взревев, он встал в полный рост, поднял ружье — и столкнулся лицом к лицу с гигантским воином в желтых доспехах, в руке которого был потрескивающий силовой меч, а на нагруднике алел имперский орел.

— Что за... — только и успел проговорить Клейн, после чего меч Астартес из ордена Имперских Кулаков разрубил его надвое.

Ночь прорезал вой сирен, и Вобан

понял, что с исчезновением элемента неожиданности у них оставался только ограниченный промежуток времени, за которым неизбежно должно было последовать отступление. Он начал подниматься по крутому внешнему склону укреплений, используя рукоятку пистолета в качестве опоры, а его солдаты уже перебрались через паранет. Теперь, когда соблюдать тишину не имело смысла, они давали выход своей ярости в крике.

Рядом взорвалась граната, на Вобана посыпалась земля, и он поскользнулся, отчаянно пытаясь ногами нащупать опору. Откуда-то сверху к нему протянулась рука в латной перчатке, схватила его за запястье и, без труда перетащив через паранет, поставила на стрелковую ступень рядом с обезображенным трупом. Вновь оказавшись на ногах, Вобан быстро обнажил меч, а костический десантник, которой помог ему, уже отвернулся и открыл огонь из болт-пистолета по толпе вражеских солдат. Его собратья с боем прокладывали себе путь в траншеи, в то время как Имперская гвардия заняла

батарею.

--- Спасибо, брат-капитан Эшара, ---
едва переведя дыхание, сказал Вобан.

Капитан Имперских Кулаков кивнул,
вставил в болтер новый магазин, после
чего ответил:

--- Поблагодарите меня позже, а сейчас
--- за дело, --- и, развернувшись, бросился в
атаку со стрелковой ступени.

Стрельба и взрывы подсвечивали
траншеи и землянки неровными
вспышками; крики солдат и вопли раненых
слились в какофонию, на фоне которой
разворачивалось наступление. Сотни
джуранцев сплошным потоком
переливались через укрепления, убивая
всех, кто стоял у них на пути.
Большинство солдат Хаоса оказались
застигнуты врасплох, и войска Империи
не щадили неготового к битве врага.
Штурмовые группы устроили настоящую
бойню, они расстреливали солдат
противника прямо там, где они лежали,
еще не очнувшись от сна, и закалывали
штыками тех, кто уже начинал тянуться
к оружию.

На этой позиции были размещены пятнадцать гигантских боевых машин: огромные гаубицы и длинноствольные пушки, в дульном срезе которых человек мог встать во весь рост. На бронзовых пластинах, прикрученных к лафетам, были изображены черепа и нечестивые символы, вокруг гусеничных движителей обвивались толстые цепи, надежно зафиксированные болтами к большим кольцам. Осадные машины излучали ауру ужасной угрозы, и Вобан нутром чувствовал: что-то с ними не так. Он ни на мгновение не усомнился в том, что подобные святоотечественные творения не имеют права на существование.

Имперские Кулаки зачистили территорию батареи, убив оружейные расчеты, и установили линию охранения так, чтобы остановить контратаку со стороны параллели и апрошей, которая должна была неизбежно последовать.

Спрыгнув со стрелковой ступени, Вобан крикнул:

— Подрывная команда Альфа, за мной!
Команда Браво — с подполковником

Леонидом!

Следом за ним к орудиям бросились двенадцать человек; даже сквозь треск стрельбы Вобан почувствовал пульсацию чудовищного, демонического дыхания и вздрогнул. Эта пульсация была где-то на грани слышимости и тяжелой вибрацией отзвучивалась в костях. Перешагивая через трубы, Вобан быстро двинулся к демоническим орудиям, и по мере того как он и его солдаты подходили все ближе, чувство неправильности лишь усиливалось. Едва он ступил на металлическое покрытие, к которому были прикованы машины, как все его тело пронзила мучительная боль, от которой внутренности сжались в спазме, а колени подогнулись. Вобана охватил ужас: в его разуме возникло четкое понимание того, что одно лишь прикосновение к этим нечистым монстрам закончится смертью.

Он видел, что и другие испытывали такие же ужас и отвращение. Как только дьявольская аура, окружавшая эти кошмарные орудия, коснулась солдат, многие рухнули на колени, некоторых

начало рвать кровью. Машины войны
радостно вкушали красную жидкость, и
пог лязг цепей и стон металлического
настила от выстроившихся в одну линию
орудий начало исходить низкое гудение.

Перестрелка у края батареи
усилилась, и Вобан понял, что Железные
Воины, боявшиеся потерять свою адскую
артиллерию, перешли в контратаку.

Но их наступление не могло вот так
закончиться — не сейчас, когда они уже
были так близки к цели!

Вобан заставил себя встать, сжал
зубы, борясь с приступом тошноты, и
рывком поднял на ноги ближайшего к нему
бойца.

— Давай же, будь ты проклят!
Поднимайся, солдат!

Схватив подрывные пакеты, гвардеец,
шатаясь, пошел за Вобаном, но с его лица
не сходило выражение страха и
мучительной боли. С трудом передвигаясь,
они направились к ближайшему орудью, и
цепи машины яростно зазвенели, а из
изъеденных коррозией решеток
взметнулись выхлопы пара. В глазах у

Вобана полумглолось, как будто он смотрел на нечеткое голо-изображение; он закусил губу, чтобы не закричать, и во рту появился горький металлический привкус.

А потом страх и боль исчезли так же внезапно, как и появились, словно кто-то загнул свечу. Сознание Вобана освободилось от тяжкого груза, давившего на него, легкие сделали глубокий вдох, он сплюнул кровь — и быстро обернулся, услышав за спиной громогласный речитатив.

Один из Имперских Кулаков, чью желтую броню с наплечником, выкрашенным в синий цвет, украшали печати чистоты, широким шагом направлялся к демоническим машинам, и голос его звучал чисто и твердо. В руке он держал резной посох черного дерева, вокруг которого плясали дуги голубого света. Имени воина Вобан не знал, но слова, им произносимые, выдавали в нем псайкера, одного из библиариев Оргена. Каким-то образом он мог противостоять разрушительной силе адских машин и сейчас защищал гвардейцев от их

убийственного влияния.

От символов и знаков на бронированных корпусах исходили потоки невидимой энергии; Вобан видел, как по лицу библиария текут ручейки пота, как пульсирует вена на виске, и понимал, что воин из последних сил сдерживает рвущихся на свободу духов бездны.

Библиарий дал им всем шанс, но не то, чтобы воспользоваться им, оставалось очень мало времени.

--- Быстрее! --- закричал Вобан, перекрывая грохот взрывов и стрельбы. --- Подрывные команды: установить заряды, а потом убираться отсюда!

Подрывники поднялись со стального покрытия батареи и приступили к размещению зарядов на наиболее уязвимых местах каждой машины, следуя в этом указаниям лучших офицеров Вобана по вооружению. Орудия метались, стараясь разорвать цепи, в ярости от того, что не могли прикасаться руки презренных мертвых.

Закончив с одной машиной, подрывная команда перешла к следующей, и тут в

вокс-бүсине в үхе Вобана раздался голос капитана Эшары:

--- Кастелян Вобан, мы должны отступить! Враг приближается, они значительно превосходят нас числом и тяжелым вооружением. Мы не продержимся долго.

--- Слишком рано! --- крикнул в ответ Вобан. --- Дайте нам время установить заряды, а потом отходите! Вы нужны нам живыми!

--- Сколько вам нужно времени? --- спросил Эшара; его было едва слышно из-за перестрелки и взрывов, гремевших совсем рядом.

Вобан глянул на ряд машин, рвавшихся со своих мест.

--- Дайте нам четыре минуты!

--- Постарается! Но будьте готовы двигаться, как только увидите, что мы отступаем!

--- Подождите минутку! --- огрызнулся Хоук. --- Подсоединить бронзовый кабель со священным символом ореола к двутитифтам... с помощью чего?

Даже по вокс-связи в голосе мага

чувствовалось еле сдерживаемое
нетерпение:

--- Бронзовый кабель подсоединяется к
штифтам с помощью символа
полшестерни. В точности как я и
говорил раньше. Как только вы...

--- Пстойте, пстойте, --- проворчал
Хоук, возясь с зажиматаи на конце кабеля и
в то же время пытаясь найти нужные
штифты и при этом удержатъ кабель над
обнаженными электрическими схематаи.
Фонарь на его дыхательной маске светил
все слабее, и теперь приходилось
щуриться, чтобы разглядеть символы, с
которых говорил Бове. Ага, вот оно! Хоук
защелкнул зажимы на штифтах, которые
тут же заискрили, обжигая его пальцы. Он
отшатнулся, почти потерял равновесие,
но успел ухватиться за стальные мостки,
на которых лежал, и постарался забыть о
расстоянии, отделявшем его от пола.
Мостки были сконструированы надежно,
болтатаи прикреплены к стенам и шли по
периметру всего зала, образуя вышку для
обслуживания торпеды, но Хоук сильно
сомневался, что они предназначались для

запуска торпеды вручную. За его спиной осталась решетка, а за ней в стене --- проход, погруженный во тьму.

Ему понадобилось двадцать долгих минут на то, чтобы взобраться по лестнице, найти на боку торпеды нужную съёмную панель и, воспользовавшись ножом Хитча, открутить священные винты, которые удерживали ее на месте. За прошедший после этого час он пережил два легких электрошока, три раза обжог пальцы и чуть не свалился на рокристовый пол с высоты в тридцать метров, а потому был на данный момент глубоко несчастлив. Успокоив дыхание, он жалобно проговорил в вокс:

--- Проклятье, могли бы и предупредить!

--- Готово?

--- Да, готово.

--- Очень хорошо, теперь торпедариведена в боевое положение.

Внезапно и очень четко осознав, что его голову и это боеготовое чудовище разделяет меньше метра, Хоук пополз назад по мосткам.

--- В боевое положение, да. И что дальше?

--- Теперь мы должны сообщить духу войны, заточенному внутри торпеды, местоположение его жертвы.

--- Угу, --- буркнул Хоук. --- Как конкретно мне это сделать?

--- Вам --- никак. Эту священную миссию я возьму на себя. А теперь отключите красно-золотой кабель с ручкой телеметрии, а затем...

--- С ручкой чего? Просто скажите, как выглядит эта хреновина.

Бове вздохнул.

--- Она напоминает крылатый треугольник с шестерней в середине. Кабель соединен с камерой самонаведения духа войны --- это такая золотая коробочка на панели. Когда отсоедините кабель, подключите его к разъему для вывода данных дистанционной триангуляции на вокс-аппарате и ждите. Как только огни на воксе перестанут мигать, вновь подсоедините кабель к камере самонаведения.

Хоук нашел нужный инструмент и

отключил его от панели, после чего
ругнулся, обнаружив, что кабель был не
более пятнадцати сантиметров длиной.
Он подтащил вокс-передатчик к краю
мостков, прислонил его к стойке и,
подключив кабель, стал следить за
лицевой панелью вокса. Яркость ее
померкла, огоньки вокруг верньера тизали,
складываясь в странные рисунки,
оперевшись на локоть, Хоук ждал, пока
программа закончит последовательность
операций, и рассматривал нос гигантской
торпеды.

Нос этот был неправильной округлой
формы, но обтекателью спиралью шла
борозда с неровными краями, и Хоук
предположил, что предназначена эта
борозда для того, чтобы торпеда легче
пробивала толстый корпус костического
корабля и взрывалась уже глубоко внутри.

Он прождал несколько минут; наконец
тизание на панели вокса прекратилось, и
он вновь подключил кабель к торпеде. Ему
послышался какой-то шум внизу, он глянул
через край мостков, но, ничего не
обнаружив, не придал шуму внимания и

сосредоточился на деле. Но вокс снова зазвучал голос Бове:

--- Теперь духу войны известна его жертва. Хоук, сейчас вы должны произнести Молитву Пробуждения, которая начнет охоту.

--- Лагно, Молитва Пробуждения... А что потом?

--- Просто нажмите руну запуска на...

Бове не договорил: шквал болтерного огня обрушился на вокс и разнес его на мельчайшие осколки. Хоук в панике подпрыгнул, почти свалился с мостков, но успел ухватиться за перила.

--- Священная кровь Императора! --- выругался он, подобрал ружье и прижался спиной к металлической решетке в стене. Сердце колотилось в груди, воздух с трудом проходил сквозь гортань. Что, черт побери, происходит?

Он решил рискнуть и перегнулся через край мостков, чтобы глянуть вниз, и увидел гиганта в силовой броне серо-стального цвета. Болтер в его руке еще дытил, на плечо шевелилась механическая клешня, а вокруг воина

столпились солдаты в красных комбинезонах, целившиеся вверх из ружей.

До Хоука донесся голос, глубокий и полный угрозы:

--- Ты утреешь, человечек. Ты заставил нас побегать, но теперь все кончено.

--- О, чертчертчерт, --- зашептал Хоук, крепко зажмурившись.

Первый подрывной заряд сработал, выбросив столп ослепительного огня, и цепи и крепления на демонической машине, стоявшей первой в ряду, обратились в ничто. Сгорели с таким трудом нанесенные на металл символы магической защиты, расплавились, не выдержав вулканического жара, механические части, и вопль машины, словно хлыстом ударив по батарее, стал знаком того, что ужасающая тварь, ранее заключенная в ее корпусе, вырвалась на волю.

Тех, кто оказался рядом, сбило с ног, но не ударной волной, а силой этого крика. Сила империума вихрем пронеслась по рядам гжуранцев, людей выворачивало наизнанку и разрывало изнутри в

ураганном водовороте энергии эфира, в котором возникали, перетекая одна в другую, безумные формы и линии, пока с последним воплем агонии демоническая сущность не рассеялась.

Услышав хриплый крик одной из inferнальных сущностей, Хонсю послал очередное проклятие в адрес Кроагера. Солдатам именно его роты было поручено охранять этих бесценных чужовиц --- чужовиц, для призвания которых потребовались не одна тысяча жертвенных жизней и договор с темными силами. И где теперь были эти солдаты? Ответ напрашивался сам собой: упились убийством где-то в другом месте, утоляли свою жажду крови на оргии смерти.

Он успел пригнуться, когда край окна изрешетили выстрелы, а группу солдат --- простых смертных --- разорвало в клочья. Хонсю передернул затвор на собственном оружии, но внезапно понял, что выстрелы, которые только что прозвучали, были сделаны из болтера. Перешагнув через залитые кровью тела, он осторожно

выглянул из-за поворота в окне — и увидел
костического десантника в желтом
доспехе. С позиции, которую тот занял,
простреливался весь окон, и пробраться
мимо него по узкому коридору, вырытому в
земле, не представлялось возможным.

За спиной Хонсю толпилось
несколько сотен солдат; сугорожно сжимая
в руках примитивные ружья и пригибаясь
от пуль, они выжидательно смотрели на
него, надеясь, что он скажет им, что
сделать. Зарывав, Хонсю выхватил одного
из толпы и отшвырнул в апрош. Солдат
грудно рухнул на землю, попытался
подняться и тут же был продырявлен
болтерными снарядами.

Не успел убитый упасть, как Хонсю,
пригнувшись, метнулся за поворот в
дальнее и выпустил несколько коротких
очередей по врагу. Доспех десантника не
выдержал, и противник повалился на
землю. Хонсю сжал зубы, увидев символ на
левом наплечнике воина: сжатый черный
кулак.

Имперские Кулаки! Древний враг,
источник порчи в его крови, единственная

причина, из-за которой ему
тысячелетиями приходилось сносить
унижения от тех, кто даже не достоин
был сражаться рядом с ним. Ослепленный
яростью, Хонсю ринулся через заваленную
телами траншею, не думая больше ни о
чем, кроме расправы над Кулаками. У
входа на батарею показался еще один воин
в желтой броне; он уже целился из
болтера, но Хонсю оказался проворнее и
первым разрядил обойму в ненавистного
врага.

Болты срикошетили от брони
десантника, вызвав снопы искр и изрыв
землю вокруг. Хонсю заорал от бешенства,
отбросил опустевший болтер и обнажил
меч, в то время как воин перед ним упал
на одно колено и тщательно прицелился.

Он ощутил несколько ударов в грудь,
но ничто -- даже смерть -- не могло
помешать ему добраться до врага. Не
обращая внимания на боль, Хонсю из всех
сил ударил десантника ногой по
нагруднику и, когда противник упал, одним
резким ударом сверху вниз вогнал меч
тому в грудь по самую рукоятку.

На него брызнула кровь, и в тот же момент на батарее прозрел новый взрыв, уничтоживший в пламени очередную демоническую машину. Крик демона заглушил даже грохот взрыва, и Хонсю пошатнулся под психической ударной волной. Его пронзила древняя злоба существа, уже бывшего неизмеримо старым до того, как зародилось человечество. Он возликовал, чувствуя безграничную ненависть демона, и тело его налилось новой силой, и презренная плоть стала на мгновение вмещалищем для создания варна. Он широко раскинул руки, и из ладоней его ударили пучки черных молний.

Вырвавшиеся на свободу молнии обрушились на батарею, взметнули фонтаны земли, с одинаковой беспощадностью пронзая как машины, так и солдат, не делая различий между своим и чужим, и Хонсю наслаждался каждой разрушительной секундой, понимая, что эта сила была дарована ему лишь на время. После каждой молнии глаза еще долго обжигало яркими всполохами, и все равно он стаялся и один за другим швырял

разряды из энергии варна в лишившееся
всякого порядка смещение людей и машин.
Демоническая сила все прибывала, и тело
его начало расти, разрывая доспехи
изнутри. Суставы и сухожилия
растягивались, кости трещали, рот
широко раскрылся в немом вопле.

Но батарея прокатился гром еще
одного взрыва, и Хонсю почувствовал, что
еще одна проклятая сущность была
изгнана из своей железной тюрьмы. Демон,
завладевший его телом, внезапно
отступил, позволив носителю на
мгновение ощутить ту ненависть,
которую одно создание варна испытывало к
другому. Опустошенный, Хонсю упал на
колени и мог лишь наблюдать за тем, как
где демонические твари постепенно
поднимаются к небу, ни на минуту не
прекращая битву между собой. Он жаждал
вновь обрести подобную силу, хотя
прекрасно понимал, что был бы ею в итоге
уничтожен.

Нервные окончания начали
реагировать на ужасные повреждения,
причиненные демоном за то краткое

время, что он провел в теле Хонсю, и он застонал от боли, но вокруг уже собирались солдаты-смертные, налившие в гвардейцев и Астартес, и он с трудом поднялся на ноги.

Взрывы продолжались, и вновь раздался безумный крик. Демоническая машина, оковы которой были повреждены подрывным зарядом, с воем пыталась освободиться из-под власти магических заклинаний, заточивших ее в металл. Люди гибли, раздавленные под бронзовыми гусеницами, а затем Хонсю увидел, как огромное орудие медленно разворачивается в его сторону. Один за другим прогревели несколько выстрелов, и снаряды, пролетев у него над головой, разорвались где-то в самом сердце лагеря Железных Воинов, вызвав череду вторичных детонаций.

Морщась от боли в поврежденных плечах, Хонсю вытащил меч из тела, лежавшего у его ног. Многие Имперские Кулаки еще были живы, и он устретился на их поиски в пылающий ад, в который превратилась батарея.

Стены звенели от болтерных выстрелов так, что можно было оглохнуть, а бесконечный шквал пуль снизу ударял в мостки, на которых лежал Хоук. В отчаянии он изо всех сил ударил локтем по решетке у себя за спиной, при этом не прекращая палить вслепую из пистолета куда-то за край железного настила.

Несколько пуль срикошетили от бока торпеды, и воздух наполнился искрами и ружанью Хоука, опасавшегося, что проклятая машина вот-вот взорвется. По металлической лестнице рядом уже грохотали сапоги, и он успел откатиться от края как раз вовремя: над мостками показалось нездорового вида лицо, а под ним — красный вражеский воротник.

Хоук ударил со всего маху и локтем проломил мужчине нос, отчего лицо залилось кровью. Солдат инстинктивно потянулся к ране руками и тут же заорал, рухнув с лестницы.

— Там и оставайся! — рывком выдвинулся Хоук и быстро высунулся из-за края помоста, чтобы посмотреть на

нагающего врага. Мимо тотчас просвистела пуля, оцарапала ему висок, и он вскрикнул от боли. Рана обильно кровоточила, а по лестнице уже взбирался новый противник. Болтерный снаряд проделал дыру в рукаве и задел предплечье как раз той руки Хоука, которая держала лазган, отчего он немедленно уронил оружие, и только сделав резкий бросок, успел остановить его, прежде чем лазган упал за край мостков. А потом сверху на него обрушилось что-то тяжелое.

Вражеский кулак встретился с челюстью Хоука, но он предугадал направление атаки и увернулся. Оседлавший его солдат не сдавался и продолжал осыпая Хоука тупаками. На это Хоук ответил ударом в пах противника, а когда тот согнулся пополам, усилил эффект, боднув врага головой и из всех сил ударив его по шее ребром ладони, после чего схватил солдата за ворот комбинезона и, приложив напоследок головой к металлическому настилу, толкнул его с мостков.

Но перед ним, целясь из ружья, уже

стоял грудой солдат.

Хоук лягнул его изо всей мочи и впечатал тяжелые ботинки в колени врага. Враг взвыл и рухнул как подкошенный. Хоук выпустил в него целый стерч лазерных разрядов, которые ничего не оставили от грудной клетки солдата и попутно снесли решетку в стене за ним. Те, кто оставались внизу, продолжали стрелять, и Хоук поспешил откатиться от края мостков — и оказался нос к носу с открытой панелью на боку торпеды.

Как же, черт побери, ее запускают?

Он никак не мог вспомнить.

По лестнице опять кто-то лез, а индикатор заряда на ружье мигал красным. Хоук выругался: лазган почти разряжен. очередной солдат добрался до верха лестницы, и Хоук, выхватив из ножен на поясе предмет гордости Хитча (ныне усопшего), вознал лезвие джуранского боевого ножа в шею врага по самую рукоятку. Его с ног до головы оросило яркой артериальной кровью; отчаянно протирая глаза, Хоук пополз обратно к торпедке, не забыв вернуть нож на место.

Пальба внизу не прекращалась, но теперь, кажется, стреляли не в него. Хоук украдкой выглянул из-за края мостков и увидел, что гигант в доспехах сам расправился с оставшимися солдатами. Возможно, они не проявили должного энтузиазма и отказались идти навстречу судьбе, уже постигшей их соратников.

Хоук расплылся в улыбке. Винить их за это он бы не стал.

— Ты храбрее, чем я думал, человек, — сказал костический десантник, ставя ногу на ступень железной лестницы. — В знак почтения я дарю тебе самую жестокую смерть.

— Что ты, не стоит ради меня утруждать, — выкрикнул в ответ Хоук и несколько раз выстрелил из лазгана, но от оружия не было никакого толку. Вороненый доспех отразил разряды. Хоук заметался в поисках хоть чего-то более эффективно, и взгляд его упал на то, что уж точно могло прикончить негодяя.

Но как этим воспользоваться? Что там по этому поводу говорил Бове?

«Нажмите руну запуска на...»

На чем?

Хоук услышал, что воин начал подвиг, и закурил губу.

— Да пошло оно все, — объявил он, закрыл глаза, запустил руку внутрь открытой панели и всей ладонью надавил на все руны, кнопки и переключатели, до которых смог дотянуться.

Ничего не произошло.

— Император тебя поберет! — в отчаянии заорал Хоук. — Бесполезная железка! Давай запускайся, мерзавка, я кому говорю, запускайся!

Не успел он договорить, как зал наполнился низкой вибрацией, взревели сирены, а у потолка замигала череда огней. Хоук открыл глаза и истерически растеялся. Ну конечно! Молитва Пробуждения!

Внезапно в зале стало очень жарко, вдоль стен повалил пар, и один за другим заработали реактивные двигатели. Ай да Хоук, вот просто взял и сделал!

Но жара нарастала, и он подскочил на месте, вдруг осознав, в какой опасности оказался. Спуск по лестнице как вариант

сразу отпал, но тут Хоук заметил вход в туннель, до этого закрытый решеткой. Он понятия не имел, куда вел этот проход, но в том месте уж точно было лучше, чем здесь.

--- Ну ладно, дружище Хоук, --- прошептал он, --- пора двигаться отсюда.

Он быстро пополз к туннелю, толкая лазган перед собой. Проход был достаточно широким, и он скользнул внутрь.

Кто-то схватил его за штаны. Хоук обернулся и закричал, увидев, что закая механическая клешня слуги Хаоса мертвой хваткой держала его за лодыжку.

Гигантский воин не мог пролезть в туннель, но эта клешня с легкостью могла вытянуть наружу свою добычу.

--- Если нам суждено умереть, человек, то мы умрем вместе, --- пообещал воин.

--- Не угадал, --- огрызнулся Хоук и принялся пилить ножом по пульсирующим силовым кабелям, которые были подсоединены к клешне. Брызнуло черное масло, а затем и гидравлическая жидкость, и клешня судорожно задергалась.

Железная хватка ослабла, и Хоук, оттолкнув клешню ногой, со всей возможной скоростью пополз по гладкой металлической трубе. Он ждал пули в спину, но секунды шли, а выстрела так и не было. Вся труба тряслась от вибраций, исходявших от торпеды, и Хоук задвигался еще быстрее, выжимая из собственных мышц все, что можно, и еще чуть-чуть. Вслед ему потянулись клубы пара, гул двигателей позади все нарастал, от жары по лицу ручьями тек пот, и даже металлические стены воздуховода, по которому полз Хоук, трещали, расширяясь в ответ на высокую температуру.

Внезапно над ним открылась пустота. Выбравшись из трубы, Хоук закинул ружье на плечо и остотрелся: он оказался внутри чего-то, очень похожего на вентиляционную шахту. Сюда выходили и другие воздуховоды, а вверх, где виднелся красный круг неба, вела глинная лестница. Хоук подпрыгнул, ухватился за ее ступени и стал подниматься так быстро, как только мог. Низкий гул позади усилился настолько, что звучал уже как

оглушительный рев дракона, пробудившегося в своем логове.

Рев все нарастал, а Хоук все лез и лез. Потоки обжигающе горячего пара, словно гейзеры, то и дело проносились совсем рядом. Жар становился невыносимым, и Хоук закрипел зубами. На коже вздулись волдыри, но он не обращал внимания на боль и просто переставлял руки с перекладины на перекладину, с каждым разом подтягивая себя все выше.

Наконец он добрался до верха лестницы — и тут же застонал от страха, почувствовав, как снизу к нему несется опаляющая волна жара и яркого оранжевого света. Вскрикнув, он последним титаническим усилием перевалился через край шахты и откатился в сторону, и следом же на поверхность вырвался фонтан раскаленных выхлопных газов.

Хоук, крепко зажатүрившись, продолжал откатываться все дальше от шахты, пока не үбедился, что находится в безопасности. Хватая воздух ртом, он с трудом сел и открыл глаза — как раз

вовремя, чтобы увидеть, как огненный столп возносит торпеду высоко в небо.

Гвардеец Джулиус Хоук точно знал, что более прекрасного зрелища ему никогда видеть не доводилось.

Оставляя за собой пылающий след, орбитальная торпеда наземного базирования класса «Глефа» быстро поднималась все выше в красное небо Тигры Кордатус, озаряя ярким свечением поле боя внизу. Она поднималась на высоту, где разреженная атмосфера позволяла развить большую скорость, и вскоре от нее остался только мерцающий огонек. На высоте почти в сотню километров отделилась первая ступень и заработали двигатели второй. Они разогнали торпеду еще быстрее, в то время как дух войны, обитавший в боеголовке, провел расчеты времени, расстояния и вектора до цели. Разогнавшись до скорости около четырнадцати тысяч километров в час, торпеда выровнялась и начала охоту. Агентус Механикус наложил проклятие на ее цель, и теперь это проклятие должен был исполнить дух войны.

Эллиптическая траектория полета уже
вела торпеду обратно к поверхности, и в
этот момент дух войны определил цель,
после чего отдал команду двигателям
второй ступени провести коррекцию
траектории, и торпеды устремилась вниз.

Форрикс стоял на краю холма,
возвышавшегося над равниной, и с
бессильным отчаянием наблюдал за
жестоким боем внизу. Имперские войска
атаковали батареи, а он ничего не мог
сделать. Кто бы поверил, что псы бога-
трупа проявят такую смелость? Форрикс
сжал кулаки и поклялся, что заставит
виновных дорого заплатить за
случившееся.

Вспышки и взрывы разогнали ночную
тьму, и улучшенное зрение Форрикса
позволяло ему видеть каждое героическое
деяние в отдельности. И не только это: в
мерцающем свете он безошибочно узнал
желтые доспехи Имперских Кулаков.
Появление древнего врага именно здесь и
сейчас было практически идеальным
совпадением, о котором Форрикс не мог и
мечтать. Он помнил, как десять

тысячелетий назад сражался с воинами
Дорна на стенах у Врат Вечности на
Терре. Тогда они были достойными
бойцами, с которыми не страшно
отправиться хоть в сам ад, но вот
сейчас...

Что ж, скоро у него будет шанс это
выяснить. В сердце его вновь загорелась
сильнейшая ненависть — и это при том,
что он уже почти забыл о таких чувствах.

Он видел, как над горами к востоку
поднялось копье света, и ощутил
мгновенное беспокойство, наблюдая, как
орбитальная торпеда уходит в небо. Как
ее удалось запустить, где лежала ее цель?
Но вскоре торпеда скрылась за облаками, и
эти вопросы уже не казались такими уж
важными. Форрикс вновь сосредоточился
на битве внизу и презрительно устехнулся,
когда имперские силы начали отступать
под натиском Железных Воинов,
перешедших в контрнаступление. Он
видел, как Хонсю повел толпу солдат на
батарей; они убивали всех, кто промедлил
и вовремя не сбежал, и эти действия
вызвали у Форрикса трагичную улыбку.

Постепенно Хонсю превращался в грозного военного командира, и Форрикс знал, что, получи он такой шанс, этот полукровка мог бы стать одним из величайших Кузнецов Войны в истории легиона.

Сражение на равнине практически закончилось. Форрикс развернулся и зашагал вдоль орудий — огромного числа орудий, которые он собрал на склоне холма, — а затем прошел через брешь, которую с таким трудом пробил в стене отряд Хонсю. Завтра орудия опять начнут обстрел, и укрепления цитадели падут.

Форрикс перешел через траншею по перекинутому через нее металлическому мосту и внезапно остановился. От присутствия чего-то плохого пробежала по спине холодная дрожь, и он посмотрел вверх.

Небо, как и всегда, было цвета крови; облака то и дело подсвечивались взрывами на равнине. Что же заставило его поднять голову?

А потом он увидел, что.

Ярко светящаяся точка высоко в небе, быстро несущаяся вниз, к поверхности. Форрикс понял, куда была направлена торпеда, и оцепенел; но когда торпеда вошла в нижние слои атмосферы и вокруг нее образовалось раскаленное сияние, на стенку ужасу пришла горячая ярость. Он бросился к центральной башне форта, на ходу выкрикивая в вокс предупреждение войнам, разместившимся внутри:

— Во имя всего нечестивого, поднимайте пустотные щиты!

Тяжело шагая, он со всей возможной скоростью двинулся к взрывоустойчивым дверям, ведущим вовнутрь, но не удержался и бросил быстрый взгляд через плечо. Огненный ореол, окруживший торпеду, был похож на злобный глаз, раскрывшийся в небе и теперь смотревший ему прямо в сердце.

Форрикс вошел в башню, ударил кулаком по механизму, закрывающему двери, и быстрым шагом направился в командный центр. Он слышал всепроникающий гул, который исходил от уже заработавшего генератора пустотных щитов глубоко под башней, и отчаянно

Надеялся, что щиты успеют подняться.

Убо если этого не произойдет, и он, и все остальные в форте могли уже считаться покойниками.

Торпеда попала почти точно в центр бастиона Кейн, и разрушения, вызванные детонацией ее трехступенчатой боеголовки, были поистине катастрофическими. Первичный заряд в ней был приспособлен для того, чтобы пробивать мощный корпус костического корабля, в то время как заряд третьей ступени, взрываясь одновременно с первым, должен был толкать вторичный заряд все глубже внутрь цели. Но вместо обшивки костического корабля, толщиной в несколько метров и с адамантиевым усилением, торпеда, двигавшаяся со скоростью более тысячи километров в час, врезалась в укрепления бастиона Кейн. Взрыв первой ступени был феноменальной силы и оставил после себя воронку в пятьдесят метров глубиной, в радиусе трехсот метров от которой все было сравнено с землей. Взрыв третьей ступени протолкнул торпеду еще глубже, в

скальную породу, где взорвался второй, самый мощный, заряд, и этот взрыв поистине костической силы разнес на куски возвышение, на котором стоял Тор Кристо.

Взрывы сопровождал ослепительный свет, от которого ночь превратилась в день. Обломки камня, каждый размером с танк, взлетели в воздух, словно мелкая галька, и равнину накрыло непроницаемой волной из дыма и пыли. Демонация прозрела, как молот богов, обрушившийся на поверхность планеты, и грибообразное облако взметнулось на тысячу метров к небу, усыная все вокруг теплом и горящими фрагментами скалы.

Стены по обе стороны от пораженного бастиона треснули и просели; рокрыт, из которого они были сделаны, разрушался, уступая воздействию сил, выдерживать которые он не был предназначен. Воронка в эпицентре расширялась со страшной скоростью, и артиллерийские орудия вперемешку с тоннами мусора падали в ее огненное жерло.

Затем невообразимо тяжелая

каменная масса укреплений пошла трещинами и, застонав, словно в агонии, разрушительной приливной волной заскользила вниз по склону. Западная оконечность первой параллели была полностью погребена под этой каменной лавиной, а зигзагообразные апроши, соединявшие ее со второй параллелью, обвалились. Тысячи орущих в панике людей погибли под обвалом, раздавленные пришедшими в движение пластами почвы.

Под шквалом осколков исчезла батарея, сооруженная перед стенами бастиона Винкаре, и ее орудия оказались навеки похоронены под многотонным слоем земли. Горящие обломки, упавшие на лагерь Железных Воинов, вызвали сотни вторичных взрывов: взлетели на воздух склады с боеприпасами и емкости с топливом, откуда огонь перекинулся на сотни палаток. Весь лагерь пришел в беспорядок, люди отчаянно пытались совладать с огнем, но справлялись с ним не лучше, чем туравьи — с лесным пожаром, и ничто не могло остановить бешенство огненной стихии.

От ударной волны зашатался гигантский «Диес Уре», но рабочие хорошо потрудились, и опоры, возведенные вокруг титана, выдержали, не дав огромной машине упасть. Корпус титана угрожал, застонали его суставы, внешние гидростабилизаторы работали на пределе, стараясь сохранить равновесие, и, наконец, ударная волна прошла, не нанеся машине никакого вреда. Другим же титанам повезло меньше: Легио Мортис лишился трех «Повелителей войны», которые были выведены из строя самим взрывом и огромными фрагментами скалы, поднятыми им в воздух.

Когда затихли последние отголоски взрыва и потерк сопровождавший его ослепительный свет, количество погибших достигло почти десяти тысяч. От Тор Кристо уцелела только центральная башня, защищенная пустотными щитами; только она все еще одиноко возвышалась над покрытым трещинами выступе, оставшемся от холма.

В результате всего одного удара, нанесенного гвардейцем Хоуком, баланс

сил на Тигре Кордатус кардинально изменился.

Кастелян Вобан поднялся с засыпанной пылью и обломками земли и потряхнул головой, стараясь избавиться от звенящего шума, наполнившего череп. Вся долина была залита ярким светом, и он радостно застонал при виде огромного облака-гриба, выросшего над Тор Кристо, который утонул в дыму и пламени.

Они с Леонидом видели, как взлетела торпеда, но не следили за ее траекторией, так как были слишком заняты организацией отступления к Первому равелину. В хаосе, в который превратилась атака на батарею, Вобан забыл обо всем и узнал о том, что торпеда попала в цель, только когда его собственная тень резким контуром нарисовалась прямо перед ним, после чего толгучая сила сбила его с ног. После этого память его сохранила только вспышку яркого света, громовой раскат взрыва и боль, когда с неба обрушился град камней и земли.

Борясь с головокружением, он

выпрямился и взгляделся в серую пелену, стараясь оценить степень нанесенного урона, но безуспешно: из-за пыли и дыма уже в десяти метрах ничего не было видно. Он видел фигуры, медленно поднимавшиеся с земли, но не мог определить, кто это — друг или враг.

В пыльном полутраке зазвучали голоса сержантов, созывающих свои отряды, и Вобану послышалось, что кто-то — кажется, Леонид — выкрикнул его имя. Он попытался крикнуть в ответ, но во рту пересохло от непла, и вместо крика из горла вырвался лишь глухой хрип. Вобан сплюнул, отер пыль с лица и попытался тщетно — отряхнуть мундир и нагрудник. Пора было восстановить хоть какой-то порядок. Пошатываясь, он пошел в направлении, откуда, как ему казалось, послышался голос Леонида, затем резко развернулся, не в силах определить свое местоположение в этой непроницаемой мгле, и затер, услышав чей-то голос.

В клубках дыма перед ним возникла огромная фигура в вороненом доспехе, покрытом пылью и пятнами крови. Воин

был без шлема, и Вобан заметил, что у него были коротко остриженные черные волосы и глаза, горевшие ненавистью, от которой сердце кастеляна объел ужас.

Некоторое время они молча стояли друг напротив друга. Наконец Вобан обнажил меч и встал в боевую стойку, держась при этом спокойно и ничем не выдавая страха, который внушал ему этот воин.

— Я кастелян Претр де Роше Вобан Шестой, наследник земель Бурговы на планете Джуран и потомок рода Вобанов, — сказал он ровным голосом. — Скрести со мной клинки, если ищешь смерти, грязный демон.

Воин улыбнулся.

— У меня нет таких звучных титулов, человек. Меня зовут Хонсю, я полукровка, дворяжка, подонок и отребье. И клинки я с тобой скрещу.

Активировав лезвие силового меча, Вобан перешел в низкую стойку. Хонсю приблизился. Вся батарея замерла, и лишь два воина, сошедшиеся в дуэли, двигались по кругу, выстилая слабое место в

обороне противника.

Вобан поднял меч в приветствии, а затем без всякого предупреждения одним прыжком сократил дистанцию между собой и врагом и сделал быстрый выпад. Хонсю отклонился от линии атаки и круговым движением направил лезвие своего меча в рубящий удар, на что Вобан, пригнувшись и отступив в сторону, ответил ударом восходящим.

Хонсю отбил взмывший над ним клинок и сделал шаг назад, подняв меч перед собой. Вобан восстановил потерянное равновесие, снова двинулся в атаку, и снова Хонсю утело блокировал его выпад, одним поворотом запястья перейдя от блока к удару, направленному Вобану в голову, но кастелян прочел намерение врага в его глазах и успел уклониться.

Оценив противника, оба воина вновь двинулись по кругу, настороженно выжидая, кто сделает следующий выпад.

Хонсю атаковал первым и обрушил на Вобана сверкающий стальной вихрь, который вынудил кастеляна отступить шаг за шагом. Вобан парировал жестокий

удар в грудь и сразу же перешел в
нападение. Его клинок оставил глубокую
борозду на доспехе врага, но не пробил
броню.

Хонсю понялся, и Вобан, улыбаясь в
предвкушении, с новыми силами бросился в
атаку. Его противник был силен, но он,
Претр Вобан, посвятил всю жизнь
искусству владения мечом, и каждый его
выпад стоил оппоненту новой раны. Он
вновь и вновь испытывал защиту врага на
прочность, заставляя его медленно
отступать, пока Хонсю не пошатнулся.

Тогда Вобан резко развернулся и
ударил слева, метя в руку воина,
державшую меч. Хонсю отреагировал в
тот же миг и остановил удар; их клинки
столкнулись, разбрасывая сверкающие
искры, но меч Хонсю не выдержал давления
и сломался. Видя, что его оружие
достигло цели, Вобан победно взревел, а
Железный Воин застонал от боли — его
рука была отсечена чуть выше локтя, и из
культи фонтаном била кровь.

Шатаясь, Хонсю отступил, и Вобан,
воспользовавшись шансом нанести

стерпительный удар, переишел в стремительную атаку — и лишь в последнюю секунду понял, что купился на уловку врага.

Зарывав, Хонсю шагнул навстречу противнику, отбил меч кастеляна в сторону и вознал обломок своего клинка сквозь серебряный нагрудник тому прямо в сердце. Все тело Вобана пронзила боль, ставшая невыносимой, когда Хонсю провернул сломанное лезвие; его грудь заливала алая кровь, и он с трудом различал предметы в сгущавшейся тьме. Ему показалось или кто-то снова позвал его по имени?

Сама жизнь вытекала из раны в груди Вобана, и он в последний раз посмотрел в глаза своему убийце.

— Будь ты проклят, — прошептал он.

— Я уже давно проклят, человек, — прошепел Хонсю, но Вобан был уже мертв.

Над долиной занимался рассвет, и алые лучи солнца озарили жуткую картину разгрома бесстрастным светом. Густая пыль, все еще висевшая в воздухе, приглушала все звуки, отчего в долине воцарилась неестественная тишина.

Кузнец Войны оценивал масштабы разрушения, сохраняя выжимность безразличия. Его ярость выдавали только изменчивые тени, что пробежали по его лицу, и никто из капитанов не решался приблизиться к командиру, опасаясь его гнева. Нечеткие образы, клубившиеся по поверхности его доспеха, затекались в их исполненных болью столах слышалось отчаяние.

Две батареи почти полностью разрушены; орудия у Тор Кристо уничтожены; практически все дотониические машины погибли. Были потеряны миллионы артиллерийских боеприпасов, людские жертвы исчислялись тысячами, а под гругами обломков, в

которые из-за взрыва превратился холм. Тор Кристо, были погребены результаты многонедельного труда.

Кузнец Войны повернулся к своим капитанам, и все они при его приближении испытали ни с чем не сравнимый ужас. Они видели, что силы, изменявшие его тело, теперь действовали с бешеной скоростью, и само его присутствие было почти невыносимым.

--- Вы разочаровали меня, --- сказал он просто.

Каждый капитан почувствовал прикосновение страшной энергии, сопровождавшей преобразование Кузнеца Войны, а затем он склонился к первому из них:

--- Форрикс, я поручил тебе подвести наши фортификационные сооружения к стенам неприятеля. Ты не справился.

Он двинулся дальше.

--- Кроагер, я поручил тебе охранять мои военные машины. Ты не справился.

Кузнец Войны повернулся к своему последнему капитану, и сдержанный голос его обрел опасную мягкость:

--- Хонсю, ты был благословлен прикосновением одного из созданий Хаоса, и теперь ты один из нас. Ты хорошо поработал и был мне полезен; об этом я не забуду.

Хонсю благодарно кивнул и слегка шевельнул своей новой механической рукой. Личный хирутех Кузнеца Войны установил ее, как только завершилась вчерашняя битва.

Кузнец Войны сделал шаг назад, его чудовищное тело увеличилось в размерах, и тьма, окутавшая лицо, на мгновение развееалась, обнажая неистовые силы Хаоса. Он взревел, и голос его был подобен голосу разгневанного бога:

--- Я не позволю, чтобы ваша слабость встала на пути к моему возвышению. Убирайтесь и не стейте возвращаться, пока не вскроете оборону этой цитадели!

ТРЕТЬЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Глава 1

В день, когда состоялось погребение кастеляна Вобана, даже небо было мрачным. Подполковник — нет, теперь кастелян — Леонид подумал, что в такой безрадостный момент солнечный свет был бы неуместен.

Два дня прошло с тех пор, как торпеда поразила Тор Кристо, но густая белая дымовая завеса все еще висела в кроваво-красном небе, отчего в долине независимо от времени суток царили неизменные сумерки, а температура упала почти до нуля. Поднимаясь по лестнице в тысячу ступеней, что вела по северному склону долины к Гробнице, Леонид дрожал от холода. Он был одним из четверых, кому выпала честь нести гроб с телом погибшего кастеляна к месту последнего упокоения.

В последний раз почетная стража в две тысячи человек выстроилась, чтобы проводить своего командира. По обеим сторонам лестницы, на каждой ступени,

стояло по гвардейцу, и у Леонига при виде их навернулись на глаза слезы.

Вобан говорил, что, по его мнению, подчиненные его не любили.

Теперь Леониг знал, что это неправда.

Он, а также Морган Кристиан, Питер Андерс и брат-капитан Аларик Эшара несли похоронные носилки из темного джуранского дуба, на которых стоял простой гроб из черного дерева. Внутри — прах кастеляна Вобана; Магос Биологис подготовили останки к помещению в Библиарий Гробницы. День для этого выдался безжизненно тихим, как будто даже враг отдавал почести храброму воину, отправившемуся в последний путь.

Мысль о враге вызвала на глазах Леонига новые слезы.

Он видел, как Железный Воин пронзил мечом грудь Вобана. Тогда Леониг закричал, отказываясь верить собственным глазам, и рухнул на колени посреди обращенной в руины батареи. Капитан Эшара и библиарий Корвин оттеснили врага от тела кастеляна, и

солдаты из 383-го Драгунского Джурана
отнесли своего павшего командира
обратно в цитадель.

Леонид хотел верить, что Вобан
погиб, зная, каким успехом увенчалась его
стелая вылазка в стан врага.
Практические все боевые машины на
батареях были уничтожены: частью
благодаря подрывным пакетам, частью -- в
результате катастрофического по
масштабам взрыва орбитальной торпеды,
о разmere же сопутствующего урона,
который нанесли последовавшие за этим
радиоактивные осадки, мог знать лишь
Император.

И Бог-Императору Леонид -- в
очередной раз -- вознес хвалу за то, что
Всемогущий помог Имперским Кулакам
добратся до планеты. Их прибытие не
только воодушевило весь гарнизон; они
принесли вести, которые, как верил
Леонид, могли дать вполне реальную
надежду.

Он получил сообщение о том, что
Кулаки прибыли, незадолго перед тем, как
отправиться к Вобану с планом атаки.

Вначале Леонид не поверил, подумав, что это какой-то жестокий обман, но затем бросился из своих покоев -- и увидел их самих, покрытых испотом, усталых. Благословляя имя Рогала Дорна, он побежал им навстречу, но на ум не шли никакие слова, кроме вопроса:

-- Каким образом?

Заговорил командир костических десантников:

-- Я брат-капитан Эшара. Вы здесь командуете?

-- О... нет, -- сумел произнести Леонид. -- Цитаделью командует капитан Вобан. Я подполковник Леонид, его заместитель. Откуда вы взялись?

-- «Юстиция Фидес», наш ударный крейсер, уже готовился к переходу в Элпиреи, когда астронавты сообщили, что с этой планеты получен слабый сигнал бедствия, -- объяснил Эшара. -- Префикс срочности, который был в сигнале, был достаточным поводом для того, чтобы я немедленно приказал им передать сообщение на базу флота на Гидрафуре, а потом повернул обратно к Гидре

Коргатус.

--- А что вражеские корабли на орбите?

--- Военный корабль хаоситов едва не засек нас у точки перехода, но, как только мы отошли на безопасное расстояние, я приказал следовать к источнику сигнала на полной скорости. Обойти грузовозы на орбите было несложно, но нам пришлось направить «Грозовые ястребы» к горам в сотне километров от этой крепости, чтобы избежать столкновения с наземными войсками противника. А потом мы пешком перевалили через горы и добрались до вас.

Леонид не переставал удивляться, как спокойно говорил Эшара об этом невероятном путешествии по горам, словно для его людей это было обычным делом. Всего два дня, чтобы преодолеть самую суровую и непроходимую местность, которую Леониду доводилось видеть. Гвардеец Хоук потратил почти сутки, чтобы пройти лишь восемь километров, но вот сотня...

Более того, неполными пятью

часами позже костические десантники
вступили в масштабное сражение и вышли
из него победителями: в том, что Битва
за батарею закончилась победой, их
заслуга была не меньшей, чем джуранцев.

Согрознувшись, Леонид посмотрел на
траченную, черную башню впереди, всем
сердцем ненавидя ее внешнюю
безрадостную строгость и жалея, что им
всем приходится выполнять этот
скорбный долг. Но, как бы то ни было, они
его выполнят.

Процессия приблизилась к дверям
Гробницы, и Леонид опустил взгляд. У
открытого входа, склонив головы с
тонзурами, стояли священники. На крюках
вокруг дверного проема висели дымящиеся
кадильницы, и воздух пропитался густым
ароматом джуранских благовоний.

Когда четверо несущих гроб вошли в
Гробницу, из рядов собравшихся солдат
прозвучал одинокий голос:

— 383-ий, на караул!

Две тысячи гвардейцев ударили
каблуками по каменным ступеням, и звук
этот эхом прокатился по склонам гор; а

затем долина содрогнулась от
оглушительного залпа, сделанного
одновременно из двух тысяч ружей.

Несмотря на прохладный день, в зале
для брифингов, в который один за другим
зашли офицеры, было жарко. Теперь
Леонид стал командующим Джуранскими
гвардейцами, но он не занял место во главе
стола, а сел, как и раньше, справа от
кресла Вобана.

Он наблюдал за тем, как офицеры
полка --- его полка, хотя к этой мысли еще
нужно было привыкнуть --- войдя в зал,
отдают ему честь, и только потом
сажаются. Они ждали от него правильных
решений, и Леонид лишь надеялся, что
оправдает это ожидание.

Вобану --- прирожденному лидеру ---
руководство людьми давалось на первый
взгляд без всяких усилий, но за последние
два дня Леонид увидел, как это сложно на
самом деле. Каждый день приходилось
решать сотню вопросов, и в каждом случае
ошибка повлекла бы за собой смертельно
опасные последствия. Был ли он
действительно готов к тому, чтобы взять

на себя командование полком и обороной
цитадели? Он этого не знал.

Морган Кристиан и Пит Андерс
заняли свои обычные места. Напротив них
разместились командиры отряда
Имперских Кулаков — брат-капитан
Эшара и библиарий Корвин, оба в
отполированных до блеска желтых
доспехах. Леонид был благодарен им за
оказанную поддержку и понимал, что
теперь, когда Вобана не стало, их помощь
будет в войне необходима. Принцессы
Даэкиан и Лазос Наицин также
присутствовали на собрании, но сидели в
конце стола, что отражало неприязнь,
которую они вызывали среди джуранцев.

Майор Кристиан здоровой рукой взял
бутылку атасека, стоявшую на подносе
посередине стола, и налил себе, Леониду и
Андерсу, после чего наполнил стаканы у
напротив пустых кресел Вобана и
Тедески. Он предложил выпить и джур
костическим десантникам, но те вежливо
отказались; новому командиру Леонид
Изнатум и представителю Агентств
Механикус он такого предложения не

сделал — специально. Ним Ангерс достал из внутреннего кармана кителя несколько тонких папирос с черутом, которые так любил Вобан, и предложил их сидящим за столом. Все джүранские офицеры взяли по одной, но костические десантники вновь отказались.

Леонид поднял стакан, окидывая взглядом флаги и эмблемы полков, украшавшие стену зала. Столько людей сменяли друг друга в гарнизоне этой крепости; столько героических имен было забыто. Он пообещал себе, что Претр Вобан не войдет в их число.

— За кастеляна Вобана, — объявил Леонид.

— За Вобана, — отозвались офицеры и одним глотком осушили стаканы.

Леонид затянулся папиросой — и закашлялся, когда от едкого дыма черута перехватило горло. Раздалось несколько смехов: все офицеры знали, что он не одобрял такие вредные привычки.

— Джентльмены, — заговорил Леонид, кривясь от неприятного привкуса дыма. — Осада идет уже три недели. Нам пришлось

нелегко, мы потеряли многих добрых друзей, но все-таки задали этому хаоситскому отребью трепку, которую они еще долго не забудут. Неважно, как закончится эта битва, я хочу, чтобы вы знали вот что: вы с честью выполнили свой долг, и я горжусь тем, что сражался рядом с вами.

Указав на Астартес, сидевших слева от него, Леонид продолжил:

— Капитан Эшара сообщил мне, что Империя уже знает о нашей беде, и подкрепление уже в пути. Капитан предполагает, что помощь придет через...

— Пятнадцать, двадцать дней максимум, — закончил за него Эшара, и голос его звучал властно и отрывисто. — К счастью, менее чем в двадцати световых годах от той точки, где мы перехватили ваш сигнал бедствия, находится промежуточная астронавическая станция, принадлежащая Агентству Механикус, поэтому связаться с военными кораблями нетрудно. Когда тревога, который мы зашифровали в сообщении, обеспечит незамедлительную реакцию.

Сидевшие за столом заулыбались и стали пожимать друг другу руки, радуясь этой новости; но Леонид остался серьезным:

--- Помощь уже на подходе, но для сохранения дисциплины я хочу, чтобы эта информация пока держалась в тайне. Когда солдаты начнут задавать вопросы, скажите им, что мы ждем подкрепления, но не говорите о сроках. Не сомневайтесь: теперь, после поражения на батарее, враг еще сильнее захочет отомстить.

--- Ваш капитан прав, --- сказал библиарий Корвин, наклонившись вперед и соединив кончики пальцев. Его лицо все еще было осунувшимся и бледным: он защитил джуранцев от энергии Хаоса, заточенной в машинах войны, но это потребовало очень много сил. --- Орудия, которые вы уничтожили на батарее, были не просто инструментами войны. Их оживляли страшные демонические сущности, заточенные в машины ценой крови невинных и благодаря дьявольскому договору, заключенным с Түбительными Силами. Из-за разгрома на батарее многие

из этих договоров оказались нарушены, и Железным Воинам потребуется кровь, чтобы их восстановить. Наша кровь.

— Вы много знаете о Железных Воинах, сэр. Есть ли что-нибудь, что могло бы помочь в битве с ними? — спросил Ангерс.

Корвин кивнул:

— Железные Воины — одни из самых ужасных врагов, с которыми сталкивался Император. Десять тысяч лет назад они занимали достойное место среди самых любимых сынов Императора, были Его самыми доблестными и храбрыми солдатами; но в долгих сражениях Великого крестового похода они изменились, ожесточились, и в итоге собственные цели стали для них важнее долга перед Императором. Когда Великий Предатель, чье проклятое имя я не буду называть, восстал против нашего властителя, Железные Воины отказались от старых клятв верности и присоединились к нему в войне против Императора. Много из истории тех дней навеки утрачено, но известно, что

Железные Воины осквернили священную землю Терры и обратили свои утнения, поточенные в бесконечных сражениях, на то, чтобы обрушить стены, возведенные Розалом Дорном, нашим припархом. Недооцените Железных Воинов -- и вы совершите страшную ошибку. Да, потеря демонических машин стала для них серьезным ударом, но они найдут другой способ покуситься с нами, и мы должны быть к этому готовы.

-- Библиарий Корвин прав, -- согласился Леонид. -- Мы должны сделать все, чтобы подготовиться к их новой атаке. -- Он отодвинул кресло и потушил папиросу, а затем встал и зашагал вокруг стола. -- Мы должны восстановить паранеты, чтобы на них можно было снова разместить солдат. Должны установить на стенах новые орудия, потому что даже сейчас -- и я в этом не сомневаюсь -- в нашу сторону прокладываются новые траншеи, и их надо беспощадно обстреливать день и ночь.

-- Не уверен, что наши склады боеприпасов смогут обеспечить обстрел

подобной интенсивности, подполковник
Леонид, -- заметил магос Наицин.

Леонид даже не старался скрыть
презрение, которое он чувствовал к магосу.

-- Наицин, когда мне потребуется
ваше мнение, я спрошу вас сам. Уясните
вам вот что: чем больше пороха мы потратим
сейчас, тем меньше крови прольют мои
люди в последнем бою. -- Он отвернулся от
магоса и продолжил: -- Взводы каждого
батальона должны распределить между
собой вахты и сменяться через каждые
шесть часов. Люди утомлены до предела, а
я хочу, чтобы гарнизон на паранете всегда
был в полной боевой готовности. Но
отработайте со всеми процедуры
размещения на стенах -- когда будет дан
сигнал тревоги, каждый солдат сразу же
должен занять свою позицию.

Андерс и Кристан кивнули, делая
пометки в личных инфопланишетах.
Принцес Дазкиан тоже дописал что-то, а
затем спросил:

-- Чем может помочь Легио?

Леонид взглянул на другой конец
стола.

--- Понятия не имею. Что вообще может Легио? --- прорычал он.

Даэкиан встал и, держась скованно, сцепил руки за спиной.

--- Немногое --- пока враг не преодолееет внешние стены, --- признал он.

--- Тогда какая мне от вас польза? --- резко спросил Леониг.

Даэкиан продолжил --- спокойно, так, словно последней реплики Леонида не было:

--- Но если враг все же прорвется, мы можем с гораздо большей эффективностью прикрыть ваше отступление за внутреннюю куртину. --- Заметив скептический взгляд Леонида, он трачно улыбнулся: --- Орудия, установленные на стенах, легко взять в вилку и уничтожить, поверьте моему слову. У меня осталось два «Нса войны», которые будут гораздо подвижнее. «Нсы» не так высоки, чтобы по ним можно было вести огонь из-за стен, и они лучше всего подойдут для огневой поддержки. «Грабители» и «Гонорис Кауза» должны остаться за куртиной, иначе их уничтожат еще до начала сражения, но вы

можете использовать их как мощный резерв для контрнаступления.

Даэкиан на мгновение умолк, а затем добавил:

--- Вы гордый человек, кастиелян Леонид, но я знаю: вам хватит мудрости, чтобы увидеть истину в моих словах. Вы злитесь на Легио, но не позволяйте этому чувству ослепить вас.

Лицо Леонида покраснело, на скулах заходили желваки, но капитан Эшара, выпрямившись во весь свой немалый рост, встал между двумя офицерами.

--- Кастиелян Леонид, не возражаете, если я вас прерву?

Леонид кивнул и, скрестив руки на груди, вернулся на свое место; Эшара же двинулся вокруг стола, забирая у каждого офицера его трость. Трости эти --- тонкие, с серебряным набалдашником --- были лишь данью церемонии, и во время строевой подготовки офицеры полка обычно носили их подмышкой левой руки.

Собрав их, он вернулся во главу стола и протянул одну трость Леониду.

--- Переломите ее, --- попросил он.

--- Зачем?

--- Сделайте мне одолжение.

Леонид с легкостью переломил трость надвое, после чего положил расщепившиеся остатки на стол. Астартес передал ему еще одну трость.

--- Еще раз.

--- Не понимаю, при чем тут...

--- Давайте же, --- приказал Эшара.

Леонид, пожав плечами, переломил вторую трость с той же легкостью, что и первую, и положил обломки обеих рядом. Третью трость постигла та же участь, а затем Эшара собрал шесть фрагментов, лежавших перед командиром гжуранцев. Он сложил их вместе, скрепил в связку стеблем черута и отдал Леониду.

--- Попробуйте сломать вот это.

--- Как скажете, --- вздохнул Леонид, взялся за толстую связку и попытался ее согнуть. Его лицо исказилось от напряжения, но, несмотря на все усилия, обломки не поддавались. В конце концов он сдался и отбросил связку --- так и оставшуюся несломленной --- на стол.

--- Не получается, --- признал он.

— Вот именно, — подтвердил Эшара и, подобрав связку, положил руку Леониду на плечо. — В этом зале я вижу людей, которые ни на шаг не отступают перед врагом, страшнее которого не найти, и это наполняет меня гордостью. Но я сражаюсь дольше, чем прожил любой из вас; я сталкивался с самыми разными противниками и бился плечом к плечу с поистине великими воинами. И ни разу не проигрывал бой, так что слушайте меня внимательно. Для того чтобы защитить дело Императора, вы должны понять, что стали частью неизмеримо более масштабной войны и что вы не можете сражаться только за себя. Этот путь ведет лишь к проклятию и гибели. Вместе вы крепче агатантия, но по отдельности вас сломят, как эти трости. Кастелян Вобан это понимал. Возможно, он злился по поводу некоторых решений, принятых в прошлом, но он знал, что в вопросах командования личным чувством не место.

Эшара подошел к полковому знамени Джүрана и, подняв его, провел пальцем по

словам, вышитым по нижнему краю пологнища.

--- «Fortis cadere, cadere non protest». Деви́з вашего полка, кастелян Леонид. Скажите мне, что значат эти слова.

--- Они значат «Храбрый может у́пасть, но не отсту́пнуть».

--- Точно, --- сказал Эшара и указал на противоположный край стола: --- А «Сила в е́динстве»? Магос Наицин, разве это не один из афоризмов вашей организации?

--- Один из многих, --- признал Наицин. Эшара кивнул в сторону принцеса Даэкиана.

--- Принцес? Деви́з вашего Легио́на, пожа́луйста.

--- «Inveniam viam aut faciam». Это значит «Ули найду́ доро́гу или проложу́ ее сам».

--- Очень хорошо, --- кивнул Эшара, возвращаясь к своему месту. --- Теперь понимаете? Я пробыл здесь совсем недолго, но уже вижу раскол среди вас. Об этих телочных распрах ну́жно забыть --- иного пути нет.

Взгляну́в на несломленную связку

прутьев. Леонид потер небритый подбородок, а затем поднялся, чтобы обратиться к своим подчиненным:

--- В словах капитана Эшары --- истина и ясность, которые мы утратили. Джентльмены, с этого момента мы --- братство, объединенное одним священным делом, и я лично буду разбираться со всяким, кто постеет угрожать единству этого союза.

Леонид твердым шагом прошел к другому концу стола и остановился рядом с принцем Даэкианом, который поднялся со своего кресла. Кастелян Гидры Кордатус обнажил меч, который Даэкиан отдал ему, и поклонился, возвращая оружие законному владельцу.

--- Думаю, это принадлежит вам.

Даэкиан кивнул и протянул Леониду руку.

--- Оставьте его себе, кастелян Леонид. Вам этот меч больше подходит, а у меня есть еще один.

--- Как скажете, --- улыбнулся Леонид, вложил меч в ножны и ответил на рукопожатие Даэкиана.

Затем кастелян обогнул стол, чтобы
оказаться лицом к лицу с магосом
Наицином.

--- Магос, любая помощь, которую вы
можете нам оказать, будет принята с
благодарностью.

--- Я ваш слуга, подполковник, ---
Наицин встал и поклонился.

Леонид пожал руку Наицина,
затянутую в перчатку, и признаательно
кивнул капитану Эшаре. Может быть, ему
все же удастся сохранить этот союз
вопреки всему.

Глава 2

Хонсю пнул большой обломок камня --- результат взрыва, --- а потом, присев на корточки, пропустил горсть каменной крошки между пальцев механической руки. Эта новая рука ему очень нравилась: она была прочнее и сильнее, чем ее органическая предшественница. Когда-то протез принадлежал Кортришу, бывшему чемпиону Кузнеца Войны, и сейчас стал вещественным доказательством благосклонности командира. Неожиданный подарок Кузнеца Войны удивил Хонсю, так как и раньше, до битвы на батарее, он действовал не хуже (а то и лучше), но это никогда не вознаграждалось.

Еще Хонсю был уверен в том, что Форрикс рассказал командиру, что его отряд не удалось уничтожить всех в той самой первой атаке, а значит, именно Хонсю был в ответе за разрушения, учиненные торпедой. Горан Делав с тех пор не выходил на связь, из чего можно было заключить, что заместитель

порученную миссию провалил.

Но если все обстояло именно так, почему же Кузнец Войны оказал ему такую честь?

Возможно, одной из причин стало краткое, но очищающее присутствие демона, на время завладевшего его телом? Может быть, эта временная одержимость уничтожила в своем безжалостном огне генетическую скверну и сделала его, наконец, чистым? Величие силы, которое Хонсю ощутил в те краткие мгновения, оцепеняло, и он жаждал вновь прикоснуться к ней, хотя и понимал, что это означало смерть. Его тело до сих пор не оправилось от благого вторжения демона; казалось, какая-то часть порождения варна еще оставалась в нем, хотя Хонсю не мог сказать этого наверняка.

Возможно, Кузнец Войны тоже почувствовал это и распознал в нем присутствие родственной силы?

После выволочки, которую устроил командир, Кроагер пребывал в постоянной ярости, а Форрикс опасен притих. Хонсю держался от обоих

погальше. Кроагер поступил вполне предсказуемо и выплеснул все разочарование на пленников, утопив свой гнев в их крови. Хонсю подозревал, что Кроагеру уже недолго оставалось до той стадии, когда он окончательно погрузится в трясину безумия и превратится в одного из лишенных индивидуальности берсерков.

Форриксу же и его воинам Кузнец Войны поручил неблагодарное задание по прокладке последней сапы. Хонсю представил, как Форрикс, капитан Первой Великой роты, ковыряется в траншеях, и улыбнулся про себя: раньше такая работа, без сомнения, выпала бы на долю его собственной второсортной роты.

В траншеях до сих пор лежал слой снега, доходящий до колен, — и это несмотря на усилия сотен рабов, день и ночь занятых расчисткой. Оглянувшись вокруг, Хонсю заключил, что никоим образом осадные работы не могли завершиться за десятидневный срок, который установил Кузнец Войны.

Последняя сапа была направлена к середине центрального рavelина, но

продвигалась ужасно медленно. Теперь, когда до цитадели оставалось совсем немного, каждый новый отрезок в лотаной кривой, по которой шла сапа, приходилось делать под все меньшим углом, иначе солдаты на стенах с легкостью обстреляли бы ее. Если из сап, проложенных от первой и второй параллелей, землю высыпали на передний край траншеи, то эту сапу приходилось вести с особой осторожностью и изобретательностью.

Большинство уцелевших рабов (которых, благодаря взрыву торпеды, осталось совсем немного) вели раскопки в лагере, доставая из-под обломков материалы и боеприпасы, пережившие разрушение Тор Кристо, а потому прокладкой последней сапы занимались сами Железные Воины.

Метр за метром их отряды продвигались вперед — на четвереньках, под прикрытием бронированных передвижных заграждений. Они тщательно утрамбовывали вынутый грунт на переднем краю траншеи, а затем подтаскивали железные прутья, чтобы

укрепить насыпь. Следом двигались бригады специально отобранных рабов, которые углубляли траншею и готовили сапу для штурмовых отрядов. Сооружение такой сапы было опасной и тяжелой работой, в которой нужно было действовать умело и согласованно, так как строителей постоянно обстреливали защитники цитадели. Если до ночи траншея продвигалась вперед хотя бы на десять метров, день можно было считать удачным.

Бригады, сформированные из роты Кроагера, трудились не переставая: они разбирали все машины, без которых невозможно было обойтись, на запчасти, из которых потом собирали новые передвижные заграждения. Необходимость в них возросла из-за того, что после атаки на батарею имперским войском удалось восстановить многие орудия на паранете. Пушки противника обрушивали прицельный залп на каждое катковое заграждение, и они разваливались на куски всего за несколько часов, и помешать этому Железные Воины практически

никак не могли.

«Диес Уре» обстреливал цитадель, но его орудия были почти на предельной досягаемости, и до тех пор, пока огромная машина войны не обрела опять подвижность, польза от этого обстрела была весьма ограничена. Два других капитана Легио Мортис оставались в резерве для финального штурма, хотя Хонсю подозревал, что серьезные повреждения, изуродовавшие «Диес Уре», подорвали боевой дух Легио.

Даже издалека Хонсю видел, что стены бастионов спешно восстанавливаются — без сомнения, под руководством презренных Имперских Кулаков. Как ни горько было это признавать, но в осажденном городе старый враг проявлял изрядное мастерство и еще больше усложнял и без того трудную задачу по захвату цитадели.

Хонсю с нетерпением предвкушал финальную атаку. Убить Имперских кулаков — вот единственное, о чем он мог теперь думать, и жалкая скорость, с которой продвигалась вперед сапа,

действовала ему на нервы.

Хотя дело двигалось крайне медленно, Хонсю прикинул, что через три дня сана почти достигнет края огромного рва перед цитаделью; потом от сана направо и налево будут проложены траншеи, которые станут третьей параллелью. В обычных условиях вдоль всей параллели был бы сооружен траншейный кавальер — основательная земляная постройка около трех метров высотой, с брусстера которой солдаты могли бы обстреливать равелин навесным огнем. Вместе с огневой мощью «Поборников» — осадных танков — и похожих на пауков «Осквернителей» это вынудило бы защитников покинуть равелин, и атакующие смогли бы штурмовать брешь.

Но сложившиеся условия были далеки от обычных, и из-за того, что осадные батареи оказались уничтожены внезапной атакой, никаких брешей в стенах не было.

Если они хотят взять эту цитадель, то стены придется разрушить каким-то другим способом. Уже направляясь обратно

к лагерю, Хонсю внезапно придумал, как можно решить эту непростую задачу.

Забившись в темный угол в блиндаже Кроагера, подтянув колени к подбородку, закрыв уши руками, Ларана Уториан безостановочно раскачивалась взад и вперед. Но подбородку из прокушенной губы стекала тонкой струйкой кровь; ее тело из-за постоянного недоедания было истощено до предела. Лицо осунулось и пожелтело, под потрепанными обносками, когда-то бывшими шинелью, грязная кожа натянута над выпирающими ребрами.

Доспех Кроагера, залепанный кровью, вновь занял свое место на стойке.

На земле перед ней лежала латная рукавица: пальцы сжаты в кулак, суставные сочленения забиты высохшей кровью. Костяной нож, которым она обычно пользовалась для чистки доспеха, лежал на рукавице, лезвие его покрылось зазубринами и покраснело.

Ларана дышала прерывисто, учащенно. Она снова услышала голос.

— Кто ты? — хрипло, еле слышно прошептала она. Ответа не было, и на

мгновение ей показалось, что шипящий
голос, говоривший с ней, существовал
только в ее воображении.

Она уже была готова истерически
расстелаться, но тут голос заговорил
опять:

Я -- все, что тебе нужно, человек. Я
чую твою ненависть, и у нее изысканный
вкус.

Голос, казалось, доносился со всех
сторон сразу, вкрадчиво проникал в голову
и принадлежал, скорее, существу
мертвому, чем живому; страшный голос,
хриплый шелест, в котором в чудовищном
единстве переплелись слова нескольких
говорящих.

Ларана захныкала от страха.
Взглянув на доспех Кроазера, она
заметила бледное свечение, зарождавшееся
за визором шлема. Глаза, которые видели
ее насквозь, проникали через кожу, кости,
внутренние органы -- в самую ее душу.

От этого насильственного
проникновения в самую ее суть Ларану
охватил ужас.

Она крепко зажмурилась и заплакала.

но ощущение чужеродного присутствия не отступало, а, напротив, все глубже проникало в ее разум, вскрывая самые тайные, самые темные уголки ее души.

А затем это отвратительное исследование прекратилось — так же внезапно, как и началось.

Да, маленькая Ларана, ты готова. Ненависть внутри тебя плодородна и изобретательна. Ты станешь моим лучшим творением...

— Перестань говорить со мной! — завопила она, колотя кулаками по голове. — Что тебе нужно?

Я хочу унять твою боль — если ты мне позволишь. Я могу вернуть тебе силу.

Ларана открыла глаза, теперь блестящие от надежды в не меньшей степени, чем от страха.

— Но как? Почему?

Кроагер мне больше не нужен. Он опустился до банальной резни, и это меня уже не развлекает. Но ты... О, сколько в тебе ненависти! Пока ее огонь лишь тлеет, но я вижу, что когда-нибудь она станет пылающей бездной. Пройдет

вечность, прежде чем ты нагоешь мне,
Ларана.

Взгляд ее почти против воли
вернулся к рукавице, лежавшей на пыльном
полу блиндажа; словно почувствовав это,
пальцы латной рукавицы медленно
разжались, раскрывая лапоть ей навстречу.

Давай же! Каждая пора твоей кожи
сочится ненавистью, я это чувствую.
Вместе мы нанесем ответный удар! Он
ведь настоящий мясник и заслуживает
смерти. Я помогу тебе убить его. Разве не
этого ты хочешь больше всего на свете?

--- Да! --- зарычала Ларана, подняла
тяжелую рукавицу и надела ее на руку.

Кастелян Леонид оперся локтями на
парапет куртины и, подавив усталый
зевок, с гордостью посмотрел на людей,
работавших на стенах двух передовых
бастионов. Под руководством Имперских
Кулаков были отстроены сами стены, у
горжей открыты новые траншеи, а у
основания стен сооружены бомбоубежища.
Чувствовалось, что солдат переполняет
оптимизм.

Леонид и капитан Эшара стояли на

стене, притыкавшейся к одной из башен у
Врат Судьбы, и смотрели на изрытую
взрывами равнину перед цитаделью.
Землю изрезали воронки и километры
траншей; тела павших разлагались и
остовы машин ржавели прямо там, где их
настигла смерть. Завеса дыма над
лагерем в конце долины никогда не
рассеивалась; видя столь явную мощь
армии Железных Воинов, Леонид жалел,
что не может проникнуться оптимизмом,
как его солдаты.

Несмотря на безжалостный обстрел,
который вели заново установленные на
стенах орудия, сапа, проложенная от
частично обрушенной второй параллели,
уже была в пятнадцати метрах от рва.
Равнинный ландшафт обзавелся новым
широтом: третья параллель протянулась
от фланка бастиона Винкаре к бастиону
Мори.

--- Уже недолго, да? --- спросил Леонид.

--- Недолго, --- отозвался Эшара.

--- Как вы думаете, когда они пойдут в
атаку?

--- Трудно сказать, --- признал Эшара. ---

Железные Воины всегда атакуют лишь после того, как каждый элемент будущего штурма займет свое место. Нас ждут артобстрел, ложные атаки, отвлекающие действия и лобовые эскалады. Бүгенәсделано все, чтобы держать нас в постоянном напряжении.

--- Капитан, мне нужно, чтобы вы были рядом, когда начнется штурм.

--- Почту за честь сражаться вместе с вами.

--- С чего он начнется, по вашему мнению?

Эшара на мгновение задумался.

--- Лишившись осадных батарей, они вряд ли станут пытаться пробить стены брешу. Судя по всему, они попробуют соорудить у стен подземные туннели ⁹.

--- Да?

--- Да. Ваши передовые наблюдатели до сих пор не сообщали, что враг строит новые батареи, но эта параллель проходит уже достаточно близко, чтобы расположить осадные танки под

прикрытием земляных укреплений.

--- И как из этого следует, что Железные Воины будут прокладывать минную галерею?

Эшара указал на сапу, протянувшуюся между второй и третьей параллелями. Траншею затащили синие маслянистые клубы выхлопных газов.

--- От передовой траншеи тянется постоянный поток машин, и хотя сапу траншею не расширяют и не углубляют, земляной вал перед ней постоянно растет. Это заставляет предположить, что там ведутся подземные работы.

Леонид ругнулся. Он должен был сам это заметить и теперь обозвал себя дураком за то, что даже не задумывался о подобной возможности.

--- Мы можем как-то их остановить?

--- Я начал строительство нескольких контрмин. Одна начинается под заброшенным зданием за внутренней стеной, другая --- под Первым равелином. Как только они будут готовы, я размещу в них штурмовые отряды, оснащенные ауспексами. У отрядов также будет

взрывчатка для уничтожения любых
туннелей, которые они обнаружат, а если
в этих туннелях кто-то окажется,
Agentus Механикус приготовили для них
неприятный сюрприз. Однако создание
контрминных систем — далеко не точная
наука, и мы должны быть готовы к тому,
что Железным Воинам все-таки удастся
обрушить значительную часть стены.

Леонид кивнул. Сейчас он смотрел на
происходившее на равнине свежим
взглядом, представляя, как может
атаковать противник и какие контрмеры
можно в связи с этим принять.

Первой линией обороны для цитадели
был ров в шесть метров глубиной и
тридцать — шириной, в который уходил
своим основанием Первый рavelин. Если
атакующим удастся преодолеть и ров, и
рavelин — и выжить под шквальным огнем
с паранетов, — им придется с боем
подниматься на стены. Даже если стены
не остановят врага, каждое здание внутри
цитадели само по себе было крепостью. Во
всех зданиях, начиная со складов
комиссариата и кончая полевыми

госпиталем, были бойницы и взрывозащищенные двери; каждое здание могло оказать огневую поддержку тем, кто сражался поблизости. Но многие сооружения уже были серьезно повреждены, и из-за того, что способность архимагоса Атаэтона удерживать щит слабела с каждым днем, урон становился все ощутимее.

Все средства обороны нужно было как-то укрепить, и Джуранские драгуны, работая вместе с воинами из ордена Имперских Кулаков, делали все возможное, чтобы цитадель стала неприступной. Наблюдая за тем, как трудятся солдаты, и Эшара, и Леонид с радостью видели, что их сплачивает общая цель.

--- Мои поздравления, капитан Леонид: вы можете гордиться своими людьми, --- заметил Эшара, проследив за взглядом Леонида.

--- Спасибо, капитан. Да, мы сделали из них замечательных солдат.

--- Жаль только, что война проявляет в человеке как хорошие, так и плохие стороны, --- вздохнул Эшара.

--- О чем вы?

--- Кастелян, вы участвовали в сражения и прекрасно знаете, на какую жестокость способны солдаты в разгар боя. Но оглянитесь вокруг, и вы увидите братство, которое рождается только межгдү теми, кто стоит перед лицом смерти. Каждый мужчина и каждая женщина здесъ понимают, что, возможно, скоро умрут, но они не отчаиваются. Они видели восход солнца, но никто не знает, доживут ли они до заката. Понять и принять этот факт --- на такое способны немногие.

--- Не гдүтаю, что большинство солдат это понимают.

--- Возможно, они этого и не осознают, --- согласился Эшара, --- но чувствуют где-то в глүбине гүши. Они боятся смерти, но лишь пойдя ей навстречу, они могут обрести мужество.

Леонид улыбнулся.

--- Вы замечательный человек, капитан Эшара.

--- Вовсе нет, --- ответил Эшара без ложной скромности. --- Я костический

десантник. Всю жизнь я готовился к тому, чтобы сражаться с врагами Императора. В галактике нет лучшего оружия, более крепкой брони и более искренней веры, чем у меня. Не имеет значения, кто мой противник: я знаю, что одержу победу. И я говорю так не из высокомерия, потому что не много найдется в этой галактике врагов, которые устояли бы перед мощью Agentus Astarmes.

В устах любого другого эти слова прозвучали бы заносчиво, но Леонид видел, как Эшара сражался на батарее; костический десантник говорил правду.

--- Я знаю, что могу победить любого врага, --- продолжал Эшара, --- но у ваших солдат нет такой уверенности. Они увидели, что неприятель сильнее их, и все равно не сдаются. Они --- настоящие герои и не подведут вас.

--- Мне это известно, --- сказал Леонид.

--- Кстати, о героях. Вам удалось выйти на связь с этим Хоуком? --- спросил Эшара, глядя в сторону гор.

Нахмурившись, Леонид покачал

головой.

--- Пока нет. Магос Бове потерял связь с Хоуком незадолго до запуска торпеды. Когда улеглось раздражение Агентус Механикус из-за того, что их не посвятили в этот план, они пропустили последние секунды записи переговоров через фильтры в своих когитаторах. Кажется, прямо перед тем, как пропал сигнал, там была стрельба.

--- Так вы думаете, что Хоук мертв?

--- Да, скорее всего, --- кивнул Леонид. ---

Даже если он выжил в той стычке, у него не было шансов уцелеть при запуске торпеды.

--- Жаль, --- признался Эшара. --- Мне бы хотелось встретиться с гвардейцем Хоуком. Он производит впечатление настоящего героической личности.

Леонид улыбнулся.

--- Если бы кто-то сказал «Хоук» и «героический» в одном предложении еще месяц назад, я бы расстеялся.

--- Неожиданный герой?

--- Уж куда неожиданнее, --- подтвердил Леонид.

После поверхности жара и духота в туннелях казались невыносимыми, и под слоем брони Форрикс обливался потом. Пол галереи резко уходил вниз, грубо высеченные ступени вели в душные подземные глубины. Красные скалы этой планеты удерживали гневное тепло, как скряга держится за деньги, и ночью от каменной земли исходили волны жара. Сотни рабов уже погибли от теплового удара, но все же строительство туннеля быстро продвигалось.

По обе стороны от главного туннеля уже ветвились набитые взрывчаткой боковые галереи, которые должны были разрушить стенку рва и открыть в него доступ атакующим. За этими ответвлениями туннель уходил еще круче вниз, под сам ров, и буровые установки постепенно подбирались к главной кюртине. Когда прокладка туннеля будет завершена, вдоль основания стены на значительном ее отрезке пройдут дополнительные галереи, также наполненные взрывчаткой, детонация которой мгновенно обрушит стену.

Как и сооружение третьей параллели, эта работа была грязной, неблагодарной, бесславной. Форрикс осознавал, что в этом и заключалось его наказание; но он также знал, что наказание не за что, и знание это терзало его, как острый нож в сердце. Он видел, как Хонсю, внезапно оказавшись в фаворе, самодовольно расхаживает, гордясь своей новой бионической рукой, когда-то принадлежавшей Кортришу. Разве он не понимал, что именно Форрикс всегда подпитывал его честолюбие, всегда разжигал в нем желание быть признанным? И вот как его вознаградили: заставили работать до изнеможения, как раба, как животное. Его, Форрикса, капитана Первой Великой роты, заставили ковырять грязь в шахте!

Почему ситуация так резко переменилась? Меньше недели назад Кузнец Войны еще признавал его выдающиеся заслуги в быстром захвате Тор Кристо и оказал ему честь, поручив организовать строительство новых сан и параллелей. И не важно, что из-за

Кроагера демонические машины были разрушены! Не важно, что из-за непрофессионализма Хонсю у противника появилась возможность запустить орбитальную торпеду. Кузнец Войны сейчас был всего лишь в шаге от величия, и место Форрикса было рядом с ним, а не в этой подземной дыре.

После фиаско с батареей Джарек Келмаур наконец-то рассказал правду о том, как обстояли дела. Форрикс тогда направился в его шатер с твердым намерением прикончить колдуна; он ворвался внутрь, и его силовой кулак сверкал смертельной энергией. Схватив потрясенного колдуна, он швырнул свою жертву с такой силой, что Келмаур перелетел через стол для алхимических опытов, на котором кто-то связанный корчился в судорогах удовольствия.

--- Ты все знал! --- бубнел Форрикс. --- Ты знал, что Улперские Кулаки придут. Ты знал --- и ничего не сказал нам.

Келмаур поднялся на ноги и, разведя руки в магическом жесте, набросился на Форрикса. Тот ударил кулаком в живот

колдуну и, когда тот согнулся пополам, поднял его в воздух.

--- Со мной твои фокусы не пройдут, --- оскалился Форрикс, бросил Келмаура на землю, а затем присел рядом. Обхватив шею колдуну одной рукой, он занес силовой кулак над головой противника, угрожая проломить ему череп.

--- Ты ведь знал, что Имперские Кулаки появятся?

--- Нет! Клянусь, я не знал!

--- Ты врешь мне, Келмаур, --- отрезал Форрикс. --- Я заметил то выражение у тебя на лице, когда ты говорил Кузнецу Войны, что защитники цитадели не успели послать предупреждение. Ты ведь врал ему тогда, да? Они все-таки сумели послать предупредительный сигнал?

--- Нет! --- захныкал Келмаур, и Форрикс немедленно ударил его по лицу, лишь в последнюю секунду деактивировав силовое поле кулака, но все равно сломав нос и выбив несколько зубов.

--- Еще раз соврешь --- и я не стану отключать поле, --- пообещал капитан.

--- Я не... не знал наверняка, но

опасался, что сигнал все же отправили. Но он был настолько слабый, что я решил, что за пределы системы ему не пробиться и его никто не услышит.

--- Выходит, кто-то услышал.

--- Получается, что да, но я принял меры, чтобы не допустить вмешательства со стороны.

--- Какие еще меры?

--- Чтобы перехватить возможное подкрепление, я отправил «Камнелом» к точке перехода на краю системы.

Услышав это, Форрикс застонал.

--- И ты даже не подумал, что благодаря этому они смогли подобраться к планете незамеченными? Просто отвратительный идиотизм. --- Он отпустил колдуну и покачал головой. --- Тогда скажи мне вот что, Келтаур: зачем ты здесь? Почему Кузнец Войны приказал нам атаковать это укрепление? Почему ты ведешь осаду цитадели в такой спешке и, главное, что происходит с самим Кузнецом Войны?

Колдун медлил с ответом, и Форрикс вновь активировал силовое поле кулака.

Келтаур попытался отползти прочь, но двигался недостаточно быстро, и капитан рывком поднял его на ноги, схватив за мантию.

--- Говори же!

--- Я не смею!

--- Или ты скажешь мне правду, или утрешь. Выбирай, --- прорычал Форрикс, заноса кулак для удара.

--- Геносемя! --- взвыл Келтаур, а потом слова безудержным потоком отчаяния полились с его губ: --- Эта цитадель --- тайный оплот Агентус Механикус. Здесь они сохраняют геносемя Агентус Астартес и следят за его чистотой. Под цитаделью спрятан лабораториум, в котором столько генетического материала, что хватит для создания целых легионов костических десантников! Если Кузнец Войны захватит этот материал для Разорителя, то наградой ему станет возвышение. Если мы добьемся успеха, то Кузнец Войны получит демоничество! Но если мы потерпим поражение, то он будет уничтожен, превращен в лишенное разума

отрогье Хаоса, навеки обречен быть лишь чудовищно мутировавшей тварью.

Форрикс постепенно осознал истинный смысл возможной награды и поставил Келтаура на землю.

Геносемя, самый ценный материал во всей галактике. С этим трофеем силы Разорителя станут безграничными, и его Черные Крестовые походы построят новый мир на пепелище Улпериута. Возможности, которые открывались в этом случае, потрясли даже всякое новизнавшего Форрикса.

Демоничество! Это значило стать почти всесильным существом, повелевать энергией варна, менять реальность по своему усмотрению и держать в подчинении миллионы душ. Такая награда стоила любого риска, и теперь Форрикс понимал, почему Кузнец Войны так одержим желанием прорваться в Цитадель. И пусть для этого потребуются жертвовать жизнями всех воинов, участвующих в осаде, — для бессмертия это была небольшая цена.

Ради такой награды можно было

пойти на все. Форрикс прекрасно понимал, как это заманчиво: обрести способность путешествовать по мирам за пределами смертной жизни, где все было позволено, где любую вероятность можно было сделать реальностью. Он твердо посмотрел прямо в глаза Келмауру.

--- Никому больше не рассказывай то, что ты рассказал мне, иначе Кузнец Войны узнает, какую глупость ты совершил.

--- Он ни за что тебе не поверит, --- простонал Келмаур.

--- Это неважно. Если у Кузнеца Войны возникнет хотя бы подозрение, что ты обманул его, он тебя убьет, и ты это знаешь, --- пообещал Форрикс, направляясь к выходу из шатра.

И вот теперь в темном чреве туннеля, глубоко под землей, он наблюдал за тем, как бригада измотанных рабочих вытаскивает очередную порцию вынутого грунта. Туннель продвигался вперед, и скоро Железные Воины будут внутри цитадели.

Форрикс улыбнулся, представляя,

какие удивительные возможности тогда откроются перед ним.

Поместив шлем на железную стойку, Кроагер остался перед Лараной Уториан полностью обнаженным. Все его тело покрывали рубцы старых шрамов; под ними — мощные, четко очерченные пласты мускулов, но Ларане все равно казалось, что без успеха он словно становился меньше. Становился менее страшным.

Как и всегда после боины, его голос звучал глухо и апатично, а движения были медлительными, словно отяжелевшими от пролитой крови. Ларана спрянула руку, на которую примеряла латную рукавицу, за ворот шинели, чтобы скрыть покраснение и раздражение на коже. В руке все еще чувствовалось жжение — отголосок того живительного огня, что опалил ее тогда изнутри. Она уже чувствовала, как возвращаются силы.

На ее кости словно выросла новая плоть, каждая клетка ее тела, каждая артерия, каждая вена пульсировали чудовищной жизненной энергией. Ее сердце билось сильнее, а зрение стало четким.

как никогда раньше. Надежда на скорую
возможность отомстить оьяняла, и
Ларане пришлось постараться, чтобы не
выдать своего волнения, когда Кроагер
угрюмо приказал ей вновь приняться за
чистку доспеха, после чего проковылял в
угол и рүхнул там, погрузившись в
глубокий сон пресытившегося кровью
хищника.

Уловив безмолвный зов, Ларана
спокойно подошла к нечистому доспеху и
улыбнулась, чувствуя некое одобрение. Она
сняла со стойки латную рукавицу, которую
потеряла раньше; поднесла к губам и
сосала пальцы; ощутила вкус крови, сила
которой сейчас проникала в нее.

Да, кровь — это сила, она наполняет,
она ведет. В ней — твоя страсть, твое
вожделение, твои ненависть и будущее.
Только кровь спасет тебя.

Ларана кивнула. В этих словах была
истина, это она теперь ясно видела. Для
того чтобы выжить, она должна принять
любую силу, если только та даст ей шанс
отомстить.

Она всунула руку в перчатку и

запрокинула голову в экстазе: энергия, горячая и жадная энергия вливалась в ее тело. Кожа на ее руке начала растягиваться, влеща вспухающие мышцы, которые слой за слоем нарастали на костях с фантастической скоростью.

Да! Да! А теперь все остальное — и наш договор будет скреплен.

Не сознавая, что делает, Ларана огин за другим снимала со стойки элементы брони и надевала на себя. Хотя доспехи предназначался для воина гораздо более крупного, каждая часть в точности подошла ей по размеру. Сила вливалась в ее плоть непрерывным потоком, тело ее росло, наполняясь чудовищной мощью, и Ларана застывала.

С каждым новым элементом брони все больше становилась словно частью ее. Главные изгибы внутренних поверхностей доспеха изменялись под контуры ее тела, вращая в него побегать телной энергии. Где-то в глубине сознания Лараны раздался тревожный вскрик, но он затерялся в реве урагана, в котором трансформировалась ее плоть. Голос тревоги кричал что-то о

цене, которую придется заплатить за столь омерзительный дар, но Ларана, одержимая ненавистью, не стала слушать.

Один последний шаг, Ларана. Одно последнее условие. Ты должна отгадать мне все, ничего не скрывая. Твоя душа должна стать моей, и тогда мы будем едины. Мы станем Аватарой Кхорна!

Ларана взяла в руки шлем-черепа, раскалившийся в устешке, и надела его на голову.

--- Да, --- прошипела она. --- Возьми все. Я твоя...

Голос разума утолк, был изгнан из ее треснувшего черепа, и Доспех Кхорна овладел ею полностью.

Закричать --- вот что она успела сделать, еще оставаясь человеком, ибо на одно страшное мгновение она поняла, какую непоправимую ошибку совершила.

Вскрикнув, Кроагер проснулся --- вынырнул из пустоты без сновидений, ужасной в своем сходстве с забвением смерти. В горе пересохло, он часто дышал, с трудом вспоминая, где находится. Через входной проем в блиндаж просачивался

тусклый свет, и внезапно Кроагер остро ощутил: что-то не так.

Он встал и неслышными шагами двинулся к выходу. Тени сплетались вокруг него, и смутное чувство чего-то неправильного превратилось в абсолютную уверенность. Он потянулся за мечом и еще больше разозлился, не обнаружив его на месте. Неужели эта маленькая смертная грань взяла его? Она жизнью заплатится за такое преступление.

Внезапно Кроагер почувствовал, что в блиндаже еще кто-то есть, и медленно повернулся. В сумраке виднелось неестественное свечение, и он прищурил глаза, стараясь понять, что это. Доспех его был там же, где он снял его, но что-то изменилось... Кроагеру потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что именно.

Доспех его был на ком-то надет. У этого кто-то держал его меч.

--- Кто бы ты ни был, ты покойник, --- пообещал Кроагер.

Незванный гость покачал головой.

--- Нет, Кроагер, покойник --- это ты.

Сы нам нагоел, и больше ты в тебе не нуждается.

Кроагер вздрогнул: он узнал этот голос. Но это невозможно. Это не могла быть она — его слабая, сгибающаяся пленница.

Она поплатится за такую наглость. Он бросился вперед, заноса огромные кулаки для смертельного удара. Женщина уклонилась от атаки, взмахнула мечом, и на боку его появился разрез шириной с ладонь. Кровь хлынула из раны алым потоком, и Кроагер взревел.

Но он не успел оправиться от удара: меч обрушился на него снова и вспорол живот, выпуская наружу внутренности, которые упали на земляной пол блиндажа. Кроагер рухнул на колени, с тоской глядя на противника, но последовал новый удар, и ему пришлось вскинуть руки в бесполезной попытке защититься.

Тот, кто теперь носил доспех, не ведал пощады и просто кромсал его на куски. Сначала он лишился ладоней, затем меч отсек его руки до локтя. Кроагер завалился на спину в луже собственной крови, окруженный обрубками собственных

конечностей; наконец женщина опустилась на колени, саясь на него верхом, и отбросила меч в сторону.

Нарочито медленно она сняла шлем, и Кроагер закашлялся кровью, увидев лицо заново родившейся Лараны Уториан.

Испуганная женщина, которую он мучил все эти долгие недели, исчезла. Искаженное лицо новой Лараны не выражало ни жалости, ни сострадания — только ненависть, от которой Кроагера до мозга костей пробрал холод.

Держа затупившийся костяной нож обеими руками, она подняла его высоко над головой; а затем существо, когда-то бывшее Лараной Уториан, вознало нож в глазницу Кроагера и продолжало наносить удар за ударом, пока череп ее учителя не превратился в кровавое месиво.

Форрикс сверился с инфопланишетом, проверяя на пыльном экране расположение минной галереи, и с удовольствием убедился, что туннель не отклонился от намеченного направления. Они уже прошли много рвом и в течение часа должны были показаться у стен. Форрикс перешагнул

через туннел раба и осмотрел результаты
работ на плоскости забоя. В такой
близости от стен уже нельзя было
применять буровые установки — их могли
услышать имперские войска, и потому
отряды рабов прокладывали туннели
вручную, используя лопаты и кирки,
обмотанные тряпками. За рабами,
вооружившись шипастыми дубинками и
электрострекалами, следили
надсмотрщики из людей, служивших в
армии Железных Воинов. Эти дураки
сами приближали гибель собственного
города, и Форриксэ нравилась ирония этой
ситуации.

Убедившись, что все идет по плану,
он зашагал обратно по душному туннелю,
мимо невольничьих бригад, рабы в
которых при виде его съежились от
страха. На своем пути он миновал
несколько галерей и тупиков — их
соорудили для того, чтобы сбить с толку
имперских саперов и скрыть истинное
направление атаки.

Потолок туннеля поддерживали
железные опоры, а пол устилали

звукоепоглощающие маты. Форрикс делал все, чтобы туннель не обнаружили, хотя враг наверняка уже знал о ведущихся тайных работах. Несмотря на принятые меры, оставался шанс, что имперские отряды натолкнутся на туннель чисто случайно; Форрикс молился, чтобы этого не произошло, и подрыв куртины прошел удачно. Может быть, это вернет ему благосклонность командира.

Он не видел Кузнеца Войны с того дня, когда были уничтожены батареи. Повелитель Железных Воинов удалился в свой шатер и допускал к себе только Джарека Келмаура. Форрикс не знал, известно ли Кузнецу Войны о том глупом промахе, который совершил Келмаур, но он твердо намеревался сообщить об этом командиру. Возможность свергнуть колдуну казалась ему лишь незначительно более привлекательной, чем возможность избавиться от Хонсю: для ветерана оставалось тайной, почему Кузнец Войны пощадил полукровку после того, как он, Форрикс, рассказал ему об ошибке Хонсю, результатом которой стала потеря

орудий в Тор Кристо.

От этой мысли ярость Форрикса всколыхнулась снова, и он поклялся, что этот безродный пес кровью заплатит за то, что постел занять его место рядом с Кузнецом Войны.

Возмущение и обида настолько завладели Форриксом, что когда он услышал шум, доносившийся из плоскости забоя, было уже слишком поздно. Крики и грохот катней вырвали его из задумчивости, и он отбросил в сторону инфопланишет, внезапно осознав, что происходит.

Он схватил оказавшегося рядом солдата и крикнул:

--- Возвращайся на поверхность и передай: туннель атакуют!

Перебегавший солдат, освобожденный от хватки гигантского терминатора, со всех ног бросился к выходу из туннеля. Послышался треск выстрелов, затем крики, эхом прокатившиеся по галерее, и Форрикс активировал силовой кулак. От синеватого свечения, которое создавали электрические разряды, тьма коридора

наполнилась резкими тенями.

Держа котби-болтер наготове, он пошел по туннелю, и быстрые очереди автоматического оружия зазвучали громче. Навстречу ему бежали нагсмотришки; они побросали глубинки и стрекала и теперь в ужасе старались убраться подальше от плоскости забоя --- вместе с рабами, за которыми они должны были следить. Форрикс расстрелял толпу бегущих и, переступая через разорванные болтами тела, продолжил свой трудный путь вперед.

Он увидел пять фигур в желтых доспехах; они стояли в кольце из мертвых тел, а над ними в своде нищеры виднелась дыра, проделанная взрывом. Двое из костических десантников двинулись в его сторону, а остальные занялись подготовкой взрывчатки, чтобы обрушить туннель и не дать ему достичь стен цитадели. Форрикс открыл огонь раньше, чем его заметили, и звук выстрелов в замкнутом пространстве прозвучал оглушительно громко. Нагрудник одного из Имперских Кулаков испещрили

окровавленные отверстия, и воин рухнул на землю.

От рикошета разбились шары светильников, и в их угасающем мерцании туннель наполнился фантастическими тенями. Второй Астарес пригнулся и открыл ответный огонь из болт-пушечного. Выстрелы попали в цель, но терминаторский доспех предназначался именно для такого ближнего боя и отразил все попадания.

Форрикс выстрелил снова, одновременно замахиваясь силовым кулаком. Враг припал к земле и откатился в сторону, а кулак разбил вдребезги одну из железных опор и проделал огромную дыру в стене. В воздухе поднялись тучи пыли и каменной крошки, а Форрикс вновь бросился на противника. Имперский Кулак обнажил меч, клинок которого был окутан янтарным сиянием, но в туннеле для эффективных ударов мечом было слишком мало места.

Форрикс отбил клинок в сторону и пробил кулаком грудь врага, проломив грудную клетку и вырвав сердце и легкие.

после чего отбросил прочь окровавленный
трун и двинулся в главную галерею, где
обрушил на Имперских Кулаков шквал
болтерного огня. Один из них, раненный в
бедро, упал, остальные кинулись в
укрытие. Ответные выстрелы
загрохотали по доспеху Форрикса, и один
болт каким-то образом пробил наплечник.
Чувствуя, как сильно кровоточит рана,
ветеран взревел от ярости и разрядил весь
магазин в ближайшего противника.
Щелчок курка при пустом магазине
прозвучал в тесном пространстве
туннеля, как гром.

Услышав у себя за спиной крики
приближавшихся солдат, Форрикс
оттянул назад затвор на мeltaгане,
установленном под опустевшим болтером.
Последний оставшийся в живых Астартес
вышел из укрытия и открыл огонь,
заставив противника покачнуться под
шквалом выстрелов, но раскаленный добела
заряд, состоявший из перегретого воздуха,
ударил Имперскому Кулаку в грудь. Все его
туловище сгорело в одной шипящей
вспышке, а насыщенная кислородом кровь,

вскипев, обратилась в едкий красный пар.

Оплавленные фрагменты доспеха, из которых выднелась сожженная плоть, с плязгом рухнули на пол туннеля: голова и конечности — вот все, что осталось от десантника. Форрикс отбросил разряженное оружие и подобрал болтер противника. Солдаты в красной униформе уже спешили к месту битвы.

Внезапно из дыры в своде пещеры потянуло чем-то зловонным, и Форрикс понял, что из туннеля нужно уходить. Он развернулся и бегом устремился к выходу, ни слова не сказав удивленным солдатам. Он бежал так быстро, как только мог, но оглушительный грохот, раздавшийся за спиной, не оставил сомнений: он не успеет.

Форрикс резко свернул влево, в один из ложных туннелей. Позади раздался крики, но все, кто остался в главной галерее, могли уже считаться покойниками. В узком подземном пространстве грохот зазвучал еще громче, и Форрикс двинулся дальше по боковому туннелю. Он успел скрыться за одним из его изгибов как раз в тот момент, когда

туннель начал наполняться потоком жидких химических веществ.

Подобно приливной волне, все туннели заполнили ядовитые химические отходы — содержимое каждой дренажной трубы, каждого септического танка и отхожего места, какие только были в цитадели. Форрикс ощутил омерзительную воню отхожов, к которой примешивался едкий запах биотоксинов. Водоворот нечистот пронесся по туннелям, сметая все на своем пути, и ему пришлось из всех сил хвататься за неровную поверхность стены, чтобы удержаться на ногах.

Силой потока людей насмерть расплющивало о стены. Металлические галереи полностью залило экскрементами, и те, кто устоял в первой волне, утонули или погибли от интоксикации, окунувшись в токсичные вещества, уровень которых теперь доходил до потолка. Уцелевшие осветительные шары закоротило, и они погасли один за другим.

В боковом туннеле течение потока было слабее, и Форрикс стоял на месте, все глубже погружаясь в бурлившую серо-

коричневую грязь. Он знал, что пока опасность ему не угрожает: его доспех был способен выдерживать вакуум открытого космоса и за свою долгую жизнь побывал и в худших переделках.

Форрикс понятия не имел, как далеко нечистоты растекутся по туннелям, но подозревал, что на всю глину галерей их количества не хватит. Чтобы затопить всю систему туннелей, нечистоты пришлось бы разбавить, а на это ушла бы значительная часть запасов питьевой воды в цитадели. Может быть, защитники цитадели и пошли на такое расточительство — если они уверовали, что вместе с Имперскими Кулаками выжили, наконец, пришла надежда на спасение.

Прошло несколько минут, и уровень жидкости в туннелях начал спадать. План имперцев провалился. За свою жизнь Форрикс построил десятки таких минных галерей, и многие из них враг пытался затопить субстанциями гораздо более смертоносными, нежели токсичные отходы. Дренажная система отвела часть жидкости в специальные водосборные

камеры, а сухая почва планеты впитала в себя излишек влаги. Туннель выдержит, но потребуются дополнительные опоры, чтобы предотвратить будущие обвалы. С этой работой справятся только Железные Воины, так как токсины, проникшие в галереи, будут смертельно ядовиты в течение еще сотен лет. Но воины, облаченные в силовые доспехи, могли не обращать внимания на такие мелочи.

Форрикс встряхнул головой, очищая шлем от густой грязи, налившей на него, и начал пробираться сквозь пропитанную токсинами тьму обратно к главному туннелю. Он знал, что должно случиться дальше. Под его тяжелой поступью хрустели кости тех, кто утонул в наводнении. Уровень потока быстро спадал; Форрикс проверил затворный механизм болтера, освобождая его от грязи.

Впереди виднелись лучи света, пронзившие трак пещеры из отверстия в ее своде; затем что-то тяжелое упало сверху, и раздался всплеск. Темнота не помешала Форриксу разглядеть, как один

из Улперских Кулаков поднялся на ноги и двинулся сквозь поток нечистот, доходявший ему до колен, к входу в туннель.

Форрикс уложил его выстрелом в голову, но в пещеру проникали новые воины, не успело стихнуть эхо выстрела, как они рассредоточились по всей пещере. Трагический обвал обрушился на скалы вокруг него, снаряды рикошетом отскакивали от потолка, но Форрикс огненной дугой болтерных выстрелов перечеркнул всю пещеру и, уложив атаковавших его десантников, отступил в относительную безопасность туннеля, где враг не мог взять его превосходящим числом. Если они вознамерились его убить, то пусть сначала вытащат из этой норы.

Какие-то тени протелькнули у входа в туннель, и он встретил каждую из них выстрелами. Форрикс убивал, стаясь, вспышки, сопровождавшие каждый выстрел, рассеяли адскую тьму, в которую погружилась галерея, а стены ее покрылись выбоинами. Еще несколько болтов пробили его доспех, бок и плечо пронзила острая

боль. Несмотря на всю свою мощь, даже терминаторский доспех не мог выдержать столь плотный огонь.

Болтер в руках Форрикса щелкнул пустым затвором. Отбросив оружие в поток нечистот, он активировал силовой кулак, готовясь встретить бросившихся в атаку Имперских Кулаков. Первого он убил сильнейшим ударом в голову, а обратным ударом вырвал горло второму.

На него бросились еще двое. Потрескивающее энергией лезвие пробило броню, и Форрикс взревел, чувствуя, как клинок прошел между ребер и достал до его основного сердца. В ярости он выбил меч из рук костического десантника и еще одним ударом наотмашь оторвал тому руку. Следующего воина он ударил плечом так, что шлем его врезался в стену туннеля и разбился, а затем выпустил ему кишки, пробив живот силовым кулаком.

Вражеский огонь не ослабевал; один из болтерных снарядов пробил керамитовые пластины доспеха и взорвался, расколов при этом костный панцирь, защищавший грудную клетку

Форрикса. Он упал на колени, а Имперский Кулак приблизился вплотную, ни на секунду не прекращая стрелять. Форрикс вырвал из груди меч и отсек врагу ноги, после чего тот рухнул лицом вниз в ядовитую жижу.

Несмотря на шквальный огонь, Форрикс сумел встать. Рядом в нечистоты плюхнулась граната, и он упал на спину, уклоняясь от взрыва. Разорвавшаяся граната взметнула фонтан нечистот вперемешку с обломками, но жидкость погасила взрыв, и Форрикс остался цел.

Он поднялся на колени, но очередной воин уже бросился в атаку. Выстрел из болтера попал Форриксу в висок, нацисто снес часть шлема, и по лицу его рекой хлынула кровь. Что-то ударило в визор, и шлем оказался сорван с его головы, а затем Форрикс почувствовал, как крошатся кости в челюсти. Перед глазами заплясали вспышки яркого света; он завалился назад, хлопая руками по воде и давясь нечистотами, которые хлынули в нос и рот.

Всего за несколько секунд токсичные отходы выжгли его глаза, а по коже пошли волдыри. Он вслепую затахнулся кулаком, наткнулся на что-то твердое и пополз назад, стараясь держать голову над поверхностью потока. Сплюнул густую пену, которой наполнился рот; согрознулся в рвотном позыве, когда тело начало бороться с токсинами.

Резь в глазах была невыносимой, но Форрикс моргнул, стараясь разглядеть очертания какой-то приближавшейся фигуры. Опять ударил вслепую, промахнулся и заорал от боли, когда широкое лезвие вновь пронзило его грудь, пробило легкое и вышло сквозь спинную часть доспеха. Он схватился за лезвие и резко ударил ногой; что-то хрустнуло, кто-то вскрикнул от боли и забарахтался в бурлящей, покрасневшей от крови воде. Не видя цели, Форрикс стал шарить перед собой, а затем, зарывав, обрушил силовой кулак на нечеткую фигуру, нанося удар за ударом, пока противник не был сокрушен. Грудь разрывалась от мучительной боли, второе сердце и мультилегкое работали

на пределе своих возможностей, стараясь
сохранить своему хозяину жизнь, несмотря
на обширные повреждения.

Где-то позади опять слышались
крики, но, ослепнув, Форрикс потерял
чувство направления. Что приближается,
спасение или смерть?

— Железо внутри! — закричал он,
поднятая силовой кулак. Боль в груди еще
усилилась.

— Железо снаружи! — прозвучал
ответ, и Форрикс опустил руку.

Воины его роты быстро пошли мимо,
вскоре он услышал эхо болтерных
выстрелов и крики, полные ненависти, но с
каждым шагом они звучали все тише. Он
попытался встать, но сил на это не
осталось.

Раздался мощнейший, громоподобный
взрыв, и весь туннель угрожал. С потолка
посыпались камни, стены, после боя
покрывшиеся выбоинами, на несколько
секунд озарились оранжевым светом
пламени.

Форрикс медленно наклонился вперед,
опираясь на грожащие руки. Откуда-то из

невообразимой гали до него донесся
победный речитатив Железных Воинов.

Только тогда Форрикс позволил
своим рукам подогнуться и рухнул на пол
туннеля.

После того, как атака на систему
минных галерей неприятеля провалилась,
боевой дух защитников цитадели резко
упал: не оставалось сомнений, что мины
скоро достигнут стен, и ничего с этим
сделать было нельзя. Имперские войска
попытались провести еще одну атаку,
используя для этого контрмину под
Первым равелином, но понесли серьезные
потери и были вынуждены отступить, не
сумев справиться с охраной, ни на
мгновение не оставлявшей минные
галереи.

Форрикса отнесли в его блиндаж, где
ему оказали помощь хирурги Кузнеца
Войны. Командир Железных Воинов
выразился в этом отношении предельно
ясно: их собственная жизнь зависела
теперь от того, выживет ли его капитан.

Хонсю вызвался руководить работами
по прокладке минных галерей, пока

Форрикс залечивает раны. Кроагер уже много дней не выходил из своего блиндажа, и Хонсю мог только догадываться, какое кровожадное безумие завладело им на этот раз.

Когда выяснилось, что атаки туннелей не принесут успеха, Имперские Кулаки взрывать запечатали входы в контрмины. Ущерб, нанесенный вражеской вылазкой, был устранен, и строительство минных галерей продолжилось.

Пришло время осадных танков; они прошли по сапам на третью параллель и заняли места на позициях, защищенных мощными земляными укреплениями. Грузовики с боеприпасами для этих железных левиафанов день и ночь курсировали по опасному маршруту от лагеря до параллели и выгружали снаряды в только что отстроенные и сильно артирированные склады.

В земляных укреплениях были намечены амбразуры, но пока грунт оставили на месте — до того времени, когда танки будут готовы открыть огонь по цитадели. Позади третьей параллели

были проложены новые траншеи, которые образовали параллели меньшей глины; в них могли разместиться большие отряды солдат, готовые броситься на штурм стен.

Несмотря на все попытки офицеров поднять боевой дух и внушить подчиненным оптимизм, ничто не могло защитить гарнизон цитадели от ужасного предчувствия. Даже самые преданные защитники крепости теряли мужество, видя, какого масштаба атака готовится.

Через три дня после нападения на туннели стены цитадели грозили от глухого удара, по силе не уступающего землетрясению. Земля под крепостью вздыбилась, покрытие дорог во всем периметре внутренних стен пошло трещинами. Край рва скрылся за огромной стеной из пламени и дыма: взорвались заряды, помещенные под ним, каменные обломки каскадом обрушились на дно рва, и путь для вражеской пехоты был открыт.

Но не успела осесть пыль от первого взрыва, как прогремел второй, еще более

могучий. Демонировали огромные склады боеприпасов, которыми были забиты широкие галереи под куртеной между Вратами судьбы и правым фланком бастиона Мори.

В результате этого взрыва фундамент куртины на значительном отрезке своей длины был полностью разрушен. Центральная часть стены просела со звуком, напоминавшим стон, затем шум усилился, и с грохотом, похожим на артиллерийский залп, куртину расколола широкая трещина. Офицеры выкрикивали приказы, торопя солдат уйти со стены, но для многих было уже слишком поздно. Куртина высотой в шестьдесят метров медленно осела на землю, а огромные куски рокрита, оторвавшись от нее, рухнули в ров. При обвале погибли сотни людей, а в небо взметнулись гигантские облака пыли.

После этого обрушение стены пошло еще быстрее, и в ров падали уже целые секции парапета. Размеры разрушений приобрели невероятный масштаб, невозможно было даже представить, что

столь прочное укрепление окажется практически стерто с лица земли.

Когда обрушение наконец остановилось, стало ясно, что центральная часть стены уничтожена почти полностью. В куртине появилась большая брешь около тридцати метров шириной, а обломки, сыпавшиеся со стены, образовали пологий склон, поднимавшийся от дна рва к краю бреша.

Так Железные Воины пробili оборону цитадели.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ШТОРМ

Глава 1

Тысячи солдат в армии Железных Воинов приветствовали падение крепостной стены триумфальным криком, после чего, выбравшись из траншей, бросились на штурм цитадели. Леонид, несмотря на просьбы своих офицеров, остался стоять на гряде щебня и каменных осколков на вершине бреши, держа силовой меч и болтнистолет наготове. Его бронзовый нагрудник сиял как новый, и тундир под ним был безупречно аккуратен. Стоявший рядом брат-капитан Эшара в обеих руках держал по мечу.

Ярость, охватившая солдат врага, была так сильна, что Леонид физически ощутил ее, как жестокий удар.

--- Как же они нас ненавидят, --- прошептал он. --- Но почему?

--- Они --- еретики и ненавидят все, что воплощает в себе добро, --- ответил Эшара тоном, который не допускал сомнений. Готовясь к битве, костический

десантник повел плечами, снимая
напряжение в мускулах.

И вот открыли огонь орудия бастиона
Мори; секундой позже к ним
присоединилась артиллерия Первого
равелина. Убийственный шквал огня косил
нападавших сотнями, и под градом
снарядов, под лучами лазеров от их тел
оставались только клочки.

Из первой волны штурма не выжил
почти никто, но новые тысячи ли на
приступ, людским потоком спускаясь в ров
и быстро пересекая засыпанную обломками
территорию.

Вскидывая фонтаны земли,
взорвались противопехотные мины,
установленные на дне рва, и в толпе
атакующих появились кровавые прорехи.
От взрывов и огня, ведущегося со стен,
солдаты гибли сотнями, и ров
превратился в зону сплошного поражения.
Лишь несколько стельчаков добрались до
края равелина, где их безжалостно
зарубили секирами гвардейцы. Шум
стрельбы, крики, лязг стали эхом
заметались между склонов долины. Резня

продолжалась.

Взорвалась еще одна минная полоса. Некоторым солдатам удалось выжить, когда они, израненные и окровавленные, поднялись к щелчистому склону, что вел к бреши, сверху, презраждая им путь, рухнула связка искореженных железных балок, оплетенная колючей проволокой.

Оставив позади усеянный телами ров, атака захлебнулась у основания бреши. На входящем углу бастиона Мори, где укрепление, очертаниями похожее на наконечник стрелы, сужалось, прильнув к куртине, Леонид приказал установить орудия, которые должны были стрелять снарядами с начинкой из болтов и кусков арматуры.

Выстрелила первая из пушек, снаряд почти сразу же разорвался, и поражающие элементы рассеялись смертоносным конусом. Через несколько секунд открыли огонь остальные орудия, и атакующих стело от бреши кровавым шквалом, в котором их тела разорвало на клочки.

Леонид окликнул майора Андерса на Первом равелине, предостерегая его: все

новые солдаты врага спускались в ров, и, наконец, их стало так много, что армия атакующих смогла обойти с флангов передовую линию укреплений, по форме напоминавшую букву V. Но Ангерс был готов оказать им достойную встречу и повел своих воинов в контратаку. На равелине закинул бой. Джүранские драгуны врезались в толпу вражеских солдат, рубя их мечами и круша прикладами ружей. Сам майор проложил в рядах врага кровавую просеку, и знаменосцам, следовавшим за ним и убивавшим всех, кто оказался рядом, пришлось постараться, чтобы не отстать от командира.

Битва за стены бастиона и равелина еще больше ожесточилась, когда на паранет поднялся поистине гигантский воин, вооруженный огромным топором. Усполинский, тяжеловесный, он с легкостью доставал свои цели и убивал любого, кто осмеливался встать у него на пути. Атакующие сплотились вокруг гиганта, а потом все расширявшись клином заняли паранет, давая возможность подняться на укрепление

тем, кто следовал за ними.

Леонид с чувством отчаяния следил за бойней, которую огромный воин учинил защитникам рavelина, но тут один из отрядов Имперских Кулаков перешел в контратаку. Несколько гранат, взорвавшихся разом, разрушили вражеский клин, а сержант отряда уничтожил гиганта, снеся ему голову выстрелом из плазменного пистолета. Защитники сплотили ряды и столкнули со стены последних солдат врага, еще остававшихся в живых. Облегченно выдохнув, Леонид заметил, что все это время почти не дышал.

У стен разворачивалось поистине ужасное побоище. Трудно было представить, что столько людей могло погибнуть за столь короткий отрезок времени. Но, несмотря на потери, солдаты в красной униформе не сдавались, и вскоре каждый квадратный метр рва был залит кровью и усыпан телами павших.

— Надо признать, они не трусы, — заметил Леонид, увидев, как еще один солдат свалился замертво, сраженный

выстрелом при попытке перебраться через баррикады внизу.

--- Нет, --- резко ответил Эшара; из-за шума битвы ему приходилось почти кричать. --- Уми движет не храбрость. Не стойте так глупо, кастелян. Эти предатели --- еретики, им неведомы такие понятия, как храбрость и честь. Они идут на смерть у наших стен, потому что еще больше боятся гнева своих хозяев. Выкиньте подобные мысли из головы и не позволяйте себе сопереживать этим. Отбросьте ни в чем --- иначе милосердие сделает вас нерешительным, и вы жизнью заплатите за такую слабость.

Леонид кивнул и вновь посмотрел на жестокую битву внизу.

--- Но в чем их цель? --- спросил он. --- Так они ни за что не сумеют закрепиться на стенах. Это просто безумие.

--- Они выясняют возможности нашей обороны, уничтожают наши минные поля, из-за трупов по стенам трудно передвигаться.

--- Проклятье, почему сами Железные Воины не идут в атаку?

— Не волнуйтесь, кастелян, у вас еще будет возможность с ними сразиться, но смотрите, чтобы вам не пришлось об этом пожалеть.

— Может, и так, — признал Леонид. Около десятка солдат смогли преодолеть баррикады и выжить и теперь взбирались к брешу. Но обе стороны от Леониды замерли в ожидании гвардейцы его взвода. Их ружья были нацелены на пролом в стене, и кастелян, взмахнув мечом, скотандовал «Огонь!».

Тридцать ружей выстрелили в едином залпе, и врага отбросило назад; как мягкие куклы, они кувырком покатились по склону прочь от брешу.

За следующие три часа, столь же кровавые, противник еще несколько раз шел на штурм стены, а затем отступал, подчиняясь какому-то неслышному сигналу. Во рву осталось более двух с половиной тысяч мертвых, и ни один из предателей не смог подобраться к брешу.

Вражеские солдаты отступили к своим укреплениям под хриплые победные крики гвардейцев, после чего усталые

защитники сбросили трупы со стеной. Равелина, а из потерн, ведущих к Вратам Судьбы, показались санитары, спешившие унести раненых в укрытие.

--- Утак, ты выжили, --- сказал Леонид.

--- Это только начало, --- пообещал в ответ Эшара.

Слова капитана Эшары оказались пророческими: солдаты Железных Воинов предприняли еще две атаки на стены. Ров, превратившийся в настоящий ад, стал могилой для еще нескольких тысяч; от убитых, погибших под выстрелами или подорвавшихся на минах, остались лишь кровавые ошметки. Три раза Первый Равелин почти пал, и три раза Нитү Ангерсу и костическим десантникам удалось сплотить защитников и в последний момент отбить стены у неприятеля.

Фланговый огонь с фаса бастиона Мори очистил равелин от нападавших; когда наступила ночь, завершившая первый день эскалады, Леонид прикинул, что во рву цитадели осталось не менее пяти тысяч вражеских солдат. По

предварительным подсчетом потери в его войске составили за один день сто восемьдесят человек убитыми и почти в два раза больше — серьезно ранеными. Из числа раненых около трети, скорее всего, уже никогда не вернутся в строй.

Железные Воины могли позволить себе столь чудовищные потери, ничего не опасаясь, а Леонид — нет. Даже если соотношение убитых и дальше будет оставаться в пользу джуранцев, противник рано или поздно возьмет их измором, и Леонид понимал, что этого допустить никак нельзя.

С наступлением темноты он и Эшара спустились со стен, вышли из цитадели по потерне у Врат Судьбы и добрались до Первого рavelина, где обнаружили майора Ангерса — потного и перемазанного кровью — за кружкой каффеина в компании своих подчиненных.

— Вы все хорошо сражались, — обратился к ним Леонид. — Просто чертовски хорошо.

Слова командира заставили солдат засиять от гордости.

— Но завтра легче не будет, и вы должны показать, на что способны.

— Мы не погведем вас, сэр, — пообещал один из солдат, разместившихся на паранете.

Леонид заговорил громче, чтобы его слышали и там:

— Я знаю, сынок, что не погведете. Вы тут отлично держитесь, и я отчаянно ватю горжусь. Вы показали этим шавкам, что значит связываться с 383-им!

Солдаты ответили одобрительными возгласами; повернувшись к Питеру Андерсу, Леонид пожал майору руку.

— Прекрасная работа, Пит, но следите за левым флангом. Бреешь как раз с той стороны, и из-за того, что ты не можешь нацелить туда достаточно орудий, враг постепенно подбирается к ней.

— Так точно, сэр, — козырнул Андерс. — Буду на чеку.

Леонид кивнул, несколько не сомневаясь, что его офицер сумеет отстоять равелин. Он отсалютовал Андерсу, после чего вернулся с Эшарой в цитадель.

Они побывали на бастионе Винкаре, на куртине, у бреши и на бастионе Мори, и везде они от души хвалили солдат и пересказывали им истории о героических подвигах, совершенных в тот день в других частях цитадели. Каждое воинское соединение торжественно клялось превзойти всех остальных в доблести. Когда Леонид, наконец, вернулся в башню у ворот, в одном из помещений которой он временно поселился, сил у него почти не осталось, а голова немного кружилась от утомления, которым его неоднократно угощали солдаты.

Едва он лег на простую, спартанскую койку, как сразу же провалился в сон без сновидений.

Глава 2

Несмотря на темноту, Джарек Келтаур уверенно поднимался по развалинам Тор Кристо, поворачивая голову из стороны в сторону, как будто в поисках чего-то. За ним следовала облаченная в красную мантию фигура, державшая руки под одеянием, а голову склоненной. Тело существа было раздутым и непропорциональным: бросались в глаза широкие плечи, сильно деформированные предплечья и бочкообразная грудь.

Колдун поднялся на скалистый гребень и внимательно осмотрел пространство перед собой. Его покрытая татуировками голова непрерывно двигалась: он искал, искал что-то в обломках горой породы. Что-то, что никак не хотело находиться.

— Это должно быть здесь, — пробормотал он про себя и достал потрепанного вида свиток, золотые буквы на котором выцвели и стали почти нечитаемыми. Келтаур знал, что времени

у него осталось немного, и чувство досады все усиливалось. Видение сообщило ему, что под скалой, на которой стоял Тор Кристо, находится некий тайный зал --- так где же он? Келмаур спустился в огромную воронку, наполненную щебнем и каменными обломками; даже на такой неровной земле, скрытой ночным мраком, он ни разу не оступился.

Его молчаливый спутник верной тенью следовал за ним, неожиданно тяжело ступая. Свет луны окутал эту странную пару кровавым сиянием. Теряя надежду, Келмаур обошел воронку, и тут облаченное в мантию существо резко остановилось и подняло голову, устремляя взгляд на огромную каменную плиту, которая взрывом оказалась сброшена с горы и теперь лежала вровень со скальной поверхностью.

Не говоря ни слова, существо пересекло воронку и остановилось в десяти метрах от плиты.

Джарек Келмаур улыбнулся.

--- Ты чувешь его, да? --- прошептал он, наблюдая, как существо протягивает руки

и плите. Ткань его мантии всколыхнулась, как будто потревоженная каким-то чудовищным шевелением, и что-то черное и блестящее вытянулось наружу из рукавов.

Внезапно воронка наполнилась светом: два ослепительных луча полыхнули из рук существа, и скала разлетелась на куски. Когда пыль осела, Келтаур с восторгом обнаружил перед собой дверь из бронзы, покрытой патиной. Еще одна вспышка — и дверь взорвалась, рассыпавшись оплавленными фрагментами, и за ней открылся темный проход, который вел вглубь горы.

Сердце Келтаура от волнения забило быстрее. Ему предстояло идти путем, на который уже десять тысяч лет не ступала нога человека. Существо вновь спрятало руки под мантией и направилось к обнаруженному проходу. Келтаур пошел следом, и оба они, пройдя сквозь разрушенный портал, вступили во чрево горы.

Ни Келтаур, ни его спутник не нуждались в освещении. Колдун с

восхищением изучал точное, соответствующее законам геомантии устройство туннеля, который уводил вниз, на сотни метров вглубь скалы, на которой стоял Тор Кристо.

Туннель закончился, и перед ними открылся просторный зал с куполообразным потолком, озаряемый тусклым свечением, что исходило от стен. Весь пол занимал диск из литой бронзы почти тридцать метров в диаметре, поверхность которого покрывал сложный рисунок. Что-то в этом рисунке показалось Келтауру знакомым, но он не мог вспомнить, что. С трудом он заставил себя отвлечься от хитросплетений узора.

Его безмолвный спутник прошел на середину зала, поднял черные, влажно блестящие и казавшиеся несоразмерно большими руки, и откинул капюшон мантии.

Лицо его когда-то было человеческим, но теперь было изуродовано так, что от человечности не осталось и следа. Плоть агента Этольфа Цицерина покрывали

биоорганические электросхемы,
пребывавшие в постоянном движении.
Изменилась даже азбука,
установленная Агентиус Механикус: ее
механическую структуру искажил
техновирус. Цицерин с надеждой
повернулся к Келтауру, и плоть его руки
начала меняться, словно став жидкой,
пока, наконец, оружие не превратилось в
человеческую ладонь. Длань указала на
колдуну, и Келтаур нахмурился, не одобряя
такое нетерпение.

Неужели в результате
трансформации Цицерин полностью
лишился способности испытывать
уважение и благоговение?

Келтаур вновь раскрыл потрепанный
свиток и, прокашлявшись, нараспев
произнес несколько фраз, полных
гортанных и щелкающих звуков, на языке,
на котором не говорили уже десять тысяч
лет. Слоги эти никогда не
предназначались для органов человеческой
речи, они словно проскальзывали в толще
воздуха, разрывая его прозрачную
структуру.

По окружности бронзового диска замерцали фиолетовые нити молний, с каждым новым звуком речитатива становившиеся все ярче. Воздух в зале сгустился, стал тяжелым, как перед грозой, и наполнился едким, будоражащим запахом озона. Когда речитатив колдун уже подходил к концу, молнии взметнулись вверх и сплелись в пурпурную паутину, которая плотным куполом все быстрее и быстрее вращалась вокруг диска.

И вот с губ Келмаура сорвался последний слог; потрескивавшая сеть из беспокойных молний взорвалась в массивном выбросе энергии. Колдун сбил с ног, он отлетел к стене и рухнул на пол, оглушенный ударом.

Почти теряя сознание от ужасной боли, Келмаур поднял голову и улыбнулся существу, которое он сотворил из агента Цицерина, исчезло.

Пламя вспыхнуло в центре сияющего диска, разряд энергии, потрескивая, метнулся по периметру зала, и пульсирующие остаточные образы, вызванные ярким светом, померкли. Agent

Цицерин огляделся, определяя свое местоположение после теленортации. Его измененные глаза точно зафиксировали тригонометрические параметры зала, воздух которого был пропитан ароматом джуранских благовоний.

Возможно, он уже бывал в этом зале в прошлой жизни; он не мог вспомнить наверняка. Он помнил только приказы, которые громом раздавались в его мозгу, огнем проносились по странностям, чужеродным неорганическим гендритам, что пронизали его череп.

Потолок темного зала был где-то очень высоко, в стенах — ниши с реликвариями. Под ногами Цицерина была бронза пола: диск, идентичный тому, с которого он перенесся сюда. Два священника с тонзурами на головах уже спешили к нему в панической тревоге.

Остановившись у края диска, они крикнули ему что-то, но слов он не разобрал. Речь была частью той, прошлой жизни; теперь он мог говорить лишь на машинном языке техновируса, и банальная форма словесной коммуникации, которую

использовали священники, была ему совершенно чужда.

Он поднял руки, и их черная поверхность ожила, подчиняясь вирусу, который начал придавать телу-машине новую форму. Вздувшиеся мускулы рук трансформировались в металлические стволы и шипящие сопла. Цицерин открыл огонь из биотехнического оружия, и священников повалило на пол ураганом снарядов.

Десятки урн на нижних уровнях оссуария разлетелись на куски, рассыпав по залу останки бывших кастелянов-цицагели. Цицерин прошел мимо черепов, скопившихся в устье, и направился к выходу из Гробницы.

Там, у дверей во внешние залы, он остановился, опустил руки и стал ждать.

Боль вынуждала Джарека Келтаура спускаться по каменистому склону с осторожностью, но он был доволен тем, что удалось исполнить видение. Он не знал, какая роль отведена агенту Цицерину в той драме, что разворачивалась на Гигре Кордатус, но он

сумел поспособствовать ее исполнению и
был этому рад.

Как только Цицерин исчез, рисунок,
выгравированный на бронзовом диске в
полу, начал теркнуть, а вместе с ним — и
свечение в стенах, пока зал не погрузился в
полную тьму. Свиток рассыпался в пыль, а
вместе с ним — и возможность
воспользоваться древним устройством еще
раз. Но Келмаур знал, что это уже
неважно: Цицерин оказался там, где и
должен быть, и больше колдуня с ним
ничто не связывало.

Келмаур застонал. Слишком много
сил было израсходовано, он устал до
предела, кости болели после удара о стену,
которым закончилась для него взрывная
телепортация агента. Его «ближнее
чувство» ослабло, и он несколько раз
споткнулся, оступившись на скользких
катнях и россыпях щебня.

Добравшись до подножия склона, он
оправил плащ и направился к своему
шатру; здесь, в знакомой обстановке, шаги
его стали более уверенными. Аcolиты
склонились в приветствии, но он не

обратил на них внимания, желая лишь отдохнуть и восстановить силы. Он нагнулся, чтобы пройти через низкий вход в свое жилище, и тут желудок его скрутили жестокие спазмы. Присутствие Кузнеца Войны стало ощутимым в то же мгновение.

— У тебя получилось, — сказал Кузнец Войны. Это было утверждение, а не вопрос.

Келмаур церемонно поклонился.

— Да, мой повелитель. Однорукий слуга машины ушел. Как я и предвидел, тайный зал был расположен в глубине горы.

— Хорошо, — прошипел Кузнец и выпрямился во весь рост, возвышаясь над Келмауром. Колдун отвернулся: смотреть прямо в мутный вихрь метаморфоз, в который превратилось лицо Кузнеца Войны, было невозможно.

Повелитель Железных Воинов прикоснулся рукой в тяжелой латной рукавице к подбородку Келмаура, заставляя смотреть на себя, и тот охнул от боли, пытаясь отстраниться. От того места, где до него дотронулась рука Кузнеца, по коже начала разливаться

чернота; Келтаур вскрикнул, лицо его
мучительно исказилось, а татуировки,
покрывавшие голую кожу черепа, пришли в
движение.

--- Утак, Джарек, ты ничего не
хочешь мне рассказать? Ты ничего не
скрываешь от своего Кузнеца Войны?

Келтаур затряс головой.

--- Нет, повелитель! --- прохрипел он. ---
Клянусь, я рассказал вам о всех видениях,
которые у меня были.

--- Да неужели? --- переспросил Кузнец,
не скрывая недоверия.

Ответа не последовало, и он вздохнул
в притворном сожалении:

--- Ложью ты ничего не добьешься,
Джарек. --- Протянув руку, он прижал
горячую ладонь к виску колдuna.

Келтаур заорал от невыносимой боли:
плоть его начала шипеть и плавиться,
наполняя шатер вонью горелого мяса.

--- У тебя есть только одна
возможность остаться в живых, ---
пообещал Кузнец Войны. --- Скажи, что ты
скрыл от меня, и я не стану тебя убивать.

--- Ничего! --- едва выдохнул Келтаур. ---

Я ничего не скрывал от вас, повелитель, клянусь! Я видел лишь то, о чем уже рассказал!

--- Тогда ты стал для меня бесполезен, --- объявил Кузнец и выдохнул зловонное оранжево-зеленое облако.

Келтаур, чье дыхание и так уже участилось от страха, вдохнул значительную часть этой гнилой субстанции и сразу же забился в конвульсиях. Его тело охватила огненная чужовищных превращений, и крики его казались Кузнецу Войны музыкой. Все существо Келтаура содрогалось в спазмах, нарушавших все законы эволюционных изменений, превращавших их в гротескную мутацию. Щупальца, клешни, крылья и прочие органы, названия которым не было, в изобилии украсили его взбунтовавшуюся плоть, и в этой массе случайных разрастаний исчезло последнее сходство с человеком.

Всего через несколько секунд от колдуна осталась только шевелящаяся куча мяса и костей, лишенная формы и неприспособленная к жизни.

— Я ведь обещал, что не стану тебя убивать? — сказал с устешкой Кузнец Войны, развернулся и покинул шатер, оставив изуродованное тело Джарека Келтаура шипеть на полу в безмозглом оцепенении.

В этом копошении деформированной плоти сохранились контуры одного человеческого глаза: не мигая, он смотрел в никуда взглядом, полным ужаса и начинающегося безумия.

Глава 3

Стены подвергались атакам в течение еще трех дней; тысячи человек штурмовали цитадель, тысячи гибли. Потери среди джуранцев были меньше, чем в первый день, так как самые слабые были убиты в первых же стычках с врагом.

На третий день, в самый разгар атаки, с земляных укреплений, что протянулись вдоль третьей параллели, были сняты албазурные заслоны, сто тринадцать осадных «Ноборников», извергнув клубы выхлопного дыма, встали на позицию и с оглушительным грохотом открыли огонь.

Стены цитадели и бастионов утонули в пелене серого дыма, подсвеченного огнем. Не успело стихнуть эхо первого залпа, как на осажденных обрушился второй. Снаряд за снарядом падали на стены и брешь, и в массированном обстреле солдаты из обоих гарнизонов просто обращались в ничто.

Расшатанные части строений,

сохранившиеся в брешах, рушились целыми пролетами, и вниз посыпались сотни тонн обломков, увлекая за собой десятки людей навстречу верной смерти; еще больше несчастных оказались похоронены под упавшими каменными блоками.

Два страшных часа продолжался обстрел, и от ремонтных работ, которые Углерские Кулаки и джуранцы провели на паранетах, не осталось и следа. Сотни солдат погибли, не успев укрыться в бомбоубежищах; раненые кричали так, что их было слышно даже на аллее статуй, что вела к Гробнице. Не выдержав натиска, рухнул фас бастиона Мори, и фрагменты каменной кладки осыпались в ров, в результате чего образовалась крутая, но пригодная для штурма брешь.

Но к этому моменту во рву уже не осталось живых.

Неподатливая оборона джуранцев и вероломство их собственных повелителей привели к тому, что солдаты Железных Воинов прекратили штурм и начали беспорядочное отступление. Те, кто пережил атаку, шатаясь, брели прочь от

цитадели; поток этих окровавленных, оглушенных, обезумевших от страха людей разделился, натолкнувшись на гигантскую фигуру в вороненом доспехе. Вокруг этой фигуры образовалась пучина; огромный воин стоял, подобно статуе, в водовороте бегущих солдат из его армии.

Кузнец Войны двинулся сквозь толпу, и солдаты расступались перед волной разложения, что круговым фронтом шла перед ним. В руках его был остроконечный жезл с черепом-символом Железных Воинов, который он вонзил в пропитанную кровью землю у края рва.

Опустив обгаренный силовой меч, Леонид наблюдал за гигантом и не мог отделиться от очень густого предчувствия. Он понятия не имел, кем был этот воин, но страх, внушаемый им, ощущался на уровне инстинкта.

Леонид повернулся к Корвину; доспех библиария костических десантников был опален десятками лазерных выстрелов, рана на предплечье кровоточила.

— Это Кузнец Войны, командующий их армией, — сказал Корвин.

Кузнец Войны стоял в пределах дальности, но никто в гарнизоне цитадели не мог поднять оружие и выстрелить в эту цель. Они лишь смотрели, как Кузнец воздел жезл и указал им на цитадель. После чего извлек из заплечных ножен немислимых размеров топор и произнес скрипучим голосом, в котором слышался груз прожитых веков:

— Я даю вам срок до завтрашнего дня. Или вы поступите, как велит вам честь, и броситесь на собственные мечи, или ваши души станут моими, и я обещаю, что отправлю в ад каждого, кто еще жив за этими стенами.

Но всем законам природы голос вражеского командира не мог быть услышан за стенами цитадели; и тем не менее, каждый гжүранский солдат почувствовал, как ужас, заключенный в словах Кузнеца Войны, острым осколком проникает в сердце.

Военачальник армии Хаоса развернулся и направился к укреплениям параллели; Леонид смотрел ему вслеп, и тошнотворное ощущение в желудке

стихло до уровня глухой боли, лишь когда
Кузнец Войны пропал из виду.

С наступлением ночи чемпионы
Кузнеца Войны собрались в его вычурном
шатре и преклонили колени перед
командиром, потрясенные изменениями,
которые постоянной рябью шли по всему
его телу. Хонсю заметил призрачные
контуры чего-то темного за Кузнецом
Войны -- чего-то, чье присутствие
тревожило воздух, словно взмах огромных,
пока невидимых крыльев. Мятущиеся
души, заточенные в доспехе военачальника,
столкли, заглушенные неслышимым
крещендо перелетов, зревших в Кузнице
Войны.

-- Мои чемпионы, близится великое
время, -- заговорил он, глядя на едва
различимые в тусклом свете очертания
цитадели, видневшиеся над краем
земляных укреплений. Небо озарилось
вспышками артиллерийского огня.
мортирские мортиры стреляли по лагерю
Железных Воинов, но обстрел не был
прицельным, и за исключением случаев
прямого попадания машинам и войскам в

дополнительно укрепленных бункерах
ничто не угрожало.

— Будущее проясняется, его пути
становятся четче, и я уже вижу, куда они
ведут: именно туда, куда предполагал
Пертүрабо, и это замечательно. Дворцы
врага будут обращены в руины, его солдаты
вздернут на виселицах вдоль всех дорог
отсюда до самой Терры, и все наши усилия
оплодотворятся. Я видел это, равно как и другие
картины будущего — безжалостные
сражения и победы небывалых масштабов.
Это приятные видения, но жалкие гурьки,
которых нам предстоит уничтожить,
так не думают. Как и большинство
мертвых, они теряют разум от страха,
столкнувшись с истинным величием
Хаоса. Их зрение, их понимание
ограничены, и в этом причина того, что с
ними сотворил Император.

С каждым словом голос Кузнеца
Войны звучал все громче, и сердца Хонсю
бились все быстрее в унисон с каждой новой
фразой, наполненной обещанием небывалых
возможностей. Сражение на этой планете
уже приближалось к финалу, и Кузнец

Войны сүлил ул победу. Солдаты-простолюдины выполнили свою задачу, и честь захватить саму цитадель была уготована Железным Воинам. У этот миг уже приближался — Кузнец не мог и не хотел больше ждать.

Не требовалось большого ума, чтобы понять это.

Грядущая битва наполняла Хонсю предвкушением, и неприятное присутствие Кроагера, стоявшего рядом, не могло помешать этому чувству. Кроагер уже несколько дней ни с кем не говорил, и хотя в обычных условиях Хонсю был бы только рад такой сдержанности, сейчас подобное поведение казалось подозрительным. Даже не видя лица под шлемом, он наметанным глазом ратника разглядел, что в сопернике что-то изменилось. Теперь Кроагер двигался с уверенной легкостью, пришедшей на смену его всегдашней бычьей напористости; теперь это был боец, а не мясник, и такая перемена Хонсю вовсе не нравилась.

Он взглянул на Форрикса: древний ветеран неловко пошевелился, с трудом

неся груз новых бионических имплантатов. Хирурги сотворили настоящее чудо и восстановили его тело за рекордные сроки, а демоническая магия вернула искру его жизни почти с самой границы небытия.

Кузнец Войны вновь приблизился к нити, и Хонсю приготовился вытерпеть очередную волну болезненных спазмов и тошноты.

— Я узнал правду об этой вселенной, — изрек Кузнец, — и правда эта в том, что лишь Хаос вечен. Мы оказались на Тигре Кордатыс из-за переплетения причин и следствий, действий и противодействий, которое началось многие тысячи лет назад, хотя во вселенной ничто настоящего не рождается и не заканчивается.

Повернувшись, Кузнец Войны широко развел руки, словно охватывая всю громаду цитадели.

— Я помогал строить эту цитадель, когда Великий крестовый поход был уже близок к завершению. Я работал плечом к плечу с самим великим Пертурabo, и мы возводили эти величественные стены все

выше к небесам — во славу Императора. Но
уже тогда Пертурabo знал, что однажды
Император предаст нас, и строил
цитадель по собственному плану. Сейчас
же вам предстоит разрушить то, что я
когда-то создал.

Хонсю был поражен. Кузнец Войны
построил эту цитадель? Теперь он начал
понимать, откуда взялось то хитроумие, с
которым были сооружены эти укрепления.
их возводили лучшие инженеры той эпохи,
и для их разрушения требовались столь же
великолепные воины.

— В этой точке времени и
пространства рождаются миллиарды
возможностей, и каждая может
кардинально измениться в результате
самого незначительного поступка, —
продолжал Кузнец Войны. — Каждому из
вас уготована своя роль в этом будущем. У
вы не подведете меня, а если подведете, то
вас ждет смерть, и не важно, от моей руки
или от руки врага. Кому-то из вас
предначертано умереть, а кто-то из вас
уже умер.

Хонсю нахмурился, обдумывая слова

командира. Откроет ли он ил исход завтрашней битвы? Как будто послушав его мысли, Кузнец Войны обратился к нему напрямую:

--- Только Великому Заговорщику известны все бесконечные варианты будущего, но я видел тающие образы того, что должно случиться. Истории, которые еще только предстоит написать, расходятся передо мной лабиринтом переплетающихся тропок, и я вижу их все.

Останавливаясь по очереди перед каждым из своих чемпионов, Кузнец Войны отрывистым жестом приказал им встать.

--- Хонсю. Ты доказал, что можешь быть достойным лидером, и хотя ничто не очистит твою кровь от скверны, заключенной в геноселемни врага, с которым ты сражаешься, ты истинный сын Хаоса. Я провижу, что в честь тебя будут сгорать целые планеты. Но жизнь твоя висит на волоске, и весьма вероятно, что завтра ты умрешь. Если случится так, то прими смерть достойно.

--- Форрикс. Я много раз сражался

рядом с тобой, и вместе ты пролили кровь миллионов. Целые секторы галактики проклинали нас, и легионы мертвых уже ждут тебя, чтобы пройти по дороге в ад. Ты станешь легендой для Железных Воинов.

--- Кроазер... Кроазер, я не могу различить ничего из твоего будущего за пределами резни на этих стенах. Твой путь ведет в места, которых я никогда не увижу, но я не знаю, кому --- тебе или мне --- следует об этом сожалеть.

Многое из того, что сказал кузнец Войн, осталось для Хонсю непонятным, но он чувствовал, что каждое слово имеет особое значение. Он едва расслышал пророчества, сделанные остальными капитанам --- так сильно озадачило его предсказание, адресованное лично ему. Неужели он завтра погибнет? Или ему все-таки удастся выжить, чтобы обречь на страдания новые миры Лже-Императора?

Эти материи лежали за пределами его понимания, но полученное признание в глазах Кузнеца Войны несказанно ободрило его, убеждая, что все было не напрасно.

На каменных ступенях его шаги звучали особенно громко, но магос Наицин знал, что шум никто не услышит. Даже если бы здесь кто-то и был, магос с легкостью мог бы объяснить свое присутствие.

Темная башня копьем черноты пронзала рубиновое небо. Затянутой в перчатку рукой Наицин потер поверхность бронзовой маски, край которой натуральные тканые облегли его лицо. Каким облегчением будет наконец избавиться от аулметики, необходимой для исполнения его роли, и почувствовать прикосновение свежего воздуха к его истинной плоти!

От мысли о предстоящем деле по телу Наицина пробежала волна возбуждения. До сих пор его задачей было держать в неведении и снабжать ложной информацией того, кто и так уже запутался, — жреца машины, в котором едва оставалась хоть толика человечности, и влиять на которого с каждым днем становилось все проще. Угрозы разоблачения практически не было с того самого момента, как он занял

место настоящего Наицина на Никсоре
Секундус почти сто лет назад: вот лучшее
доказательство того, насколько легко
жрецы машины, слепо следовавшие догме,
становились жертвами интриг и обмана.

Всего несколько правильно
подобранных символов, пара ритуальных
строчек бессмысленной тарабарщины — и
они уже готовы поверить, что ты один из
них. И вот эта легковверная организация
была одним из столпов, на которых
держался проклятый Империзм? Противно
даже думать. Чем быстрее его повелитель
уничтожит эту бесполезную систему,
тем лучше. Отделавшись от нее,
человечество, объединенное под властью
Хаоса, станет только сильнее.

Наицин поднялся на вершину склона и
оглянулся на оставшиеся внизу пустоши
Тигры Кордатур. Атака Железных Воинов
начнется на рассвете: железный шторм, в
котором утонет цитадель, и против
ярости его не выстоит никто. Люди,
сражавшиеся на стенах, действовали
мужественно, но Наицин сомневался, что
от этого мужества осталось бы хоть что-

то, узнай они, что случилось на этой планете и почему она стала столь безжизненной. Еще интереснее для них было бы узнать, что сейчас происходит с их собственными телами.

Он посмотрел на противоположный склон долины, в который раз уже загая, где нашел последнее пристанище беспокойный гвардеец Хоук. Тот факт, что он выжил, почти что открыл Леониду глаза на обман, устроенный Агентус Механикус; но Наицин должным образом проинструктировал своих подчиненных, и полковник ушел из лазарета Биологус, так ничего и не узнав.

Наицин направился к дверям в Гробницу, по обе стороны которых в настенных креплениях, потрескивая, горели факелы; открыв двери, он сразу же уловил характерный запах крови и смерти. Это место было могилой, и запах смерти был понятен, но вот запах крови был для Гробницы новым.

Магос вошел в хорошо освещенные внешние залы и с восхищением посмотрел вверх, на витражное окно. Безымянные

кости́ческие десантники, изображенные на
витраже в разгар сражения, проявляли
самую суровую беспощадность, которая не
шла ни в какое сравнение с действиями их
врагов. Варварская жестокость, пугающая
в своей бескомпромиссности. Витраж
показывал вовсе не верных героев
Империи, а был наглядным
предупреждением: даже те, кто возвысился
более всех, легко могли упасть с вершины.

Наицину был ясен иронический
подтекст витражной картины, ведь он
знал правду об этом месте и истинные
имена его строителей; но он пришел сюда
не для того, чтобы восхищаться
архитектурой гробницы. У него было
гораздо более важное дело.

Ночь постепенно отступала, и на
полу появились полосы красного света
— наступала заря Железных Воинов. Время
пришло.

Взявшись за ручки дверей, что вели в
оссурий, Наицин помедлил, наслаждаясь
величием момента; он подождал, пока
впечатления от каждой секунды не
отпечатались в памяти, а затем

распахнул двери.

За нити обнаружилось существо гигантских размеров. Его тело было странным, гротескным образом деформировано; руки, похожие на толстые кабели, неподвижно свисали по бокам, а под мантией то и дело пробежала рябь, вызванная движением, которое ткань едва могла скрыть. Под капюшоном мантии Наицин разглядел лицо преображенного агента Цицерина: биомеханические электросхемы, вросшие в его кожу, постоянно двигались, сплетаясь во все более сложные конфигурации. Лицо Цицерина стало бледным, почти матово-белым, как металл, испещренный извилистыми венами из ртути. Бывшего жреца машины окружала аура чудовищной силы, и при виде этого существа Наицин почувствовал, как в груди удруливой волной поднимается страх. Потрясенный, он сделал шаг назад.

Руки Цицерина поднялись, трансформируясь в крупнокалиберные стволы биомеханического оружия, а глаза его непрерывно следили за каждым

движением Наицина. На секунду магос показалось, что Цицерин вот-вот его уничтожит, но затем в измененном мозгу агента запустился какой-то неведомый алгоритм, определивший, что магос не представляет угрозы, и руки-стволы опустились.

Наицин сглотнул, силясь побороть страх, и указал на двери, за которыми открывался склон горы, спускавшийся к цитадели:

— Агент Цицерин, я пришел, чтобы отвести тебя домой.

Глава 4

Через час после рассвета лучи солнца показались над краем земляных укреплений. Светило поднималось, а вместе с ним возрастало и нетерпение Хонсю. Красное сияние залило всю долину, ров перед цитаделью погрузился в тень, а темно-серый доспех Железного Воина в отблесках света сиял, как окровавленное серебро. Имперские артиллеристы и осадные танки армии Хаоса вели между собой дуэль, и каждый выстрел сопровождался фонтанами земли и клубами дыма. Но борьба была неравной, и осадные танки методично уничтожали орудия цитадели одно за другим.

Хонсю и его воины припали к земле за «Поборниками». Шум здесь стоял оглушительный, и поверхность планеты грожала от ураганного огня. Всего через несколько мгновений он скотангует своему отряду атаковать Первый рavelин с целью захватить внешние укрепления и не дать тамошним орудиям фланкировать отряды

Форрикса и Кроазера, расположившиеся справа. Форриксу выпала честь штурмовать брешь в куртине, а Кроазер и его берсерки должны были напасть на брешь в бастиионе Мори. Но если равелины устоит, то обе атаки окончатся провалом.

Как только с равелином будет покончено, планировалось, что Хонсю и его отряд перейдут ров и присоединятся к Форриксу в штурме брешу. На этом все планы заканчивались, так как солдаты, прошедшие через ад штурма, будут слишком опьянены кровью и устроят бойню, которую практически ничто не сможет остановить. Хонсю уже предвкусывал этот момент.

Форрикс и его воины собрались вaproше, зигзагообразно отходявшем от третьей параллели; Хонсю заметил, что с каждым сделанным шагом ветеран все лучше контролирует новые механические части своего тела. Кроазер замер без движения у стрелковой ступени на дальнем конце параллели и не сводил глаз с брешу, которую ему предстояло

атаковать. Вместо того чтобы расхаживать, как обычно, с хвастливым видом и осыпая Хонсю насмешками, он погрузился в злобещее молчание.

Еще на рассвете Хонсю подошел к сопернику и даже острее, чем раньше, ощутил, как сильно тот переменился.

— Кузнец Войны оказал тебе честь, Кроагер, — сказал он, но берсерк не ответил и даже не подал вида, что вообще заметил его.

— Кроагер? — повторил Хонсю и протянул руку, чтобы прикоснуться к его наплечнику, но Кроагер, мгновенно среагировав, схватил его за запястье и оттолкнул. Хонсю зарычал и уже было схватился за меч, но тут берсерк развернулся к нему, и не осталось сомнений, что атаковать его означало смерть.

Шлем Кроагера излучал бледное свечение, и хотя Хонсю не мог сказать наверняка, но ему показалось, что такое же свечение угадывалось и за визором. В этом свете чувствовалось присутствие древнего зла, и Хонсю медленно вложил

меч в ножны, повернулся и пошел назад, к своей роте.

Сейчас же, перелмнаясь от нетерпения перед атакой, он встряхнул головой, чтобы выбросить этот эпизод из памяти. И вот гүлкие раскаты «Поборников» стихли; взревели двигателями, осадные танки отошли назад. Именно этого сигнала и ждал Хонсю. Выпрямившись, он поднял оружие над головой.

--- Смерть Лже-Императору! ---
закричал он и, выбравшись через амбразуру на разбитый скат брүствера, бросился вперед, ведя за собой остальных воинов роты.

До края рва оставалось меньше десяти метров, и Хонсю пробежал их под рүжейным огнем, который открыли защитники на фланках бастаионов и почти обрүщенной күртыне. Пули свистели в воздухе, ослепительно-яркие лазерные разряды обращали в пар землю рядом с ним и силились пробить доспех, но Хонсю добрался до рва и с глүхим рыком, полным ненависти, скользнул вниз.

Дно устилали тела, целое море окровавленных и уже начавших разлагаться тел. Под огнем неприятеля Хонсю пересек ров по ковру из трюнов, и под его весом гробились кости мертвых и лопались растяженные гниением ткани. Солдаты на Первом равелине храбро сражались все эти дни, но до сих пор им не удалось иметь дело лишь с расходным материалом армии Железных Воинов. Теперь же им предстояло сразиться с ее элитой.

Шквал лазерного огня с паранетов усилился, мощные разряды оставляли воронки на дне рва, подбрасывали в воздух отсеченные конечности и даже целые трюны, раздувшиеся от газов. Но большая часть выстрелов проходила выше цели — верный признак того, насколько неумелыми бойцами были имперские солдаты. Они могли эффективно целиться только в большое скопление мишеней и сейчас то и дело мазали, сумев сразить лишь пару дугую Железных Воинов.

Хонсю добрался до подножия равелина и, стрельнув по паранету, начал

карабкаться вверх, не останавливаясь по
ответными выстрелами. Поверхность
стены, когда-то гладкая, теперь была
покрыта трещинами и выбоинами,
которые облегчали подъем. Стрелки на
фланке бастиона Мори обрушили на стены
равелина град пуль и бурю лазерных
разрядов, но Хонсю услышал рев, который
издали ринувшиеся в атаку воины, и понял,
что Форрикс и Кроагер начали штурм.

Несмотря на взрывы гранат и
обстрел со стен, на равелин уже
поднимались несколько десятков
атакующих. Одному из Железных Воинов,
поднимавшемуся рядом с Хонсю,
разорвавшись снарядом оторвало голову.
Руки его разжались, и он упал со стены,
сбив при падении еще пятерых.

Хонсю встряхнул головой, очищая
зрение от заливавшей его крови, сильным
ударом кулака пробил кладку стены и
ухватился за балку арматуры — как раз
вовремя, чтобы встретить целую связку
гранат, что скользила к нему по отлогой
поверхности. Он вжался в стену, готовясь к
взрыву. Сила детонации была такова, что

из стены был вырван огромный кусок
покрыта; взрывная волна потянула Хонсю
за собой, но он из всех сил держался за
балку, не обращая внимания на рвущиеся
 сухожилия в руках. На визоре засветились
красным руны предупреждения. Он
чувствовал, что раны на руках и ногах
кровоточат, но все равно продолжил
подъем.

Чем выше он поднимался, тем более
пологой становилась стена, на этом
уровне уже частично уничтоженная
осадными танками. Выстрелы снизу
доносились все реже: Железные Воины,
которые до этого вели огонь по паранету,
убрали оружие и начали восхождение на
равелин.

Хонсю выстрелил в лицо солдату,
который показался над паранетом, и
бросил быстрый взгляд назад. Они до сих
пор еще не завершили подъем, а уже
погибло с десяток Железных Воинов. Он
обернулся как раз вовремя, чтобы
заметить потрескивающий клинок
силового меча, которым один из
Циперских Кулаков натеревался снести

мечу голову. Хонсю вжался в стену, но меч все равно отсек часть наплечника, а когда цель увернулась от второго удара, глубоко погрузился в рокристовую поверхность и выбил снап оранжевых искр, натолкнувшись на арматурную балку.

Имперский Кулак отвел меч назад, готовясь к новому удару, но Хонсю отшатнулся в сторону и, обнажив собственное оружие, сделал резкий выпад. Клинок пронзил грудь врага; Хонсю одним рывком преодолел паранет и врезался в группу гвардейцев, которые как раз спешили закрыть прореху в обороне стены. Он еще усилил эффект, нанеся несколько ударов локтями, и в ответ услышал крики и хруст костей. Поднялся на колени и рубанул мечом по ногам Имперского Кулака, который неся на него, потом перевернул меч и вознал клинок в шлем упавшего врага. Еле успел вытащить меч, чтобы блокировать еще один удар, на этот раз нанесенный имперским офицером со звездой майора на груди.

Этот неуклюжий выпад Хонсю остановил с легкостью и тут же ударил

офицера в пах, гробя тазовые кости, и
противник рүхнүл на землю, воля от боли.

--- Железные Воины --- ко мне! ---
приказал Хонсю, широколи взмахами
меча очищая пространство вокруг себя.

Еще двое воинов из его роты
перебрались через край паранета, и
второе они образовали клин, который
врубился, забрызгивая серебро брони кровью,
в скопление гвардейцев.

Заметив опасную ситуацию, сержант
Циперских Кулаков бросился на Хонсю,
который шел на острие клина. Тот сумел
уклониться от выстрелов из плазменного
пистолета, но другому Железному Воину,
как раз перебиравшемуся через паранет,
повезло меньше --- разряд плазмы попал ему
в голову.

Хонсю сжал рукоять меча двумя
руками, поднырнул под удар и, поднявшись
на ноги, обезглавил костического
десантника одним взмахом. К этому
моменту на паранет поднялись с десятком
Железных Воинов, а остальные уже
заканчивали подъем; клин, который вел
Хонсю, с боем продвигался дальше по

равелину, и враг вынужден был отступить. Атакующие постепенно заняли всю стену, они сражались, не зная пощады, и гвардейцы, столкнувшись с такой варварской жестокостью, сдавали позиции. Хонсю торжествующе закричал, видя победу: паранет был у них в руках. Враг не просто отступал, а практически обратился в бегство, и от полной паники защитников удерживали лишь несколько Имперских Кулаков, еще стоявших в их рядах.

В центре равелина обнаружилась группа гвардейцев: с тяжелым вооружением наготове они оставались в резерве и ждали приказа от молодого офицера, их командира. Заметив их, Хонсю прыгнул с паранета и, приземлившись, откатился в сторону — офицер как раз выбирал подходящий момент, чтобы открыть огонь. Он взмахнул мечом, и внутренние фасы равелина содрогнулись от крупнокалиберного залпа, который стел со стены четырех Железных Воинов. В ответ раздалась болтерные выстрелы, и

несколько гвардейцев упали.

Крики и звуки стрельбы слились в оглушительное крещендо, постепенно охватившее стены рavelина и бастiony. Тут и там от разорвавшихся снарядов загорались пожары, тлела униформа на телах павших, и над укреплениями поднимались столбы дыма.

Гвардейцы продолжали падать под болтерным огнем; офицер опять взмахнул мечом, давая команду к новому залпу, но было уже слишком поздно: Хонсю добрался до резервной группы и теперь уничтожал противника с каким-то безумным упоением. Он проложил себе путь в фонтанах крови, среди отрубленных конечностей и выпущенных наружу внутренностей — и, наконец, ударил в самое сердце обороны рavelина.

Теперь на стенах лишь кое-где еще виднелись проблески желтого на доспехах Имперских Кулаков — маленькие островки сопротивления в окружении Железных Воинов, волной захлестнувших рavelин. Хонсю не сомневался, что скоро и эти отдельные очаги будут скоро подавлены.

Впереди он уже видел тяжелые створки золотых ворот, что вели внутрь цитадели. По бокам от них — высокие оружейные башни, поврежденные обстрелом, но без осадных танков ворота все равно были неприступны. Однако справа от них Хонсю заметил огромную брешь, на гребне которой кипела жесточайшая битва.

— Железные Воины, за мной! — заорал он, стараясь перекрычать грохот битвы, а затем, подняв окровавленный меч, побежал к брешу.

Первый рavelин пал.

— Вперед! — крикнул Форрикс, стоя лишь немногим ниже гребня брешу. Его силовой кулак искрился стертоносной энергией, и ветеран уже чувствовал вкус близкой победы. Его доспех покрылся вмятинами и кое-где был даже пробит, но сам воин ничего не чувствовал — таинственные технологии, с помощью которых была изготовлена его новая аулетика, делали тело невосприимчивым к боли. Очередной болтерный снаряд ударил в нагрудник и

взорвался, осколки рикошетом зацепили шлем и оставили на нем глубокие борозды, но в ответ Форрикс лишь расстелился с безумным весельем.

В сражении за брешь, затянутую дытом, смешался всякий боевой порядок. Повсюду лежали мертвые тела — как врагов, так и своих. Три раза Железные Воины поднимались на гребень, и три раза прихвостни Дорна отбрасывали их вниз.

Форрикс снова пошел на штурм, широкими шагами медленно, но неумолимо продвигаясь вверх, но прямо у него под ногами взорвалась заглубленная мина, земля вздыбилась, и его отшвырнуло назад. Обломок скалы врезался в его лишь недавно восстановленный шлем и разбил визор так, что из-за трещин теперь почти ничего не было видно.

Прокатившись несколько метров вниз по склону, Форрикс остановился на гряде щебня и сразу же в ярости встал. Сорвал с головы изуродованный шлем и бросил его куда-то в клубы дыма у бреша. Он разглядел силуэты, мелькнувшие впереди, и открыл огонь из комби-болтера — одна

фигура упала, но другие ответили выстрелами.

Завесу дыма и скрывавшихся в ней врагов пронзила крупнокалиберная очередь — то заговорил «Жнец» смертоносная автомашинка, снаряды которой просто стелили путь неприятеля. Форрикс быстро остотрелся, оценивая ситуацию. Его рота уже понесла серьезные потери, и в них не будет никакого смысла, если его отряд не сможет продвинуться дальше.

Уцелевшие Железные Воины поднимались по склону, постепенно приближаясь к брешу, и тут Форрикс услышал победный рев, донесшийся откуда-то снизу. Это означало, что полукровкам удалось захватить равелин, но ветеран по-прежнему не знал, как обстоят дела у Кроагера, атаковавшего восточный бастион. Форрикс раздраженно зарычал и продолжил восхождение к брешу, вслепую стреляя в клубы дыма. Рядом шли около двадцати терминаторов, и они тоже ни на секунду не прекращали обстрел противника.

Защитники брешу огрызались,

укрывшись за полуразрушенными стенами, но Форрикс не обращал внимания ни на пули, ни на лазерные разряды. Сейчас он увидел только брешь.

Он уже почти поднялся к ней, когда из-за гребня послышался оглушительный гул, и скалы перед ним разлетелись на мелкие осколки, а от огромных кусков оброчита осталась только пыль. Всего один сокрушительный залп не оставил и следа от шестерых Железных Воинов; опалаяющий энергетический луч обратил в пар все туловище еще одного. Несколько мгновений его ноги еще сохраняли вертикальное положение, но затем останки скатились по щебнистому склону.

Прижатаясь к земле, Форрикс пополз к краю брешу и рискнул приподнять голову, больше не защищенную шлемом, над грудой камней — и увидел чудовищ из легенд, и не одно, а целых два. Два титана-разведчика, подвижные и маневренные, курсировали по незащищенному пространству между внешними и внутренними стенами цитадели. Они кружили, как хищники в

клетке, и останавливались лишь затем, чтобы обрушить на брешь очередной разрушительный залп из болтеров «Вулкан».

Сердце Форрикса сжалось. Пока «Псы войны» прикрывали брешь, преодолеть ее было практически невозможно.

Существо, которое пробиралось по искореженным обломкам стали и рокрикам к брешу бастиона Мори, когда-то было одним из смелых лейтенантов 383-го полка Джуранских драгун; но теперь наместо Лараны Уториан пришло нечто неизмеримо древнее и злобное. Первобытный рев Аватары Кхорна выражал силу, с которой Ларана ненавидела.

Ненавидела гвардейцев за то, что они стреляли по своим.

Ненавидела Кроазера за то, что он не оставил ей иного выбора.

Ненавидела Императора за то, что он позволил всему этому случиться.

Ненависть кровью проросла в самое сердце Лараны.

Воины из роты Кроазера следовали за

этим существом, полагая, что идут за своим командиром. Они с боем прокладывали себе путь сквозь вражеский огонь и взрывы, и свирепость и словно заговоренная неуязвимость существа вызывали в них благоговение.

Казалось, рядом с Аватарой нули замедляли полет и отклонялись от своих траекторий; лазерные лучи проходили сквозь тело существа, а взрывы, которые должны были бы разнести его на части, оборачивались лишь рикошетом осколков, которые не оставляли и следа на его доспехе. Там, где другие воины с трудом взбирались по крутому склону, их командир шел легко, как будто по ровной земле. Существо широкими и уверенными шагами приближалось к вершине, и расстояние, разделявшее Аватару и остальных Железных Воинов, все увеличивалось.

Наконец Аватара достигла гребня Breishi. Меч в руках воплощения Кхорна пел смертоносную песню, и каждый, кто вставал на его пути, погибал. Железные Воины еще не закончили подъем, и вскоре

существо оказалось в окружении
Имперских Кулаков.

Аватару это не пугало; наоборот, существо предвкушало бой, нуждалось в нем. Оно взметнулось в прыжке, перелетело через воинов, стоявших впереди, обезглавило двоих и приземлилось за спинами остальных. Резко ударив ногой, переломило позвоночник одному воину и разрубило второго наполам одним ударом меча. Со всех сторон на него напали и Имперские Кулаки, и гвардейцы, но ни один их удар не достигал цели.

Аватара пробила череп одному из кричащих солдат и, схватив его за одежду, подбросила вверх, так, чтобы поток крови поросил ее сверкающий доспех. Соприкоснувшись с металлом, капли кровишипели, и броня втягивала их в себя с чудовищным причмокивающим звуком.

На место павших становились новые воины, но все они гибли один за другим, бессильные перед воплощением бога Крови.

Аватару окружило пульсирующее сияние, тело существа начало

раздвигаться, как если бы его физическая форма уже не могла вместить в себя излишек силы. Над бастионом Морри раздался громовогоподобный хохот, наполненный вековой злобой, и защитники цитадели дрогнули.

Железные Воины наконец добрались до брешы и теперь разворачивали строй позади Аватары, без колебаний вступаая в бой. Аватара наблюдала за сражением, и волны ненависти и жестокости омывали ее сущность подобно животельной влаге, болью и смертью подпитывали ее нового носителя. Но вдруг укол резкой боли вырвал воплощение Кхорна из экстаза битвы, и белое свечение, исходившее из его шлема, раскалилось, как обжигающее солнце. Аватара искала того, кто решился напасть на нее.

К ней приближался костический десантник в подчеркнуто простом, без украшений доспехе Улперских Кулаков. В руке он сжимал потрескивающий психосиловой посох, и Аватара растеялась, почував в воине псайкера. Такого врага стоило убить.

Наг шлемом библиария, наг
гексаграммами сизилл и резными
печатами чистоты, которыми была
покрыта его поверхность, возник
мерцающий нилб психической энергии.

--- Я отправляю тебя в ад, мразь, где
тебе и место! --- прошипел библиарий
Корвин.

Луч ослепительного света вырвался
из его посоха и ударил в грудь Аватары.
Существо пошатнулось и упало на колени,
ожутое губительным огнем. Боль
заставила его взреветь, и внезапно
воплощение Кхорна одним быстрым
выпадом пронзило мечом одного из
Железных Воинов. Кровь, стекавшая по
клинку, укрепила Аватару, придала ей сил
подняться на ноги, а труп, из которого
вышли все жизненные соки, рухнул на
землю.

Энергия разрядилась вырывалась из
тела Аватары, потоком струилась по
пластинам доспеха; существо вновь
расстелось:

--- Ты заблуждаешься, --- произнес
скрипящий голос, когда-то принадлежавший

Ларане Уториан. -- Разве ты не знаешь, что Кхорн -- проклятие псайкеров?

У бреши кипела ожесточенная битва, но ни одна из сторон не спешила вмешиваться в это противостояние духа, которое разворачивалось на ином плане бытия. Библиарий приготовился нанести ответный удар:

-- Пред силой Императора изыди, нечистый демон! -- громогласно рек Корвин и направил еще один луч света в Аватару.

И вновь существо рухнуло на колени; и вновь библиарий обрушил на него потоки обжигающего света. Но и сам он все ниже сползал по полуразрушенной стене, на которую ему пришлось опереться: его силы иссякали, сама его душа таяла в поединке с этим чудовищем.

Аватара распростерла руки и исторгла крик, полный такой ненависти, что пошатнулся весь бастион. Из доспехов твари вырвался алый вихорь голода и пронесся по всей бреши, как фронт ударной волны, поражая всех и каждого в радиусе ста шагов. Энергетическая буря, питаемая ненавистью, бушевала в стенах бастиона

Мори, и каждый, кого она касалась, был
разорван на части. Кровь жертв,
подхваченная эфирным вихрем,
устрелялась обратно к Аватаре ---
эпицентру урагана.

Существо увеличивалось в размерах,
и металл его доспеха его стонал и
трещал, расширяясь, чтобы вместить
новую энергию, собранную в этой
стертоносной жатве. Вокруг лежали
иссушенные тела --- Железные Воины,
Цеперские Кулаки, джуранцы: их
жизненная сила стала пищей, которую
теперь поглощал убивший их монстр.
Аватара выпрямилась в полный рост, став
намного выше разбитых стен бреши; ее
броня и оружие сверкали от едва
сдерживаемого избытка силы.

И лишь один выжил в этом урагане ---
библиарий Корвин. Священные сизиллы на
его доспехе почернели, словно их стер
огонь; он с трудом держался на ногах и
тяжело опирался на посох, а рядом уже
грохотали шаги Аватары.

--- Ты еще жив, псайкер? --- проревело
существо, поднимая меч. --- Что ж, скоро

ты об этом пожалеешь.

Корвин заглянул в горящие глаза Аватары и увидел там смерть.

Сверкающий меч прочертил дугу, которая с отвратительным звуком, как будто рвались мышцы, распорола тонкую ткань реальности. Между мирами открылась черная трещина, и воздух наполнился гудением, словно стаи мух влетели сквозь нее в этот мир из какого-то чуждого измерения.

Меч Аватары рассек Корвина напополам; он умер, не издав ни звука, и его останки втянула в себя темная прореха, что разорвала связь пространства и времени. Существо же упивалось смертью, предчувствовало океаны крови, которой еще только предстояло пролиться. Клинок, пресытившийся болью, открыл ему путь к целому сонму душ, которых нужно было собрать для Кровавого Бога. За этой прорехой в ткани реальности лежали миры, в которых прошлая жизнь существа была бы короче одного удара сердца; миры, в которых голод Кхорна, возможно, однажды будет утолен в резне небывалых

масштабов.

Аватара застыла, поняла, что такое просто невозможно: голод Кровавого Бога — бездонный океан, чрево, которое никогда не сможет насытиться. Металл успеха на Аватаре еще больше расширился, впитывая в себя свежесбитые души и наполняясь новой жизнью — новой целью.

Ларана Уториан увидела свое будущее, увидела вечность, где была только война и смерть, и закричала. Это был безмолвный крик, звучащий лишь в ее разуме, и возник он потому, что какая-то часть ее души, порочная часть, радовалась такой судьбе.

Не оглядываясь назад, Аватара прошла навстречу своей участи через темный портал, за которым открывались измерения, неведомые смертным.

Ее ждала бесконечная битва и бесконечная жизнь, чтобы принять в ней участие.

Хонсю взбирался по склону к брешу, предвкушая хорошую драку. Железные Воины собрались на гребне пролома в

стене — у груды камней, затянутых клубами дыма, сквозь которые то и дело виднелись проблески. Стреляло какое-то оружие, пока остававшееся невидимым за пеленой дыма, но по характеру огня Хонсю предположил, что установлено оно на митане.

Форрикс заметил его приближение, указал рукой вперед, на брешь, и заявил, стараясь перекричать очередь грохочущих выстрелов из «Вулкана»:

— Здесь нам не пройти!

— Но если мы останемся тут, оружие бастиона разорвет нас на куски! — возразил Хонсю. — Нужно прорываться через брешь!

Форрикс указал на бастион Мори, очертания которого угадывались в дыму, и Хонсю заметил, что с той стороны не доносилось никаких звуков, обычно сопутствующих битве: ни выстрелов, ни криков раненых, ни лязга стали. Лишь тогда он увидел нечто в воздухе над брешью — разрез, края которого медленно стыкались, как у зарастающей раны, а между ними еще виднелась россыпь звезд.

--- Это что еще такое, во имя Хаоса?

--- Не знаю, полукровка, но именно
туда ушел Кроагер.

--- Не понимаю, --- признался Хонсю,
когда мерцающая прореха полностью
закрылась.

--- Я тоже, но сейчас о Кроагере нам
надо думать в последнюю очередь. Нужно
найти что-то, что уберет отсюда этих
проклятых «Нес войны».

Как будто в ответ на слова Форрикса
послышался глухой удар, и по склону
посыпались темные камни. Через мгновение
земля дрожала вновь, словно от падения
гигантского молота, и Хонсю обернулся,
ощутив присутствие чего-то очень
древнего и очень страшного.

Теперь громоводобные удары
следовали один за другим, и камни
сыпались от бреши сплошным каскадом.

Наконец дым развеялся, и из черных
клубов появился «Дес Цре» --- тяжело
шагая, он двигался к цитадели.

Принцес Даэкиан, сидевший высоко
над землей в командном мостике титана
класса «Нес войны», даже по вокс-связи

почувствовал волнение принцеса Карлсена и улыбнулся с трагичной решимостью.

— Это «Диес Уре», он снова на ходу. Только Император знает, как это случилось, но он направляется прямо к бастиону Винкаре!

В предупреждении Карлсена не было нужды: впередсмотрящие Даэкиана уже доложили о появлении вражеской машины. Чувствовалось, что Карлсен хочет присоединиться к нему в битве с «Диес Уре», но даже беглый взгляд на планшеты тактической обстановки показал Даэкиану, что больше всего пользы «Нсы» принесут, прикрывая брешь.

— Стойте, принцес Карлсен. Удерживайте занимаемые позиции, — приказал он.

— Так точно, сэр, — отозвался Карлсен, не скрывая своего разочарования.

Даэкиан с мастерской точностью направил своего «Повелителя войны» через ворота во внутренней стене, приказав капитану пригнуть тяжелую голову, чтобы не лишиться наплечных орудий. «Армис Юват» и «Накс Император», оба класса

«Грабитель», были меньше по размеру и проследовали за ним без проблем. После первого сражения всех трех титанов успешно отремонтировали, но ни один из них не восстановил боеспособность в полной мере.

Хотя Даэкиан не сомневался в своих подчиненных и в боевом духе самого «Гонорис Кауза», он все же приготовился предстать перед Императором и лишь затем поднялся в рубку титана. Он давно знал, что все закончится именно так, и пусть грядущий бой завершится его смертью — Даэкиан все равно гордился тем, что именно ему выпал шанс отомстить за принцесса Фьераха.

Вмешательство «Диес Цре» в сражение уже приносило свои плоды. Имперские войска в страхе бежали, едва завидев гигантское чудовище, что вынырнуло из-за завесы дыма. Имперские Кулаки отступали организованно, но и костические десантники понимали, что поединок с такой тварью закончится ничем. Валы и укрепления не могли защитить от врага таких размеров.

которому было под силу переступить
через весь бастион всего лишь одним
шагом и всего лишь одним выстрелом —
уничтожить все его стены.

Бегущие гвардейцы были уже у ног
титана, и Даэкиан выругался: он не мог
двигаться вперед. Пята титана могла
раздавить целый взвод, а «Диес Уре» тем
временем уже был у третьей параллели.
Еще несколько секунд — и он доберется до
стен.

— Модератор Уссар, выведите из
строя щиты этой твари! — заорал он,
поднятая тяжелую ногу титана для шага
вперед и молясь, чтобы люди внизу успели
убраться с дороги. — Инженерная палуба,
первую походную скорость.

Роторные бластеры, установленные
на плечах его титана, прочертили в
воздухе пунктир огненных линий, и в
корпус «Диес Уре» ударил шквал
подкалиберных бронебойных снарядов. Яркие
вспыхнув, схлопнулись пустотные щиты,
но Даэкиан знал, что это только начало
битвы.

«Армис Юват» и «Накс Император»

заняли позиции на его флангах и вели огонь, не сбавляя скорости, а сам Даэкиан тем временем пытался осторожно обойти отступающие войска. Внезапно раздался сильный взрыв --- огни выстрел из плазменного аннигилятора, установленного на вражеском титане, уничтожил угловую оружейную башню бастиона Винкаре. В воздух взлетели огромные куски рокрита, но большая часть стен просто расплавилась, и башня осела под собственным весом.

Даэкиан выругался, почувствовав, как подогнали его огневой напором «Диес Уре» подгались щиты, и приказал своему титану резко повернуть к бастиону и перешагнуть через линии траншей.

Чужовицкий враг был прямо перед ним: ужасные очертания «Диес Уре» были ясно видны над неровной крошкой разрушенного паранета, и Даэкиан ощутил тяжесть в желудке --- холодную, свинцовую тяжесть. Корпус вражеской машины почернел, опаленный огнем, голова превратилась в расплавленную, покрытую вмятинами глыбу металла, в которой

светился зеленым единственным
уцелевший глаз, но орудия не столкнули ни
на миг и держали под непрерывным
обстрелом как паранеты, так и титанов
тактической группы Даэкиана.

Залп из орудия «Агский шторм»
пробил щиты «Армис Юват» и повредил
его левый коленный сустав, заставив
титана пошатнуться.

— «Армис Юват», «Накс Император» —
готовьтесь к стрельбе! — скотанговал
Даэкиан и, прибавив скорости, двинулся к
фланку бастиона.

Принцессы обеих «Грабителей»
привели своих титанов в устойчивое
положение и выпустили смертоносный
залп по «Диес Цре». Вражеский титан
сделал ответный залп, не прекращая при
этом продвигаться вперед. Даэкиан
активировал линейные ускорители орудия
«Вулкан» и взял управление им на себя. Он
уважал модераторов, которые отвечали за
это орудие, и полностью доверял их
мастерству, но, если повезет, это будет
смертельный выстрел, и сделать его он
должен был сам.

Новый разряд, вырвавшийся из плазменного аннигилятора «Диес Цре», снес еще одну секцию стены, и титан спустился в ров, каждый своим шагом ступая на сотни трупов. Что-то яркое сверкнуло сбоку от Даэкиана, на мгновение озарив весь мостик, и он повернул голову, чтобы увидеть, что взорвалось на этом раз.

«Армис Юват» завалился назад, а от верхней части его корпуса ничего не осталось. Погбитый «Грабитель» рухнул на землю, выбрасывая гейзеры раскаленной плазмы из пробитого реактора. «Накс Император» изрядно пострадал от вражеского обстрела, но пока еще сражался.

--- Принцес, пустотные щиты отказывают! --- закричал модератор Уссар, когда «Гонорис Кауза» поразил новый залп.

--- Полный вперед! Прежде чем нас постигнет та же судьба, мы должны подобраться к этому монстру поближе! --- ответил Даэкиан.

Между ними оставалось меньше ста метров, и Даэкиан уже мог разглядеть

следы ужасающих повреждений, которые принцес Фиерах сумел нанести этому порождению варна, прежде чем принял смерть. На торс титана были кое-как приварены огромные стальные заплаты, на ногах же были установлены разнообразные вспомогательные механизмы, которые и вернули «Диес Уре» подвижность.

Роторные бластеры вывели из строя еще несколько пустотных щитов противника, а затем Даэкиан увидел, что один снаряд взорвался уже на его верхних бастионах. Защита врага, дарованная ему самим адом, была, наконец, пробита.

Даэкиан повел «Гонорис Кауза» вперед и навел оружие «Вулкан» на цель.

— За принцесу Фиераху, — прорычал он и выстрелил.

Луч энергии, мощность которого трудно было даже представить, прочертил ослепительно яркую линию, метя в голову «Диес Уре», и еще до того, как цель была поражена, Даэкиан знал, что не промахнулся.

Но радость победы была недолгой: не веря своим глазам, он увидел, что луч

попал в пустотный щит, восстановленный
врагом всего за мгновение до удара. Корпус
«Диес Уре» уже разворачивался к нему, и
раскаленный добела ствол плазменного
орудия был наведен точно на его машину.

— Маневр уклонения! — заорал
Даэкиан, прекрасно понимая, что уже
слишком поздно.

«Гонорис Кауза» отшатнулся в
сторону в тот момент, когда орудие врага
извергло разряд плазмы.

Прицелс Даэкиан почти успел.
Почти.

Выстрел попал прямо в ствол
«Вулкана», и орудие мгновенно исчезло,
превратившись в раскаленный шар плазмы.
Даже адамантий не выдержал
температуры такого взрыва, и титан
лишился руки.

Даэкиан закричал от невыносимой
боли, забился в судорогах, не в силах
выдержать обратный сигнал, который
блок мышлеуправления отозвался на
повреждение. Из его носа и ушей текла
кровь, но он не сдавался и все так же шел
на сближение с «Диес Уре», контуры

которого ступно угадывались сквозь дыт,
затянувший командный мостик.

Оба титана достигли крепостных
стен одновременно; благодаря тому, что
бастيون Винкаре находился на
возвышении, рубка, в которой располагался
Даэкиан, оказалась на одном уровне с
головой «Диес Уре». «Накс Император»,
истекающий горячей плазмой,
оставляющий за собой след из белых искр,
которые каскадом сыпались из
поврежденных ножных сочленений, занял
позицию справа.

Даэкиан ударил врага в грудь
клешней, которая венчала оставшуюся
руку «Гонорис Кауза», и массивный титан
закачался, но затем сам взмахнул рукой и,
снеся верх рокритовой стены бастиона,
нанес сокрушительный удар по безречной
секции имперской машины.

Даэкиан слышал, как треснул
металл в ноге его титана, слышал крики,
которые доносились с инженерной палубы
по вокс-связи. В лучшем случае у него
оставалось лишь несколько мгновений.

Но градом вражеских ударов он вновь

затахнулся клешией, на этот раз сдвигая
заплаты, установленные на брюхе «Диес
Цре». Чудовище отшатнулось назад,
пытаясь хоть как-то защитить реактор,
который теперь стал уязвимым.

В бой вступил «Накс Император». Несмотря на страшные повреждения, титан опустил ценной кулак на верхние бастиионы вражеской машины, и лезвие с оглушительным визгом распорол корпус, приближаясь к командному мостику «Диес Цре».

Шипастый хвост механической твари взметнулся в хлестком ударе и вдребезги разбил коленный сустав имперского титана, в результате чего тот пошатнулся, и лезвие цепного кулака сорвалось с брони противника.

А затем «Диес Цре» развернулся, наставил плазменный аннигилятор прямо на рубку «Накс Император» и выстрелил в упор.

Невероятной силы взрыв уничтожил всю верхнюю часть корпуса «Грабителя», и оба титана, сошедшиеся в схватке, утонули в потоках жидкого огня. Останки

«Накс Император» перевалились через стены бастиона и рухнули в ров, изрыгая в небо столбы черного дыма.

Но гибель товарища гала Даэкиану шанс.

Он приказал своему титану ударить в торс «Диес Уре», где броня, закрывавшая реактор, была раньше повреждена атакой принцессы Фиераха, а сейчас еще ослабла от жара взрывов. Даэкиан взревел, чувствуя, как клешня вспорола самое нутро врага, обхватил железной рукой его ядерное сердце и изо всех сил сжал.

Хонсю, наблюдавший за битвой оккупированных дымом титанов, от всей души желал, чтобы машина «Диес Уре» раздавила презренных врагов и превратила их в металлолом. Пока шел этот поединок, он укрывался за гребнем бреша, с ног до головы покрытый грязью и кровью.

Раздражение и нетерпение нарастали в нем с каждым новым взрывом. Так ит никогда не преодолеть брешь.

Два гиганта продолжали бой у дальнего бастиона — бой, от которого земля содрогалась, как при сильном

землетрясении.

--- Форрикс! --- позвал Хонсю, перекрикивая грохот рвавшихся снарядов. --- Эта битва скоро закончится, так или иначе. Пора отступить!

Форрикс покачал головой и зло устехнулся:

--- Я так и знал, что на самом деле ты трус. Никакого отступления. Мы возьмем эту брешь.

Хонсю в ярости схватил ветерана за плечо.

--- Нужно убираться отсюда! Атака захлебнулась, и враг уже перегруппировался за стенами. Промедлит --- и будет еще хуже. Мы проведем еще один штурм позже!

На мгновение ему показалось, что Форрикс снова начнет возражать, но ярость ветерана улеглась, и он кивнул, развернулся и, не говоря ни слова, начал спускаться по склону.

Хонсю пошел следом. Железные Воины отступили от стен и организованными группами двигались обратно ко рву, как вдруг, как раз, когда Хонсю перебирался через ошестинившийся

арматурой обломок рокрита, небо
наполнилось ужасающе ярким светом. Все
краски потеряли, словно выцвели, и день
озарился ослепительным сиянием
сверхновой звезды.

«Диес Уре», из брюха которого били
фонтаны плазмы, оказался окутан
слепящим, непереносимо жарким
пламенем. Кулак вражеского титана, чьи
глаза светились белым, погрузился глубоко
в его внутренности и теперь разрывал на
части нутро демонической машины.
Сцепившись намертво, оба титана
старались высвободиться из железной
хватки противника, и земля вздыбилась
от ярости их противостояния.

Затем раздался страшный стон: обе
машины потеряли равновесие и повалились
в ров.

— Бежите! — заорал Хонсю. Перед
лицом этой новой опасности все мысли об
организованном отступлении были
забыты.

Он промчался мимо равелина и в
несколько шагов преодолел усыпанные
щебнем склоны рва, а тем временем

титаны тяжело рухнули на внешний фас
күртины между воротами цитадели и
бастионом Винкаре. Их корпуса
проскрежетали по поверхности фаса,
оставляя за собой потоки горячей плазмы.
В защите цитадели образовалась еще
одна огромная прореха.

Хонсю выбрался изо рва, изо всех сил
стремясь добраться до земляных
укреплений и безопасности. Форрикс бежал
рядом, благодаря новым бионическим
имплантатам двигаясь с приличной
скоростью, несмотря на тяжеловесный
терминаторский доспех.

Оба титана упали на землю с такой
силой, что ударной волной Хонсю сбilo с
ног и швырнуло вперед. Он врезался в
верхушку земляного вала, по инерции
перекатился через него, и в этот момент
из пробитых реакторов титанов рекой
хлынула плазма.

Пылающий поток затопил ров и
уничтожил бесчисленные трупы в нем за
секунду. От Первого равелина ничего не
осталось — он был похоронен под тысячами
тонн армипласта и керамики. Вдоль

Всего рва пронеслась волна огня и пара, от которой камни на его склонах спеклись в сплошную массу.

Острые, раскаленные добела осколки дождем обрушились на цитадель; один из обломков — остатки командного мостика «Гонорис Кауза» — сокрушил часть стены всего в пяти метрах от каменья Леонига.

Оба титана, погрузившиеся в расплавленную жижу, которая заполнила ров, еще слабо шевелились, не прекращая бой, даже когда их полностью охватил жадный огонь.

Первая попытка штурма провалилась.

Кастелян Леонид налил себе полный стакан атасека и осушил его одним большим глотком, после чего, оставив стакан на столе, присел на край кровати. Все его тело болело, швы, наложенные на неглубокие раны на руках и ногах, тянули при каждом движении, заставляя кастеляна морщиться. Он потер виски, пытаясь избавиться от головной боли, которая не отпускала уже несколько дней.

Но такого чуда не случилось. Он снова наполнил стакан и посмотрел через армированное стекло атбразуры на ров, все еще охваченный тусклым красным свечением. Плазменное пламя, в котором скрылись оба павших титана, уже угасало, и Леонид поднял стакан, чувствуя утирающий свет:

— За вас, принцес Дазкиан. Да хранит Император вашу душу.

Он выпил обжигающую жидкость и подумал было налить третью порцию, но решил, что не стоит — до наступления

утра ему предстояло еще много работы. Провел покрытой мозолями рукой по волосам, стараясь унять боль, и тут в дверь постучали.

--- Войдите.

Пригнувшись, брат-капитан Эшара вошел в комнату, подогвинул себе один из прочных стульев, стоявших вокруг стола, и сел напротив кастеляна. Некоторое время оба молчали; это было дружеское молчание, когда слова не нужны.

--- Сегодня ваши солдаты проявили истинное мужество, --- наконец заговорил Эшара. --- Народ Джурана может вами гордиться.

Видя, что Леонид опечален, он добавил:

--- Мне горько слышать, что майор Андерс погиб.

Леонид кивнул, вспомнив тот страшный момент, когда один из Железных Воинов с оскорбительной небрежностью зарубил его друга в битве на Первом равелине.

--- Примите и мои соболезнования, капитан. Смерть библиария Корвина

стала большой потерей для всех нас.

Лицо Эшары избороздили морщины горя.

--- Не буду делать вид, что понимаю, что случилось на том бастионе, но в одном я уверен: он отдал свою жизнь, чтобы спасти нас всех.

--- Согласен, --- отозвался Леонид.

Донесения о битве на бастионе Мори были, мягко говоря, путаными. Раненые в лазарете бредили, на разные лады повторяя одну и ту же историю о воине-гиганте, который убил всех на бастионе лишь силой своего голоса, и о вихре, который втягивал в себя кровь. К счастью, Леонид успел пресечь эти рассказы, прежде чем они распространились по всему гарнизону.

--- Завтра --- последний день, да? --- спросил кастелян.

Эшара не ответил; Леониду показалось, что капитан не хочет отвечать на этот вопрос, но костический десантник на самом деле обдумывал слова.

--- Этот день станет для нас последним, если мы не отступим за

внутренние стены цитадели. У нас осталось меньше четырех тысяч человек; уничтожена практически вся тяжелая артиллерия; в стенах три бреши. Линия обороны слишком глинная, и всю ее мы не удержим, хотя врагу придется пролить немало крови при штурме. И все же, в конце концов цитадель падет.

--- Тогда мы сдадим внешний периметр и укроемся за внутренними стенами. Они целы, и хотя сплошной линии укреплений у нас не будет, зато будет покрытие энергетического щита.

--- Хорошо, --- кивнул Эшара. --- Жертва, принесенная принцемом Даэкианом, дала нам время на перегруппировку, и лучше нам с этим не затягивать.

--- Я немедленно отдам приказ, --- согласился Леонид, наливая себе последний стакан атасека и доставая флакон с таблетками детокса.

Приняв одну, он покачал головой от отвращения --- вкус у таблеток был отвратительный --- и поставил флакон на стол.

--- Я заметил, что ваши солдаты тоже принимают это лекарство, --- произнес Эшара. --- Можно спросить, от чего оно?

--- Вы про таблетки детокса? Ну конечно, вам же они не нужны. Думаю, скоро и нам они уже больше не понадобятся.

Эшара выглядел озадаченным:

--- Не понадобятся для чего?

--- Все дело в зловонном воздухе, --- пояснил Леонид, поведя рукой. --- Он ядовит. Магос Биологис из Агентус Механикус снабжают нас этими таблетками, чтобы люди не заболели от содержащихся в нем токсинов.

Эшара склонился над столом, взял флакон в руки, потряхнул на ладонь несколько таблеток и глубоко вздохнул --- нарочито глубоко, как показалось Леониду.

--- Кастелян Леонид, вы знаете, что в организме костического десантника есть особый орган, который называется неврозлотис? --- Кастелян покачал головой, и тогда Эшара продолжил: --- Он расположен на задней стенке гортани и

может анализировать химический состав того, чем мы дышим и что едим. При необходимости этот орган меняет свои дыхательные процессы так, чтобы воздух по трахее поступал в генетически модифицированное легкое, которое может справиться с любыми токсинами, содержащимися в атмосфере.

Эшара поставил флакон обратно на стол.

— Боюсь, вас ввели в заблуждение, мой друг. Могу точно сказать, что воздух на этой планете неопасен для дыхания. Неприятен — да, но ядовит? Безусловно, нет.

Леонид не пытался сдерживать захватившую его злость. Он направлялся в Храм Машины, расположенный глубоко под цитаделью, сжимая в левой руке флакон с таблетками детокса, а в правой — лазеристолет. По стерильно чистым коридорам, которые вели к резиденции архимагоса Алаэтона, они шли вместе с капитаном Эшарой, а следом за ними маршировали в ногу гвардейцы из почетной стражи кастеляна, защищенные

панцирной броней.

Теперь Леонид знал, почему там, в горах, Хоук не умер и даже не заболел. Теперь он знал, почему солдаты в крепости постоянно страдали от головных болей и тошноты. Теперь он знал, почему на стенах зала для брифингов столько знамен и эмблем разных полков. Благодаря этим таблеткам для «детоксикации» весьма скоро цитадели потребовалось бы снова обновить гарнизон.

Эшара попробовал одну из этих таблеток, подержал ее во рту, пока химические вещества не растворились, а потом сплюнул их в пустой кувшин.

--- Это яд, --- вынес он свой вердикт. --- Действует медленно и незаметно, но все равно это яд. В этой таблетке содержится много веществ, которые, насколько мне известно, оказывают канцерогенное воздействие. Могу предположить, что через несколько лет приема этого «лекарства» у пациента разовьется какой-то агрессивный вид рака --- или даже несколько видов сразу.

В ужасе Леонид смотрел на флакон с

таблетками, осознавая со всей неизбежностью, что он сам принимал эти пилюли уже очень долгое время.

--- Насколько агрессивный? ---
прошептал он.

Эшара нахмурился.

--- Насколько, чтобы через шесть-семь лет привести к полной инвалидности и смерти.

От ярости Леонид лишился дара речи. Невозможно было даже представить такое вероломство, невозможно постыслить, что Агентус Механикус мог так безжалостно врать своим же. Вспомнив количество знамен на стенах зала, он попытался подсчитать, в скольких смертях были повинны Агентус Механикус, но быстро сдался: цифры превышали несколько миллионов.

--- Но зачем им так поступать?

--- Этого я не знаю. Что оберегает эта цитадель? Неужели это представляет такую ценность, что даже защитники крепости должны любой ценой хранить молчание?

Леонид покачал головой.

--- Возможно, но я точно не знаю. Я знаю лишь, что это место --- нечто вроде промежуточной станции для хранения ксеноартефактов, обнаруженных в данном секторе. Мне сказали, что строения были возведены на руинах, оставшихся еще со времен Темной эры технологий...

--- И вновь я склонен думать, что вас обманули. Вряд ли Агентус Механикус пошел на столь низкий поступок только ради защиты ксеноартефактов. Эта цитадель скрывает тайну, которая стоит жизни каждого солдата из ее гарнизона.

Леонид поклялся узнать эту тайну, даже если ему придется для этого придумать Наицина или нацелить лазеристолет на неведомую машину, которая поддерживала жизнь Амаэтона. Судьбу 383-го Джуранского, наверно, уже не изменить, но Леонид собирался сделать все, чтобы Агентус Механикус поплатился за свои преступления.

От главного коридора ответвлялись несколько других, но кастелян безошибочно следовал по пути, который вел в храм.

--- Впереди кто-то есть, --- прошептал

Эшара, вынимая болт-пистолет и взводя курок.

Леонид последовал его примеру, а гвардейцы из почетной стражи подняли ружья к бою и заняли позиции вокруг кастеляна.

За очередным поворотом открылся зал со сводчатым потолком, словно сотканным из ажурных железных перекрытий. Шары светильников парили, поддерживаемые силовым полем; на стенах — изображения зубчатой шестерни, на полу — груды металлических ящиков и громоздки механизмы. Сервиторы и рабочие двигались по огромному залу, как автоматы, не обращая внимания на происходящее вокруг.

На другом конце зала виднелась приоткрытая широкая дверь в форме зубчатого полукруга, у которой собралась небольшая группа людей. Леонид сразу же узнал магоса Наицина и нескладные фигуры преторианцев — боевых сервиторов. Сервиторы когда-то были рабами, которые, пройдя хирургическую обработку, теперь выполняли для Agentys

Механикус самые разные виды ручной работы. Тяжеловооруженные преторианцы использовались для обороны и облагали телами, усиленными аугметикой. Передвигались они благодаря самоходным гусеничным агрегатам, а в руки их были вживлены разнообразные виды оружия смертельного действия.

Последнего члена этой группы Леонид не узнал, но поразился тому, как чудовищно массивным казалось тело этого человека — даже свободная мантия не могла скрыть его грузные очертания. Кожа его была цвета черного железа, а лицо скорее принадлежало тертвецу, а не живому человеку.

Наицин заметил их приближение и проскользнул в дверь, увлекая гиганта в мантии за собой.

Леонид в ярости зарычал и бросился к закрывавшейся двери. Боевые сервиторы двинулись ему навстречу, но он целиком сосредоточился на двери и не обращал на них внимания. Ничто не мешает ему добраться до Наицина и убить его.

Первый преторианец уже поднимал

руки с установленным на них оружием, и почетная стража бросилась за Леонидом, предупреждая возникшую опасность. Один гвардеец, оказавшийся быстрее всех, прыгнул вперед и сбил кастеляна с ног, уводя его с линии огня. Выстрелы тяжелого болтера, из которого стрелял преторианец, наполнили зал ритмичным грохотом.

Снаряды пролетели над Леонидом, но другим повезло меньше. Три гвардейца упали, у каждого на груди зияла огромная рана. Леонид и его спаситель откатились под прикрытие большой буровой установки на гусеничном ходу, но и от нее теперь откалывались куски металла — преторианец пустил в дело автомашку с более крупным калибром.

На боевого сервитора обрушился шквал лазерного огня, и преторианец отшатнулся назад, истекая кровью. Но даже это не смогло его остановить — он лишь скорректировал прицел и поразительно точными и быстрыми выстрелами уничтожил еще несколько человек из отряда Леонида.

Гвардеец, спасший кастеляну жизнь, выскочил из-за прикрытия бұровой установки и тщательно прицелился в голову преторианца, но тут же рүхнүл на пол, пораженный в грудь и голову, и взрывные снаряды превратили его тело в кровавую мешанину.

Постепенно разрушения, вызванные тяжелым болтером и автомашкой, распространялись по всему залу, и Леонид понялся. Повсюду сыпались осколки стекла и пластика, лилась кровь, сыпались искры; падали солдаты и рабочие-сервиторы, разбивались пульты управления и осветительные шары.

Рабочие-сервиторы, прошедшие лоботомию, не были запрограммированы реагировать на подобные внешние раздражители и продолжали выполнять рүтинные задания на своих местах. Они утирали молча, сраженные огнем преторианцев, которые расстреливали их в упор, благодаря усиленным сервомүскулам даже не замечая мощной отдачи оружия.

Над разбитыми панелями вспыхнули

сигналы тревоги. Леонид пробрался к Эшаре, который обнажил потрескивающий клинок силового меча.

Рабочие-люди старались как можно быстрее отсоединиться от оборудования, которое они обслуживали, и укрыться от неумолимо приближавшихся преторианцев. Один из рабочих упал на колени, моля о пощаде, но в ответ получил лишь выстрел в лицо. Для того чтобы убить остальных, потребовалось всего три прицельных очереди.

Леонид бросился в атаку в тот момент, когда раненый преторианец закончил истребление техников. Он успел выстрелить по цели дважды, и сервитор пошатнулся, но, несмотря на две раны в голове, все равно поднял тяжелый болтер. Третий выстрел Леонида перебил сервитору шею и наконец отделил голову от тела.

Преторианец опрокинулся назад, продолжая рефлекторно стрелять, и пунктир выстрелов протянулся к Леониду и зацепил его плечо. Вскрикнув от боли, он не удержался на ногах и упал, а уже

слышался визг автомашки второго
сервитора, готового открыть огонь.

Но прежде чем второй преторианец
смог выстрелить в кастеляна, Эшара,
укрывавшийся за одним из ящиков, бросился
вперед и одним взмахом меча перерубил
стволы пушки, вызвав взрыв искр, а затем
быстро развернулся и изо всех сил ударил
сервитора локтем в лицо. Череп
сервитора лопнул, шея переломилась, и
обратный удар Эшары довершил дело, снеся
верхнюю, органическую часть тела
преторианца с гусеничного агрегата. Вой
автомашки сменился отрывистым визгом
и наконец стих.

Леонид встал, зажимая рану в плече,
и, благодарно кивнув Эшаре, повернулся к
закрывшейся двери, за которой скрылись
Наицин и его неведомый сообщник.

--- Проклятье! --- выругался он. --- Как
же нам теперь ее открыть?

Эшара указал на что-то за спиной
Леонида. Нахмурившись, кастелян
обернулся, чтобы посмотреть, что именно
привлекло внимание костического
гесантника --- а когда увидел, то широко

улыбнулся.

Дверь, презграждавшая вход в храм Машины, была сделана из сплошной стали тридцать сантиметров толщиной, но смялась как фольга, когда в нее ударил буровая установка весом в восемьдесят тонн. Верхняя секция установки не прошла в дверной проем и со скрежетом оторвалась, но остальная конструкция пробила преграду и, разбрасывая вокруг себя фрагменты металла и снопы искр, оказалась во внутреннем святилище Храма Машины. На мгновение Эшара потерял управление установкой, и ее повело в сторону, к скоплению мониторов и контрольных панелей, в которые она и врезалась. Едва установка, урча двигателем, остановилась, Леонид, Эшара и четыре уцелевших в перестрелке гвардейца прыгнули с нее на пол зала, где в янтарном свечении пульсировали механической жизнью бесчисленные механические устройства.

Застонав от боли при резком движении, Леонид остотрелся, пытаясь понять, что представляло собой это

место.

Магос Наицин стоял, склонившись, у приземистой ромбовидной конструкции, на поверхности которой располагался бак с жидкостью, сейчас разбитый. Жидкость вытекала из поврежденного контейнера, а Наицин, в одной руке державший свою бронзовую маску, в другой сжимал нечто, напоминавшее блестящий кусок мяса. Он отбросил этот предмет в сторону, и Леонид с ужасом узнал в нем застывшие черты лица архимагоса Амаэтона. Прослужив цитадели многие века, органическая составляющая архимагоса наконец встретила свой смертный час.

Неповоротливый незнакомец, который сопровождал Наицина, поднялся на ромбовидное сооружение и широко развел руки — огромные и деформированные. Под его мантией началось какое-то шевеление, словно во все стороны расползлось змеиное гнездо. Ткань мантии лопнула, обнажив пласты мускулов, черных, как железо. По этим мускулам пробежала рябь движения, в них ужасным образом соединилась органическая и биотеханическая жизнь, и

кастелян задумался: чем было это существо --- машиной, человеком или чудовищным симбиозом того и другого?

--- Наицин! --- крикнул Леонид. --- Что ты наделал?

Магос поднял голову, и Леонид охнул от шока, увидев его лицо, истинное лицо. Скопление тонких щупалец, похожих на червей, блестело и переплеталось в сплошную массу, которая и была головой Магоса; в середине лицевой стороны из этой массы выпирала гроздь белесых глаз, а под ней виднелось сфинктероподобное ротовое отверстие, полное острых как иглы зубов.

--- Мутант, --- презрительно сплюнул Эшара и поднял пистолет.

Гвардейцы затерли, словно замороженные, разглядывая невероятное существо, и это нездоровое любопытство стоило им жизни.

Фигура на возвышении подняла руки, плоть на которых двигалась, трансформируясь в два огромных оружейных ствола. Выстрелы слились в оглушительное крещендо, и в одно

мгновение от почетной стражи Леонида
не осталось ничего. Сам кастелян
вынужден был снова искать укрытия за
буровой установкой, а Эшара бросился в
атаку на гиганта в центре зала.

Защипев, магос Наицин кинулся ему
наперерез, двигаясь с невозможной для
человека скоростью. Из пальцев его
выросли глинные хоботки с зубастыми
отверстиями на концах и как кнутом
ударил по противнику. Эшара был сбит с
ног, металл наплечника защипел от
попавшего на него ихора, и под
воздействием этого вещества кератин
доспеха начал растворяться. Кости
десантник откатился в сторону,
выбравшись от жадных ртов, но Наицин
атаковал снова, выплюнув новую порцию
кислоты из отростков на руках.

Леонид не упустил момент и,
используя щиток гусеничной ленты как
опору для пистолета, прицелился в
уродливую тварь, которая уничтожила его
отряд.

Тем временем руки существа снова
трансформировались — на стену оружие

авились глинные ребристые кабели, которые извивались, подобно змеям. Ребра широко разошлись, как если бы открылись поросшие мхом створки древних ворот, и из грудной полости монстра показались с десяток щупалец из влажного зеленого металла. Они потянулись во все стороны, словно в поисках чего-то.

Леонид выстрелил, и лазерный луч поразил чудовище в голову. Вспыхнуло яркое зеленоватое свечение, а затем он увидел, что цель осталась невредима.

Леонид стрелял снова и снова, но безрезультатно. Существо, стоявшее на платформе, было неуязвимо. Металлические щупальца все удлинялись, теперь они подсоединялись к механизмам, стоявшим вокруг возвышения. Биомеханические внутренности порождали все новые отростки, которые тянулись во все стороны, как ветви дерева, и подключались к аппаратам жизнеобеспечения храма и системам регулирования всей цитадели.

По всему залу загорелись предупредительные огни, включилась

звукочая аварийная сигнализация.

Леонид понимал, что сам он никак не сможет остановить это нечестивое создание, и бросился к Эшаре, который все еще сражался с мутантом. Наицин двигался с головокружительной скоростью, щупальца, истекавшие кислотой, уклонялись от каждого удара Эшары. Болт-пистолет капитана превратился в лужицу расплавленного металла, и Леонид видел, что успех его пробит в нескольких местах -- там, где на него попали едкие выделения из зубастых отростков.

-- Отойдите, брат-капитан, -- приказал Леонид и поднял лазерный пистолет.

Эшара уклонился от удара, нацеленного ему прямо в сердце, и отшатнулся назад от омерзительного мутанта. Наицин отступил к ромбовидной платформе, и янтарное сияние, освещавшее зал, потеряло, стелаясь мутным зеленоватым свечением. Леонид навел прицел на голову мутанта.

Наицин самодовольно растеялся, стех прозвучал, как стесь влажного прищмокивания и бульканья.

--- Дүраки! Вам не победить. Можете уничтожить меня, но те, кому я служу, уже вечером будут пировать на ваших костях.

--- Но почему, Наицин? --- по-прежнему хотел знать Леонид.

--- Могу спросить то же у вас, --- презрительно парировал магос. --- Вы и понятия не имеете, за что сражаетесь.

--- Мы сражаемся, чтобы защитить один из миров Императора, мутант, --- отрезал Эшара.

Наицин застелся уже открыто --- потерзительный, тошнотворный звук.

--- Неужели вы думаете, что Императору есть дело до этой планеты? Оглянитесь вокруг: это пустыня! Пустыня, созданная руками человека. Когда-то это был плодородный, богатый жизнью мир, но затем Агентус Механикус захотели обустроить его для своих целей. Вирусная бомбардировка не оставила на поверхности ничего живого, и на многие века планета стала необитаемой.

--- Ты лжешь. Зачем Агентус Механикус так поступать?

--- Чтобы больше никто не предъявлял претензий на этот мир, тогда они могли бы спокойно работать в генетических лабораториях, которые собирались здесь построить. Вы стоите в одном из самых священных для Агентус Механикус мест и даже не знаете об этом. Геносемя, столь ценное для костических десантников, ибо в нем заключено будущее Астартес... Это одно из двух мест во всей галактике, где производится и хранится геносемя.

И вновь Наицин расстелеался, на этот раз увидев потрясенное выражение на лице Эшары.

--- Вот именно, капитан. Когда Кузнец Войны и Разоритель завладеют вашим бесценным геносеменем, они используют его для создания целых легионов костических десантников, которые будут служить Хаосу!

--- Но ты до этого дня не доживешь, --- зарычал Эшара, выхватил пистолет из рук Леонида и выстрелил.

Голова Наицина лопнула, и на платформу потоком хлынула зловонная желтая жидкость, в которой плавали

нүски эластичного, покрытого
отростками вещества. Труп рүхнүл на
пол, и Эшара добавил еще четыре
лазерных разряда, чтобы наверняка
разделаться с чудовищем, а затем, не
говоря ни слова, вернүл пистолет Леонигү.

Зал наполнился воем сигнализации.
Взглянуv ввверх, на платформу, Эшара и
Леониг үвидели, что сүщество, до этого
стоявшее на ней, теперь парит в воздухе,
раскинуv рүки, словно распятое на кресте.
Все новые щүпальца-кабели вырастали из
его тела, а раскрытая грудная клетка
излучала то зеленоватое сияние, которое
теперь освещало зал.

Түт и там по периметру помещения
сыпались каскады зеленых искр,
мерцающие разряды смертоносной энергии
электрической дүгой перекидывались с
одного механизма на другой, и вскоре все
системы цитадели были заражены
техновирүсом.

Один из электрических разрядов
толпией үдарил в пол совсем рядом с
Эшарой и Леонигот, заставив их
отшатнүться от монстра. Весь Храм

Машины сотрясали взрывы, и зал
погрузился в пучину электрического
шторма. Прикрывая Леонида собой, Эшара
кинулся к разбитой двери, за которой
открывался выход. Вслед им встретились
изумрудные молнии, и разряд поразил
Эшару в спину, заставив его захрипеть от
боли. Но воины успели нырнуть в дверной
проем и откатиться в сторону до того,
как вход в Храм скрылся за сплошной
сетью из потрескивающих молний.

Еле двигаясь, Эшара и Леонид
постарались отойти подальше от
пульсирующего зеленого свечения; оба
тяжело дышали и стонали от боли.

Эшара поднялся на ноги и протянул
руку, помогая встать Леониду, который
держался за раненое плечо. Но прежде чем
они успели перетолкнуться хоть словом, из
вокс-бусины в шлеме Эшары раздалось
потрескивание, и капитан сосредоточился
на получаемом сообщении.

Леонид сразу понял, что новости
плохие.

--- Что там? --- спросил он, готовясь к
худшему.

— Началось. Цита больше нет, и противник опять идет на штурм.

Леонид кивнул и оглянулся на осветившийся зеленым вход в Храм Машины, который теперь превратился в аг.

— Тогда наше место — на стенах цитадели, — мрачно сказал он.

Два уцелевших титана Леонид и Мортис двинулись к цитадели в сопровождении эшелона «Ноборников» и сорока двух яростно вопящих гредноутов. Этот бронетанковый удар поддерживали около шести тысяч солдат в красной униформе, потрепанных, но не отстававших от техники. Достигнув рва, солдаты спустились по его склону, ставшему гладким как стекло после битвы титанов и последовавшего за этим плазменного инферно.

В небо взметнулись осветительные ракеты, в цитадели завыли сигналы тревоги, и на атакующее войнство со стен обрушились первые редкие выстрелы.

Хонсю наблюдал за сражением с одного из бастаионов, установленных на

плечах «Матер Мортис» в тридцати метрах над землей. «Ноборники» встали на защищенные огневые позиции вдоль третьей параллели и открыли огонь по стенам цитадели, добивая уже и так ослабленные укрепления, в то время как гредноуты форсировали ров. Титан также шагнул в ров, и Хонсю ухватился за металлическое ограждение бастионной площадки, но специальные когти, установленные на тяжелых ногах титана, позволяли ему твердо ступать даже по осыпающемуся грунту.

На наплечных бастионах титана разместились шестьдесят два воина — все, что осталось от роты Хонсю. Теперь, когда имперские защитники оставили внешние стены, а энергетический щит исчез, они были готовы атаковать внутренние укрепления цитадели. Лучшего шанса, чем этот, у них не будет.

Титаны приближались к стенам, от которых, по сути, остались лишь груды обломков, и обстрел бастионов и куртин стал стихать. Когда его машина проходила мимо расплавленных останков

«Диес Уре», Хонсю поднял меч, чувствуя приближавшего гиганта.

Взглянув направо, он различил тень второго титана, на бастionaх которого стояли воины Форрикса. Начинался последний штурм, и он не мог окончиться провалом. Когда могучая машина войны вошла в брешь, пробитую в стене при падении «Диес Уре», Хонсю вновь схватился за ограждение и почувствовал, как в корпусе демонического титана зарождается и нарастает яростный рев. Обе машины открыли огонь, и от внутренней стены начали откалываться огромные куски, а паранет превращался в пыль целыми секциями.

В пространстве между внешними и внутренними стенами никого не было. «Нсы войны», которые помешали первому штурму, мудро отступили под прикрытие внутренних укреплений. Солдаты на стенах обстреливали врага, но благодаря щитам для титанов эти выстрелы были не страшнее булавочных уколов. Орудия, установленные на стенах, были окутаны зеленым мерцающим свечением; Хонсю не

понимал, почему они не стреляют, но
возблагодарил Темных Богов за то, что
артиллерия врага молчит.

Пока титаны шагали вперед,
«Ноборники» еще расширили бреши во
внешних стенах. Под обстрелом осадных
танков укрепления цитадели содрогались,
а на ворота, ведущие во внутренний
периметр, обрушивался снаряд за снарядом.
Дредноуты также добавили к обстрелу
свою огневую мощь; трое из них,
обезумевшие от жажды крови, грузно
двинулись к воротам и ударили по ним
тяжелыми молотами, но при этом
показались на линии огня «Ноборников» и
вскоре погибли.

«Патер Мортис» приближался к
внутреннему периметру цитадели, и
Хонсю уже мог разглядеть лица солдат,
стоявших на стенах. В его сторону
неслись стрелы лазерных выстрелов, но они
лишь растеялся, чувствуя себя
неуязвимым. Руки титана ударили в
поверхность стены, и бастіоны по инерции
качнулись вперед. Крепежные крюки
глубоко вонзились в рокрит, и через

несколько секунд с бастионов на стены перекинулись осадные мосты, раздавившие под собой паранет.

— Эта крепость наша! Никого не щадить! — заорал Хонсю и, подняв меч, бросился в атаку.

Он спрыгнул на паранет, одним ударом зарубил трех гвардейцев и выпустил очередь из болт-пистолета по защитникам, стоявшим дальше на стене. Сотни воинов были готовы дать отпор атакующим, но Хонсю встретил их без страха, сея смерть в имперских рядах с какой-то сверхъестественной ловкостью.

С наплечных бастионов на паранет устремилась волна Железных Воинов, и в первые же мгновения битвы защитники цитадели понесли большой урон и вынуждены были отступить. Шум стоял немыслимый, весь крепостной вал вскоре был залит кровью. Каждый раз, когда оборона была готова вот-вот поддаться под натиском Железных Воинов, Имперские Кулаки устраивали отчаянную контратаку, спланивали защитников вокруг себя и отбрасывали врага.

Разделавшись с очередным гвардейцем, Хонсю быстро глянул в сторону Форрикса. На его участке Железные Воины тоже столкнулись с ожесточенным сопротивлением и несгибаемым упорством защитников.

Имперские войска удерживали стены, но делали это с огромным трудом, и Хонсю знал, что момент прорыва близок.

Он поднырнул под удар, который целился перерубить ему шею, выпустил кишки нападшему и заметил, что стены накрыла тень — черная, чернее самой темной ночи. На мгновение битва приостановилась, и все взоры устремились вверх, посмотреть, что за новая напасть приближается к цитадели.

С громоподобным грохотом, от которого треснули стены, Кузнец Войны опустился на паранет, и за спиной его раскинулись огромные крылья тьмы. Гвардейцы, оказавшиеся рядом, упали как подкошенные, корчась в судорогах и изрыгая кровь. Каждый удар, который Кузнец наносил огромным топором или когтями на другой руке, уносил жизнь вставших у

него на пути. Мрак, облаком окутавший его голову, беспокойно клубился, и молнии темного света, вырывавшиеся из него, уничтожали все, с чем соприкасались.

Повсюду на стенах раздалась крики ужаса, напуганные гвардейцы при виде этого дьявольского торока немедленно обращались в бегство. Кузнец Войны выпрямился в полный рост, доспех его расширился, словно набухнув, и искаженные гримасой агонии лица, заточенные по поверхности брони, заметались, стена, словно стая банши.

--- Теперь или конец! --- заорал Хонсю, страхнув в себя минутное замешательство.

Он бросился вслеп за бегущими в панике защитниками, безжалостно кромя их мечом. Линия обороны рухнула, и даже Имперские Кулаки были в этой ситуации бессильны.

Хонсю видел, как Форрикс десятками уничтожает бегущих гвардейцев; затем откуда-то снизу донесся оглушительный треск, и он понял, что внутренние ворота цитадели пали. Оставив бойню на стенах

дти своим чередом, Кузнец Войны вновь поднялся в воздух, накрыв все укрепления саваном разложения и необратимых перемен.

Добравшись до одной из огромных башен, стоявших по обе стороны от ворот, Хонсю выбил дверь и нырнул внутрь, стреляя во все, что могло оказаться внутри. Его встретили испуганные крики, и хотя солдаты в башне не представляли угрозы, он все равно убил их и быстро спустился по лестнице. Победа была близка, он чувствовал это.

— Ко мне, Железные Воины! Цитадель наша!

Стреляя на ходу, Форрикс прогрохотал по винтовой лестнице, ведущей к основанию башни. Два уровня были оснащены площадками, на которых смогли закрепиться защитники, но это не остановило безжалостный натиск Железных Воинов: Форрикс и его терминаторы с легкостью уничтожили обе точки обороны.

Даже в разгар боя Форрикс не мог не думать о том, что происходило с

Кузнецом Войны. Их предводитель стоял лишь в шаге от демоничества, и трансформация, которую претерпевало его тело, становилась все более очевидной. Значило ли это, что возвышение случится в самое ближайшее время? Уже давно Форрикс чувствовал напряжение, охватившее Кузнеца Войны, чувствовал, что тому стоит немалых усилий сохранять свой телесный облик. Любая ошибка на этом этапе — и вместо того чтобы возвыситься, Кузнец превратится в бесформенное отродье Хаоса, будет навеки обречен проходить через мучения неконтролируемых мутаций.

Нижний этаж башни образовывал широкий огневой мешок, но спланирован он был на случай атаки извне, и теперь защитники, на которых напали изнутри башни, нигде не могли укрыться. Лазерный огонь опалил стену совсем рядом с Форриксом, и в ответ он повел колбидолтер по широкой дуге, которая охватила все помещение перед ним. Ни один выстрел не прошел мимо цели.

Позади него уже завершали спуск

терминаторы. Лицевые пластины их
рогатых шлемов напоминали хищные
маски, и Форриксу такая аналогия
показалась уместной. Выход из башни был
слишком узок для воинов, облаченных в
броню терминатора, но Форрикс ударом
силового кулака обрушил стену, расширив
гверной проем. Отряд во главе с ветераном
вышел во внутренний двор цитадели.

Форрикс довольнo улыбнулся, увидев,
как Кузнец Войны парит над полем битвы
на крыльях тьмы, которые постепенно
становились все более прочными, все более
материальными. Сами же его очертания
постоянно менялись и расплывались, как
будто вовлеченные в поток бесконечных
превращений.

На другой стороне ворот, у второй
башни Хонсю и его отряд расправлялись с
толпой бегущих в панике гвардейцев.
Впереди же, на дальней стороне мощной
эспланады, Форрикс разглядел группу
разрушенных строений, выбитые окна
которых зияли, как пустые глазницы.
Пройдя ворота, пехотные войска,
«Поборники», гредноуты и «Осквернители»

старались двигаться быстрее, чтобы уйти с линии ответного огня из этих руин.

Пламя, охватившее укрепления, иногда пронзали отдельные лазерные залпы, но в них не было системы, не было точности. Над разрушенными зданиями клубился густой дым, а мгновение спустя Форрикс услышал, как два титана Легиона Мортис, стремясь тоже поучаствовать в последнем сражении, безжалостно крушат курутину.

Дым рассеялся, и над эспланадой раздался визг болтеров «Вулкан». Три «Ноборника» взорвались, подбитый средноут потерял равновесие и отчаянно замахал руками, стараясь удержаться на ногах.

Стрелял «Нес войны» — тот самый титан, которого Форрикс уже пытался уничтожить раньше. Форрикс быстро пересек внутренний двор, а чудовище тем временем призраком скользило в дым, останавливаясь лишь затем, чтобы прицелиться во врага. Однако здесь, на открытом пространстве, огонь титана был далеко не так эффективен, как в

узкой бреши.

--- Рассредоточиться! --- приказал Форрикс и в сопровождении терминаторов отправился на охоту за «Нсом войны».

--- Однажды ты ускользнул от меня, но на этот раз тебе не уйти, --- пообещал он своей жертве.

--- Выбирайте конкретную цель! --- закричал Леонид, когда очередной залп лазерных разрядов обрушился на Железных Воинов, которые неутомимо продвигались вперед, от одного горящего здания к другому. Все пространство между зданиями было затянуто дымом, но Леонид видел, что ни один из атакующих пока не упал. Так не пойдет: нужно, чтобы каждый выстрел находил свою цель.

Их отступление прикрывал «Дефенсор фидеи», титан класса «Нс войны» --- он держал врага под шквальным обстрелом, не давая броситься наджуранцев. Сейчас же Леонид видел, что титаны противника тоже не бездействовали: сквозь клубы дыма, который валил из разрушенных зданий, можно было разглядеть огромные куски

рокрита, которые эти гиганты отрывали от куртины, и не оставалось сомнений, что они присоединятся к сражению всего через несколько минут. Разбитые ворота не могли остановить сплошной поток вражеской техники, который вливался на эспланаду: танки ехали рядом с гротескными многоногими конструкциями, орудийные башни которых были украшены омерзительными рунами. Один вид этих машин заставил исказиться от страха заляпанные кровью лица солдат.

Брат-капитан Эшара перегруппировал остатки своей роты -- всего тридцать Астартес -- и сейчас сражался рядом с Леонидом. Они отступали, но крайне неохотно, и каждый шаг, сделанный назад, Эшара сопровождал выстрелом по противнику.

Внезапно из дыма вынырнули несколько солдат в красной униформе -- проклятая пехота Железных Воинов -- и бросились на них. Прежде чем отряд Леонида успел среагировать, пять человек погибло от выстрелов из примитивных

ружей, которыми были вооружены пехотинцы. Припав на одно колено, Леонид вскинул локоть к плечу и, выбрав полностью автоматический режим, открыл огонь. Улица, затянутая дымом, осветилась яркими лазерными лучами, три вражеских солдата упали, еще четверых точными выстрелами из болтера уложил Эшара. Те, кто еще оставался в живых, нацелили оружие на Леонида, но так и не успели выстрелить — земля грохотала под весом огромной ноги из адмантия, которая опустилась прямо на них.

Турболазер «Юре Дивину» обстрелял здание напротив, и до того, как уже поврежденное строение окончательно рухнуло, Леонид увидел, что с его крыши упали шесть вражеских солдат. Но к самому титану уже приближался воин в доспехе терминатора; в чертах его бледного, безжизненного лица читалась древняя злоба и горькая ненависть, сейчас приправленная жаждой крови.

У Леонида не оставалось времени на раздумья. Эшара, схватив кастеляна за

руку, уже тянул его в сторону горящих развалин у северной стены цитадели. Костические десантники бежали рядом с ними, а гвардейские отряды уже прошли Врата Прощания и спустились в пещеры.

Эти врата, примыкающие к склону горы и укрепленные двумя бронированными блокгаузами, обычно перекрывали вход в систему подземных туннелей и пещер, но после предательства Наицина и осквернения Храма Машины створки ворот застыли в открытом положении.

Позади взорвались несколько зданий, и Леонида сбило с ног ударной волной. Эшара помог ему подняться, в то время как тридцать Имперских Кулаков встали полукругом, прикрывая подход к Вратам Прощания.

Капитан костических десантников склонил голову, прикрывшую лоб и шею почерневшим шлемом, так чтобы оказаться вровень с Леонидом.

--- Кастелян, вы должны спуститься вниз и уничтожить геносея.

--- Но как? --- выдохнул Леонид. --- Без Храма Машины это невозможно.

Эшара крепче сжал его руку.

--- Найдите способ. Используйте огнеметы, плазмаганы --- используйте что угодно, но не допустите, чтобы хотя бы частичка этого геноселени попала в руки врага. Лучше уничтожить все, чем позволить противнику захватить добычу, вы понимаете?

--- Но нам понадобится время, чтобы уничтожить все. Время, друг мой. Вы сможете продержаться так долго? --- спросил Леонид, прекрасно понимая, какую цену за это придется заплатить Эшаре.

Они посмотрели друг другу в глаза и обменялись крепким воинским рукопожатием, сожмнув пальцы на запястье соратника.

--- Мы продержимся столько, сколько нужно, --- пообещал Эшара и, отбросив опустевший болтер в сторону, обнажил оба силовых меча.

--- Удачи вам, брат-капитан Эшара.

--- И вам, кастелян Леонид.

Не сказав больше ни слова, Леонид развернулся и побежал к Вратам Прощания.

Форрикс видел, что от попадания снаряда, выпущенного «Поборником», гигантское чудовище пошатнулось. Разорвавшийся снаряд задел ногу «Нес войны», титан накренился и врезался в полуразрушенное здание, потеряв при этом оружейную установку. Они загнали тварь в угол, лишили ее защиты, и теперь ей конец.

Где-то неподалеку был и второй титан, но был и постоянные взрывы мешали определить его точное положение.

— Пора свести счеты! — заорал Форрикс и бросился к титану.

«Нес войны» уже не мог выдерживать шквальный огонь, который обрушился на его бронированный корпус. Ноги титана подогнулись, кабина пилота опустилась к земле, зеленые окуляры установились на Форрикса. Он растеялся: на этот раз чудовище от него не уйдет.

Его отряд терминаторов окружил подбитую машину, уже заноса силовые кулаки, чтобы добить врага. Сам Форрикс взобрался на тяжелую ступню титана и несколько раз подряд ударил по

голеностопному сочленению.

Заметив эту новую опасность, капитан поднял ногу и сделал шаг назад, но сильно зашатался и завалился на здание, расположенное на другой стороне улицы.

Как ни старался «Нес войны» отпугнуть его, Форрикс, держась изо всех сил, продолжал колотить по суставу. Нога капитана дернулась и с размаху врезалась в полуразрушенную стену. На этот раз Форрикс не смог удержаться, а его противник неуклюже попытался перенести вес на освободившуюся конечность.

Поврежденное сочленение не выдержало нагрузки и рассыпалось на части. «Нес войны» опрокинулся назад, пробил корпусом горящее здание и тяжело рухнул на землю под градом обломков, покрыта. Кабина пилота треснула при падении, и Форрикс стал поспешно пробираться через пылающие обломки, чтобы прикончить тварь.

Внутри кабины слабо шевелились какие-то тени; ветеран разрядил в командную рубку весь боезапас комбинированного болтера, а потом, когда тот опустел,

пүстил в дело тельтаган.

Возможность наконец расправиться с экипажем «Юре Дивину» вызвала у Форрикса радостный стех, но на какой-то миг он потерял цель из виду --- стена позади убитого чудовища обрушилась, погнав клубы пыли.

А когда пыль развеялась, вместе с ней исчезла и эйфория, охватившая Форрикса. Он обнаружил, что прямо на него устремлен гибельный взгляд второго «Нса».

--- Нет! --- прохрипел Форрикс.

Орудия титана взвыли, готовясь к залпу.

И точно в тот момент, когда Железный Воин нажал на спусковой крючок тельтагана, турболазеры и болтеры «Вулкан», установленные на титане, поразили цель.

На какое-то краткое мгновение Форрикс успел почувствовать боль и жестокое разочарование, а потом орудия «Дефенсор Фидеи» не оставили от него и следа.

Цитадель пала, и битва, которая

сопутствовала этому, наполняла Хонсю восторгом. Он бежал по улицам захваченной крепости, и воины как его собственного отряда, так и отряда Форрикса следовали за ним, выкрикивали его имя, и Темные Боги должны были это услышать.

Внезапно где-то слева загрохотала стрельба, и Хонсю повернул в ту сторону. Едва он завернул за угол, как увидел, что один из «Нес войны» повержен, а Форрикс собирается нанести последний удар по голове машины.

Но затем обрушилась стена, и из клубов дыма прямо перед Форриксом возник второй «Нес войны» — точная копия раненого титана. Орудия его выстрелили, и Форрикс исчез в фонтане крови и механических частей.

Смерть ветерана не вызвала в Хонсю ничего, кроме торжествующей радости. Кроагер куда-то исчез, Форрикс погиб — сегодня боги Хаоса явно благоволили ему.

Оставшийся «Нес войны» недолго наслаждался победой: с той же стороны, откуда пришел отряд Хонсю, слышались

тяжелые шаги, от которых рушились здания, и на месте сражения появился «Памер Мортис». Титан-разведчик, защищенный меньшим количеством пустотных щитов и более тонкой броней, не мог противостоять классу «Новелитель войны», и после первого же залпа по его корпусу прокатилась волна взрывов.

«Нес» покачнулся, и на какой-то момент Хонсю показалось, что случилось невероятное и вражеский титан уцелел; но затем голова машины скрылась в огромной силе взрыва, рубку охватило пламя, и «Нес» повалился на землю.

Довольно зарывав, Хонсю продолжил свой путь по улицам павшей крепости. Его защитники — деморализованные, сломленные — не оказывали сопротивления.

Наконец Хонсю достиг большой площади, на дальней стороне которой полукругом выстроилась жалкая группка Имперских Кулаков. Гордые и непреклонные, они обнажили мечи, прикрывая вход в пещеры, которые уходили вглубь гор.

При этом зрелище Хонсю растаял.

Встав во главе своей роты, он направился к этому последнему рубежу обороны, а в горячей тьме над их головами уже кружил Кузнец Войны. Он опустился на площадь, и катни мостовой зашипели, плаваясь под его шагами, как будто сама земля старалась отторгнуть заключенный в нем хаос. Тело Кузнеца постоянно менялось, словно не могло выбрать ни одно из миллиона возможных очертаний. Черные крылья за его спиной подрагивали, а поверхность доспеха стала более гладкой — более органической, похожей на панцирь насекомого.

Кузнец Войны кивнул Хонсю — уважительное приветствие одного воина другому.

— Пора с этим заканчивать, — прошипел командующий, и голос его звучал глухо и хрипло.

— Да, — отозвался Хонсю и пошел навстречу Имперским Кулакам, которых уже окружили Железные Воины.

Древние враги сошлись лицом к лицу, и вокруг все затерло. Площадь, озаряемая отсветами пожара, вдруг погрузилась в

мень: из развалин показался «Матер Мортис».

Наконец из кольца костических десантников вышел воин; едва он снял шлем, как Хонсю почувствовал всю глубину ненависти, которую Астартес испытывал к нему.

— Я брат-капитан Эшара из Имперских Кулаков, сын Рогала Дорна, солдат Императора и палач нечестивцев. Сразись со мной и умри, предатель.

Кузнец Войны повернулся к Эшаре, и Хонсю ухмыльнулся, заметив, какой эффект одно его присутствие оказывало на костического десантника. Лицо капитана исказила гримаса боли, а Кузнец уже метнулся вперед, заноса огромный топор для удара, который должен был раздробить врага надвое.

Скрестив мечи над головой, Эшара блокировал атаку, но не выдержал и рухнул на колени. Из его груди вырвался короткий стон, но он все равно сумел нанести ответный удар, который зацепил бок противника, и из раны хлынула черная кровь. А затем кулак Кузнеца врезался в

нагрүдник Эшары с сокрушительной силой, пробил доспех, и капитан упал.

Имперские Кулаки бросились в атаку, выкрикивая имя Розала Дорна, Железные Воины встретили их стрельбой, и битва началась. Но силы были неравны, и хотя Имперские Кулаки доблестно сражались, исход ее был предрешен.

Хонсю вознал свой клинок в очередной противника и с удивлением заметил, что Эшара, кашляя кровью, все-таки сумел подняться на ноги. Взревев, Кузнец Войны рубанул топором, и лезвие оружия, пробив наплечник Эшары, рассекло его тело от ключицы до паха, разрезая броню, как бумагу.

Эшара осел на мостовую, но все же сумел поднять голову, когда Кузнец, вложив топор в ножны, склонился, чтобы поднять поверженного врага.

— Слушай меня, сын Дорна, — прошипел он. — Я поглощу твое геносемя, а затем уничтожу тебя и весь твой род.

Кузнец Войны поднес стертельно раненного врага к лицу. П слышался страшный чавкающий звук, кровь хлынула

на дымящуюся землю, и Кузнец, отбросив
изуродованный труп, издал безудержный
рев удовольствия.

Даже Хонсю был шокирован этим
зрелищем: грудная полость трупа была
прогрызена насквозь, а органы исчезли в
утробе Кузнеца. Но мгновением позже он
отряхнул с себя оцепенение и встретился
вслед за командиром, который уже скрылся
в туннеле, уводявшем вглубь горы — к их
главной цели.

Леонид разбил стекло инкубационного
бака и отступил назад, глядя, как
атмическая жидкость выплескивается
на пол, а вместе с ней — и питаемые ею
плоды. Батарея его лагана давно села, и
приходилось использовать грубую силу. Он
двинулся к следующей капсуле, с ужасом
окидывая взглядом бесконечную пещеру
вперед. Ее дальняя сторона терялась во
тьме, и огромное пространство было
расчерчено широкими линиями проходов.
Один за другим тянулись ровные ряды
инкубационных емкостей, покрытых
тканью, пока не исчезали в темноте.

Теперь Леонид в полной мере осознал,

какую опасность таило в себе это место. Если хотя бы часть того, что сказал Наицин, была правдой, в этом хранилище хватило бы генетического материала, чтобы создать тысячи тысяч нечистых Воинов Хаоса. Одна мысль о том, что здесь начнется рождение подобных существ, внушала ужас.

Рабочие сервиторы, на плечах которых были установлены осветители, толча двигались по пещере, как точки света в море тьмы, и пещера эхом отзывалась на их рутинные перемещения. Сотни солдат участвовали в погроме, который был уготовлен хранилищу; они расстреливали, выжигали и разбивали все, до чего могли достать, но Леонид понимал, что это безнадежная затея. Хранилище было слишком велико. У них никак не успеть уничтожить все его содержимое до того, как сюда придут Железные Воины.

Но они все равно попробуют. Других вариантов не оставалось.

Хонсю и остальные Железные Воины следовали за Кузнецом Войны, который

мчался по уходявшему вниз коридору. У командир был словно одержим неумолимым голодом; так гончая идет по следу, учуяв кровь добычи. Все его тело пульсировало, как будто огромное сердце билось в бешеном темпе, как будто наружу из него рвался вихрь энергии, которая желала обрести форму.

Впереди слышался шум погрома, и Хонсю понял, что они приближаются к сокровищу, которое столь ревностно защищала эта цитадель. Коридор расширился и выровнялся, приведя их к тяжелым золотым дверям. По поверхности их створок пробежали всполохи зеленого света, а с другой стороны открывалась огромная пещера.

Возгласы и звук бьющегося стекла сменились тревожными криками — люди заметили приближение Железных Воинов. Несколько стельчаков рискнули встать на пути Кузнеца Войны, но не выдержали его приближения и упали, крича и корчась в агонии.

Железные Воины ринулись в пещеру, и звуки стрельбы эхом отразились от

стен. Последние защитники цитадели были безжалостно убиты.

Задержавшись у одной из разбитых инкубационных емкостей, Кузнец Войны извлек из обломков бесформенный кусок розовой, одутловатой плоти, лишь отдаленно похожей на человеческую. Мягкие, лишённые костей ткани генетического носителя стали пищей для Кузнеца, и Хонсю внезапно почувствовал, как по коже пробежал холодок, словно в воздухе начал собираться мощный электрический разряд.

Тем временем Кузнец перешел к следующей капсуле, чтобы пожрать и ее содержимое, после чего обернулся к Хонсю:

— Уничтожь их все.

Крепко сжав рукоять силового меча, Леонид пробирался обратно к входу в пещеру, и лицо его не выражало ничего, кроме жестокой решимости. Не было смысла и дальше уничтожать капсулы, они проиграли, и чувство поражения горькой тяжестью легло на сердце кастаньяна. Что ж, если это конец, то он не будет прятаться, а встретит смерть

лицом к лицу. У его людей не осталось боеприпасов, и схватки, вспыхивавшие тут и там, были свирепыми, но короткими.

Заслышав этот омерзительный чавкающий звук, он и еще около пятидесяти солдат двинулись к его источнику, напереваясь продать свои жизни как можно дороже. Но когда Леонид обошел последний ряд сочащихся жидкостью капсул и убрал, откуда исходит этот звук, то обращение заставило его отшатнуться назад.

Кузнец Войны воздел руки к потолку пещеры, переполненный силой, которую ему дало поглощенное геносемя. И пусть сила эта была скорее символической, чем материальной, она означала одно: он преуспел в задуманном, и теперь власть Темных Богов вливалась в их избранный сосуд, разрывала связи, удерживавшие его в смертном теле, и наделяла даром вечной жизни.

Доспехи спали с него, словно старая кожа: их материальная форма больше не соответствовала величественному творению Хаоса. Вокруг него закрутился

вихрь темной энергии, и от ее разрядов трескался рокристовый пол. Концентрация психической энергии нарастала, и Кузнец Войны начал увеличиваться в размерах. Его грудь всколыхнулась в спазмах, влеща в себя могущество Хаоса. Он знал, что рядом по-прежнему находятся его воины и имперские солдаты, но не мог отвлекаться на них --- нужно было сконцентрироваться на немых энергиях, переполнявших его, направить их по верному пути, который преобразит его тело в новый демонический облик.

Чувство небывалой силы охватило его, и Кузнец взревел одновременно от боли и восторга. Его тело еще больше увеличилось, раздулось, распираемое стихийным водоворотом.

Ребристый рог пробил его лобную кость, вырвавшись наружу в фонтане крови и обрывков тканей. Он шевелился, словно живое существо и, углубившись еще, обвил голову Кузнеца. Кожа его потемнела и покрылась отвратительной чешуей, а затем позвоночник его треснул, заставив Кузнеца заорать от боли, и сделался

глиннее, толще. Тени за его спиной сгустились и превратились в плотные черные крылья, огромные и мощные.

Их взмах поднял только что рожденного демон-принца над землей, и на глазах тех, кто с ужасом следил за его превращением, последние капли психической энергии оставили его тело в финальном взрыве силы.

Леонид знал, что утрат, но все равно бросился к парящему над землей демону, занеся меч для решительного удара. Но стоило существу взглянуть на него, как Кастелян упал на колени, не в силах сопротивляться его тошнотворной ауре. Телом демону служила сама тьма, и в кошмарных глубинах этой черноты мерцали огни далеких звезд и целых галактик. Леонид не мог даже смотреть на демона — столь сильно было вызываемое им отвращение, от которого изнутри сжимались в болезненных спазмах.

За первым приступом тошноты последовал второй, но желудок Леонида был пуст. Кастелян попытался встать, но

боль была невыносимой, как будто в животе у него проворачивался раскаленный нож. Такая же участь постигла и его солдат: никто не устоял на ногах, никто не справился с собственным телом, которое взбунтовалось под влиянием этой страшной силы.

Мука была такой, что Леонид заплакал; а демон-принц, возвышавшийся над ним, смеялся — смеялся чудовищным раскатыстым смехом, от которого по позвоночнику проносилась волна боли.

Леонид чувствовал, что теряет сознание, и сопротивлялся до последнего, но покой, который обещало небытие, был слишком соблазнительным, и он соскользнул в черноту.

Когда над горами показались первые лучи солнца, цитадель все еще горела. Мимо расплавленных остатков того, что раньше было Вратами Судьбы, на равнину потянулись колонны автоцистерн на гусеничном ходу. Эти цистерны были специально сконструированы для особого груза, который им предстояло везти: теплоизоляция и установки мгновенной

заморозки гарантировали, что бесценное
геносемя не пострадает во время
путешествия по империуму к Глазу
Ужаса и будет в сохранности доставлено
Абадгону Разорителю.

Павших в бою Железных Воинов уже
переправили на корабли, ждавшие на
орбите, и хирурги приступили к
извлечению органов для пересадки
следующему поколению. То, что осталось
от Форрикса, не удалось даже собрать; но
вот в блиндаже Кроагера бригада рабов,
занятая разбором осадных укреплений,
обнаружила полусгнивший труп. Это был
явно кто-то из Железных Воинов, если это
был сам Кроагер, кто же тогда возглавлял
шторм восточного бастиона?

Хонсю предполагал, что никогда не
узнает ответа на этот вопрос, но тут он
сильно ошибался.

Но пока он наблюдал, как цистерны
медленно ползут по изуродованной
сражениями равнине, что раскинулась
перед цитаделью. Удовлетворение от
победы отрачалось тем, что противника
больше нет, а значит, на этой планете не

бүдет новых битв.

Когда возвышение Кузнеца Войны до демоничества состоялось, Хонсю пал ниц перед демон-принцем, и с губ его, словно сажи собой, сорвались слова молитвы.

— Встань, Хонсю, — приказал ему демон, и когда тот подчинился, продолжил: — За последние века ты много раз радовал меня, сын мой. В тебе есть загадки величия, и я тщательно вращивал в тебе ненависть.

— Я живу лишь, чтобы служить вам, господин, — запинаясь, ответил Хонсю.

— Знаю. Но я также знаю, как сильно ты сам хочешь командовать, как сильно хочешь пройти тем же путем, по которому прошел я. Теперь я ясно вижу, что принесет будущее.

Демон, когда-то бывший Кузнецом Войны, приблизился к своему солдату, который почувствовал себя ничтожеством рядом с этим огромным созданием.

— Хонсю, ты станешь моим преемником. Только ты понимаешь, как важен Хаос и почему должен быть разрушен ложный Империя. Форрикс

давно утратил это понимание нашей судьбы, а Кроагер... Кроагер просто перестал задумываться о таких вещах. Я не дал тебе звание капитана, но вместо этого дал звание Кузнеца Войны.

Прежде чем Хонсю смог ответить, демон сложил черные как ночь крылья, и очертания его слились в сплошной сгусток тьмы.

— Сила варна призывает меня, Хонсю, и за этим зовом я должен последовать, но ты не сможешь отправиться со мной... пока.

Контуры демона затерцали, начали расплываться, и наконец существо исчезло, оставив эту материальную вселенную раги других миров, природу которых Хонсю не мог себе даже представить.

В слова демон-принца он тоже пока не мог поверить. Хонсю, прозванный полукровкой — теперь Кузнец Войны.

Он повернулся спиной к руинам цитадели и направился к горному краю, за которым лежал костопорт. По дороге он наблюдал колонну пленных в потрепанной голубой униформе, которых вели в порт

для погрузки на тюремные корабли.
Впереди их ждала жизнь рабов. Хонсю
заметил в толпе мужчину с бронзовым
нагрудником и погонами подполковника.
Измученное лицо его застыло, выражая
лишь беспросветную обреченность, и
Хонсю растеялся.

Он быстро обогнал колонну, пересек
контрвалационные линии, которые
Форрикс умело соорудил вокруг
костюпорта, прошел мимо тяжелых
транспортных челноков, которые
переправляли уцелевшие танки и
артиллерию на грузовые корабли.

На посадочных площадках было не
протолкнуться из-за скопления людей и
машин, готовящихся отбыть с Тигры
Коргатус.

Он пересек взлетные полосы и
направился к челноку, который ждал на
дальней посадочной площадке, держа
двигатели на холостом ходу. У входного
люка, больше похожего на зев пещеры,
несколько Железных Воинов замерли в
почетном карауле.

— Кузнец Войны, ваш шаттл готов, —

сказал один из них, склоняясь в поклоне.

Хонсю улыбнулся и, не оглядываясь, поднялся на борт челнока.

«Свет Мардохея», корабль Агентус Механикус, лег в дрейф на геосинхронной орбите над Гидрой Кордатус. Матовая черная поверхность его бортов и узкий, километровой глины корпус разительно отличались от неповоротливых образцов Имперского флота. Этот корабль был построен в расчете на скорость и скрытность.

Агенты Бога-Машины, облаченные в темные мантии, призраками скользили по пропахшему благовониями командному мостику, следя за работой загадочных приборов. В конце широкого нефа у командного алтаря стоял верховный магос Кузела Матрага. Он не отрывал взгляда от изображения на переднем обзорном экране: руины еще дымятся, но великой цитадели больше нет. Нет ее неприступных бастионов, нет высоких стен — остались лишь обломки, а бесценное геносемя украдено. Это была катастрофа немыслимых масштабов, и

последствия ее затронут самые высшие эшелоны власти на Марсе и Терре.

На пикт-планшете затерцал световой сигнал, и магос провел бронзовой рукой по рунам рядом с ним. На планшете сквозь сетку помех появилось изображение лица, затемненного капюшоном. Магос Сарфиан вышел на связь с поверхностью планеты.

--- Утак? --- спросил Матрага.

--- Вы были правы, верховный магос. Лабораториум пуст, геносемя исчезло.

--- Без остатка?

--- Совершенно, --- подтвердил Сарфиан.

--- Выжившие есть?

--- Нет, господин, только трупы. Количество обломков и сам масштаб разрушения позволяют судить, что битва была крайне ожесточенной.

--- Вы устранили все следы, указывающие на наш благословенный орден?

Сарфиан кивнул:

--- Пещеру очистили огнем, после чего были установлены мelta-заряды.

--- Очень хорошо. Возвращайтесь на корабль, и мы зачистим всю территорию с орбиты.

--- Да, господин, --- ответил Сарфуан.

Матрага отключил связь с Сарфуаном и вызвал офицера по вооружению. Да, случилась катастрофа, но он примет все меры, чтобы о ней никто никогда не узнал.

--- Введите координаты цели и готовьтесь стрелять по моей команде.

По скалистому склону брел гвардеец Хоук --- оголодавший, страдающий от жажды и ожогов второй степени. Он видел, как враги захватили цитадель, видел, как они расправились с теми, кто еще оставался в живых; в наступившей тьме кипела битва, а он ничего не мог сделать. Когда цитадель пала, неприятель отступил из долины и спешно отбыл с планеты, продемонстрировав при этом такой же высокий уровень организации, как и в начале осады.

Никогда в жизни Хоук еще не чувствовал себя таким одиноким. После того, как ушла армия неприятеля,

воцарилась тревожная тишина. Стих постоянный грохот артиллерии и взрывов, утолкли далекие крики людей, гибнущих в бою. Только сейчас, когда шум исчез, Хоук понял, насколько вездесущим он был.

Ничто не шевелилось на равнине внизу, и Хоук решил, что с него хватит. Ему удалось забрать несколько продовольственных пайков, годных к употреблению, из жилых помещений в торпедном комплексе. Там же нашлось немного гидратирующих капсул и, к счастью, таблетки детокса. Когда сражение закончилось, он начал долгий путь вниз, в долину — костлявая развалина, с ног до головы перемазанная в пыли и крови, которая не шла, а шаталась. Он не знал, что будет делать в долине, но знал, что это лучше, чем оставаться в горах.

Он увидел корабль на третий день пути, когда отдыхал в тени огромного валуна. Корабль пролетел низко над долиной и исчез, заходя на посадку где-то за разрушенными стенами цитадели.

Хоук понимал, что расстояние

слишком большое, но все равно кричал, пока не охрип. Он карабкался вниз по склону, не думая, что до цитадели почти день пути, и вскоре дыхание его сбилось, силы иссякли, а голова начала раскалываться от боли.

Когда он пришел в себя, то вновь пустился в путь, преисполненный решимости. Еще пять часов он шел по опасным, крутым склонам, а затем снова услышал вой двигателей.

На глазах у Хоука корабль тяжело поднялся над далекой цитаделью и устретился в алые небеса.

--- О нет, --- простонал он. --- Нет, нет, поворачивай обратно, паршивец! Вернись, ну вернись же!

Но экипаж корабля не услышал его мольбы и стартовал ввысь, оставив в небе огненный росчерк. Хоук упал на колени и заплакал, проклиная того, кто управлял этим судном.

В надежде, что корабль вернется, он встатривался в небо, которое внезапно наполнилось нестерпимо ярким светом от первого залпа орбитальных лэнс-

излучателей. Луч энергии пронзил все слои атмосферы и ударил в цитадель.

Над руинами цитадели вырос гриб взрыва, и Хоук резко выпрямился. Он попытался, неловко двигаясь по склону, а с неба уже падал целый каскад световых лучей, от которых разрушенная крепость утонула в ослепительном сиянии.

Обстрел продолжался три часа, и все это время Хоук не отводил глаз от ужасного зрелища. Когда все закончилось, от цитадели не осталось и следа. Тогда он завалился на бок и закрыл глаза, раздавленный переживаниями последних недель. Ему никогда не выбраться с этой планеты.

Хоук еще крепче зажмурился, лег на спину и позволил усталости наконец взять свое.

Он пришел в себя оттого, что кто-то грубо встряхнул его, а потом поднял на ноги. Попытался открыть глаза, но веки слиплись под коркой пыли. Он смог различить лишь размытые контуры людей в желтом, которые выкрикивали какие-то вопросы. Две фигуры

поддерживали его, не давая упасть, а настойчивый голос требовал ответа.

--- Что?.. --- невнятно переспросил Хоук.

--- Как вас зовут? --- повторил голос.

--- Хоук, --- выдал он. --- Гвардеец Хоук, личный номер 25031971. А вы кто еще такой?

--- Сержант Вертаас с «Юстиции Фидес», ударного крейсера Имперских Кулаков, --- сообщил голос.

Он почувствовал, как чьи-то руки вытаскивают армейские жетоны из-за ворота его шинели, и моргнул. По обе стороны от него стояли гиганты в желтых силовых доспехах, третий, не носивший шлема, стоял прямо перед ним. Даже плохо соображая от безмерной усталости, Хоук узнал в них костических десантников и заплакал от облегчения, когда увидел за их спинами угловатые очертания «Грозового ястреба».

--- Где капитан Эшара? --- требовательно спросил Вертаас.

--- Кто?

--- Брат-капитан Аларик Эшара.

командир Третьей роты Имперских
Кулаков.

--- Никогда о таком не слышал, ---
признался Хоук.

Вертаас кивнул двоим десантникам,
и Хоука препроводили к кораблю.

--- Куда вы меня везете? ---
поинтересовался он.

--- Домой, солдат, --- ответил
сержант Вертаас.

Хоук улыбнулся и поднялся на борт
«Грозового ястреба».

notes

Контрвалационная линия --- линия непрерывных укреплений, которые возводят осаждающие, чтобы обезопасить себя от вылазок противника.

Эскалада --- преодоление стен
крепости во время штурма.

Берма --- уступ или горизонтальная полоса земли на откосе, придающая ему устойчивость.

Контргарг --- укрепление,
расположенное перед фасадами бастиона.

Контрэскарп --- препятствие в виде крутого искусственного откоса.

Отсылка на слова Ахава из романа
«Моби Дик» Г. Мелвилла, гл. 36. (прим.
пер.)

Анфилажный огонь --- стрельба по направлению фасов укрепления, продольный огонь.

Эспланада --- свободное пространство
внутри крепости.

Мины --- подземные работы по сооружению т. н. минных галерей, которые идут под фундамент фортификационных сооружений.